

Юри Мэттью Рюнто

РУДИ
НУРИЕВ
БЕЗ
МАКИЯЖА

Новости

Москва, 1995

ББК 84.8 (8 Австр.)

Р 97

По вопросам оптовой закупки книг АО „Издательство «Новости»“ обращаться по телефонам (095) 265-50-53 и 265-56-62.

© Ю.М.Рюнтию, автор текста, 1995

© П.А.Борисов, оформление, 1995

© АО „Издательство «Новости»“, 1995

Семи братьям Уоллэс из
маленького провинциального
городка Мурвиллумбах на
востоке Австралии, где было
суждено начать это

ВСТУПЛЕНИЕ

Кто подменяет собой Бога сегодня? Неужели до сих пор у Вас где-то таятся злоба и ненависть к миллионам заживо погребенных в нашем веке?

Евреев, цыган и голубых жгли в печах
крематориев как второсортных граждан.
Евреев убивали за «ошибочную» религию!

Кто следующий за ними?
Цыган — за «отсутствие» паспорта!
Кто следующий за ними?
Голубых — за «ошибочную» сексуальность!

Кто следующий за ними?
Не раз случалось, что кровожадность и
человеконенавистничество побеждали любовь к
ближнему.

Прости Вас Бог!
Не надо менять то, что создано без Вашего
ведома и незнакомо Вам как человеколюбивый
промысел Бога.

Кровь на человеческих руках
не приносит счастья.

1. УТАЕННЫЕ ПИСЬМА

— Он влюбился в меня.

— Как это. Мужчина?

— Почему нет? Разве он не человеческое существо? Или человеческие существа не имеют права выбирать, кого любить.

Женщину, мужчину, Кошку или. БОГА?

Патрик Уайт «ВИВИСЕКТОР»

Я долго спал. Неужели и впрямь? «Сон раскрывает природу вещей», — утверждает Зигмунд Фрейд. Не поэтому ли каждый из нас просыпается однажды всерьез?

Он стоит перед глазами. Я помню слово в слово, что сказано им. Та встреча изменила мою судьбу. Я не смог отстраниться от такого человека.

Это обрушилось необычно и настораживающе. Я не искал ответа, как и не понимал его вопросов. Патрик был так стар... Я отказывался видеть в нем страсти, которые должны будоражить его тело. Я не умел любить мужчин. В них не было для меня тайны. Все на одно лицо.

Я открыл их секреты. Я узнал их похотливые желания. Все крутилось вокруг одного и того же. У нас была одна сексуальность. Мы возбуждались от одного и того же и отгорали одновременно, как бы сразу. У всех было одно и то же. Такой же была и моя жизнь.

Все было просто и ясно. Моя тоска по женскому телу проснулась с отрочества. Половая зрелость однажды обожгла и превратилась в сексуальный голод... Патрик был не как все.

Различия же в полуверк не могли и подавно сблизить нас. К тому же он был сух, незряч и говорлив. Это не нравилось мне. Разве он не все высказал за свою нелегкую жизнь? Мой вопрос был справедлив для него. Ответов было много. Я прислушался к себе и осознал главное. Сердце подсказывало мне то, чего не замечали глаза. Секрет в руки дался не сразу. Я выходил ответ в Гималаиах.

Тайный шепот истины настиг меня в ночь под Рождество. Я принял то, чего не должен был знать. Все было просто. Гений родился не в том месте. Он истратил свою жизнь в веке, где его никто не ждал. Лишь его непривычная сексуальность будоражила бесталанных залистников. Это и только это выставлялось напоказ. К его же мастерству современники были безразличны. То был заговор циничных молчунов, прикинувшихся слепыми. Они не прощали себя за собственное лицемерие в оценках его незаурядности.

Его изобретательство и литературные открытия были вызовом для всеобщей рутинды в мозгах. Он постоянно вбивал кол в глазницу бройлерной обывательщины. Беспредел в примитивности устремлений, что рождены суетой и цинизмом, раздражал его. Страна чудес была больна. Австралия, вскормленная Золотыми лихорадками, виделась ему болотом, где самодурство и чванство затмили райские картины тропической природы. Гедонизм правил молодой нацией овцеводов, золотоискателей и землепашцев. Интеллектуальностью не пахло. Ее запах настойчиво выветривался через иммиграционные дыры посольств.

Самосознание буржуа тонуло в фантазиях политиков, феминисток и янки. Их жизнь текла между поливками газонов и лужаек, стенами кухонь, уютными гостинными, гаражами, машинами и бассейнами. Здесь не было мечты, которая рвалась объехать мир и открыть другие миры и неизвестные цивилизации. Они любили видеть в себе бескрылых счастливчиков. Это был куриный самогипноз.

Сытые жили в банановой стране, восхищались собой. Они любили зелень: зелень в душе, зелень в мыслях, зелень в поступках. Они не хотели ничего иного, кроме жизни среди банановых забав. Зрелость не грозила нации кутил. Безбрежный океан ласково грел их души, нагонял душную сонливость.

Куски же земли, которые в трудах вырвали у судьбы деды и прадеды, дорожали от полувека к полувеку. Обреченностъ на богатство отравляла разум. Это делало наследников мягче пластилина. Отсюда у австралийцев и нет цели бороться за место под солнцем. И нет страсти к овладению тайнами наук в университетах. Здесь упорно и долго учатся лишь азиаты, которые дарят наивысшие достижения медицины и науки Английской короне. Коренных австралийцев нет среди нынешних докторов наук, музыкантов, судей и врачей.

Австралиец четвертого и пятого поколений стремится к приятному времяпрепровождению, млеет на пляжах и ищет многосексуальных партнеров. Его жизнь сгорает в пивных беседах ни о чем. О Патрик... кто мог принять твои честность и откровенные мысли о ежедневном прозябанье?

Сплетни и хула были всеобщей местью за твоей спиной! Спорил ли он, тот далекий Патрик? Нет и нет Уайт написал об этом полвека назад. Он смог опубликоваться в Америке. Он стоял в стороне от грязной возни. Он верил, что благополучие рождает духовный паралич.

Разве безволие души и тела не есть не что иное, как расплата за ожидание похорон своих близких?

Он видел ежедневно, что современники ничего не желают делать в жизни только и только из-за этого. Уже с двадцатилетнего возраста они начинают подсчитывать то, что им обязательно оставят отцы и матери. А сколько сотен тысяч это будет стоить? Да и зачем тяжело работать? Ясно же, что все мыслимое и немыслимое, что можно заработать и сберечь за тридцать лет, будет меньше, чем будущая рыночная цена за пра-

дедову землю. А разве не так же поступали и не того же ждали их матери и отцы?

На все это Уайт указал пальцем. Именно здесь зло и генеалогические корни лентяев и оболтусов из бесчисленных пивницек. Провинциальная Австралия Патрика Уайта!

Он прав, тот Уайт полувековой давности, и тысячи раз прав во всем! Такой была и остается правда о безмятежной и тоскливой безжизненности в Мельбурне и Сиднее по сей день. Ничто не меняется в банановой стране

Я умолк. Я сказал все. Я превратился в саму тишину. Я опустил глаза. Нет, он был мне не нужен со своими словами. Я узнал о нем из его книг. Я читал его книги не спеша.

Я остановился. Я выплеснул ему в лицо его же слова. Вот и сейчас вижу, как он, бледный и осунувшийся, опустил свои длинные пальцы между сухих колен и заплакал.

Это были слезы, полные уксуса и соли. Это стало причастием, что он принял из моих губ. Это было то, что я знал до него.

Мы были заодно. Никто не говорил этого раньше. Я думал, как и он. Я узрел это, едва появившись в его Австралии, где судьба его была близка к завершению...

— Я понял, что запал в твою жизнь, как оброненный на пол пенс из ярмарочного пудинга. А была ли твоя жизнь праздником? — спросил я, желая заглянуть в его душу

Он вздрогнул, будто от электрического удара. Его руки вибрировали. Нет, то была не дрожь. Кожа на скулах покрылась буграми. Еще минута, и он подскочил вверх, как футбольный мяч. Его глаза широко раскрылись. Они были как два горизонта. Моя душа вошла в раскрытые двери его зрачков.

— Боль! Какая боль! Оставь меня, Патрик. Я сам по себе. Я боюсь твоей жизни и судьбы.

Мои веки хлопнули громко, как разбитые ставни в пустом доме от порыва урагана. Я закрыл глаза.

— Ты должен рассказать миру о любовниках в голубом! Разве не так, Юри? А главное — о твоем русском земляке Руди Нуриеве. Поживем увидим... Впрочем, только русский может написать лучше всех о своем русском. Ты русский: вот и пиши!

Это опустило меня на землю. Я притаился и замер, как птица.

— ...Я вижу, ты крепкий орешек. Ты невероятно талантлив, русский бродяга! Вот ты кто! — опустил он мои руки на свои колени. — Уже полгода, как ты эмигрировал в зеленый АД. Австралию.

Патрик прикоснулся к моим губам и глубоко заглянул в глубь моих глаз. Мое тело сопротивлялось. Моя кожа дрожала, как натянутый тент. Я безнадежно тонул в его зрачках, боялся признаться в своей привязанности к нему. Это было взаимопрятяжение.

Что еще могло быть? О да! Сопротивление... Но последнее невозможно! Оно могло бы расколоть того и другого в магнитную пыль.

Все было взаимно, навсегда. За нас все решили наши души. Согласие родилось как огонь, что плавит лед самоотстраненности. Разница в возрасте, жизненный опыт? Все перешло в прах. Мы были двойниками.

Любил ли я его? Не знаю точно. Одно я запомнил — ого! очень жаден, сексуальный голод!

Его поцелуй был жаден, очень жаден. Он сказал, что это для него словно глоток свежего воздуха... Писатель был противоречив, как и всякий гений.

Господин и раб жили в душе. Они были глина и перья, склеенные слюной трудолюбивой птицы, в сказочной красоте гнезда. Самой же птицей он не был. Он никого не искал и ни за кем не гонялся. Птица лишь жила в клетке его души. Он пел и говорил ее голосом. В конце концов она победила его. Он стал голубой птицей... гением.

Отсюда шли его непоседливость, неожиданность поступков, непредсказуемость в отношениях с людьми. Гений был, как говорят, не от мира сего.

Не потому ли он и подглядел это мироздание лучше других? Как это только возможно со стороны... С высоты птицы. Он познал правдивый цвет всечеловеческой души в своей откровенной наготе... греховности нашего познания. И не имя ли тому — индиго в голубом ореоле сексуальности?

Сейчас меня душат слезы...

У меня разрывается сердце, но что я могу сделать с тленом и смертью, которые разделили нас на время? Как это было давно... Как давно?

Впрочем, откуда взялся сам Руди?

О нем я узнал много позднее. Сегодня же и здесь шел лишь 1981-й. Эти страницы и есть память о нашей первой встрече, а написанное здесь — память о Патрике УАЙТЕ, моем друге, изменившем мою судьбу.

2. ПАТРИК

Шло время, я знал Патрика уже пять лет, начиная с 1981-го. Я жил все там же, на Рэндвике, со стороны улицы Вентворз. Нашим любимым занятием было проводить закатные часы на траве столетнего парка, что через дорогу от моего дома.

Патрик видел все вокруг без бубенчиков, шумных погремушек и нелепых украшений. Его зрачки не знали фальши. Их не отуплял обман. Его язык был точен, как скальпель хирурга.

Да, так прошло пять лет, и в один из вечеров он позвонил и потребовал прийти к нашему пруду. Я подошел.

Он сидел в привычной позе на скамейке. Я не узнал его. То не был мой Патрик. Его фигура окаменела, лицо сделалось землисто-серым, а голос назойливо дрожал. Слова были надтреснуто-скорбны. Он был устал и разбит. Исчезло то душевное равновесие, которое так восхищало меня.

Неделя без наших встреч превратила его в озлобленного ворчуна.

— Что с тобой? — хрипло прошептал я, не понимая, зачем он протягивает мне увесистый сверток.

— Ничего, просто я, бля, в этом году... скоро умру! — Казалось, он не говорит, а стонет.

— Ну, а все-таки? Я же знаю, смерть тебе безразлична. Ведь только Рождество, и год еще впереди! Бог с тобой, дружище!

— Просто-напросто он опять наседает на меня со своей мерзкой книгой! Гадкий кот Давид Марр просит у меня письма. Он пишет мою биографию. Без, бля, моего на то разрешения... И против, бля, моей воли. Враги снова и снова закалывают меня живьем. Они хотят моей смерти! Эта книга о моей гомосексуальности, а потому она торопит мою смерть. Это... мой могильный камень! — разрыдался он, обняв меня.

Не прошло и десяти минут, как он убежал к дому, где Ласкарис ждал его в такси. Они уезжали в театр на оперу «Восп».

Так в моих руках остались письма. Он знал, что не устоит и отдаст их врагу — тележурналисту-биографу. А значит, Ласкарис узнает о них до его смерти. Это было бы страшно!

Патрик не мог утешить или ранить своего друга, пока он сам жив. Каждый знал, что его жизнь на закате.

Патрик был уверен, что больница его угробит, как и случилось. Он предрекал, что врачи залечат его до реанимационной палаты, но не дадут умереть единственному в Австралии нобелевскому лауреату по литературе. Он панически боялся психотропных лекарств, которые ограбят его память и прикуют навечно к креслу-каталке.

Что я мог? Очень немногое.

Я обещал сберечь все письма. Патрик Уайт умер в 1990-м. Писем было сорок девять. Их и осталось сорок девять.

Я распечатал письма лишь тогда, когда больной Нуриев возвратился в Париж из нью-йоркской клиники

для больных спидом. Я понял, что он умирает у себя дома на набережной Вольтера. Мне стало грустно. Все, что увидел я, то и увидел.

Все письма в голубом. Они все в голубом, голубом... индиго. Только в индиго... расставания.

Я обещал Патрику опубликовать их после выхода книги Марра, но не раньше, чем после смерти его русского друга, гениального танцовщика.

Я начал ждать горя, и это случилось в 1992-м. Руди лег в землю. Время шло... К первой годовщине со дня смерти Руди Нуриева написана эта книга.

Что я написал, то и написал. Так хотел он. Здесь Нуриев и только сам Нуриев. Здесь нет его мумифицированной тени. Здесь все о его душе, человеческой природе и животных страстиах.

Здесь реквием в траурном индиго.

Я читаю как молитву:

— О Патрик, я помню свое обещание. Нуриевские письма к тебе я пересказываю вслух. Это то самое, что не видел Давид Мэрр.

Это то самое, что утаено от Маноли Ласкариса.

Итак, это голубой Руди Нуриев в индиго.

Итак, это Руди Нуриев в сорока девяти письмах.

Итак, это Руди и его любовники.

Итак, это Руди как машина любви — молотилка сердец.

Итак, это — это? Это то русское, что увез в Россию из Австралии случайный дружок Патрика Уайта.

А может быть, это то, что помогает понять другое? Что Руди Нуриев был лишь Р. Н. для многих его друзей, как видно из писем. Да и чего теперь об этом...

Ничто не мешало его долгой, счастливой и крайне удачной балетной карьере. Среди двадцати двух с половиной тысяч писем Патрика Уайта из коллекции Национальной библиотеки в Канберре об этом нет ничего.

Здесь же есть то, что спрятал Патрик для меня. Я выполнил долг и сдержал слово. Русское возвратилось домой. Русское должно жить в России.

Итак, голубой Патрик! Итак, голубой Руди!

Привет, Патрик! Счастливого возвращения домой, Руди!

Веришь ли ты в это, Руди... у нас на родине... в России?

России... недоброй к тебе, к нему и ко мне.

России... нетерпимой ко мне, к нему и к тебе.

Аминь... Мы опять дома.

3. СТИВИ

Вечер. Полутемная набережная Вольтера. Безлюдно.

Из-за плеча легкий и осторожный голос. Слышу: «Добрый вечер!» и «Как дела?». Оборачиваюсь.

Вижу прекрасные темные глаза.

— Я Стивен, — говорит он.

Мы идем вместе шаг в шаг. Говорим о чем-то случайном.

Друг на друга не смотрим.

Напряженно вслушиваемся в голоса друг друга.

Я чувствую: мы нравимся друг другу.

Это настолько ясно, насколько язык бесполезен. Паузы между словами говорят сами за себя.

Никто не перебивает друг друга.

Никто не придает значения сказанному.

Да, это то, что возникает между двумя мужчинами, если они бесконечно одиноки. Случайная близость объединяется общим чувством. Рождается ли при этом любовь? Никто не знает. Ответ бестолков и глуп, даже если и можно его найти.

Физическое притяжение распирает меня. Я перестаю дышать и замолкаю на полуслове. Я глубже и тоньше чувствую его. Между нами много общего и невысказанного. И если, если только он спросит... О, как я хочу этого вопроса! Видит Бог, я лягу в его постель, очертя голову, с поспешностью ветра.

Все эти мысли бегут вперемежку в моей голове. Это останавливает сердце и заставляет жадно заглатывать воздух. Я совершенно оглушен своим волнением. От такой неожиданности я буквально слепну. Но вопроса нет.

Стивен молчит и нервно курит. Его пальцы дрожат от напряжения. Я говорю что-то невпопад. Прикасаясь рукой к его спине. Хочется ли ему что-то сказать? Я не знаю.

Он торопится. Он опережает меня на несколько шагов.

— Неужели я не прав? — думаю вслух.

Он стремительно поворачивается ко мне. Встал.

Я широко раскрываю глаза в ответ на его вопрос о чашке кофе. Его зрачки смотрят на меня с жадностью. Я читаю в них испуг потерять меня. Да, да, он хочет моего тела! Мои губы кусают язык.

— Да, я готов. — Торопливо целую его.

Мне нечего сказать. Да и что я могу еще добавить? Его лицо светится в самодовольной улыбке. Нет-нет. Здесь нет двусмысленности, еще один кобель перебежал ему дорогу. Похотливое томление от ожидания истомы и неги будоражит его тело. Все хорошо знакомо. Все очень просто. Я для него такой же, как все до меня. Он развязно меня обнимает.

Мы невольно торопимся. Куда? Как далеко? Зачем? Ответа нет. Пустые, слепые слова не нужны нам.

Мы уже на кухне. Несколько фраз. Немного сахара в кофе.

Кофе обжигает пальцы. Я вскрикиваю от неожиданности. Он поворачивает голову. Его холодные губы касаются моих покрасневших пальцев. Он задрожал.

Его тело натянуто как струна. Я боюсь его ласки. Он пугает своей настороженностью.

В постели тепло от нашего дыхания. Сексуальное чувство великолепно. Мы обмениваемся поцелуями в шею. Я сжимаю его плечи. Мое тело дрожит. Неожиданно до боли сводит пальцы ног.

Я не знаю, как это случилось. Мы любим друг друга. Я прошу называть меня Матт.

В ответ получаю: «Зови меня Стиви. Так любит кликать меня мам».

Что это, Стиви? Любовь? Случайная привязанность? Слепая животная необходимость?

Неизвестно. Мы засыпаем. Неожиданно? Нет, ведь уже два часа ночи.

«Это был прекрасный день», — проносится в моей голове.

— Да, — слышу я, — потому что ты со мной. Ведь уже несколько месяцев я один, с тех пор как меня перевели на новую работу из Сиднея. Ты знаешь, как это бывает? Работа в Эй-би-си... Би-би-си.

Я смираю веки и мгновенно просыпаюсь вновь. Предчувствие верно. Он смотрит на меня не мигая. Мы неловко целуемся в губы. На душе легко и беззаботно.

— Новый день прекрасен, — повторяет он снова и снова.

Я верю ему. Я соглашаюсь безмолвно. Ведь он прав. Я с ним, а он со мной. И он больше не один.

Мы вместе, каждый верит в судьбу. Но никто не говорит об этом. Мы думаем об этом порознь. Видит Бог, так надо. И как же это хорошо!

Я счастлив. Мы все-таки нашли друг друга среди повседневной суэты. Я люблю тебя, Стивен Уоллес.

4. МАТВЕЙ

До моего перекрестка не более получаса ходьбы. Иду не спеша. Дома меня никто не ждет. Ведь Марго недавно уехала, и это перевернуло весь мой день вверх дном. Уже с утра я мучаюсь от предчувствия, что не увижу ее никогда. Все мои мысли заняты этим и только этим.

Неожиданно для себя начинаю напевать модную мелодию. Неизвестно почему она прилипла ко мне. Глу-

по, что я никак не могу от нее отделаться. Это раздражает. Странно, но на душе стало немножко легче. Я вновь почувствовал свое тело, поеживаясь от холода.

Я начинаю замечать, что вокруг довольно темно. Но вот уже и виден мост. Это хорошо. Значит, десять минут — и я в тепле. Интересно, что осталось на ужин в холодильнике? Нет, ничего не хочу.

Мои мысли неожиданно обрываются: высокий мужчина стремительно проходит мимо. Я вскидываю голову и долго смотрю ему вслед. «И что это я обратил на него внимание? — спрашиваю себя. — Разве я не хожу целый день, ослепнув от горя?»

О Марго, Марго, я так привязан к тебе... Но... что это? Почему снова и снова я настойчиво ищу его глазами?

«Да это же просто твой запах», — подсказывает память. «Обычный одеколон после бритья», — добавляет внутренний голос.

— Я никогда не чувствовал этого так остро, — возражаю я им вслух.

Но только ли запах? Может быть, еще что-то? Тогда что же? Я неотрывно продолжаю следить, как мужчина удаляется.

Вот его уже и нет. Всего несколько метров, а из-за тумана ничего не видно.

Сердце опять защемило. Любая мысль о Марго — физическая боль.

И что я буду делать без нее?! Ведь мы так близки, и я не мыслю часа без ее любви. В этой глухой дыре и пойти некуда. Совсем некуда, без нее...

«И сейчас ты идешь от остановки, где она недавно села в автобус», — скрипит внутренний голос.

Мне нечего возразить. Он прав. И от этого еще тоскливее... Я совершенно потерял. Все вокруг гадко и скверно.

Но почему, почему этот запах опять? Откуда такое наваждение? Я поднимаю голову — он в двух шагах. Почему я догнал его? Как это случилось? Я ли неосо-

знанию торопился? Или... или он стоял и ждал меня?
Ясно, он не ждал. Да и зачем?

Мы поравнялись. Он что-то говорит. Луна высвечивает его лицо на мгновение.

— Я Руди... — произношу в ответ и умолкаю.

Ах, почему я перестаю узнавать свой голос? Что это со мной? Я ничего не могу сказать. Я заглядываю в его глаза глубже и глубже. Я уже где-то видел их.

Я замер. Ноги не слушаются меня. Тело окаменело. Дыхание остановилось. Мои губы ссохлись.

Я делаю невероятное усилие над собой. Медленно отворачиваюсь, стараясь закрыть глаза. Это помогает мне справиться с собой.

— Все ясно как белый день. Ты влюблен опять, — растерянно шепчу себе под нос.

Мочки ушей пылают огнем. Я чувствую это всем своим нутром. Да, это то самое! Я хорошо знаю себя...

Я стараюсь идти в ногу с ним. Сознание возвращается ко мне неохотно. Я начинаю понимать, что он иностранец. В его речи есть какой-то немецкий акцент. Я спрашиваю об этом.

Он кивает в ответ.

Ко мне наконец возвращается голос. Рот полон слюны. Я начинаю чувствовать язык. Я выдавливаю из себя комплимент Лондону.

— Да, ты прав, Руди, — смущенно подтверждает он.

Он втягивает голову в плечи. Похоже, он считает мои шаги. Он перестает смотреть на меня. И я чувствую, что начинаю его терять.

— Ты смертельно одинок, как и я, — говорю я ему напрямик.

— Да, — стремительно соглашается он.

Мой взгляд прикован к нему. Мне все в нем интересно. Я рассматриваю его руки: они очень длинные, как и мои. Я ощущаю магнетизм его длинных пальцев. Его тонкая молочная кожа вызывает у меня восторг и опьянение.

Мое сердце учащенно стучит. Я уверен, что-то неизменно должно случиться между нами. Да, это будет вот-вот.

Эти мысли бегут в голове, как секундные стрелки.

Да, прямо сейчас. Да, немедленно... Да-тик, да-тик-так.

Я почему-то знаю: это то, что перетряхнет всю мою жизнь. Но ничего нет. Совсем ничего. Он бледен, молчит. Его дыхание становится глупше и глупше.

Наши движения все более и более напряжены. Его скованность передается мне.

Но что это?

Да, я прав. Конечно, я прав. Я всегда прав...

Он круто поворачивается всем телом.

Я замер. Абсолютная тишина. Все умерло вокруг нас. Я слышу, как хрустнули его суставы.

О, как я ждал этого! И это случилось.

Я начинаю слышать стук его сердца. Время остановилось. Он долго-долго смотрит мне в глаза. Я не могу оторваться от его взгляда. Я бессилен противостоять ему.

— Пусть, пусть это длится до конца света, — шепчу молитвенно.

Его взгляд пронизывает все мое тело.

Против воли я начинаю бояться за себя. Меня пугает глубина моей привязанности к нему. Я перестаю доверять себе. В ответ на это мое тело начинает содрогаться. Сексуальный порыв взрывает меня.

Я хочу его. Я сам себя не узнаю. Что мне делать со своей гордостью? Я должен бежать от него сломя голову.

Я ищу спасения от себя.

Спасения же нет, есть только то, что я хочу его. Какая там гордость! Я гоню ее вон...

Мои пальцы бесчувственны. Они беспорядочно рогутся в карманах.

«Вух!» — улыбаюсь про себя.

Да, да, я спасен! Моя находка — коробка «Мальборо». Она прыгает у меня в руках, как теннисный мяч. Он молча зажигает спичку. Я остолбенел.

Его зрачки расширены. Глаза искрятся. Я сражен еще больше. Я потрясен. Невероятное открытие: они зеленые. Бог ты мой! Я никогда не видел такого чуда. Зеленые, настоящие зеленые глаза...

«Нет, ты видел уже», — настаивает на своем память. «Где раньше, где я мог видеть?» — спрашиваю себя.

Конечно, конечно! Я видел это очень давно в деревне, где осталось мое детство...

Да, именно так и только так мерцает небо над Уфой перед закатом. Но это лишь несколько минут, когда солнце уже зашло за деревья. И лишь когда последние лучи слегка скользят по вершинам холмов. А здесь, здесь эти глаза светятся бесконечно. Я даже могу потрогать их! Боже, я люблю его!

Но почему я так испуган? Почему я боюсь признать новую любовь? Не потому ли, что их было много в моей жизни?

Конечно да! Я не хочу быть искренним с ним. Мой эгоизм сберегал меня не раз. Я благодарен и молюсь на него за это. Паника подгоняет меня.

Хочу ли я этого? Не знаю. Бегу от него и шепчу: «Помоги мне, Бог, спрятаться от самого себя». Я чувствую спиной, что он отстал от меня.

Но что это?

Ноги перестают меня слушаться. Я брезвально замедляю шаг, позволяя ему догнать себя.

Его рука трепещет на моем затылке. Я вздрагиваю: откуда эта безысходность?

Его язык касается моих волос. Это удар электрического тока. Волна невысказанной нежности захлестывает меня. Его внутренняя энергия разрядилась во мне.

Дым душит меня. Я не могу больше курить. Я задыхаюсь, выплевываю сигарету. Кровь ударяет в виски. В ушах грохот и гул: игра с самим собой не получается!

Понимаю, что смешон и жалок. Я все еще стараюсь казаться бесчувственным. Стою как вкопанный посреди улицы.

Сквозь пелену перед глазами хриплю путано:

— Хотел бы ты ко мне в постель?

— Да, — суетливо отвечает он.

Я облегченно вздыхаю: это и есть мое спасение.

«Он будет у меня, он мой!» — говорю себе твердо с уверенностью охотника.

«Ах, что ты наделал? Зачем ты позвал его? — перебивает меня ревниво внутренний голос. — Не живи в миражах!» Я превращаюсь в невидимку.

Смешанные чувства убивают меня. Ноги ватные. Неизвестно как, но они несут меня через мост.

«Видит Бог, это моя ошибка», — твержу себе снова и снова.

Вот мы и дома. Тихо. Домработница уехала за город. Кофе готов. Моя любимая чашка ему по душе. Я улыбаюсь и иду к мертвому телевизору.

Его вскрик останавливает меня. На его щеке слеза. Чашка разбита. Я не успел заметить, как это случилось.

Я бросаюсь к нему. Я умышленно стараюсь делать это не быстро... медленно-медленно, как в замедленной киносъемке. Из этого притворства ничего не выходит.

Страсти бурлят во мне вулканически. Я теряю контроль над собой. Я лечу как птица.

Моя неискренность обманула меня еще раз. Зачем такое снова и снова?

Его пальцы на моих губах. Я по-собачьи облизываю их. Его глаза полны боли от ожога. В нос ударяет запах губной помады. Я растворился в нем. Меня уже здесь нет.

Кофе забыт.

Я знаю, что Матвей — мой лучший любовник. Его пружинистое тело натянуто от возбуждения. Мускулистые руки сжимают меня в объятиях, которые сводят меня с ума. Я начинаю верить, что это первая настоящая любовь. Мне хочется рыдать.

— Как давно я ждал этого! Сколько лет пропало...
Как долго я шел навстречу тебе! Никто и ничего не в
силах нас разлучить, — опять и опять повторяю я.

— Я больше не боюсь себя. Я сам по себе. Он сам по
себе. Мы вместе: я и он, — говорит он сквозь сон.

Я поправляю наше одеяло и оставляю его на минуту.
Иду в туалет. По пути включаю телевизор.

Ужасающая новость. Тот самый автобус, автобус с
Марго, разбился, и пассажиры погибли.

Я возвращаюсь к нему.

Мои горькие губы целуют Матвея. Мое тело горит.

Пути судьбы неисповедимы и жестоки. Тайна нашей
встречи открылась в своей безжалостной простоте.

Я осознал, что он спас меня. Без него я бы покончил
с собой в туалете.

Я опустошен. У меня нет сил даже на слезы. Руки не
дрожат. Под языком вкус ледяного стекла.

Я теряю сознание, а может быть, засыпаю...

— Каждый из нас видит разные сны, — как бы слы-
шу я голос Марго. — Я рада, что вы встретились без
меня. Прощайте, парни...

5. ЭНТОНИ

...Ленч начался. Ноги приятно вытянуты на траве.

Сосу сок. Жую вегетарианский сандвич. Я удобно ус-
троился под деревом.

Рядом присаживается высокий парень. Ухожен, не-
естественно манерен. Короткая стрижка делает его
еще длиннее.

— Матвей, — произносит он любезно мое вымы-
ленное имя, — Матвей! А, Матвей...

Смотрю с интересом. Интонация его голоса знакома
мне тем, что в ней нет барьера между вопросом и ут-
верждением.

Это очень необычно. Потому-то я и запомнил его.
Недаром все любопытное оседает в моей голове. Уве-

рен, совершенно уверен, что встречал его где-то раньше. Где? Бог его знает! Одно ясно, он знает меня по имени. Но откуда и как давно? Но почему я молчу, медлю с ответом?

«Зачем тебе эта игра? Отвечай ему», — подсказываю сам себе. Где я? Как долго я был занят своими фантазиями о нем? Как давно я молчу? Не хочется выглядеть грубым.

Начинаю ерзать на месте. Бесконечно смущаюсь. Смотрю ему в глаза. Мое чувство тревоги невольно передается ему.

На его лице озабоченность. Он подумал, что я отказался разговаривать.

Он отводит глаза. Настойчиво пытаюсь найти случайное слово. Но слова нет как нет. В голове пусто.

Кусаю губы в досаде на собственное безволие. Продолжаю нелепо молчать. Умоляю мысленно: «Парень, не уходи!»

Я в панике, добился того, чего не хотел. Выражение его лица меняется ежесекундно. Вот он встал.

— Подожди, — говорю сквозь зубы. Мое хамское пренебрежение может взбесить любого, особенно того, кто на пределе. Он нетерпеливо ждет любого ответа. Я поднимаю голову, смотрю на него снизу вверх.

Мне кажется, что он упирается головой в крону сосны.

Салат застревает в голосовых связках. В горле пересохло. Я не знаю, что сказать. Губы не слушаются меня.

Слышу свой голос:

— Еще один голубой идиот! Тебе нужен кол в задницу?

Это звучит громко и не к месту. Я краснею, пугаясь сказанного.

Его подвижное лицо меркнет. Нос вытягивается. Губы крепко стиснуты, скулы свел невидимый удар. Он закатил от боли глаза. Кожа лба съежилась, будто женские колготки. Мое сердце барабанит в ушах.

«Я сволочь. Господи, зачем я это сказал? — спрашиваю себя. — Вух, как я ненавижу себя за дичайшую дикость, живущую в моем сердце!»

Неизвестно почему, я вскочил. Банка сока летит в сторону. Она разбивается о камень у его ног.

Он вздрагивает всем телом. Его дрожь передается мне. Я испугал его. Он смотрит мне в глаза, совершенно не понимая меня. Наши взгляды скрестились.

Я читаю глубокий укор. Цвет глаз тускнеет, как лесные тени перед закатом. Он глубоко обижен. Зрачки превратились в черные колодцы.

Почему я так неосторожен?! Смотрю по сторонам, словно провинившийся школьник. Я нелеп.

Мое поведение его шокирует. На лице брезгливость. Он тщательно застегивает пиджак и готов уйти.

Я читаю его мысли. Они проносятся в моей голове, как телеграммы:

«Он говно!»

«Он тщедущен».

«Он не уважает сам себя, а поэтому не стоит моего внимания».

«Грязная дешевка...»

От всего этого я сник. Стал совсем маленьким. Я согласен с приговором. Я чувствую, как мой лоб расположовали морщины. Я превратился в старика у него на глазах.

— Да, я боюсь жены. Да, я боюсь своих детей. Да, я крайне боюсь моей вычурной сексуальности, своей голубой порчи! Да, ты прав. Ты совершенно прав, — кричу я на болвана.

Я отворачиваюсь от него. Прислоняюсь головой к дереву. Слезы льются сами собой. Громко всхлипываю. Говорю: «Уходи».

Я не хочу его знать. Я понял, что может мне помочь.

Очень просто — это смерть! Я хочу умереть все-рьез. Я перестал дышать, замер. Я останавливаю свое сердце. Вот и хорошо, все удалось. Сразу все стихло. Мой слух оборвался. Я уже чувствую, что давно умер. Я рад, Бог услышал мою просьбу. В глазах мрак. Меня

нет здесь больше. В теле пульсирует сладчайшее облегчение. Вижу, как Бог целует меня в лоб.

«Ах, как славно на душе!» — шепчет Бог.

«Неужели я с душой? Опять? Но зачем мне душа, если я умер? Умер ли я или все еще жив?» — противлюсь я своей новой судьбе. Слегка очнулся. Ах, зачем мне все это? Зачем? Я не хочу никого. Нет, это неправда! Совсем наоборот.

Кто-то заботливо целует меня в затылок. Как это? Чьи-то руки на моих плечах. Зачем?

Собираю остаток сил. Трудно. Это нечеловечески трудно! Стремительно поворачиваюсь, цепляясь рукой за сучья.

Он склоняется надо мной. Вижу его синие глаза. Глубокое молчание. Оно длится страшно долго.

Никто из нас не уходит. Мы доверяем другу другу, несмотря на случившееся. Ноги подкашиваются. Я сползаю без сил вниз. Кора больно царапает мою спину. Скольжение по стволу смягчает удар о корни. Я на траве.

— Меня. Зовут. Энтони, — произносит он каждое слово отдельно.

— Расскажи мне что-нибудь о себе.

Он опускается, встает передо мной на колени. Его дыхание опаляет мое лицо.

— Прости меня, я очень глуп, — задыхаюсь я.

Его рука вытирает несуществующую влагу под моим носом. Я пытаюсь улыбаться. Из этого ничего не выходит.

— Я вижу, как упорно ты хочешь вспомнить меня. Ты совершенно слеп, Мэтт! Совсем безнадежен. Если бы ты мог врать, тебе было бы легче!

Я киваю в ответ:

— Да, я помню только тех, кого я любил и с кем спал в одной кровати. Это чистая правда.

Моя рука дотрагивается до его молнии. Пальцы бессознательно расстегивают джинсы. Его лицо всыхивает, глаза блестят.

Энтони пытается что-то сказать, но слов не находит. Он перевозбужден, глаза покрыла поволока вожделения. С силой выдыхает тайное из тайных:

— Я влюбился в тебя в больнице!

Так-то вот. Мне все становится ясным. Да, это он. Это было вчера. Это врач, который мне делал анализ крови на спид. Как все нелепо и глупо. Зачем я его обозвал грязным словом! Разве мы не заодно?

— Поэтому-то я и знаю, что ты, как и я, голубой, — добавляет он. — Мэтт, я не спал прошлую ночь. С тех пор... я не нахожу себе места. Я хожу вокруг и ищу тебя. Я, похоже, заболел тобой. Я хочу тебя.

Его слова беспорядочно толкуются в моих ушах. Я боюсь поверить ему.

Никто и никогда не говорил мне о любви так пылко. Как быть со своей недоверчивостью ко всем?

— Я не знаю, что сказать, — говорю я неуверенно. — Без белого халата тебя не узнать. Этот вычурный розовый свитер так изменил тебя, — добавляю я, помолчав.

И поясняю еще:

— Знаешь, розовый и голубой — мои любимые цвета.

В моем голосе извинение за то, что я не приглашаю его к себе.

Мы выходим из парка и пересекаем шумную улицу. Идем через двор кафедрального собора. Потусторонне мерцают цветные стекла, освещенные свечами. Я все еще не верю, что все происходящее реально.

— А можешь ты полюбить меня? — спрашивает он робко.

Я боюсь, что ослышался. Я робею смотреть в его сторону. Закуриваю, ища в сигарете спасения. Его настойчивость начинает раздражать.

— А ты хочешь этого?

— Да, конечно! Я еле дожил до утра. Я звонил тебе на работу. Я узнал, что ты ушел в парк. Мне повезло: мы вместе! — выкрикивает он.

— Да, ты прав, Энтони. Я голубой, как и ты, — конфужусь я и тычу пальцем себе в лоб.

— Это не самая веселая участь, — добавляет он со вздохом.

Я глубоко затягиваюсь табачным дымом. Мне полегчало. Я смотрю на него долго-долго.

Я спрашиваю себя снова и снова, чего хочет этот парень от жизни в его двадцать пять? Дружбы? Любви? Секса? Я уверен, что он никогда не видел, чтобы было сразу все вместе. Я же играл в эти игрушки неоднократно. И разве не верно, что сразу все вместе никогда не бывает?

Неожиданное томление сдавливает грудь. Я начинаю понимать общее между нами: это то самое, что роднит нас! Ведь я тоже никогда не встречал все вместе. А вдруг... именно все сразу и обрушилось на нас сейчас? Что мне делать с моим счастьем? Хотя нужен ли я ему? «Может быть, для забавы? Он просто устал от своего одиночества среди порнографических журналов», — цинично рвет мое сердце внутренний голос.

Я отмахиваюсь от этих мыслей, закрываю уши. Я знаю, этот голос — мой враг. Я не хочу его слушать. Делаю глубокий вдох. Это помогает заткнуть моего извечного противника, который мстит мне за неверие в доброту и любовь.

Подмигиваю моему новому другу. Я хочу его прощения за все свои грехи.

— А как, Энтони, мой тест на спид? — спрашиваю скороговоркой.

— Тебе не нужен презерватив, — отвечает он с удовольствием.

— Ну а тебе?

— О, у меня все великолепно! Я делаю это каждые три месяца уже несколько лет подряд, — объясняет он профессионально.

Идея о трехмесячном девстве меня воодушевляет. Я понял, как мне быть.

— Ну что ж! Увидимся через три месяца в больнице, — предлагаю я. Он соглашается сразу.

Он улыбается. Я чувствую, что спасен.

«Как легко осчастливить влюбленного юношу», — язвит мой враг.

— Еще несколько минут — и я бегу на работу, — говорю я, глядя на часы.

— Хорошо! Звони, — прощается он.

— Пока, Энтони, — говорю холодно, слегка обнимая его за плечи.

Он просит разрешения поцеловать меня. Наши губы вместе. Его свежесть пронзительна. Голова кружится. Я пьян и не могу оторваться от него.

Я забыл все, что должен сказать.

Я забыл все свои планы.

Я забыл все нужные телефоны.

Нет, какие еще там мысли о работе? Ни одной мысли о работе.

Наши руки дрожат от страсти. Мы бежим к остановке. Мы не можем дождаться, когда нас оставят одних.

Такси подъехало. Часы на башне бьют два. Ленч закончен. Мне надо быть с ним...

Не ждите меня. Меня сегодня нет. Сегодня я с ним и с собой. Мы вдвоем у меня дома... Ленч продолжается до утра. Часы остановились.

6. ТОНИ

Субботний вечер очарователен. Все разошлись по домам. Я сижу и жду Жаклин. Она никогда не опаздывает. Мы договорились на десять.

Мягкие тени деревьев лежат вокруг громоздких фонарей. Клумбы и аллеи молча обступают их треножники. Над головой шары из сучьев и птичьих гнезд. В эти часы парк вымирает.

Удивительно, что совсем нет ветра. Потому безмолвие еще невероятнее. Кажется, что жизнь умерла. Хотя присмотрись! Жизнь голубых все более и более активизируется вокруг туалетов. Их повседневность не

таится. Она у всех на глазах. У нее нет секретов от прохожего.

Увидеть же ее может далеко не каждый, только одиночество распахивает сюда дверь. Это мой удел до встречи с Жаклин. Я погрузился в свое прошлое.

Я начал рассказ о себе и для себя.

Здесь хорошо. Я живу здесь давно. В особом мире все по-другому. В нем нет времени, нет случайностей. Все предназначено свыше, как полет бумеранга.

Ничто не нарушит извечный ритуал. Его законы неспешно чередуются. Они просты и последовательны. Всего четыре движения: зайти — первое; заглянуть внутрь — второе; выйти — третье; оглядеться — четвертое. Раз-два-три-четыре. Другого не дано. Танец должен быть исполнен верно.

Как давно это было со мной... Спасибо, Жаклин!

Вот и сейчас, со стороны, я вижу это. Вокруг туалета идет загадочная пантомима. Актеры выходят на сцену в одиночку, а уходят с нее вдвоем.

Несколько пар присели на соседней скамейке. Быстро проходящего пульсирует, как сердце. Калейдоскоп участников бесконечен. Во всем царит всепоглощающая балаганность.

Людские страсти движут всем. Мгновенные симпатии определяют цели. Результат же любой удачи всегда схож. Его имя — оргазм.

Он капризный гость, и у него много загадочных лиц. Одно из них скрыто под маской сексуальных связей.

Здесь царит Эрос. Он своеволен и непредсказуем. Его настроения мимолетны. Его желаниями управляют страсти. Мы все в его власти в той или иной степени.

Некоторые зовут эту власть любовью. Здесь и живет космическая загадка.

Любовь делает нас удачливыми и несчастными.

Она пускает нас по ветру или воскрешает из мертвых.

Она приказывает умереть в секунды.

Только кастратам ее разгул незнаком.

Иногда кто-то тонет.

Их жизнь обрывается на полпути.

Их место немедленно занимают другие.

Рождаются новые встречи. Выявляются забытые тайны. Встречаются знакомые лица. Они сменяют друг друга в тени деревьев.

Некоторые из них любят утро, другие — полуночники. Я почему-то ближе к последним. Отсюда и все мои друзья из мира сумерек и полутеней. У многих в душе зима. Они мерзнут от беспомощного одиночества по ночам: каждый хочет встретить того единственного, кто может его полюбить. Они мечтают о том, кто станет смыслом всей жизни.

Эта боль так сжала мое сердце, что я вздрогнул всем телом. Я на мгновение испугался того, что так цинично открылось моим глазам. Разве это не то, о чем я молил Бога и не знал, как выразить словами?.. Но до чего удивительно все вокруг!

Я поднимаю голову и смотрю по сторонам. Я рад, что никого не пугает моя молчаливость.

На скамейках уже более десяти пар. Каждый занят разговорами и любовью. Но что это? Один из них встает. Он притягивает мое внимание. Я загипнотизирован его видом. Суетливость его шагов передается мне. Я их как-то чувствую. Его поступь поспешна, напряжена и вкрадчива.

Он не идет напрямик. Движения его тела захватывают меня своей изысканной эротичностью. Его горящие глаза ищут кого-то.

«О да! Конечно, это ты, Тони. Ты и только ты! — волнуюсь я, закрывая себе рот ладонью. — Никто в мире не может быть тобой! В твои семьдесят два ты великолепен. Моя любовь к тебе — навсегда! Мой первый настоящий мужчина!» Я не бегу к тебе навстречу. Я торопливо прячусь за ближайшее дерево. Сегодня меня ждет другой человек: твоя дочь.

Ты проходишь мимо. Я рад, что не замечен тобой. Тень от жасминового куста спасла меня от встречи.

Она никогда не узнает, как я благодарен тебе. Разве не так? Мы были одиноки вместе. Мы одиноки сейчас.

Печать одиночества лежит на наших судьбах. Ты согласен? Я должен быть с ней, у нас родилась двойня.

Я помню, как мы расстались. Все в моей памяти навечно. Ты часть моего настоящего, Тони.

Одна за другой чередуются картины последних дней. И вот я там снова. Я стремительно проваливаюсь в прошлое. Я начал уже различать цвет, запах и звук ушедшего. То было десять месяцев назад.

Ты только что ушел. Я стою в дверях. Возвращаться нет сил. Долго смотрю вслед. Мне до странного легко. Я переставляю вещи с места на место. Наталкиваюсь на спички. Зажигаю свечи. Начинаю прибирать в комнате. Удивляюсь сам себе. Разве не странно? Ведь я никогда в жизни не занимался уборкой в час ночи. Продолжаю ходить из угла в угол. Отсвет пламени свечей пляшет на стенах. Я чем-то обеспокоен. Меня тревожит неизвестность. Голова начинает болеть. Опять и опять я ловлю себя на мысли, что что-то не так вокруг. Почему ты сказал: «Я сдаю»?

— Как можно «сдавать», если ты полон сил? Ведь если ноги зябнут, так что ж с того? Зимой у всех они мерзнут. И не только у тебя, но и в мои сорок семь.

Я подмигиваю себе в зеркале. Я нравлюсь сам себе в новом японском халате с драконами и ирисами.

— Сущая нелепость, — говорю я себе, бросая халат у камина.

Ответ возникает сам собой: просто твоя ирландская душа — для меня загадка. Я улыбаюсь своей догадке. Становится легко. Я нашел верный ответ. С удовольствием возвращаюсь к зеркалу. Поправляю волосы. Вижу, что мои руки выглядят женственными. Недаром об этом говорят с восхищением все мои бывшие дружки. Прилив самолюбования приятен. Я скашиваю глаза. Вздрагиваю. Гребень падает из рук. Не верю себе: зеркало отражает красное пятно на моем животе.

«Что это? Конечно, отблеск огня, который разбрасывает тени вокруг меня», — отвечаю себе, разжевывая каждое слово. Поднимаю с пола гребень. С удо-

вольствием кружусь по комнате. Мне нравится моя нягота.

Невзначай чешу переносицу кончиком мизинца. Бешено начали стучать зубы. Я смертельно испуган. В нос ударяет запах крови.

— Бедный, бедный Тони, — причитаю я.

Пронзительная боль в сердце не дает дышать. Губы дрожат от рыдания. Я включаю свет. Однако ничего не вижу от слез. Теряю равновесие. Сажусь на корточки. Меня колотит. Слезы льются безостановочно. Это не впервые со мной.

— О Тони, Тони! — всхлипываю снова и снова. — Ведь это кровь. Это спид... Это смерть! Как давно это живет с нами? Мне бесконечно жаль нас обоих.

Стены давят меня. Уже совсем нечем дышать. Превозмогая себя, подхожу к окну, его никто не закрывал уже несколько дней.

Дышу глубоко и жадно. Смотрю на себя в зеркало через всю комнату. В нем отражается край кровати. Две капли крови невозможно не заметить на простыне.

Тони, почему ты оставил меня со своими тайнами? Почему я плачу один? Хотя, может быть, это случилось первый раз? Может быть, это тайна от себя самого? Я пугаюсь, чувствуя ледяной холод в ногах. Я не хочу видеть крови. Я не могу «сдавать».

Я хватаю тарелку с вишнями и швыряю ее на кровать. Сок ягод забрызгивает все вокруг. Того заворачиваюсь в халат. Выключаю свет. Встаю на колени. Оглядываюсь по сторонам в поисках спасения. Прижимаюсь к камину, как к алтарю. Бросаю в него дрова, дрова... дрова.

Беру Библию, целую страницы. Сегодня мне не спать. Скорее бы утро. Жаль, что церкви закрыты до восьми утра.

Пламя неистово бушует. Книга мистически дрожит. Я молю Бога за него.

Вокруг все гудит от ветра. Камин раскален до предела. Красные свечи оплавляются на глазах...

— Извини, на двадцать минут опоздала, — слышу эхо ее голоса.

Я возвращаюсь к настоящему. На скамейках все тоже десять пар.

— Спасибо, дорогая, что всего на двадцать. Неужели прошло только двадцать минут? — спрашиваю я недоверчиво.

Да, на часах 10.20. Как хорошо, что 10.20.

Я вздрагиваю от предчувствия, что, если бы она не пришла, я никогда бы не возвратился из прошлого. Знаю наверняка, что Жаклин спасла меня от смерти. Я оледенел, когда смерть Тони приходила за мной...

— У тебя невероятной красоты глаза. Я так люблю тебя, — шепчу я сквозь поцелуй.

— Я знаю, — улыбается она, роясь в своей сумочке.

Мы идем в обнимку. У нас еще много-много дней впереди. Жизнь не устает дарить нам радости любви и сладкие надежды.

— У меня умер отец... Только что звонила мама. Завтра у нас тяжелый день...

Она смахивает лепестки жасмина с моей челки платком, который подарили мне ее отец, а она нашла его случайно в моих всцах... вчера.

7. САЛЛИ

У фонтана безлюдно. Часы на башне отзвонили одиннадцать вечера. В это время здесь только свои. Полицейских нет и не может быть.

Вот и парень навстречу. Приятен лицом и со вкусом одет. Без приглашения присаживается. Послушно уступаю ему место слева на скамейке.

— Я Салли, — представляется он, опуская голову.

Его щеки на мгновение вспыхивают и гаснут. Это выдает его ложь. Не глядя на меня, он быстро начинает рассказывать о себе. Его слова буквально сыплются на меня:

— Мне двадцать два. Совсем расплылся после двадцати. Становлюсь невероятно толстым. Зеркало доказывает это ежедневно...

На полуслове умолкает. Он поворачивается первый раз в мою сторону. Печальные глаза смотрят в упор.

Я не могу ответить. Уже десять минут, как я курю молча. Молчание может показаться грубостью. Я встряхиваю головой. Изображаю деланный интерес. Мои комплименты безостановочны:

— Ты мне очень нравишься. О нет, Салли! Ты совсем не толстый.

Смотрю на него с театральным любопытством. С трудом перевожу дыхание, как будто испытываю секуальное возбуждение. В ушах же стоит шум от аплодисментов. Моя совесть стыдит меня за мой голос, который открыто фальшивит, уши краснеют — это расплата за искренность.

Всячески избегаю смотреть ему в глаза. Ложь всегда отвратительна. Многословная ложь невыносима вдвойне. Несомненно, я выдал себя.

Чувствую, насколько сам себе отвратителен. А он? Разве он другой? Поднимаю виновато глаза. Смотрю на него, ожидая спасения.

Он уклончиво улыбается в ответ. Нискромость — это его нутро.

Мое догадливое согласие на секс его устраивает. Он понял, что может со мной делать все, что захочет. Его рука касается моих брюк.

Он оттягивает ремень и пытается залезть в мои плавки. Легко добившись своего, улыбается. Его глаза загораются.

— Ты действительно нашел, что ожидал? — подмигиваю я. В ответ — сопение.

Он запускает в мои брюки и другую руку. Он до неизвестности сконцентрирован. Разговоры ему мешают. Комичность его позы вызывает невольный смех.

И вот он заканчивает борьбу с моим ремнем. Встает на колени.

Я целую его в затылок. Глажу волосы. Я больше не жду разговоров. Он целиком занят.

Его руки приятно теплы. Он чмокает от удовольствия. Все вокруг стало посторонним.

Его интерес ко мне утрачен. Сейчас он думает только о себе. И по-своему прав.

Инстинкт полового влечения победил. Салли слеп. Салли глух.

Его губы поспешно всасывают мою плоть. Его язык — сама ласка.

Я достаю платок. Остановить водопад его слюны не удается. Мои брюки теперь требуют серьезной стирки
Все это для него неважно.

Зачем-то он поворачивает голову. Салли слегка обеспокоен мной. Глаза сконфуженные, рот открыт

— Что-то не так, сэр? — спрашивает он. Смотрит на меня с удивлением.

— Нет, нет, — поспешно отвечаю я. «К нему вернулся дар речи», — не могу не засмеяться про себя.

Откуда это? Никаких вопросов я от него не ждал. Разве он не машина, любовная механическая игрушка?

Эта мысль будит другую. Я потрясен его профессионализмом. От того и другого я конвульсивно вздрагиваю.

Его лицо в ответ бледнеет. Раздается кашель. Я помешал ему? Губы мертвенно-бездвижны. Он тяжело переводит дыхание. Я глажу кожу его лица. Слегка пе-ребираю короткие волосы.

Я не хочу отключать свой спермосос: боюсь прервать его работу. Деловая молчаливость Салли мне импонирует

Его язык скользит мягко. Пусть это длится вечность. Происходит лишь то, чего я жду и хочу от мальчишки-проститутки. Его работа монотонна. Его поцелуи чередуются с голодными причмокиваниями. Но вот и подошло время: мы добиваемся успеха.

Его глубокий вздох взрывается моим оргазмом. Мое сердце остановилось.

На мгновение и он замер. Слышу жадный глоток

Секундой позже в него вселяется черт. Им овладевает энтузиазм жадины. У меня захватывает дух.

Салли ненасытен. Его жаркие поцелуи покрывают мою спину и поясницу. Моя благодарность бесконечна. Он подмял под себя все барьера моих сексуальных фантазий.

Вот он опять возвратился назад. Его язык еще более и более шершав и тщательен. Он собирает все, как нищий, что слизывает последние капли с тарелки.

Я близок к обмороку. В глазах темно. Кажется, ночь проникла внутрь моего тела. Я хочу прийти в себя.

Мои движения становятся механическими. Я вытираю платком все, что возможно вытереть. Руки онемели.

Наконец он затих у меня в ногах. Его сексуальная страсть удовлетворена... на сегодня.

Он смотрит на меня с восхищением. Ослепительная улыбка подчеркнута блеском безупречных зубов. Молча он вытирает своим шарфом носки моих ботинок.

— Это слюна, — деловито объясняет он.

— Ничего страшного, — говорю с усмешкой.

Он трепетно целует мой член. Я вижу, что это ритуал коленопреклонения перед алтарем-святыней. Догадываюсь, что это заменяет ему поклон при расставании.

Я не прав. Это начало другого.

Он с восторгом хлопает себя по животу. Прищуривается и ошарашивает меня монологом:

— Я уверен, что от этого я такой мускулистый. Видели бы вы, каким я был доходягой два года назад! Главное не пропало, сэр! Нет, сэр... все в порядке!

У меня отпадает челюсть. Глаза слезятся от гомерического хохота. «Так вот почему он так аккуратен в еде!» Его цель проста. Этим он занимается для себя. Это как бы второй обед... за день. Мечта расти быстрее связана у него с мыслью о гормонах возмужания.

Тайна открыта. Я потрясен его цинизмом. Салли превратил меня в тарелку с гуляшом.

— Впрочем, я не правлюсь себе. Я говорю слишком много, — перебивает он мои мысли, глядя виновато исподлобья. Он встает и неумело целует меня в рот.

— Я хочу тебе сделать приятное: я не люблю целоваться, — поясняет он. — Это исключительно для тебя. Салли большой сластена!

Мне трудно его слушать. Я нахожусь в экстазе невероятного унижения. Мои глаза полузакрыты. Тело в чудовищном оцепенении. Мне кажется, я готов убить его. «Подонок, грязная мразь!» — скрываю я слова о нем. Запах дыма заставляет очнуться. Понимаю, что он закуривает.

Без спроса вынимаю у него изо рта сигарету. Меня он уже не интересует.

Глубоко затягиваюсь. Сексуального возбуждения больше нет. В теле привычная невесомость. Голову кружит легкий дурман.

Со всей силы хлопаю его по плечу.

— Ты большой мужик, Салли. Это великолепно, — ору я.

Его уши краснеют, ежик волос топорщится на голове. Грудь гордо выпячивается колесом. Лицо расплывается от самодовольства. Он чувствует себя героем.

«Конечно, он звезда Калифорнийской футбольной команды», — ехидно замечаю про себя.

— Браво! Ты, должно быть, недавно видел меня в газете, — словно читает он мои мысли.

Я не слушаю его, ищу глазами свои плавки, но не нахожу.

Вижу, как Салли неторопливо застегивает молнию моих брюк.

Мои ноги сдают от бессилия. Пытаюсь уйти от Салли, но не могу. Я все еще в каком-то трансе.

Наконец встаю, но буквально валяюсь навзничь. Скамейка сдерживает мое падение. Салли осторожно помогает мне встать, его неуклюжие руки нежны.

Молча выходим из парка. Он поддерживает меня за локоть.

— Салли, ты очень заботлив. Хорошо держишь! Благодарю тебя!

— Спасибо за телефон! — В ответе — намек. — До встречи на спектакле... Я узнал тебя по снимку в газете.

— Как тебе мой гуляш? Я знаю, почему тебя разнесло за сто килограммов, — целую его взасос без разрешения.

Я хочу делать все наоборот. Я хочу сбить с него спесь и самодовольство. Я ненавижу самонадеянных и маньяков.

— Спасибо за сувенир. Теперь у меня есть плавки суперзвезды, — вырываются он от меня и бежит обратно к туалетам.

8. ФИЛИПП

Мне не по себе. И это из-за работы, где все плохо. Новый проект совершенно не удается. Голливуд требует поторопиться.

— Время — это деньги в самом прямом смысле, — шепчу себе под нос. Голова раскалывается от всякой всячины. Водоворот дел съедает уже шестой уик-энд. Продыха нет, и ничего не видно на горизонте.

И хотя это абсолютно нормальная ситуация для начала каждого нового дела, на душе не становится легче. Успокаивать других всегда просто. О себе самом такого не скажешь. А поскольку я пессимист, то десяток чашек кофе делает меня веселее.

Кофе — проверенное и самое действенное мое лекарство. Ясно, что через несколько недель все войдет в обычную колею. Однако сейчас одни неприятности.

Все мысли в голове перемешались. Их безостановочный и назойливый хоровод не дает покоя и совершенно изматывает меня. А что, если взять горсть фишташек и, набрав видеокассет, залечь до утра?! Пожалуй, это лучшее, что пришло в голову за весь день.

Итак, телевизор гремит на весь дом.

Полуночный рок и джаз оглушили меня до беспамятства, глаза слипаются. Незаметно для себя я засыпаю. Невероятный грохот наполняет мой сон.

Меня разбудил звонок. Нехотя встаю. Я не знаю, как долго я спал. На попыти к двери возвращаюсь обратно. Звонков больше нет. У дверей тихо. Заваливаюсь на диван и кладу подушку на ухо...

Неожиданно кто-то похлопывает меня по плечу. Поворачиваюсь: это Филипп. Неужели уже 9? Даже 9.30.

— Что у нас на ужин? Спишь как убитый, а я умираю от голода, — укоризненно замечает он.

— Сегодня самообслуживание, — улыбаюсь я. — А как там на улице?

— Обычный лондонский дождь, — отвечает он на бегу и начинает греметь посудой на кухне.

Я поправляю подушку и с любопытством рассматриваю на экране телевизора Лайзу Минелли. Да, она не сдается, беспрестанно поет и танцует. Очаровательна. Дьявольски эмоциональна. Не женщина, а пожар! Я люблю ее уже более двадцати лет. Филипп присаживается рядом. Целует меня в верхнюю губу. Гладит уши кончиками пальцев. Теребит волосы на груди. Я останавливаю его руку. Легко прикасаюсь губами к его щеке.

— Расскажи, что тебе снилось? Я ужасно люблю твои невероятные сны, — требует настойчиво он. — Самые лучшие ты высматриваешь, когда засыпаешь в плохом настроении.

Я вскидываю голову. Его серые глаза смотрят с нескрываемым раздражением. Я знаю его так же хорошо, как и себя. Я вижу его насквозь. Филипп не шутит. Ему надоело мое каждодневное раздражение. Он полон открытого презрения, которое его зрачки высвечивают удивительным серебристым светом.

Я делаю вид, что мне безразлично его поведение. Отвожу глаза в сторону.

— Да ничего особенного, — говорю я довольно неискренне.

— А я знаю, ты видел что-то невероятное. Я уверен, что прав, — мягко продолжает он, открывая мои губы. Его язык касается моего нёба. Это нестерпимо щекотно, возбуждающее.

— Ты прав как всегда. Не перестаешь удивлять меня своей проницательностью, — отвечаю нехотя, отталкивая его.

— Я хочу знать все. Совершенно все о тебе. Особенно я люблю твои сны, — смеется он, повиснув на моей шее.

— Расскажи, расскажи, — в унисон повторяю его обычную фразу, заученную мной за десять лет нашей совместной жизни, в которой я никогда не был однолюбом. Последнее — мой секрет.

— Хорошо, слушай! — согласился я. — Но предупреждаю, это печальный сон. Самый грустный сон, который я когда-либо видел. Точнее, это жизнь... много лет назад. В Южной Австралии много странного. Ты знаешь сам, какое это беспокойное место. То здесь, то там случаются похожие вещи. Темы для разговоров не меняются никогда: или любовница отрезала член из ревности, или студента украли и через неделю, изнасилованного, выбросили на городскую свалку. Все дико тошнотворно, все подробно смакуют местные газеты.

— Ха-ха, интересное начало! — всхлипывает Филипп от притворных слез, раскрашивая помадой губы и подводя ресницы зеленой краской.

— Это произошло со мной на ферме под Аделаидой. Я работал на тракторе. Корзины были переполнены тяжелым виноградом. Бесконечно хотелось пить. Воздух пах древесным пеплом и жженой землей. Вчерашний лесной пожар давал о себе знать. Жара стояла невероятная. Океан парил душной дымкой на горизонте, а испарина от почвенной соли разъедала руки. Раскаленная кожа на лице зудела от пота...

— Правда ли, что пожары там обычное дело? — поинтересовался он.

— Да, это ежегодное горе Аделаиды. Часто горят леса всего милях в десяти от центра города, — пояснил

я. — Не мешай, а то забуду самое печальное для меня и самое интересное для тебя в этом сне, парень.

— Продолжай, продолжай... — успокоил он.

— Я работал не один: мне помогал сын хозяина. Ему было от силы двенадцать, поэтому я никогда не смотрел на него как на мужчину. Но как-то случилось невероятное.

Однажды, когда я присел перекурить, он подошел и запросто предложил:

— Переспи со мной! Ты один только и не драл еще меня в округе! Давай? Ну...

— Ух! Это уже что-то из настоящего сна! — воскликнул с восхищением Филипп, заерзая на стуле. — А ты уверен, что это было только во сне? Жаль, если не наяву, — начал он суетиться, показывая похотливый язык.

Я покраснел от досады и криво улыбнулся.

Это не ускользнуло от его внимательного взгляда. Филипп замолчал. Боль в моих глазах остановила его нелепые вопросы. Ничего не говоря в ответ, я продолжил свою хронику:

— Да, это было не совсем так, ты прав, Филипп. Шельмец положил свои босые ступни на мои колени. Он попросил вынуть занозу. Я присмотрелся, но там ничего не было. Его длинные ноги оказались между моих ног на траве. Просто он хотел пальцами ног поддеть мой член. И, конечно, это ему удалось.

Вот тогда наши глаза и встретились. Тут-то он и предложил себя. Мы поняли друг друга без слов. Я жарко поцеловал его. Он вспыхнул на мгновение. В ответ я снял шорты, притянул его голову к себе.

Я не помню, что случилось дальше... Ведь все это было шесть лет назад. Я только признаюсь тебе, что после секса я испытал страшный приступ мигрени. Потом я уснул.

Когда мы очнулись, перед нами стояла его сестра. Она пришла узнать, что случилось, поскольку мы не слышали колокола к обеду. Дальше было что-то страшное... Она бросила в нас корзину с сандвичами,

зарыдала и одарила испепеляющим взглядом. Схватила нашу одежду и унесла, оставив нас совершенно голыми...

Мы больше не видели друг друга. Все трое разбежались в разные стороны. Ее раскатистый плач эхо разбросало по всем соседним виноградникам. Холмы превратили ее рыдания в хохот.

Я был в ужасе, ведь мне через день должно было исполниться пятнадцать. Тогда же и он ждал своего дня рождения.

Ты, Филипп, понимаешь нашу боль? Что мы могли тогда чувствовать: змеиный укус, панику, горе? Ведь мы были совершенно невинны! Все произшедшее мы даже не успели осознать. Никто не дал нам времени понять друг друга. Какой там секс! Это была игра в папу и маму... Наша случайная «семья» была бесповоротно разрушена! Единственное, что я тогда понял, — будущего у нас нет!

На следующее утро Грэгг вернулся домой, и его жестоко избил отец. День рождения не отмечали ни ему, ни мне.

Прошла неделя. Он, голодный, сидел на чердаке, под замком. Все его подарки сожгли во дворе под его окном. Потом мать швырнула ему ключи. Но он просидел там еще неделю уже по своей воле... ради будущего мира с отцом.

Я не вернулся обратно. Я потерял все, что у меня оставалось на ферме. Я встал на дороге.

Попутная машина подбросила меня от лесной опушки до океана. Шофер подарил джинсы и майку. Я расплатился с ним: он изнасиловал меня на безлюдном пляже, где и бросил одного.

Несколько дней я безостановочно рыдал. Даже боялся молиться... Было нестерпимо горько. Я чувствовал себя забитым животным. Потом забрел на безлюдную лодочную станцию и упал.

Волны мыли мне волосы, а голодные пиявки облепили ноги. Я ничего не ел, и мне не хотелось спать. У меня не было денег, да они и не были нужны мне. Я пре-

бывал в каком-то бессознательном состоянии. Это походило на бесконечный сон.

Я лежал на берегу день за днем, не различая времени — закат и восход слились воедино. Перед глазами стояла одна и та же картина: тюрьма и полицейский с револьвером. Мне было тяжело, как никогда. Горе раздавило меня. Слезы текли и текли... Я знал, что все глупо. И не искал прощения. Я хотел убить себя.

Это было всерьез. Мне было только жаль мам, она бы не пережила этого. Я решил умереть незаметно. Никто не должен знать. Никто не должен догадаться.

Мои мысли помогли преодолеть страх. Я заплыл далеко-далеко в океан и нырнул. Вода была зеленая. Беззаботные рыбы окружили меня. Их радужная окраска рассмешила меня, ведь то были не рыбы, а бабочки. Волны выбросили мое тело на берег: смерть не приняла меня. Я был слишком молод...

Кожа горела. Я осмотрел себя — мое бедное тело было в крови. Солнце сожгло меня. Соль разъела грудь и спину. Стало жалко, невыносимо жалко свое тело. Нет, нет, не самого себя! Совсем не себя, Филипп! Я жалел свою истерзанную плоть. Я устыдился того, что сделал с руками, ногами и лицом.

— Ах, что я наделал! — каялся я, встав на колени перед Богом.

Я начал размазывать кровь на ногах и на животе. Первый раз я решил спастись от зноя в лесу.

Я плакал навзрыд и вдруг стал читать молитвы, которые знал. Я плакал и плакал...

Горе и отчаяние совсем сломили меня. Я потерял уважение к своей плоти. Я забыл себя. Я вновь пошел к берегу, ища для себя конца.

Волны миролюбиво облизали пальцы моих ног. Они, как ненавязчивые дворовые собаки, шумели и брызгали слюной, прилизав во мне хозяина. Я незаметно уснул.

Бог продолжал любить меня и оберегал от напастей, пока я оставался живым. Я принял эту заботу. Я открыл для себя вечные истины. Я вмиг осознал смысл

бытия, где только живой может чувствовать все человеческое: плоть, похоть... счастье быть вместе.

Нет, никто не хотел и не ждал моей смерти. Жизнь и только жизнь могла радовать всех вокруг без исключения. Как часть этой жизни я был ракушкой, которой привычно играл бессмертный океан.

Под настойчивым напором своей воли к жизни я захотел жить...

— А когда ты открыл глаза, то увидел меня, — подсказал Филипп, улыбаясь в усы.

Я увидел, что он поверил моей сказке. Ведь он не знает, что я родился в России. Этот австралиец ничего не знает обо мне.

— Нет, нет, — вздрогнул я, погружаясь вновь в свои воспоминания. — Нет, Филипп, я услышал голос, когда проснулся на следующее утро, — сказал я.

— И это был Христос? — захохотал он.

— Ты прав. Почти прав. Это был Крис, — ответил я, замолчав надолго... — Он предложил мне сигарету, спросил, где я живу. И, узнав, что я бездомный, пожав плечами, дал мне двадцать долларов. Это были деньги от чистого сердца. Я приободрился. Я докурил сигарету и пошел с ним к его машине, где был телефон.

Ответила мам. За тысячу километров она почувствовала, что я не в форме. Я попросил выслать денег на поезд. Я рад, что она ни о чем не спросила меня. Деньги я получил через два часа на почте.

А часом позднее я уже ел в самолете. На мне были новые брюки и чистая рубашка. Вот и все, что я знаю. Это и есть конец сна. Конец моих бед в Южной Австралии.

— А как этот парень поживает сейчас? — смакуя сигарету, любопытствует Филипп. — Ведь ему уже за сорок, не правда ли? — подсчитывает он вслух, смотря на меня заговорщически.

— Я знаю, что у него все хорошо. Моя школьная подружка Дженин замужем за его братом.

— А что, если позвонить ему сейчас? — предлагает Филипп.

Я вздрагиваю от этой мысли. Ведь он угадал желание, которое много лет я скрывал от самого себя и от него, Филиппа.

— Ты знаешь телефон ее мужа? — настаивает он.

— Да, неплохая идея, но ведь уже почти полночь. Ты прогнал мой сон напрочь, — бормочу я себе под нос с легким раздражением.

Через минуту Дженини ответила и позвала Грэгга к телефону. Оказывается, братья живут под одной крышей.

— Алло, Грэгг! Это Руди, — сказал я.

— Хелло, горе-любовник... Я скучаю по тебе с тех пор, — ответил он непринужденно, не боясь за свои слова.

Мое лицо заалело от смущения. Мой грех не был для него грехом. Я узнал, что не испортил его жизнь... тогда.

Это не ускользнуло от глаз Филиппа. Я виновато поднял глаза. Его ревность больно кольнула меня в сердце. Надутые губы и крупная слеза на щеке говорили сами за себя.

— Ну, я пошел. Меня ждет жена, — не глядя на меня, сказал Филипп поспешно.

Дверной замок щелкнул. Я остался наедине с Грэ, как я любил называть его.

В трубке не было слов. Здесь прятались годы, которые мы украли друг у друга. Нам нечего было сказать. Мы слушали дыхание друг друга. Оно говорило нам больше, чем те слова, что мы хотели сказать... по телефону.

Какое несчастье, что у нас так многое не было! Что еще... лишь сопение из Аделаиды...

Я поправляю подушку. Острая боль останавливает дыхание. Я вижу на полу ключи от своего дворца в Кью-Гарденс, которые вернул мне Филипп.

Я машинально вешаю трубку и набираю другой номер.

— Меня нет. Я семейный человек. Катись к е...ене матери, — отвечает автоответчик его голосом.

— Филипп, ведь я русский. Ну какие еще дела могут быть у меня на австралийских фермах? Поверь, все это розыгрыши...

«Впрочем, зачем я все это наврал любовнику? Я по-прежнему люблю того австралийца».

9. КОЛИН

Нет, нет, больше я не могу выносить этот бесконечный зуд. Ведь глупо, безумно глупо сидеть в нескольких часах езды от прохладного океана. Нью-Йорк пуст, от духоты и пыли все бесконечно устали.

Решено, я еду. Быстро чиркаю записку, что меня не будет в театре следующие несколько вечеров.

Записка приколота на дверь. Убеждаюсь, что в баке машины бензина более чем достаточно на сегодня.

— Ух, — выдыхаю жар из легких. Не успеваю оглянуться — и я уже в сотне километров от города.

Дорога отличная, курево поднимает настроение. На обочине сидит парень иолосует.

— Ну что ж, садись, если тебе по дороге.

Он называет себя Кенионом. Мне приятно болтать с ним обо всем, что попадается на язык.

Оказывается, он художник и совсем не молод. Ему за тридцать, и он две недели в отпуске.

С радостью принимаю его приглашение на выставку в Сиднее. Конечно, на открытие поехать нет никакой возможности, но за три месяца ее показ... может быть, и получится, кто знает? Кто вообще знает, что случится за это время?

Он рассказывает, что был в гостях.

— У кого?

У Фила. Все, что он говорит о Филе, я не слушаю. Почему-то меня клонит в сон. Я ничего не могу с собой поделать. Я просто засыпаю за рулем.

— Послушай, Кен, — говорю я ему. — Сядь за руль, я смертельно хочу спать.

— Согласен, — отвечает он с улыбкой.

Я забираюсь на заднее сиденье. Несколько километров дорожной ленты — и я уже сплю.

Мне снится водитель... Кеннон. Я вижу себя в его объятиях. Я не соглашаюсь со своим сном. Я сопротивляюсь всеми остатками сознания навязчивому бреду. Ведь Кеннон ведет машину... сейчас. Да и откуда Кеннон? Я никогда его не видел в своей жизни.

Непонятно, но мне вдруг удается перебороть это наваждение. Я вижу другой сон. Он нравится мне. Я жду его продолжения. Я чувствую сон внутри меня. Я отдаюсь ему безоговорочно. Все происходит среди деревьев... деревьев, деревьев.

Мои губы шепчут монолог за монологом. Все относится к нему и только к нему. Это все для Фила, каким я его знаю. Я говорю с ним и только с ним.

— Твоя естественная элегантность проста. Ты, Фил, открыт и добр ко всему вокруг. Эти бесценные человеческие качества подкупают. Сколько теплого чувства в твоем языке. Я верю всем твоим словам. Они правдивы и откровенны...

— Да! Да! Я иду тебе навстречу, — отвечает он.

— Привет! Ты не спешишь? Назвать твое имя? Ты, как и я, — Руди, Матт, Дани... Фил.

Я никогда не забуду твоего восторга, когда ты первый раз увидел меня в театре как суперзвезду из Москвы.

Я жду. Я прав. Твои глаза сужаются в улыбке. Конечно, конечно, ты помнишь меня... Фил. Или... как тебя теперь называть?

— Как поживаешь, Матт? — без удивления опять слышу сквозь сон его голос.

— О Фил! Как это замечательно! Ведь я сплю, а ты... здесь.

Ты улыбаешься в ответ. Легко прижимаешь мою руку к своему сердцу. Я верю, что живу там давно.

Ты слегка целуешь мою левую ладонь. Это так привычно. Я сияю от счастья. Да, я снова прав. Ничто не

меняет тебя. Я чувствую себя дома. Я рад, мой друг, что у тебя все в порядке.

— Я знаю, наша встреча не случайна! Спасибо, Фил. Как хорошо с тобой!

Но тут один сон прогоняет другой. Я вижу его в кирхе. Он стоит у алтаря и молится за меня. Я слышу слова его исповеди:

— Уже одиннадцать вечера. У туалета я давно назвал это твоим часом. Ты сутул и по-своему причудлив. Твоя фигура среди деревьев привычнее привычного. Она неотделима от этого места уже более десятка лет. Ты не сдаешь своих позиций. Твой дух тянется к твердому мускулистому телу. Ты обожаешь стройные ноги и широкий торс. Тебя волнуют мужские глаза. Ты любишь косую сажень в плечах. Именно тех, кто пружинисто ходит по земле. Только им ты отдаешь свою похоть.

Я помню, как что-то случилось. Ты исчез на неделю или чуть больше. Как многое изменилось сразу, Матт! Кто не видел тебя, тот чувствовал себя потерянным. Все стало как-то не так. Все догадались — ты в больнице. Может быть... навсегда.

Неожиданно ты вернулся. Ты занял свое место у туалетов. Все увидели, что ты вновь с нами. «Как это хорошо!» — стали повторять вокруг.

Все пришло в норму. Ты снова среди деревьев. Тебе известно, старина, каково это бывает! В твои пятьдесят два... не всегда легко. Я знаю, ты смертельно болен. Это твой последний год.

— Слушай меня! — Я мягко улыбаюсь. — Ты видишь все. Я счастлив встретить тебя сегодня. Я рад, что все как всегда! — пытаюсь я проснуться и помешать его ненужной исповеди в кирхе. — Забудь обо мне, мой Фил. Мой танец закончен. Ведь я и впрямь умираю. Ты увидишь очень скоро траурные ленты на цветах для меня от Элизабет Тэйлор и, конечно, от Пановых и Барышникова. — Я послал ему воздушный поцелуй сквозь свой сон.

— Смотри, у алтаря сидит привлекательный парень. Несомненно, он подойдет тебе на пару ночей. Ему от силы двадцать.

Я знаю его. Мы переспали. Он голубой. Я помню его по прошлой субботе.

Я молча подзываю его рукой. Шепчу на ухо:

— Лови его, Антони. Фил знает свое дело!

Слегка обнимаю и чуть-чуть подталкиваю его к Филу. Я не оглядываюсь назад. Я не люблю подсматривать даже случайно, даже во сне. Я обещаю себе, что подарю им свой остров после смерти. Интересно, что Фил будет делать на моей земле?

Вдруг сон пропадает... и я слышу, как Фил поет что-то из фильма «В постели с Мадонной».

Но это невероятно...

— Ведь Фил глух с детства, — выкрикиваю я и от удивления просыпаюсь. Да, действительно... это Мадонна. Включено радио. Кеннон славно поет с милашкой за компанию... Я наклоняюсь к нему через сиденье.

Он почти раздет. Только плавки спасают его от меня. Надпись на них говорит сама за себя.

Я нежно целую его в щеку, переползаю с заднего сиденья вперед. Закрываю глаза и читаю надпись пальцами: «Большой Голубой ХУЙ Америки».

Он раздраженно машет мне в лобовое зеркало. Я улыбаюсь в ответ. Целую надпись, предлагаю снять плавки...

За окном уже видны пляжи. Вода заливает горизонт до неба. Прохладно быть совершенно голыми.

— Прекрасное утро, — говорю с восхищением.

— Вот мы и приехали, — хлопает он в ответ дверью.

Мы переходим дорогу. Я заказываю два пива. Жарко.

— Смотри, вон тот парень-нудист — настоящая секс-бомба. И всего десять долларов, — говорит мой художник.

— Ты ошибаешься, это может оказаться значительно дороже, — возражаю я, потягивая пиво.

— Откуда ты знаешь, Руди? Ты намекаешь на спид из ревности? — Он дьявольски улыбается. — Это Марк, местная блядь.

И поясняет:

— Я вижу его в еврейской школьной форме каждое утро на Брайтон-Бич.

— Бог ты мой, он так невероятно физически развит, — вскрикиваю я.

— А ты догадываешься, почему? — делает страшные глаза Кеннон.

Я серьезно смотрю на него. Деланно тяну слова, цитирую знакомое:

— Сэр, главное не пропало! Это мой второй ленч, спасибо.

Шутка не вызывает смеха. Я вижу, Кеннон не поддержал ее. В подтверждение этому — его закусенная губа. Уж мне-то хорошо знаком этот подросток. Со мной он ел не раз. Чего-чего, а причащения и исповеди от него ждать не приходилось. Я видел его за пятью или семью ленчами. Он шнырял вокруг со всеми, с кем только можно... Как много он наврал Кеннону, один только Бог знает.

Вдруг происходит неожиданное. Я догадываюсь: он глубоко разочарован. Не пьет пива. Весь напыжился. Ищет сигареты, мышцы лица напряжены.

Я боюсь на него смотреть, опускаю виновато глаза. Но невольно поднимаю их вновь. Его глаза потемнели. Они сузились и стали не толще бритвы.

Я готов к чему угодно, жду ответного удара. Мне известно, что бывает в таких случаях. Непременно получу ужасное в отместку... нелепость...

— Русские евреи в Америке едят много гусениц на Шаббат, — выстреливает его ответ.

Он щелкает языком и с удовольствием добавляет:

— Особенно они любят красных и черных! Как насчет желтых, я не уверен...

Рвота поднимается к моему нёбу. Я бегу за кусты. Возвращаюсь не скоро.

Он смотрит озабоченно. На моем лице тоска. В глазах боль. Сажусь на песок, обхватываю голову руками. Пляж мне уже безразличен.

— Поздравляю. Твоя месть удалась, — говорю сухо.

Кеннон порывисто обнимает меня. На его глаза наворачиваются слезы. Я с горечью в голосе говорю что-то в ответ.

Слыши:

— Прости, — как он и только он может это сказать...

Мы идем молча. Каждый смотрит на свои волны.

Человеческая жизнь будто океан. Любовь и ненависть в шаге друг от друга. Они друзья, идущие рука об руку... волна к волне. Это составляет секрет нашей повседневности. Да или нет... Кеннон?

Я поднимаю ракушку. Кеннон берет ее у меня и начинает сдувать песчинки. На моих щеках высыхают слезы. Мы улыбаемся.

Я показываю ему глазами на свой дом у воды. Ракушка брошена далеко в океан. Мы бежим, держась за руки, к бассейну.

Ветер раскачивает мою одежду на веревке. Его плавки, где прятался Большой Голубой Хуй Америки, сдуты в оранжевый песок.

— Прости, я врал... меня зовут Колин, а не Кеннон, — доносит ветер.

— А меня ты видел в спектакле, не правда ли... Колин-дурочка? Ты разочаровал меня. Позволь, я буду называть тебя Большая Голубая Жопа Америки? Почему ты не сказал про операцию? Проклятая транссексуалка!

10. ЖАНЕ

День закончился. Я забрался со стопкой порнографических журналов в ванну и с наслаждением лежу в воде. Включен телевизор.

На экране клоуны. Все очень смешно.

А мог бы я в таком наряде выйти на улицу? Нет, пожалуй, нет. А почему бы и нет? Ведь в каждом из нас сидит насмешка над собой, хотя мы и тщательно прячем ее под своей толстой крокодильей кожей. Неожиданно я почувствовал, что лицо всыхнуло.

Посмотрел в зеркало. Нет. Все нормально. Ничего подобного нет и в помине: просто тело раскраснелось от тепла и неги.

Отвлекает телефонный звонок. В трубке голос Жане. Она, как всегда, навеселе.

— Ну что ж, если грустно и нечего делать... забегай, — отвечаю ей. — Но я сижу в воде... балуюсь шампанским.

Беру халат, вылезаю из ванны. Стук в дверь. Это невероятно: откуда такая быстрота? Разве не требуется хотя бы несколько минут, чтобы съехать с верхнего этажа на лифте? Впрочем, у нее тоже радиотелефон. Что ж! Видно, судьба! Сегодня у меня гости, а это бывает не каждый день.

В дверях она целует меня в губы. Ее духи восхитительны! Черное платье к лицу. Она вся в кольцах и черепаховых браслетах.

— Эта китайская и мексиканская бижутерия тебе идет, — отвечаю ей на нерасслышанный комплимент в мой адрес.

— Это то, что я люблю больше всего в жизни, — с нескрываемым удовольствием повторяет она, сев на ковер.

Я наливаю ей легкого испанского вина и достаю соленый миндаль из буфета.

От нескольких глотков ее губы розовеют, в глазах возбуждение. Руки то нервно перебирают волосы, то беспричинно разглаживают подушки на полу.

Предлагаю ей пересесть на диван. Она импульсивно встает на колени и целует мои ноги. Затем пальцы рук. Ее ладони гладят мою грудь. По щекам ляются слезы.

— Что с тобой, Жане? — отодвигая стакан, спрашиваю ее.

— Он опять ушел к ней... Всегда... каждые два дня... Уже два дня он... не ночует дома, — выстукивает она зубами.

— Но почему? Почему? — торопливо допытываюсь я.

— Я ничего не могу поделать. Я совсем одна-одинешенька. Просто ему меня недостаточно. Когда он... видит меня, мы сразу идем в постель. Но как... мне быть, если я не вижу его, например, сегодня? Он не возвращается...

— Неужели ты ничего не можешь придумать? — спрашиваю я.

— Нет, ничего. Я просто тихо жду... иногда громко плачу, — отвечает она.

Пытаюсь продолжить разговор, но теряю его смысл. Все сильнее и сильнее чувствую эротическое желание.

Она влечет меня. Сексуальный порыв возбуждает мои нервы, мышцы ног и груди напрягаются.

Я подсаживаюсь к ней ближе. Она же отстраняется от меня. Я настойчиво пододвигаюсь и не замечаю ее наигранного смущения.

Жане поспешило закуривать, пытаясь всеми силами скрыть ответное сексуальное чувство. Я ощущаю это...

— Но ведь ты же голубой, — первозно произносит она.

Сигаретная бумага рассыпается искрами от моей глубокой затяжки.

— Неужели что-то возможно между нами? Ведь я никогда, абсолютно никогда не замечала в тебе... этого. Ты думаешь, я права? — судорожно пост она себе под нос, сдерживая свое бешенство. Глаза — как янтарь. Зрачки — как точки.

— Ты спрашиваешь об этом? — говорю я и распахиваю халат.

Она сражена. Мой ответ виден в своей лучшей физиологической форме. Мой конь готов оседлать ее без тени смущения, что она не мужчина.

Она инстинктивно забирает инициативу в свои руки.

Ее губы влажны. Дыхание жадно. Пальцы поспешны и нежны.

Я не целую ее. Я гладжу ее плечи. Сжимаю ее грудь. Играю с ее сосками. Она переполнена истомой.

Мои губы раскрыты, я чувствую, что мое лицо горит.

Мой живот покрывают ее бесчисленные поцелуи. Губная помада чертит зигзаги на коже поясницы, как коньки по ледяному полю. Из голубого и белокожего я превратился в розового.

Мои пальцы разглаживают ее тестовидный клитор и помогают ей войти в глубокий оргазм. Она учащенно дышит, сжимается в пружину. Я жду. Вот пауза между вдохом и выдохом стерлась. Она вся дрожит, не в силах вдохнуть или выдохнуть. Трепет раскатисто идет волной через ее соски, вздывая груди. Я готов. Мой глубокий поцелуй бросает ее тело в томительное оцепенение. Я делал все, что хотел...

— Случилось то, что ты сегодня ждала от другого, не от меня. Это было тем, что ты нашла со мной, Жане.

Она прижалась ко мне. Я обнимаю ее с облегчением, целую ее первый раз в шею. Она отвечает тем же.

Наливаю вина. Мы жадно пьем и наливаем снова.

— Все замечательно! — говорит она. — Обошлись без сюсюканья и нае... ись вволю.

— Рад, что ты не теряешь времени без него. Почему ты никогда не любила меня? — спрашиваю всерьез.

Ответить вслух она не решается, бессмысленно молчит.

— Случайное сексуальное удовлетворение приносит тебе краткосрочный покой, — отвечаю я за нее. Отпиваю шампанского.

Я беру персик и резко бью по нему краем ладони. Сок бурлит... Несколько капель падают ей на грудь.

Жане вскрикивает от неожиданности. Лицо искаственно гримасой экстаза. Она жадно растирает сок по груди, лицу и губам...

Это какое-то наваждение. Я стою как завороженный. Совсем неожиданное открытие: перед моими глазами взрывной оргазм. Это нечто иное, чем сексуальное изнеможение.

Ее руки бьют свое тело, как птичья крылья. Потрясен. Поставил бокал на стол. Шампанское бурчит у меня в горле.

Я беру новую бутылку из ее рук. Бессознательным движением откупориваю над ее головой.

Вино слепит и заливает ей лицо. Пузыри вспениваются на шелковистой коже, путают волосы, смывают пудру...

Жане дрожит всем телом. Ее истома безмолвна. Кaries глаза затоплены похостью.

Неизвестно, как и откуда, но ее конвульсивное удовольствие передается и мне. Это похоже на наслаждение, идущее со стороны, без прикосновений. Я теряю голову.

Еще одна бутылка поднята, но уже над моей головой. Шампанское льется и льется безостановочно. Наконец все вылито.

Я встал на колени перед ней. Ее ноги на моих плечах, губы вместе. Наши половые органы слиты в едином оцепенении. Мы переполнены желанием и соблазном обладать друг другом... Но что это? Третий раз за ночь мы вздрагиваем от новой волны оргазма...

Дышать невозможно. Воздуха не хватает. Я поднимая ее на руках под потолок. Ее глаза закрыты. Я несу ее ванную, опускаю в бурлящую воду. Она просит принести любого вина.

Чувство удовлетворения и невероятной радости преропняет мое сердце. Наши стаканы искрятся. Мне нравится эта блядь со второго этажа.

Я говорю ей об этом. Она заливается смехом и выплескивает содержимое бокала мне в лицо. Я отвечаю тем же. Мы выскакиваем из ванной комнаты и прыгаем по квартире, расплескивая шампуневую пену с нашей мокрой плоти... Ей не нравится слово «блядь».

Раздается звонок. Телефон останавливает нас на полуслове. Я уменьшаю звук стерео и пытаюсь говорить в трубку как трезвый.

Слова же мои медленны, растянуты... и мне самому не понятны. Жане сидит у меня на коленях и разглаживает волосы на моих яйцах.

— Очень невесело. Это звонит мой дружок Петр. Я напрочь забыл, что он обещал переспать у меня. Для этого он отвез своих троих детей к матери. Я знаю, что он живет без жены уже несколько лет, — говорю ей. Она небрежно одевается и берет фен.

— А, Петр! Это тот, что уже полгода работает на нашей почте? — спрашивает она.

— Да, а ты его откуда знаешь?

— Знаю... Мы спим вместе уже полгода, — отвечает она в сторону... смущаясь.

Я обнимаю ее притворно и нежно, упорно скрывая чувство ужаса, вызванное ее словами, как только могу...

— Прости меня, Жане, я не знал этого. Прости, прости, — говорю я, надевая нижнее белье, повернувшись спиной к зеркалу.

Ее зрачки зачернены болью. Она постарела на глазах, губы ссохлись. Лицо потемнело. Ее тело все как-то сморщилось. Жане стала похожа на шампиньон после двух недель вымачивания в уксусе.

— Разреши мне его увидеть... прямо сейчас и непременно у тебя, — умоляет она.

— Ты правда этого хочешь? Или панически боишься потерять его? — перебиваю я ее с болью в голосе, не желая слушать ее упреки в свой адрес.

Но принимать решение уже поздно: Петр открывает дверь своим ключом.

В голове будто что-то ломается. Все происходит как на сцене театра. Жане машет ему приветливо рукой. Все вокруг я вижу через пелену ее актерства.

Ее глаза ласково светятся. В руках тюбик с помадой. Секунда-другая, и язык облизывает губы. Вот они уже покрыты яркой помадой. Душистая пудра рассыпается

легкой пылью на шес. Она подходит к вазе и выхватывает из нее камелию... не для меня. Я окаменел, как сфинкс.

— Тебе очень идет эта шляпа, Петр, — шепчет моя Жане заговорщицки, пежно глядя ему в глаза. Они по-свойски улыбаются друг другу. Мой любовник обнимает ее за талию, прижимает к себе. Она разглаживает его галстук и поправляет платок в кармане пиджака.

Я взбешен до предела. Я не могу сносить такое лицемерие. Неискренность бесит меня. Подхожу к бару и выпиваю виски из самого большого стакана, лед с треском рассыпается на паркете. Их глаза прикованы к мосму лицу, которое покрывает испарина. Я боюсь только одного — они читают мои мысли.

Руки дрожат. Ноги не слушаются меня. Спазмы в желудке мешают сосредоточиться. Я бессловесен. Опираюсь рукой о стену. Закрываю глаза. Они о чем-то говорят.

Конечно, обо мне, как же иначе? Меня никто ни о чем не спрашивает. Я глубоко страдаю...

— Я не знакомил их друг с другом. Никто из них не представлял меня друг другу. Они знают друг друга всю жизнь, — повторяет мой осипший голос со злорадством и презрением к моему унизительному положению в существующей сцене-представлении.

Мы выяснили главное. Сегодня каждый сделал свое личное открытие:

«Мы живем вместе... давно», — думает один.

«Мы любим друг друга давно», — молчит другой.

— Мы узнали друг о друге случайно... сегодня, — говорю я. Я люблю их обоих.

Эта любовь ни на что не похожа. Она делит поровну их тела между моей похотью. Это циничное признание было незнакомо мне до шампанского над ее головой. Я также не знал и о его связи с ней до его глупого звонка...

Теперь мы вместе. Я предвижу, что нас ждет неизбежная общая постель.

Я уверен, они оба хотят этого. Я ощущаю его кобелиное и ее сучье нутро и знаю, что мне их от этого не удержать.

Я их зачем-то люблю? Они мне почему-то нужны? Мои чувства никого не интересуют. Мое разбитое сердце и страдания для них лишь игра. Инстинкт не подсказывает им спросить у меня об этом.

Я не строю иллюзий на свой счет. Я верю: клоун и без костюма всегда клоун. Грим и парик мне не нужны...

Я подхожу к ним — и вот меня нет. Незнакомый клоун обнимает их за плечи, а потом, одинокий, уходит в спальню. Я жду их недолго. Моя поза смешна и уродлива донельзя: одна ложится под меня, а другой прикладывается к моему заду.

Вот мы и вместе. Я между вами... я ваш... Е...смся мы втроем.

Скажите, кто из нас кого нае... ываст? Где обман?

11. САЙМОН

Обычная суббота. Паства возвращается по домам. Вокруг парка тесно от машин. Шумят дети. Они рады предстоящим дням свободы от школы. Их воодушевление понятно. Я помню себя таким же. Ведь до рождественских каникул не более недели. Повсюду слышатся обрывки разговоров об этом и только об этом.

Медленно обхожу вокруг туалетов. Это мой обычный ритуал. Посмеиваюсь над очередью в женскую половину. Неужели леди пьют больше мужчин?

Догадка подтверждается немедленно. В мужских туалетах пусто. Никого нет и поблизости.

«Да, сегодня трудно помешать...ле в туалете. Исключительно холодный полдень...» — Мысль обрывается, поскольку спотыкаюсь о велосипед.

Хочу над своей неповоротливостью. Малыш улыбается во весь рот от удовольствия. Он наехал на меня,

когда я крутил головой по сторонам, осматривая соседние кусты. Сажаю его в седло, и парень исчезает, как смерч.

— Ну что ж! Никого. Нет так нет, — говорю себе под нос. Захожу внутрь, закрываю дверь и сажусь.

За стеной из пластика легкий стук. На уровне рта — привычная дыра. Мизинец с кольцом манит меня выйти. Слышу сопение и шепот.

Кто-то хочет меня. Я удивлен. «Тоже мне, место нашел, глупая голова», — говорю сам себе.

Натягиваю штаны. Выхожу.

Навстречу открытое юношеское лицо. Добрые голубые глаза.

— Привет, я Саймон, — говорит он.

— Желаю тебе удачи, — приветствую в ответ. — Ты прекрасно выглядишь, — добавляю с улыбкой.

Его подтянутая фигура вызывает справедливое восхищение. Он гладко выбрит и аккуратен.

Я мою руки. Он делает вид, что озабочен неисправностью молнии на брюках. Кто-то входит с ребенком.

Мы поспешили выбираться наружу, избегая вызывать подозрения у соседей. В двух шагах от туалета он нерешительно останавливается. Смотрит на меня изучающе, начинает облизывать свои губы.

— Ты хочешь что-то сказать? — настаиваю я.

— Нет, — отвечает безразлично он, поеживаясь от холода.

Я взбешен.

— Так какого же черта ты вытащил меня с унитаза! — рассерженно шепчу я. — Скажи мне свой секрет! Что ты любишь больше: сосать кол, лизать моншонку... ссать в задницу?!

Деревья злобно гудят. Ветер усиливается, подзадоривая мою нетерпеливость.

Мое лицо становится злобным от досады. Я похож на зажженную спичку. Бестолково и беспорядочно наматываю шарф вокруг шеи.

«Это дохлый номер, — твержу про себя с упрямствомексуального маньяка. — Надо идти домой, а то яй-

ца отморожу... Придется ампутировать, того и гляди. Вух, какая холодрыга».

— Совершенно нечего здесь делать, — смеется он надо мной. А затем снимает с себя пальто и бросает с размаху на кусты.

Я вижу его руки на моей груди. Как же теперь я уйду, как...

Это мешает мне. Я оторопел. Пристально смотрю на него. Во мне закипает нескрываемое раздражение.

Он же молчит. Его нос неожиданно касается моего. Его глаза стремительно темнеют.

Пара пустых фраз? Что еще? Еще что? Что может ждать нас? Между нами ничего нет и не может быть! Он готов понять, что мы больше никогда не увидим друг друга. Для этого шага у нас несколько секунд.

Он сник. Лицо изменилось до неузнаваемости. Его губы краснеют и набухают. Он искренне шепчет:

— Я тоскую по верному мужу. Будь им, прошу тебя... сегодня, на сегодня... навсегда.

Вычурность фразы бьет своей безвкусицей и открытой глупостью. Я убит наповал.

Я почти уже не злюсь на него. Язык немеет. В сердце пустота. Я не верю своим ушам.

Я нервно тереблю его кудрявые волосы. Я знаю, что этот трюк рассчитан на ослов с большим членом. Мне хочется закрыть от скуки глаза.

Опускаю руки. Отстраняюсь от него. Отхожу на несколько шагов. Прощально поглядываю на него искося.

Но что останавливает меня? Пожалуй, обесцвеченные глаза! Они гипнотизируют душу, говорят другое.

Мальчишеская беззащитность пронзает. Я ранил его самолюбие. Похоже, наглость и испуг перемешались с болью.

Он не тот, кого я встретил. Того уже нет. Это не он. Его душа раздета и смотрит на меня в ужасе. Очевидность моей двойственности с ним непростительна.

— Я убил твою надежду на любовь, — говорит мой язык неосторожно.

Он вздрагивает от услышанного.

На лице пот. Глаза потухли. Я вижу, как он молит Бога, чтобы я никогда не догадался об откровенности его слов.

А если все иначе? Я дурак! Я все понял задним числом. Я забыл разницу между правдой и притворством. Нет, он не лжец.

Я стремительно бросаюсь к нему. Я боюсь его потерять. На моем лице слезы.

— Бог ты мой! — кричу я. — Неужели ты идешь в подлый туалет за этим?! Да кто? Кто еще на этом свете может быть равен тебе? Кто может быть похож на тебя в твоей чистоте и бесконечной искренности?

Его глаза ожили. Я вижу первые искорки в зрачках! Обхватываю его за плечи. Целую его в щеку, затем в другую...

Его лицо разрумянилось. Он смотрит на меня с восхищением. Легонько отстраняется. Резко обнимает и притягивает меня к себе. Целует неумело в губы.

Прав я или нет? Разве это важно? Мы что-то быстро-быстро говорим друг другу. Никто из нас не понимает о чем. Не сговариваясь, замолкаем. Смотрим глаза в глаза. Чувствуем, как рождается что-то невероятное.

Это чудо человеческого взаимопонимания. Слов нет. Тайное скрыто от всех. Лишь мы и только мы поселились в этой тайне.

Здесь наш дом. Нас теперь не разлить водой! Между нами родилось доверие. Это наша правда. Это наша встречная попутка.

Наше принадлежит нам. Мы чувствуем взаимное тепло.

Наши души слились. Мы похожи на близнецов.

Наши лица расплываются в улыбке.

— Разве это не мы? Ты и Я? Я и Ты? Да, это Мы! Мы обрели друг друга. Разве мы не сделали несколько шагов... друг к другу?

— Нет, мы никуда не уходили. Мы уже давно стоим как вкопанные, — шутит он.

Мы ничего не слышим. Я кладу руки на его колени. Его ладони их гладят. Секретов нет. Он разделил мою искренность. Его глаза увеличиваются до размеров звезд на небе. Я тону в них.

«Господи, как ему было нелегко со мной», — проносится в голове.

Мое лицо горит. Обнимаю его опять и опять. Опять и опять. Он отвечает тем же.

— Ты слышишь, как тихо? — говорю я.

— Да, я люблю, когда... только птицы... поют, — продолжает он.

В парке безлюдно. Машин нет. К нам возвращается слух.

— Я тоже слышу птиц .. в кустах.

— Покажи, куда идти? — топчется он на месте. Я замечаю у него в руках палку, какими пользуются слепые.

12. МА

Сегодня ниже десяти градусов мороза. Ветер напорист и груб. От него не спрятаться. Я возвращаюсь с тоскливого банкета.

Куда бы ты ни шел, через Сентрал-Парк ближе всего. Отсюда десять минут до моего дома.

Захожу в туалет. Писаю. Глаза шарят по сторонам.

Сексуальными приглашениями пестрят все стены. Каждое из них — крик души. Хроника дат подчеркнуто аккуратна.

Хмыкаю от расстройства: наиболее интересные секс-послания в стихах старше двух лет. Досадливо хлопаю дверью.

Подхожу к раковине. Мою член. Споласкиваю руки. Рву кусок туалетной бумаги. Быстро тру ею пальцы. С облегчением взываю. Оказывается, ресторан по соседству — хорошая штука.

Хочу поскорее лечь спать. Скорей бы домой. В животе приятный покой. Это неожиданно после такого количества красного перца.

Но что это? А это зачем? Прилив острого сексуального возбуждения ломает все мои планы: мой маленький дружок проснулся. Со мной происходит что-то непонятное.

«И чего ему надо в такой холод? — не соглашаюсь с ним. — Откуда такой энтузиазм из штанов?»

На память приходит мудрость старииков: перец — лучшее средство от импотенции. Ха! Разве не так? Возразить на это трудно.

Мне как-то не по себе. Недостаток места в плавках подтверждает слова мудрецов. Мой друг, вступив в свои права, превратился в моего хозяина. Я вижу, как самое красивое место на моих брюках стоит горой, и сдаюсь.

Впрочем, что же здесь плохого? Гордиться надо, парень! «Помоги себе», — приходит на ум пошлая фраза каждого утопающего.

Встаю на унитаз и выглядываю из туалетного окна наружу: ищу спасения из темноты ночи. Вдруг повезет и кто-то придет посмотреть на мерзлого чудака? А затем, кто ведает, и переспит с ним.

Рядом никого нет. Парк мертв. Птицы, похоже, и те сдохли от мороза.

Ворчу. Яркий свет раздражает. От назойливого освещения светлее, чем днем. Полицейская задумка осветить туалеты ярче, чем футбольное поле, — ясна идиоту.

«Охотиться на голубых легче, если они видны, как блохи на ладони», — читаю я, точно экстрасенс, подобные секретные распоряжения муниципалитета.

Слухи об их грандиозном успехе растут день ото дня. Каждое воскресенье особо злобствуют местные женские организации. Активистки с горящими глазами, что полны нелепых страостей и паранойи, бросаются ко всем парням, разговаривающим друг с другом около туалетов.

Спасает же настоящих голубых только «ушной» телефон. Его работа безотказна. «Голубые блохи» знают, когда жирные и розовые свиньи заняты. Полицейских никогда не бывает здесь после одиннадцати вечера.

Впрочем, чего это я забочусь обо всем мире? Я хочу домой!

Сильный порыв ветра заставил вздрогнуть. Я не заметил, как вышел наружу.

— Ух, как знобит,— сказал себе.

В ответ подозрительно заклокотало в горле. Прислушался к желудку. Ответа нет. Радостно вздохнул от мысли, что это не перец. Кажется, пронесло. На всякий случай пообещал себе забыть дорогу к мексиканцам.

Краем глаза заметил движение. Кто еще может бродить в такой холод?

Но мне не показалось. Ко мне кто-то идет? Нет, во все пест! Да, идет. Стою неподвижно. Присматриваюсь.

Он невысок. Лица не видно из-под капюшона. Ноги нетерпеливо пританцовывают.

На минуту он замер. Повернулся в мою сторону. Машет рукой. Нет. Перестал. Беспорядочными скачками бежит навстречу. Заметно, что его ноги неестественно скрючены.

Не дожидаясь вопроса, спрашиваю его для своего успокоения:

— Как долго стоишь?

— Два часа,— сухо отвечает он.

Я рад. Моя догадка не оправдалась: он вовсе не инвалид. Невольно смеюсь. Его нос смешно торчит из гонконгского шарфа. Целую его в эту красную сплющенную шишку. Теряю на ходу равновесие. Ветер прижимает нас друг к другу. Его пальцы греют меня. Странно, случилось невероятное! Руки быстро согреваются. Я почувствовал их снова.

— Ты очень горячий парень,— замечаю с улыбкой.

В ответ высываются усы.

— Ты прав, если говоришь о верхней половине,— шепчут через шарф его губы. Его подбородок и шея тщательно скрыты.

Я невольно вздрагиваю. Его юмор подтверждает мое опасение: перед глазами стоит профиль хромца без члена. Мое воображение пугает меня. Смертельно бледнею...

— Боже, так это же трагедия! Нижняя половина для нас самая главная,— вскрикиваю.

Но он не понимает моего ужаса. Мой мужской энтузиазм ему не передается. Холод притупил его эмоции.

Он добавляет:

— Я совсем не чувствую ног. Все внутри заледенело.

Я облегченно перевожу дыхание. Странно смущен. Стыжусь своих фантазий.

Предлагаю попрыгать на месте. Скачем вместе на левой ноге, затем на правой.

Наш танец смешит пьяного прохожего. Он останавливается. Наверное, думает, что у него галлюцинация. Он прячет лицо в воротник и ложится под дерево. Тень от пихты скрывает пар его дыхания. Нас это не беспокоит.

— Стало тепло,— соглашаемся друг с другом. Мой русский рецепт для сталинградских немцев явно сработал. Его ноги оттали. Шарф сполз на траву, как ненужный и лишний комок шерсти. Он улыбается во весь рот.

Признаюсь, что я рад, что он нормальный и сверху и снизу. Вижу, он удивлен. Ничего не понимает.

Я ему растолковываю свои чувства. Мне еле удается сдержать смех. Он же задыхается от хохота...

— Нет, я пока не сексуальный инвалид,— подтрунивает он над собой.

Зову его к себе. Мы удачливы: такси прямо навстречу.

Немногословно говорит о себе. Передо мной обычай история. Двое детей. Он уложил их спать. Жена гостит сегодня у его матери. Поэтому-то он и свободен на ночь.

Мне становится скучно. Было бы интереснее, если бы он врал. Вожу пальцем по стеклу. Я вижу, все это правда!

Искренность подкупает. Все рассказано быстро и открыто. Рад, что не врет. Ведь это бывает не часто с отцами семейств... Грубо прерываю его:

— Ты мне нравишься.

Вида согласие, залезаю в его брюки чуть ли не по горло. Убеждаюсь, что мой комплимент справедлив.

— Я никогда не вру, как и ты. Просто я люблю маленьких китайцев!

Он насупливается. Немедленно поправляет меня. Оказывается, вся его родня из Кореи, как и он сам. Его глаза смотрят с укоризной.

Машина подскакивает на ухабе.

— А разве это все так уж важно? — подмигиваю ему.

Мы по-детски заливаемся смехом. Удержаться невозможно. Мы говорим о всеобщих истинах. Между ним и мной различий нет.

— Если это так, то почему важны для вас... все качества... китайцев мира? — спрашивает он.

Я плохо понимаю его английский. Слова как-то на-выворот. Я испугался, не хочу его обидеть, но и потерять боюсь.

Я немедленно исповедуюсь перед ним. Мой взгляд беспомощен. Он выдает мое смущение и вину перед ним за неосторожное слово...

— У меня нет секретов. Я люблю всех вокруг. Я каюсь. Просто-напросто все корейцы и китайцы для меня на одно лицо. Это правда, и я не способен ничего изменить,— объясняю я.

Он делает открытие, что я абсолютно безнадежен.

Но что это? Так быстро... Да, это шофер открыл дверь такси. Кореец вытирает слезы от смеха.

Его твердый голос заставляет меня согласиться с тем, что он платит. Я киваю в ответ и бегу открывать свой дом.

Присаживаемся около камина. Он бросается навзничь. Вытягивает ноги к огню. Предлагает раздеть его.

Это легко. Я быстро разбрасываю одежду по сторонам. Невероятной красоты смуглая кожа искрится. Отблеск огня делает ее шелковистой.

— Ты красив! — восхищаюсь я.

Он садится по-восточному на пятки. Трется головой о мои колени. Встает, раздевает меня.

У него удивительные руки. Такую трепетную чувственность и томную мягкость я не встречал никогда. Я раздет и ложусь.

Он склоняется надо мной, выгибаясь, как кошка. Его глаза завораживают. Их застилает поволока.

Я целую сухие губы. На них соль. Я в полудреме.

Он садится мне на живот. Слегка царапает мою и свою грудь. Покусывает мой язык. Целует мочки ушей. Все в нем движется. Все подвижно.

Мы куда-то летим. Водоворот Эроса захлестывает сознание. Оргазм глубок и пронзителен. Все случилось одновременно. Никто не опередил друг друга.

Треск углей возвращает нас обратно в спальню. В камине еле теплится жизнь.

Он напоминает мне, как мы встретились у похабного туалета. Говорит нежно о моем первом поцелуе. Прощально целует меня в нос.

Мы расстаемся легко. Это взаимно. Мы искренне рады друг другу.

Здесь нет нужды искать то, чего нет: никакой любви не было между нами. Наши отношения бескорыстны. Мы чувствуем это безошибочно. Я рад, что у меня появился новый дружок.

— С тобой мне легко и хорошо. А это, сам знаешь, бывает редко. Разве не так? — спрашиваю я его в дверях.

— Самое дорогое, что мы свободны от гадкого притворства,— отвечает, одеваясь, он.

— Притворство обязательно заставляет лгать,— вторит мой голос за нас двоих — Мы же этого не хотим и потому не делаем.

То, что я путаю корейцев с китайцами, не мешает ему. Секс помог нам сблизиться.

— Заходи, если будешь рядом,— целую его в висок на прощание.

Он обхватывает меня со спины. Повисает на шее. Пронзительно смотрит. Его дыхание выдает чрезмерное волнение.

— Я не думал, что обычные десять минут секса могут быть такими,— замечает он.

Я зажмуриваюсь. Его глаза — настоящее чудо.

— Все ли корейцы такие? — шепчу я.

— Нет, нет, нет! Я один. Только я, Ма. Только я один такой для тебя на весь Нью-Йорк, — смущается он ревниво.

— Я завтра еду в Сингапур,— сообщаю я.

— А когда ты вернешься? Не скоро? Вот тебе адрес. Я буду с нетерпением ждать. Звони,— подойдя к столу, говорит он.

— Мне хочется заварить чай для нас,— заканчиваю я, слегка сжимая его плечи. — Конечно, ты один и только один такой, — говорю сквозь жаркий поцелуй.

Моя душа тает. «Неужели это любовь?» — спрашиваю я себя с недоверием.

— Спасибо, я счастлив. Кажется, счастлив. Как никогда счастлив,— почти неслышно отвечает он.

Я доверчиво слушаю, не пропускаю ни одного слова. Его обаяние бесконечно. Его робкая улыбка неотразима.

Я чуть-чуть подталкиваю его к двери. Снова нежно целую в затылок:

— Доброе утро, Ма! Доброе утро! Такси у ворот!

Хлопает дверь. Его нет. Я один.

«Опять один. Вечно один. Всегда один», — мерно позвякивают часы.

Кричит глупая механическая кукушка.

— Всего два раза, а шуму на весь дом,— ворчу я.

Протяжный гул птичьего эха раздается по пустым комнагам. Иду к телефону. Неожиданно вижу сто дол-

ларов на стуле, где он одевался. Откуда они здесь?! Догадаться несложно.

Краснею от досады. Завтра пошлю их из Сингапура сюда, в Штаты.

Чувствую в ногах холод. Что еще сегодня ожидает меня?

С размаху запускаю полено в огонь. Угли с шипением падают на ковер. Подбираю их и бросаю обратно.

Запах горелой кожи отстранил боль.

— Доброй ночи, Ма! Доброй ночи... Я был прав. Мое подсознание недаром твердило мне о китайцах, корейцах и японцах. Все они на одно лицо. Прощай, мой Ма, навсегда. Я не хочу быть твоей гейшей.

13. ПАВЕЛ

Солнечный день. Стол залит теплым светом. Пахнет молоком. Вот-вот закипит чайник. Противно звенит звонок.

«Кто бы это мог быть? Я никого не жду». Напряли-ваю халат и бегу открывать.

В дверях парень. В руках искореженное колесо. Видно, что поломка серьезная.

— Чем я могу помочь? — спрашиваю удивленно. Он изучает меня взглядом.

Незнакомец просит разрешения оставить велосипед. Слыши обещание забрать его вечером. Я согласен.

Он возвращается с горой хлама. Все сваливает на веранде. Заискивающие извинения не принимаю. От всех его слов отмахиваюсь. Мне ничего от него не надо. Мои руки машут бесконтрольно в разные стороны.

— Какое там еще беспокойство? — возражаю я. — Пустяки! Делай, как тебе удобно.

Торопливо твержу: «Пока! Пока, парень! Пока!» — выпроваживаю его из дома.

Наконец дверь закрыта, его нет.

«Слава Богу», — выдыхаю облегченно.

Смотрю поспешно на часы. Грустно. Завтрак потеснян. Уже без четверти двадцать. Еще раз смотрю зачесмто в окно. Вижу, как исчезает его спина.

Возвращаюсь на кухню, открываю холодильник. Хватаю вчерашний сандвич. На обратном пути спотыкаюсь о велосипедный руль.

Второпях перебегаю дорогу. Впихиваюсь в автобус.
— Ух, успел!

Следующий автобус через час. А это уже ненужная трагедия.

Вот и десять минут пролетели. Я вижу университет в окне автобуса. Его серые здания несущиразны. Выхожу на своей остановке.

Все начинается снова. Мой новый день ничем не отличается от старого. Раз, два... три. Идет репетиция. Раз, два... три. Заканчиваются занятия студентов.

После ленча время бежит особенно стремительно. Это повседневная правда.

Опять смотрю на часы. Невероятно! Не успеешь оглянуться — рабочий день окончен! Задираю рукав. Трудно поверить: на часах пять.

Математика в моей жизни составляет все. Нужный автобус в 5.05. Моя паника понята.

Одним движением сгребаю бумаги со стола. Получилась большая охапка. Бегу вприпрыжку.

Отстать не хочу. Следующий проклятый автобус в 6.05. Сидеть ненужный час на остановке глупо. Мысль опоздать вызывает приступ голода. Откуда это? Ах, конечно, совсем забыл! Пообедать снова не удалось. Разве я забыл? Сегодняшний ленч потрачен на любопытный семинар на театральном факультете. «Легкомыслие — твой злейший враг», — напоминаю себе.

Чувствую необыкновенную усталость. Кручу головой. Вижу, приближается гроза. Еще этого мне не хватало.

— То же самое было вчера, — слышу за спиной. Голос очень знакомый. Это моя коллега.

Мы смотрим на тучи. Соглашаюсь принять помощь. Разве не удача? Я облегчен на килограмм. Она со вздохом складывает папки под навес у остановки.

— Фанатики долго не живут,— слышу ее упрек, высказанный полуслепотом.

Нам таки не везет. Кто-то говорит: «Автобус опаздывает из-за потопа на соседней улице». Полчаса курим. Что еще делать? Положение — глупее не придумаешь: над головой гремит, молния сверкает. Но, кажется, мы спасены.

Из-за поворота тяжело пыхтит автобус.

Наконец-то мы внутри. Купили билеты. Начинается дождь. Бумаги спасены, и поэтому я спокоен. Барабанный шум от шквала воды за окном поднимает настроение.

— Настоящий водопад,— замечает она.

— Настоящий водопад,— улыбаюсь в ответ. Чувствую, что жизнь не так уж плоха: я в безопасности!

Улыбаюсь опять своему везению. «Не странно ли, что зонт забыт дома именно перед дождем, как всегда. Он покорно ждет меня на вешалке», — думаю невольно.

— Пока. Это мой перекресток! — прощаюсь до завтра.

Выхожу. Все благополучно. Грозы нет. Перехожу дорогу. Открываю калитку в сад. Ливень падает струйной. Но ничего, пять метров пробегу. Чувствую, на мне нет сухого места. Я облит как из ведра.

Кто-то есть на веранде. Подхожу ближе. Узнаю утреншего парня. Он приветливо машет рукой за стеклом. В двух шагах от входа радостно кричу: « Привет!» Вбегаю под крышу. Сюрприз.

Останавливаюсь как вкопанный. До невозможности истертаяекс-кукла лежит у него в ногах. Верзила со смаком мастурбирует.

Я похотливо возбужден. Живой голливудский порнографический фильм впечатляет. Кровь ударяет в виски. Ноги подкашиваются.

Порыв ветра выхватывает у меня бумаги. Все, что в руках, улетает через дверь. Ручьи крутят из бумаг забавный коктейль. Они жадно прилипают к траве. В ужасе выбегаю наружу.

Скачу клоуном по саду. Беспомощно подбираю размокшие комки из экзаменационных ведомостей. Гром ожесточенно грохочет. Дождь бьет меня наотмашь по лицу. Наконец я поймал последний клок. Теперь я свободен.

Возвращаюсь. На веранде еще два листка под колесом велосипеда.

— Плевать я на них хотел,— говорю под нос.

— Слава Богу, вот мы и в сухом месте,— заявляет он.

С облегчением вздыхаю. Я согласен на все. Мне надо передохнуть. Сажусь на край стула.

Немедленно вскакиваю. Второй сюрприз.

Я сел на коробку презервативов и крем! У меня нет слов. Кладу найденное на пол. Вижу под столом его плавки. Что еще меня ждет?

Мой вид жалок, вокруг меня растут лужи. Волосы сбились в ком. Одежда намертво прилипла к телу. Все вокруг отвратительно.

Как быть?

Делаю открытие! Мое присутствие парня не трогает. Наглец продолжает свою забаву, но уже двумя руками. Меня как бы и нет.

Его ученические штаны и рубаха пристроены удобно под головой. Губы что-то напевают. Он ритмично раскачивается, лукаво улыбается. Наконец облегченно вздыхает. Из его члена выстрел. Молочная струя летит на метр.

Несколько капель жадно съедают мои бумаги. Невольно улыбаюсь странной мысли: «Разве это не смешно? Оказывается, дождя им совсем недостаточно. Они хотят еще... Какой голод! Тяга бумаги к сперме будоражит. А может, ей этого и не хватает...» Мои руки грустно разглаживают экзаменационные листки, торопливо исчерченные схемами танцев.

Неожиданно возвращается чувство юмора. Я нервно хлопаю в ладоши, смотрю на него в упор.

Аплодисменты привлекают его внимание. Я перестаю быть посторонним.

Я рад его спектаклю для меня, но вот... Во мне просыпается домовладелец. Это чувство взрывает мое честолюбие. Меня бесит трагикомичность собственного положения. Мое лицо искажает гнев, а глаза наливаются отравленной кровью. Таким я предстал в зеркале, что висит напротив меня на веранде. Каково, а?

«Все экзаменационные листы верни завтра до обеда», — мелькает в голове напоминание профессора.

Моя улыбка становится злой. Я готов растерзать идиота. Я встал в позу боксера.

Неожиданно дождь стихает. Луч солнца пробежал от окна к окну. Это чудо! Солнечные зайчики разбили цветной витраж на радуги, что выткали цветами пол у моих ног.

Я снимаю очки. Мне надо потереть левое веко. Я устал от всего. Мне так нужен отдых после работы! Я хочу есть и спать. Я закрыл глаза. Но что это за шум? Парень бросается на меня.

Его язык по-щеняччи лижет мое лицо. Это длится вечность. Я теряю ощущение времени. По телу пробегает озноб. Пальцы бесчувственны. Очки летят куда-то на пол.

Я повисаю на нем. Похоть победила. Мне все безразлично, кроме него. Притяжение наших тел непреодолимо. Его страсть слепа и неразборчива.

Любовь? Какая там еще любовь! Здесь нет любви и в помине, просто два мужских тела хотят трахнуться. Откуда это — ни он, ни я не знаем. Мы подчиняемся инстинкту эгоизма.

Тысячи одиночеств и разорванных дружб задрючили меня вконец. Я хочу любого. Пусть это будет он.

Подросток крепко сжимает мою руку. Боль ломает пальцы. Мои зубы стучат. Это ударяет в голову как хмель.

Неосторожно кусаю язык. На губах вкус крови. Он подает мне платок.

Мы заходим в спальню рука в руке.

На полу удобно. Овечья шкура приятно греет. Ему нравится сосать член.

Все **его** тело излучает удовольствие. Упоение бесконечно. Время от времени конвульсивные волны пробегают между его сосками. Я стал молчаливой куклой.

Между нами немое согласие. Наши эротические фантазии совпали. Чувство восхищения друг другом взаимно. Откуда все это?

Часы грубо бьют семь раз. Он вскакивает. Быстро одевается. Отказывается от чая. Просит десять долларов на такси. Немедленно получает их из кухонного стола.

Через несколько минут его и след простыл. Я сделал все, что он просил, молча. Теперь его нет, как будто и не было никогда. Вокруг глухая тишина.

— Разве я не хотел этого?

Я хозяин мертвого дома. Я остался наконец-то один.

Иду в ванную комнату. Включаю спа. Пузырьки воздуха весело бурлят и пенят воду.

«Это ли то, что я хотел сегодня? Это ли, а?» — плачу я.

— А разве не с утра наперекосяк пошло все вокруг? Неудивительно, что закончилось так же, — неискренне говорю сам себе.

«Как же его зовут? — приходит в голову. — Да не все ли равно?»

— Нет, все-таки, как зовут велосипедиста? — говорю вслух.

«Давай назовем его Павел, Павел-мальчиш. Это хорошее имя», — предлагает мой внутренний голос. Я покорно соглашаюсь.

Мне нравится это имя. Ведь точно так же зовут ректора моего университета. Комичность аналогии вызывает у меня смех.

«Интересно, не у него ли он украл куклу...» — грызет нелепая мысль. Впрочем, я забыл о спа.

Я касаюсь пены кончиком мизинца. Погружаюсь медленно в обжигающую воду, закрываю глаза.

Бурлящие пузыри воздуха помогают забыть сумбурный день. Думать ни о чем не хочется. Моя жизнь, как и велосипедный хлам, скучна и нелепа. Голова становится чиста, точно первый снег за окном поутру.

Завтра меня ждет новый день. Какой он будет, никто не знает. Но почему я смотрю на веранду, где лежат егоекс-кукла и сломанный велосипед?

От странного предчувствия замираю: «Где завтра лягу я среди забытого им хлама? Кто станет куклой на этот раз?»

14. МИШЭЛ

Пять или шесть раз я сегодня проходил через Сентрал-Парк: то иду к другу в больницу, то возвращаюсь в библиотеку, то надо за покупками в магазин, то на почту.

Несколько раз передо мной мелькало одно и то же лицо.

Он сидит на скамейке неподвижно. Он курит. Ясно, что он сидит и сидит там же и ждет... Может, меня?!

Я подхожу ближе. Пожалуй, это даже любопытно, разве нет? Его лицо мне нравится, ему от силы семнадцать.

Присаживаюсь на скамейку, он не отодвигается. Он смотрит и спрашивает:

— Сколько времени?

Я отвечаю:

— Семнадцать. — Я не понимаю себя, почему «семнадцать»? Ведь проще сказать «пять».

— Ведь «пять» — значительно проще, — подмигивает он мне в ответ.

— Ты что, читаешь мои мысли? Обольститель!

— Да, — отвечает он без тени смущения.

— Я вижу тебя сегодня... целый день,— продолжают я.

— Это так, мой друг уехал утром в Новый Орлеан. Я один здесь с утра. Вот я и... сижу. Привет, я Мишэл.

— Тебе не холодно? Ведь ты сидишь в парке больше восьми часов? — спрашиваю осторожно. Мне он очень нравится, бесконечно, дьявольски нравится.

— Когда ты окончил школу?

— В прошлом году,— отвечает он.

— Скажи мне, парень, ты — проститутка?

— Нет, вовсе нет, но я люблю полуночных шоферов...

— О, а может, ты... захочешь побывать со мной?

— Нет, ты мне не нравишься,— слышу в ответ.

— А если я заплачу тебе? Сколько ты хочешь?

— О нет, нет — мне ничего не надо. Я просто так, бесплатно.

Он неожиданно встает. Я заметил, он взъерошен.

Секунда — и он стремительно бежит к туалетам. Я вижу, как кто-то действительно зашел туда с мужской стороны. Молча смотрю ему в спину.

Его фигура останавливается в нескольких метрах от мужчины, который закончил ссать, и возвращается. Видно, он не утерпел и пристает к нему с соблазнительным предложением. Тот помахал ему рукой и быстро ушел прочь.

Кажется, парень разочарован... Он вразвалочку идет назад... и садится ко мне.

— Ну, что? Тебе повезло?

— Нет,— грустно шепчет он.

— Слушай, но почему не я? Здесь, на скамейке...

— Но ведь в туалете лучше! Идем! — поясняет он. Я совершенно не понимаю его.

— Почему, почему лучше? Ведь там грязь, грибки, спид, венерические штучки, вирусы и... все, о чем может мечтать самоубийца...

— Нет, нет,— перебивает он меня.— Мне любится только там.

— Бог ты мой! Ну что ж... бери меня в туалете. Ты что, мечтаешь о сказочной дыре в стене на уровне рта? — говорю я с отвращением в голосе.

— О да! Это великолепно! Я упиваюсь этим уже несколько недель,— восторженно вскрикивает он. Я все понимаю.

Мне становится ясно. Он... как бешеная собака, сорвавшаяся с цепи... в период течки.

Я смотрю на него с азартом. Что я могу сказать, он...ется с восьми утра и с каждым встречным, пока друга нет здесь, в Нью-Йорке.

Мои глаза тускнеют от отчаяния. Я рад, что он преберег мной. Кто он в конце концов? Человек? Животное? Или человеко-животное? Экзотическая бестия, которая сидит на улице.

Я закуриваю мой любимый «Мальборо», протягиваю ему пачку, предлагаю зажигалку. Он жадно берет несколько сигарет про запас... Я не выдерживаю:

— Бери, сколько хочешь... Не жалко. Прощай! — говорю вставая.

«Бедный парень,— думаю я.— Как ужасно, что в тебе еще не проснулся человек. В тебе сидит дьявол, который сделал тебя рабом и утопил твою человечность в животном сластолюбии. Ах, парень, парень!»

Все это прокручивается магнитофонной лентой в моей голове. От нахлынувшей горечи я ощущаю приступ астмы.

Замазанная спермой дыра стоит в моей памяти. Да, это отвратительно. Кровь стучит в висках кастаньетами. Мне несдобровать, если я попаду опять в больницу.

«Нет, нет, я не хочу приступа аллергии или астмы. Ради Бога, нет, нет! Я здоров как бык», — винуваю я себя.

— Бедный, бедный парень,— шепчу я зло.

Я чувствую его взгляд спиной. Я уверен, он смотрит мне вслед. Он потерял еще одного несговорчивого клиента. Того, кто не хочет его уламывать или не набивает ему цену.

Я складываю ладони рупором и кричу:

— Не горюй, сукин сын! Тебе обязательно повезет!
Я уверен!

Доброй тебе удачи: ведь быть рабом любви не так уж и плохо. Во всяком случае, это не самое опасное в наше время. Ты никому не причиняешь боль! Ты не убиваешь! Ты даже... не из армии насильников. Ты просто отдаешь свое тело и губы всем, кто тебе приглянулся. Ты даришь себя всем тем, кто поманит тебя пальцем...

А все-таки, почему мне как-то не по себе? Почему я чувствую себя не в своей тарелке?

«Да это очень просто! Это не твоя тарелка, — подтверждает мой внутренний голос. — А поэ...» Моя нелепая фраза прерывается на полуслове, я иду к темной табачной лавке на углу аллеи.

Моя рука выбрасывает пустую коробку из-под сигарет. Мой язык спазматически скохся от отсутствия табачного дыма. Необходимо сломя голову бежать в табачный магазин, который вот-вот закроется.

«А зажигалка? Где же зажигалка?» — спрашиваю я себя.

«Ее нет», — отвечает рука, ничего не найдя в карманах.

Все ясно, он... обокрал меня. Ведь я подарил ему только сигареты.

— Ух, сатана! Да, конечно, ты, парень, — охотник, и ты хорошо знаешь свое дело!

— Он знает, знает... свое дело, этот молодой... сластена! — слышу голос за моей спиной. — Я его друг. Я не поехал в Новый Орлеан. Мне тоже интересно, что он делает без меня.

15. ДЖОН

Часы не молчат. Они идут: тик-так, тик-тик-так. Их разговор в тakt моему горю. Так-так-так, тик-так... так-так-так.

Он уехал сегодня, не сказав «прощай». Он пропал, как пропадает неизвестный прохожий на улице.

Это стало так-так, как-как исчезают случайные птицы в высоте, как-как уходят чужие поезда.

Так... как-так-так никогда не возвращаются облака, парящие в бесконечном небе.

На моем молочном, розовом и голубом небосводе умерла надежда. Все превратилось вокруг в испарения грязи и тумана, которые он просто звал «водой».

С ним они падали ласковыми дождями. Мне они светили калейдоскопами из радуг, когда он был рядом: так-так-так...

Новое — это не теперь! Тик-тик-как...

Но все это не важно! Как-как-как...

И чего это я все об облаках и о небе... На земле все проще и надежнее... Разве не так? Так-так-как... как.

Когда я родился, этого парня еще не было. Три его брата должны были появиться на свет до него, а только затем пришел его черед.

Да, Джон, это так! Так-как... так.

А произошло это бесконечно нескоро.

Ох как нескоро! Джон! В мои шестнадцать ему исполнился лишь один год, и было это в месяц моего рождения.

Я не предполагал о его существовании. Мы жили на разных континентах. Наш день пришел позднее, когда мне исполнилось сорок.

Я жил в его стране к этому сроку девять лет. Я успел потерять семью, жену и детей. Я жил в тупом одиночестве. Самое лучшее, что я открыл за свою жизнь, — это он!

Ему было двадцать пять. Мне — все те же сорок.

Мы любили друг друга 247 дней. Каждый день был праздником. Я обрел смысл жизни!

«Больше всего ты боялся только одного — он постучит в дверь», — говорит молчание часовых стрелок со мной один на один.

«А почему я слышу свой разговор с часами как бы со стороны? — не понимаю я себя. — Все, понял. Это не они, это телепатия».

— Хуже всего, если бы мы родились не в один месяц, но в один год, — сказал Джон. — В последнем случае я бы не смог объяснить всего происходящего вокруг нас. Я бы умер в секунды, — добавил он.

— Почему нет? Не спрашивай меня, пожалуйста, — вскрикнул я, протирая глаза и слушая его чрезмерно внятные слова из ниоткуда.

— Ответ ясен: ты просто умер бы без меня, — сказал он, переваливаясь с боку на бок.

Я ничего не понял. Я встал и зажег свет, не веря своим глазам и ушам.

— Ты все еще здесь, Джон? Разве ты никуда не ушел вчера?

Он не слышит меня. Он спит, накрыв ухо подушкой. Он не уходил...

Это был мой сон о нем. Вот и все. Совсем все. Я выключаю свет и лежу с открытыми глазами.

Я знаю, что сон в руку. Все так и не иначе, и я действительно когда-то умру, но обязательно хочу это сделать раньше него.

Судьба наказала меня: я родился слишком рано. На календаре 248-й день моего счастья.

Но не у судьбы ли все иначе решено за нас?

Это наше последнее утро. Откуда Джон здесь, я не понимаю?

Наша последняя ночь длилась долго и была давно. Мы тогда не знали, что его последний поезд уже отошел вчера. Ломкие колеса были готовы раздавить наши хрупкие черепки-жизни сегодня. Они обязательно разорвут его в клочья, как бумагу истерпых и замасленных газет. Его смерть готовится остановить мою жизнь, превратив наши дни, проведенные вместе, в жидкое стекло зимних прудов под окном моей больницы. Где я сошел с ума.

— Разве разлука — это смерть?! Да-да-да... Тик-так-тик-тик... — раскачиваюсь я уже двадцать лет в своем

кресле-качалке. Могила Джона через дорогу, где случилась эта железнодорожная трагедия.

— А что думаешь об этом сне на Светлый понедельник ты, Патрик?

С приветом, твой Р.Н.

16. ВОВА

Сижу и курю. Разве еще не утро? Два или больше? А это что за парень? Не его ли я так давно жду...

Он совершенно пьян. Во всех движениях беспорядочная развязность. Руки и ноги как соломинки. Глаза? Их просто нет! Это два расположившихся куска кухонного мыла! Он высунул язык и раздул небритые щеки.

Да он же до беспамятства пьян! Но кого еще можно встретить под утро в парке? Ведь уже три часа!

Но почему я оторопел, когда он подошел и попросил подцепить его к себе до обеда? Разве я знаю, что делать с ним так долго... до обеда?

— Сколько пива ты хлебнул? — спросил я с любопытством.

— Кто его знает, да и что из того? Лучше не будет! — ответил он сквозь рокот в животе. — Я Вова.

— Ты хочешь меня, Вова, — спросил я, — или пива?

— Да, очень, и... как можно быстрее, — торопливо подгоняет он. — Да поживей! Но... сначала тебя, а потом пиво. Ну что ж! Самый быстрый путь: такси, — добавил он, глядя на мои губы и выдохнув кольцо табачного дыма. — Сам догадайся, где это.

Такси так такси — мы сидели в нем уже через минуту, продолжая беседовать о пиве.

У меня он поспешил разделся и завалился навзничь. Начал вилять соблазнительным задом.

У него великолепные колени, мягкие ноги, теплые ступни... и все остальное, как ни странно, атлетической формы.

— Ты аппетитный малый! — с восторгом потрогал я его живот.

— Да, мне все это говорят,— сказал он сквозь зевоту. — Ты прав. Твои нью-йоркские дружки в округе — не дураки и со вкусом! Впрочем, смотри сам, я настоящая еврейская девушка! Ну прямо-таки совсем... душка! — закончил он наигранно и раздвинул ягодицы для полета «террориста».

Я неторопливо провел по ним рукой, удивляясь ссадинам и царапинам.

— Можешь ты ударить меня по попке, как это делал мой папочка? — плаксиво озадачил он меня, доставая солдатский ремень с бляхой.

— А как это?!

— Да как обычно... — показал он то, что приносит ему чувственное удовольствие.

— Это и впрямь что-то новое для меня,— протяжно и нараспев произнес я, не желая участвовать в садизме.

В ответ произошло неожиданное.

Он весь раскраснелся от удара. На его теле выступили темные пятна. Он засопел от сладострастия. Было видно, что это вызывает у него эрекцию.

— Иначе не испытываю возбуждения... Мой член напрочь молчит и бесчувственно висит, как слоновий хобот,— объяснил он сквозь конвульсии оргазма.

— Да, но что же я буду делать с тобой, девушка? — добавил я, осматривая с любопытством его порозовевшие ягодицы.

Они горели и благоухали, словно девственные розы... А может быть... и девичьи груди!

— Ты видишь мой девичий румянец... это всегда так бывает,— напористо объяснил он, тая от откровенного сексуального изнеможения.

Я видел, как он весь напрягся и стал походить на скрученную пружину. Мне не хотелось пробовать грушу с червоточиной.

— Бог ты мой! Прости, Бог, меня за мою ночную жизнь. Этот полуночник делает меня совершенно

больным,— сказал я себе еле слышно.— Ведь я выгудил не того. Между нами нет ничего общего, разве не так?

— Ты можешь сходить в ванную и помыться, парень,— обозлился я на себя.

— Нет, я никогда этого не делаю,— огорчил он меня опять.

— Ну, а выпить ты хочешь? — пытаюсь я избавиться от него.

— Нет... Но, пожалуй, ледяного пива было бы хорошо, — послышался, к моему облегчению, ответ.

Я стремглав бросился к холодильнику и немедля с радостной улыбкой почтальона, освободившегося от работы, вручил ему напиток.

— Спасибо, Руди! — проговорил он и начал храпеть через пару секунд.

Вот и хорошо, уже четыре. День начат, и я могу пойти в другую спальню. У меня их несколько. Я вылавливаю две таблетки и допиваю его пиво. Снотворное иногда помогает избавиться от неприятных знакомых. Хвала Богу, что так случилось и сейчас. Я оставляю его со спокойным сердцем, ему спать не менее десяти часов.

— Посмотрим, как ты выглядишь на свету, Вова,— сказал я.— Доброй ночи, доброй ночи... девственница-душка!

17. ФРЕДДИ

Дом для престарелых. Все медленно и тихо. Размытыми тенями передвигаются врачи и медицинские сестры. Это место, где умирают пережившие всех вокруг. Здесь больны своим чрезмерным долголетием. Один из них — мой Фредди.

— Скажи мне, Ваше Высочество, что такое любовь? Было ли это у вас в жизни? — спрашиваю одного из князей Русского Императорского Двора.

— А почему ты спрашиваешь, холоп? — отвечает он вопросом.

— Ну, знаете! Вы прожили в три раза больше, чем я. Разве нет, Фредди, дружище?

Он насупился, помрачнел и замолчал. Грустная тишина разделила нас. Я не хотел заговаривать первым.

У меня болело сердце. Время шло и шло. Я молча закурил третью сигарету, боясь потревожить его. Затем вернулся на кухню, вымыл посуду, постелил постель. Я согрел шоколад, который он любит выпить перед сном.

«Что еще?» — подумал я.

Он поднял голову, почесал артритные пальцы и сухо улыбнулся. Его глаза засветились добрым янтарным светом.

— А ведь я, кажется, знаю ответ, — начал он, привычно заикаясь. — Восемьдесят пять — это возраст, когда и я должен знать ответ на все.

— Ну что же, попробуйте! — ободрил его я, досадуя на свою назойливость.

— Ты помнишь всех моих любовников, Руди? — спросил Фредди, пряча улыбку в серебристые усы.

— Только двоих, пожалуй. Да и тех смутно, — произнес я.

— Вот и ответ: это не любовь, а увлечения и забавы, пустые игры для взрослых детей.

Все, что случается между нами, просачивается, как струйка в песочных часах. Все ненадежно.

Один уходит, а другой приходит вслед за ним. Никто не держится друг за друга. Все бегут от постоянства.

Наши чувства жухнут, как вчерашние цветы, вкусы, воспоминания и запахи. Их преследует пошлый калейдоскоп повседневности.

Мы как волны, рыхлящие песок на пляже суety. В этом вся наша жизнь. Трагедия, что нас ничто не может насытить.

Что-то важное потеряно. Нет, того не заменят ни секундный оргазм, ни сексуальные страсти, ни общие недостатки, ни даже нередкая нежная забота друг о друге.

Счастье минует нас в один день, как только чего-то становится недостаточно. Мы напоминаем бездетные семейные пары.

Вот тогда-то и наступает горе. В этом весь ответ. Именно в этом.

Ничто не может быть постоянным между людьми, пока нет третьего, а это третье и есть незачатый ребенок. Здесь спрятан секрет ничейности нашей любви, голубой любви... мужской. Вспомни сам! Я уверен, ты слышал от других, что даже самая отвратительная женщина... Вспомни, даже самый жестокий муж... Разве они не забывают о неприязни друг к другу, когда смотрят на детскую кроватку?

Морчины их скорби немедленно разглаживаются. Их ребенок счастлив! Он не виновен в их неприязни друг к другу... Разве его рождение было бы возможно без них? Его лучших на всем свете мамы и папы!

Ребенок благодарен им двоим за свой приход на этот свет. Они подарили ему жизнь.

Он сделал их бессмертными среди бесчисленных поколений.

Кто спросит нас? Кто помнит? Кто из этих тысяч пап его папы был лучше или хуже? За эти бесконечные миллионы лет! «Разве это важно?» — спросит его мать. Им любимая мать.

Гомосексуализм трагичен. Он — бесплодная смоковница. Нет будущего, нет детей.

Голубая смоковница капризна, ненадежна и изменчива. У нее нет будущего. Она сестра смерти. Эта неизбежность определяет ее сущность, ее настроения и ее конец.

Это дерево растет в нашем сердце для саморазрушения. Природа нашей любви несет генетическую смерть ее партнерам. Чего бы мы ни касались губами и руками, все рождает тлен и непрощеное горе. Голубым не дано испытать счастье, которому имя — дети, детский плач, детская невинность.

Мы рождены как бы бесплодными, мы играем в себя самих с такими же эгоистами, как мы сами. Мы семе-

на, листья и корни все той же матери — бесплодной смоковницы, на которой повесился Он.

Нет, не спрашивай его имя! Ты знаешь его, того, кто предал друга, бездетного, как и он сам. Вот так, мой милый! До того как я начал свои голубые игры, их ход был предрешен!

Я должен оставить игру, и это единственное условие для меня. Все ведет к праху. Наше сердце растерзано, поэтому и кровоточит... Предписанный рецепт кровопускания не раз разносил вдребезги мою любовь! Только женщина может одарить меня ребенком. Это и есть настоящая любовь, а значит, и счастье. Все остальное — западня и самоистязание. Прости меня за боль и страдания, что я открыл для тебя и себя.

Значит, Руди, тебе не надо плакать о бесчисленных изменениях и обманах? Разве любовник не проезжая дорога, подстилка для каждого в туалетах?

Нет, нет, нет. Я давно зашел в воду, которая стремительно несет меня в никуда. Здесь не было и нет брода для двоих. Нельзя выйти в одном и том же месте дважды. Я должен и хочу проиграть. Следующим будет он! Поверь мне, это наверняка и беспроигрышно для двоих, его... и нас. Каждый без навара.

Его Высочество, не прощаясь, ушел к себе. Он был испуган открытием непреложной истины. Он хотел остаться один на один с ней. Бесплодная смоковница выдала первые семена, которые он и посеял в моем сердце. На этот раз я не смог уйти от колючих шипов его бессердечности... Мы больше не говорили. Все встало на свои места.

За свою жизнь он ни разу не был женат, не играл в игры с самим собой. Он не втягивал в обман женщин, не плодил бездомных детей. Жизнь Фредди прошла с мальчиками, которых он любил. На пороге смерти он стал искренен не более, чем всегда!

Я тянулась к нему за эту добросердечность. Такие редкие качества бесценны. Мне не страшна его разуверенность в поиске счастья и любви.

Я люблю его за то, что он жив. Конечно, люблю его таким, какой он есть.

Я восхищаюсь людьми, которые живут с куском хлеба на ладони для любого встречного.

Я верю: быть Человеком — это великое призвание!

— Многие известные человеколюбцы никогда не покорили этих вершин... Что же? Не каждому дан такой дар... быть просто Человеком, Голубой Смоковницей,— слышу его гордые слова о себе.

18. ХАРРИ

Я уже давно сижу на террасе. Делать нечего, и я смотрю на одинокие и редкие облака на горизонте.

Невероятная жара. Солнце палит и палит. Больше двух недель ни капли дождя. Все пожухло и сникло. А поэтому самое привлекательное место — соседний пруд. Птицы со всей округи собирались у воды. Прибрежная трава служит добрую службу для их птенцов. Ведь насекомые роятся только здесь.

Я вижу, как мой сосед Харри срывает пару апельсинов в саду и идет к воде. Я выбегаю за ним вслед, хочу его пригласить вечером на футбол. Я подхожу ближе и вижу, что в кустах сидит кто-то. Мы смотрим друг на друга. Он подзывает меня к себе. Я согласен. Харри не замечает нас. Он лежит в ста метрах, раскрыв книгу и забыв обо всем вокруг. Позвавший меня раздевается. Я тоже...

Солнце садится неторопливо. Птицы умолкают. Легко дышится. Все вокруг становится коричневым и сиреневым. Листья горят от рубинового заката. Вода желтеет охрой от цветочных лепестков, не вынесших летнего жара.

Харри поднимает голову на звук треснувшего сучка. Из кустов застенчиво смотрит полуголый парень. Его одежда валяется на земле. Харри подзывает его рукой.

Тот покорно подходит и садится на корточки. Они с любопытством смотрят друг на друга.

«Кто не выдержит первым?» — сверлит голову вопрос. Так и есть. Старший не выдерживает! Я его понимаю.

Харри бросает книгу и начинает обнимать мальчишечьи ноги незнакомца. Похоть будоражит мальчишечье тело, которое вибрирует точно скрипичная струна.

— Привет! Как тебя зовут? Меня Харри.

— Я Джойс,— лукаво отвечает другой.

— Это не опасно для нас? Тебе сколько лет?

— Нет. Я взрослый. Мне уже тринадцать, и я молчалив, как... эти карпы в пруду, — показывает он рукой на медленных и крупных рыб, замерших у берега.

— Легко спать, когда их никто не ловит! Поэтому они и жиреют год от года,— смотрит на воду Харри.

— Да, это потому, что здесь много удобрений, вот все и боятся есть эту рыбу.

— Могу я тебя дораздеть?

— Да,— отвечает парень, кокетливо поправляя челку на лбу.

Я вижу, как мужчинакусает его курчавые волосы на затылке. Аккуратно берет его за плечи, приподнимает над землей. Ноги парня обхватывают мужской торс. Он целует его в шею, губы и опять в шею.

Харри тянет свою голову к его коленям и целует в пупок. В ответ парень нетерпеливо и привычно валится на спину и притягивает мужчину к себе. Они замирают. Все затихло.

Солнце незаметно село. Их голые тела еле заметны среди голубых теней от эвкалиптовых стволов. Прощальные лучи заката скользят по сброшенной одежде.

Я вижу, что они любят друг друга. Их животы слиты, как створки у ракушек. Мне кажется, что это тело с четырьмя ногами. Пожалуй, так и есть.

Под телом рослого мужчины мальчика не видно. Лишь кончики его пальцев обхватили шею Харри. Я вижу мизинцы рук в его волосах. Он внутри него.

Но что это? Их дыхание становится все более и более шумным. Мальчик громко вскрикивает, царапая мужское тело. Его оргазм наступил раньше, чем у Харри.

Податливое мальчишечье тело мягко изгибается, ноги ложатся на траву.

Еще секунда... и Харри облегченно вздыхает. Он тоже закончил свою борьбу с Эросом.

Его губы благодарно целуют мальчишескую грудь. Оба в восторге. Чувство радости взаимно. Они не сказали друг другу ни слова. Они учат друг друга тому, что может им помочь завтра.

Все только начинается у них, как я вижу. Ведь их встреча не последняя. Кто знает, что им понравится?! Как им лучше?

— А это? А тебе?

— А то нравится больше? Или это?

— А вот еще и это? Больше?

— Или совсем... нехорошо? — завороженно слушаю я их разговоры.

Новые сексуальные партнеры обсуждают подробности совокупления очень тщательно. Им нужна эта физкультура. Они тянулись к этому давно. Им теперь все-го хватает, а потому они будут рады встречаться друг с другом чаще.

Я вижу, как они оделись и медленно бредут по берегу, будто давние и хорошие друзья.

Никто не поверит, что они знакомы не более получаса.

Я осторожно прячусь под кустом. Понимаю, что все не так просто, как бы мне хотелось.

Они начинают нравиться друг другу все больше и больше. У них много общего — это рыбалка, футбол и... похоть. Ясно, что без секса они бы никогда не разговаривали и не сдружились.

— Ты что, голубой? И давно?

— Нет, я просто пробую и то и другое. Девчонок трудно уговорить на это, — откровенно объясняет Джойс.

— Да, ты прав. Я сам... только второй раз в жизни.

— А когда это было... в первый?

— Да примерно в твоем возрасте. А сейчас мне уже за сорок, две жены, один развод... трое детей,— объясняет и объясняет Харри, удивляясь сам себе.

«Неужели все это искренне?» — думаю я, сидя в листве.

— И странное дело! Ведь я никогда ни с кем не говорил о детях, женах... разводе. Что это со мной?! — недоумевает Харри, как бы подслушав мои мысли.

— Ну, вот и все, меня ждут к обеду. Ведь сегодня Шаббат и я не могу опаздывать,— извиняется другой.

Харри машет в ответ рукой. Он садится одиноко на траву. Он давно уже забыл свое первое приключение с мужчиной.

Ох, как давно это было! Да и было ли вообще?! Лишь я помню, когда это было между мной и им. Врун всегда врун!

Вдруг Харри бежит к месту, где они лежали: он вспоминает о книге. Я вижу, он разглядывает страницы и чудовищно вскрикивает:

— Я не могу взять это домой! — отказывается он вытирая свой белок с обложки. — Сказать, что ничего не было? Нет, я не могу. Было! Было! Да еще как было! Теперь надо платить за секс... библиотеке, — говорит он и с размаху запускает книгой в воду. Она недовольно топорщится, набухает и медленно опускается ко дну, напоминая мне о надуманной встрече двух случайных любовников.

Но что это? Страницы медленно и лениво всплывают на поверхность ряски. Жирные карпы бодают цветные рисунки. Их спины чешутся о тисиенский золотом переплет. Вот они жадно начали заглатывать человеческую сперму, которая слизится в воде. Клейкие страницы подагриво играют с рябью волн.

Громко и назойливо пикируют утки. Карпы как бы замерли от испуга. Затем деловито начали подталкивать свое сокровище поглубже в тину. Вот... утки взлетели в никуда. Тихо.

Мне грустно. Я не шевелюсь, не ревную.
Непроницаемая темнота гонит Харри домой.
— Ты чего так поздно? — распахивает дверь на ве-
ранду жена.
— Да засиделся на берегу.
— А книга где?
— Забыл, завтра пойду заберу,— целует он ласково
Луизу.

Я шел за ним тенью. Он не слышал моих шагов. Мы
встретим его вместе с Джойсом в шесть утра завтра.
То-то будет потеха, когда он увидит нас совсем разде-
тыми на берегу.

Интересно, как парень истратит пять долларов, ко-
торые я обещал ему за розыгрыш неверного донжуана
Харри?

19. БРАЙЕН

Это случилось во время моего очередного вояжа в
Австралию. Как всегда... инкогнито.

Брайен в хорошей атлетической форме. Раз в месяц
он заставляет свою машину шнырять между Брисбе-
ном и Сиднеем. А поэтому стоянка в Армидейле не
случайна. Это половина тысячекилометровой трассы,
где можно переспать ночь или день.

Шесть часов на скоростной дороге — нелегкое дело.
Напряжение невероятное, особенно затекают пальцы
рук. Но вот и Армидейл. Его ждет привычная пивнуш-
ка с компанией отпетых алкоголиков. Вот такой Брай-
ен. Такова его жизнь. Он прост и неприхотлив в свои
шестьдесят с гаком.

Мне нравится смотреть в его добрые и славные гла-
за. Он подмигивает мне и лихо забрасывает остатки
волос на огромную лысину. Ему нравится думать об
охоте за парнями в местной округе. Именно это и за-
нимает его сейчас и делает необычайно веселым и
оживленным.

Итак, Армидейл. В окне машины появились деревья и фонтан.

Первое, что он сделал, это объехал Центральный городской парк.

Между нами нет секретов. Все, что ему приходит на ум, он обсуждает со мной. А я... Кто я?

Я его попутчик из Брунсвика, где мы встретились на лучшем пляже для голубых. Мы просто пригляднулись друг другу именно там. На вопрос, голубой ли он, ответ был отрицательным. Однако взаимная симпатия родилась сама собой. Объяснения этому мы не нашли. Случилось странное: за пять минут разговора ни о чем он предложил подбросить меня за шестьсот километров, туда, где я еще не бывал. А это и есть Армидейл.

— Итак, Армидейл,— бубнит он под нос по-стариковски. — Не переживай. Ведь твоя машина все равно сломана, и тебе без разницы, где ее ждать... Живи веселее, парень...

Я замечаю, что мы в четвертый раз зачем-то объезжаем парк...

— Ты чего сегодня так страшно неудачлив, мужик? — спрашиваю я.

— Да приехали рано. — На часах десять вечера.

— Разве? Смотри, смотри, вон кто-то стоит на террасе. А вот еще один ходит вокруг фонтана. Вот и еще двое голубых сидят и смотрятся,— успокаиваю я его.

— Нет, нет, это все не то, — перебивает он меня тоже знатока. — Не то. Нет, не то! — добавляет он и круто заворачивает машину на очередной круг вокруг туалетов.

Он комичен в своих охотничьих страстиах. Вдобавок выглядит очень усталым, а поэтому крайне суеверив.

Я пытаюсь как-то отвлечь его от излишнего азарта. Его же глаза горят огнем гурмана, высматривающего экзотическую дичь. Я не удивлен этому. Я... видел подобное и у других... лихачей.

— Слушай, а что, если запарковать машину под кустами и сходить куда-нибудь поесть? Разве кто-то сможет сбежать от тебя?

— Нет-нет — мне нужен тропический фрукт! Ты знаешь сам, мужик, — отрезает он гнусаво. И добавляет: — Я не могу ничего есть с дороги, пока не подловлю перекормленного юнца с большой жопой!

— Ух, Брайен! — выдыхаю я с чувством восторга, подчиняясь инстинкту знатока.

— Мои страсти кипят, как вода в кофейнике, — добавляет он с мужланским юмором, подслащенным навязчивой лестью.

— О да, Брайен! Твой сексуальный задор мне бесконечно близок.

— Спасибо, мужик, — говорим мы в унисон.

Это выходит так забавно, смешно и невзначай, что мы оба заливаемся хохотом. От нашего смеха кресла трясутся, как на волнах.

Но что это? Он вздрогнул, напрягся и остановил свой взгляд на одной точке. Что-то привлекло его внимание... Прохожий на перекрестке медленно идет за машиной. Вот он наклонил голову, высматривая, кто сидит за рулем.

Я гляжу через стекло. Детское лицо, вытянутые скулы, мягкий взгляд, тонкие губы... Но самое бросающееся в глаза — это крайне высокий рост!

— Вероятно, около двух метров, — говорит Брайен, читая мои мысли. — Скажи, тебе нравится его фигура? — обращается он ко мне, не в силах сдержать свое восхищение.

— Нет, он тощий как доска! Но рост... Я бы хотел иметь те двадцать сантиметров, на которые он выше меня! Он, наверное, гордится своими размерами?

— О нет, ты не прав! Он не раз жаловался мне, что не влезает ни в одни двери.

— Ты это серьезно, Брайен?

— Да! Я знаю Антония очень хорошо. Я был не раз с ним... здесь.

— Ух, ты очень везучий! Подцепить такого баскетболиста! Вероятно, это не так просто? Ну, ты даешь, Брайен!

— О нет! — закуривает он.

— Не говори, что он бросается в объятия к каждому прохожему...

— Нет! Он бросается только на дорогие машины. И я помню, что этот мой «порше» восхитил его. «Он очень идет к моему лицу и цвету кожи», — сказал мне Антоний неделю назад.

— Полный дурак твой Антоний! Скуп и расчетлив до беспредела, — говорю я с отвращением.

— Ты не прав! Он все делает бесплатно. Ему надо только дать машину на полчаса или на час после секса...

— Зачем? — перебиваю я его с удивлением.

— На час... погонять по центру Армидейла, — заканчивает Брайен, делая вид, что ему это наскучило.

— Ну и идиот! Полный идиот! — не выдерживаю я, чувствуя нелепый приступ ревности.

— Нет! Это местная традиция голубых. Просто им, как классическим провинциалам, нравится хвастаться друг перед другом тем, чего у них... нет и не может быть.

— О Брайен, Брайен! Сраные халифы на час! — выдыхаю я.

Пока я трепался о высоком брюнете, Брайен неотрывно разглядывал все скамейки. Он не тратил зря времени на разговоры со мной. Мы ездили вокруг парка бесконечное число раз. Но вот Антоний опять направляется к нам, едва мы остановились под кустами сирени.

Я совершенно не удивлен, что дичь сама открывает дверь машины. Он садится на заднее сиденье и говорит:

— Привет, квинсленцы!

Брайен целует его в губы. Антоний лихо ловит его поцелуй.

— Нет, я не квинслендец. Я...

— А кто же ты? — перебивает он.

— Я живу здесь, мы соседи, — пытаюсь объяснить невпопад я.

Антоний поворачивает голову в мою сторону и пристально рассматривает мое лицо, одежду, качество кожи и размер носа.

— Я никогда не видел тебя, — завершает он свой приговор, целуя Брайена в затылок.

— О да! Потому что я не голубой, — отвечаю я со змеиной улыбкой. Этот выхолощенный педант с его цинизмом и фальшивым интересом все более и более раздражает меня.

— А ты уверен, что «нормальный» мужчина — это что-то необычное... в машине Брайена? — настойчиво нападаю я, даря ему ответную улыбку.

Брайен начинает покатываться со смеху.

— Да это так... мы просто разыгрываем тебя, Антоний. Не сердись! Мой друг нормальный голубой. В нем нет ничего ненормального. Он не шовинист. Ты ему безразличен, — объясняет Брайен сквозь саркастический хохот, сквозь слезы...

Но Антоний очень серьезен. Он близок к истерике. Мои шутки ему не нравятся. Он побледнел от злости и негодования.

— А это идет тебе... даже к лицу, — заметил я вслух. — Чувство юмора дается от рождения. Это как ум — или есть, или никогда не будет, — выстреливаю я сквозь зубы.

Антоний пулей высекивает из «порше». Брайен гудит ему в спину. Парень выбирается из кустов на главную улицу.

Я хлопаю Брайена по плечу и наконец-то с полной силой отдаюсь хохоту. Слезы слепят меня. Я не могу смотреть в лобовое стекло. Мое тело трясется от изнеможения. Из глаз Брайена льются ответные слезы. Он смотрит на меня в восхищении. Его рука включает зачем-то свет в машине. Мы не хотим куда-либо ехать.

Мы окончательно задохнулись от смеха и застыли в комических позах. Мы не в силах подняться с сидений. Наконец мы хлопаем дверьми и выскакиваем в разные стороны. Хохот, бесконечный хохот раскатывается по всему парку. Не сговариваясь, мы идем по направлению к фонтану. Со всех скамеек на нас смотрят, как на марсиан. Ведь здесь принято быть смиренно-тихими. Все вокруг должно быть двулично и втихаря.

Мы нагло подходим к каждому голубому и заглядываем вызывающие в лицо дичи. На нас смотрят глаза загнанных лошадей... Они все сродни глазам Антония. Нас удручают их испуг и боязнь за себя.

— Это не парк, а могила... — поясняю я Брайену, изображая Нептуна. Для этого я стою у фонтана на одной ноге и растопыриваю пальцы над головой, как корону.

— Да, ты прав! Надо завязывать. Все эти идиотские места — не для меня. Я больше не хочу здесь ночевать, — отвечает он.

Я слетаю с фонтана и прыгаю в воду. Брызги летят на Брайена. Мы обливаем друг друга с головы до пят

— Я люблю тебя... — целует меня его жадный рот

— А я нет! Но... если только ненадолго, как брата, — соглашаюсь я.

— Славно, по рукам! — самонадеянно улыбается Брайен.

Неожиданно вспоминаю о верзиле, который опять идет нам навстречу.

— А что он делает в Армидейле? — шепчу Брайену на ухо.

— Антоний учится в колледже на медбрата... и вот-вот уедет в Канберру работать в больнице... Не обижайся на него. Все это у него от нелепости... Как быть парню, если он вырос в семье среди пяти сестер...

— Понятно, — машу приветливо парню рукой Подзываю его и предлагаю переночевать с нами... в трехместном номере.

20. КЕН

Рим для меня святыня. Обожаю ходить по его монастырям. Вот и сейчас зашел в один, напротив Круглого рынка. Сел, закрыл глаза. Мне хорошо. Но что это?

Парень говорит и говорит... Я не мешаю ему. Он слушает сам себя.

А я... Что я? Я слушаю, слушаю его волшебные слова о себе самом... его суженом. Понимаю ли я это правильно?

— Твои усы, говорящие глаза, бесконечная доброжелательность обворожительны. Так никто не улыбался мне в целом мире. Кен — это ты, и только ты. Ты, Кен, невероятное чудо. Таким ты стоял перед моими глазами... хотя я не встречал тебя с тех пор.

«А в своем ли он уме, этот парень?» — начал я спрашивать себя.

— Когда ты появился из-за дерева, я немедленно пошел тебе навстречу. Я мечтал всю жизнь, чтобы мы были вместе. И это случилось здесь. Ты подхватил меня на углу. Минута — и мы лежали в твоей машине. Я был счастлив с тобой. Мы не закрывали рты от смеха. Ты был факиром. Я был твоей сказкой. О, это было волшебство! Все это казалось нереальным. Невероятность случившегося хмелем отзывалась в голове...

— А так ли все это? — остановил я его, положив свою руку на его плечо. Он не шелохнулся.

— Я должен сознаться, эта история не без вранья. Ведь я знал, что ты приезжаешь сегодня со своей грандиозной выставкой. Я думал, может быть, мне повезет на Пиаццо Репаблика ночью. Вот и вся правда. Мы были вместе первый раз. Это уже само по себе невероятно в первый день твоего ночлега в моем Риме. Жаль, что все началось с моего вранья...

Я понял, что меня здесь нет. Он не слышит меня, этот славный парень.

— Случилось и второе вранье. Оно было совсем безобидным. Это сделал уже ты, когда ответил на мой вопрос о себе. Ты ответил: «Я торговец барахлом». Ха-

ха-ха. Мое лицо загорелось от твоих слов. Я вскрикнул про себя. Меня смущило твое бессмысленное лукавство о своем ремесле. Какой еще ты торговец? Если твое лицо во всех книгах по искусству! Да, торговец? Хаха... Кен!

— А так ли это? Ты имеешь в виду того самого? — спросил я, не ища ответа у него. Он не пошевелился, он был глух.

— Я смертельно боялся вызвать в тебе подозрение. Я хотел выглядеть как дутый провинциальный идиот. Я походил на киносексуального маньяка, который прибыл на римские каникулы из джунглей. Я понял, что мне все славно удалось тогда. То была та самая, ты знаешь, та лучшая роль, которую я осилил ради тебя. Я был прост, как шелуха от семечек. Я прикидывался тупым изо всех сил. Всё было фантастично. Я был не по-уличному сверхпрофессионален в сексе. В откровенном сомнамбулизме я проигрывал незнакомую для себя роль. Я отдал все, что ты хотел. Я был послушно раздет... Моя душа легла тебе в ладони без содроганья и боязни быть раздавленной, как скорлупка яйца между пальцами...

Я испугался откровенности этого парня, его искренности и горячности. Я был в жару от переполнявшей меня вины за мою частую легкомысленность в любви.

Ведь моя жадная сексуальность не ведала границ. Для меня любовь — это смерч, когда все темнеет в глазах... твои сухие губы, твои липкие пальцы... источали животное томление. Кенов оргазм был как снежный обвал, что я видел давно в горах. Ах, как устрашающе жутко! Спасение меня миновало. Искушение обладать тобой на миг перевернуло мое нутро. Я не дышал. Я не говорил. Я замер в оцепенении. Я сопел от бездонного удовольствия быть в твоих руках. Я был частью Кенона тела, внутри твоих похотливых страстей. Твои пальцы сплели мои ноги точно веревки. Твое тело раскачивалось надо мной, изнемогая от сладостного вожделения. И вот гамаком стал я. В меня вошла твоя плоть! Я потерял свои руки, лицо, пальцы... Все растаяло в тво-

ем объятии. Мой пот впитал твой пот. У нас была общая кожа... Я чувствовал свое тело через твои поцелуи...

— Неужели это так и было? — спросил я, поняв, что я никогда не знал такой любви.

— Это было хорошо, приятно... пришла пьянящая усталость. Наркотическое удовольствие растекалось под кожей. Ты излучал истому, Кен. Наши губы не знали сна. Я слизывал твою жаркую слону без устали. Твои губы обсыхали в считанные мгновения... После ты отвез меня обратно, туда, где подхватил. Я сказал: «Пока!» и сел на одинокую скамейку. Я старался забыть свой приговор. Я думал, что мы никогда не встретимся вновь... Нет, никогда более! Нет, никогда... где-либо!

Я увидел, как появились складки на его лбу. Вдруг его лицо просветлело... Парень стал заикаться... Я молчал.

— Но произошло неожиданное. Ты появился на площади с другой стороны. Это был Кен, опять Кен... ты!

— Он пришел за тобой! — вскрикнул я недоверчиво. — Ты изо всех сил побежал Кену навстречу?

— Он... он не узнал меня! Мое лицо почернело. Кен пришел подхватить кого-то еще... я понял его шутку. Ему мало одного е...уна за вечер... Я был раздавлен. Я был сломлен этим открытием. Из моего сердца выпала невидимая пружинка. Сердце остановилось, моя кровь выкипела досуха...

«Может быть, от ревности твое лицо стало неузнаваемым?» — хотел я возразить парню, но смолчал.

— Да и Бог с ним! Понятно, что несколько часов, проведенных со мной, ничего не отложили в его памяти. Его глаза не признали сексуального партнера. Это было невероятно... но чистая правда, он пренебрег мной, — зарыдал парень.

— Да, он пришел продолжить охоту на плоть без разбора, — обнял я его и зарыдал тоже. Парень был белым как мел.

— Да, Кен, я никто для тебя. Это ясно; ты помнишь только удовольствие... то, что между моих ног. Мое лицо неизвестно твоей памяти. Мои губы, поцелуй... мое сердце? Все это ничего не значит?!

— Да, Кен, это ты, бесчувственный и безучастный. Сукин сын! — выблевал я гадкие слова о незнакомце. Парень не ответил мне.

...Ты совсем неизвестный, никому не известный Кен. Кен из мира Кена. Того мира, где нет никого, кроме своего собственного эгоизма. Туда никому нет пути.

Я не хочу больше говорить тебе «ты». Теперь ты будешь «он».

Кен никогда не пускает туда, где живет лишь сам. Туда, где он сам и только сам. Здесь нет места для случайного прохожего и постороннего соглядатая. Особенно для меня и тех уличных парней-проституток, которые выбегают каждому навстречу со своим дешевым сексом. Моя удача — это не его удача. Всем для себя мог быть лишь он сам. Я же был в его жизни лишь римской суетой и римской шуткой...

— Ах, мой милый, милый парень! Как я сочувствую тебе и ему, — поцеловал я его в первый раз, обняв за плечи.

— Увы, ну и что же? Я мотылек, что мечтает быть желтокрылой бабочкой. Я из тех, кто прячется в сорной траве на твоей дороге. В той траве, Кен, где ты пробежал невзначай. Я та экзотическая бабочка, что ты наколол на иглу... Ты смеялся и радовался игре со мной. Теперь она тебе не нужна!

Ты даже не помнишь ее запаха, ее цвета, ее формы... ее надоедливых желаний. Каких? Любить тебя, Кен!

Все это убивает меня. И если я не забытая диковинка, то я все же еще бабочка, забывшая, как летать. Я никогда вновь, поверь, не смогу улететь от тебя, даже во сне. Мне не хочется жить после анатомирования откровений с самим собой. Каким я был, меня уже нет. Я не тот, кем стал после встречи с тобой. Моя любовь — это пожар. Он испепелил душу. Я уже не я. Меня нет, Кен! Твой сексуальный раж иссушил мою душу.

— Ты читал Кафку, Кен? Твоя забава обернулась грустью, что родила тыщущую гусеницу. Ее рост прекратился и пошел вспять. Ты не дал мне живительной любви, которая нужна мне. Ты оставил мне горе. Я перестаю хотеть быть бабочкой.

— Моя боль остановила время. Я забыл мечту и вернулся вспять. Ведь мне нетрудно стать гусеницей, когда я уже был ею однажды. Теперь меня ждет только смерть... Разве смерть страшнее возврата к прошлому? Хочу ли я этого? А? Кен, я не умею существовать без мечты.

— Моя душа как молчаливый колокольчик. Боится ли она умереть вслед за моим телом? Разве немота не смерть? Хотя так ли запросто глухнет звук? Какой колокол прозвонит по мне?..

И тут я сказал:

— Мне ясно: где нет любви — там одни холодные инстинкты. Это они закрывают солнце, точнее, они не живут на свету. Им нужен лишь грязный мрак, серый и глинистый цвет. Цинизм охотника сродни плесени, которая убивает человеческие души своей бесцветностью, невзрачностью, повседневной скучой и паутиной безвкусицы.

Случилось неожиданное. Он замолчал и услышал меня в первый раз, а затем сказал:

— У расчетливого вожделения нет цвета, а всякая черная циничность — слепота. Это и зовется надругательством над человеческим телом. Это внезапная немота для певца. Это ужас перед ампутацией рук у скульптора. Это сломанные ноги у танцовщика.

И тут я спросил его резко:

— А для пойманного в ловушку любовника? Это боль отчаяния? Не это ли путь к самоубийству...

И он ответил мне:

— Это все вместе... Где и когда соседствуют глухота, слепота, сломанные конечности и... крылья. Крылья — это уже мой мир, мир бабочек-однодневок. Ведь разве крылья не обломаны у меня и не только у меня одного?.. А ты тут при чем... странник?

Затем парень стал опять говорить о нем...

— Кен, кем ты стал шутя и беззаботно? У меня больше нет желания жить. Твой инстинкт издевательства разрушителен. Это ржавчина для души. Она ранит смертельно. Душа не может жить в теле без вдохновения. Душевное изнеможение — яд кобры...

— Кто же ты, Кен? — Я первый раз спросил сам себя. — Да, в самом деле, кто ты? Это ты или не ты, Кен? — начал вслух не узнаваемый мною мой собственный голос. Я вспомнил, каким часто был я.

Я замер и побледнел. «Ответ один — ты мертв душой», — подсказал, будто испугавшись чего-то, он же, мой молчаливый голос, который и был моей проснувшейся совестью.

— А что, если и я сам лишь мумифицированный суррогат дешевых идеалов? — спросил я свою совесть.

Вдруг я услышал колокольный звон над головой. В глазах потемнело. Часовню разрезал луч, он отделил иконостас от скамеек.

Но где же этот парень? Он встал и вышел к обедне в сад. Я с трудом догнал его. Спросил: «Как тебя зовут, монах?» В ответ молчание, молчание... молчание. Сквозь ткань капюшона прорисовывались стиснутые до крови губы.

Вот они зашевелились:

— Я не могу говорить. Молчание поглотило все мои фантазии о безысходности. Андрей не способен разлюбить своего Кена. Для меня невозможно отделить придуманного Кена от живого. Все примитивно в сущей простоте... Приходи после четырех, хорошо?

21. АНДРЕЙ

Я пришел как обещал. Он начал свою молитву...

— О Кен! Кен! О Кен! Я хочу ревновать своего Кена ко всему миру, ко всем, кто когда-либо был с тобой. Я ненавижу другого Кена, кто не помнит меня, кто... не

любит меня. Тот третий Кен, который влюблен сам в себя, — не мой Кен. Совсем не мой, а Кен... Кен-ино-планетянин.

Андрей начал рыдать на моем плече без слез, давясь сухим кашлем.

— Он моя ошибка! Я люблю того Кена, который слеп, не замечает никого вокруг... ни людей, ни вообще двуногих, как Андрей. Ведь внутри того Кена живет лишь его и только его мир, преогромный и бесконечный мир... Здесь царит он и лишь он, сам Кен!

— Он переполнил и перенасытил собственный мир через свои собственные формы, свои собственные кремовые цвета... Кен создал свой запах и свечение для моря, гор, цветов, лун и фруктов. Все его картины рдят и выплескивают роскошь чувственности, которая так любима мной. Кто лучше него? Ну, если сам... француз Дюфи. Моя душа бурлит и плещется, летает и плывет в его фантасмагориях и фонтанах цвета, созданных им и только им, Кеном, — моим и чужим для меня Кеном.

— Прости меня, Андрей, но я хочу перебить твою песню любви Кену, — говорю я ему.

Его голова по-кукольному наклонилась в мою сторону. Он нервно перебирает пальцами и монотонно шепчет:

— Да, чашка японского чая будет кстати.

Мы переходим улицу. Входим в пиццерию. Искоса я вижу, что он безостановочно плачет. Я не могу раскрыть ему, что у нас одна и та же боль. Я полуслепотом заказываю чай и прошу его закончить рассказ.

— Итак, в его живописном мире нет места для меня. — Далекий голос звучит, как надтреснутая скрипка. Ужасная боль пронзает меня... невыносимо.

Сейчас и только сейчас я искренне начинаю понимать, что его чистая и мальчишеская душа окаменела. Андрей, как экзотическая медуза, выброшен на асфальт рукой Кена.

— Бабочек нет в его картинах? — спрашиваю я словно бы из ниоткуда.

— Их нет и в твоих мозгах, — поясняет он, глядя прозорливо на меня.

— Нет, нет... бабочки не могут без ветра... без воздуха... любви. Все это отняли у меня давно. Мои крылья ссохлись от суховея и холода. Я чувствую, что крылья безжизненно опали... и рассыпались в прах. Место для их пурпур — тлен и пустота... Нет, конечно, Кен, я — никто и ничто для тебя. Да, конечно, Кен, я — ничто. Уверен, что никто и никогда не был... не жил с тобой... внутри тебя, Кен...

— Внутри твоего сердца нет места для постоянства в любви. Твои желания будто ртуть, а любовь — похоть. Она ничья и невесома. Даже если ты искренен, то среди мыльных пузырей. В этом твоя суть. Это верный ответ. Я знаю, что прав как никогда.

— В твоем сердце нет места живым людям. Да, это так... и ты с этим согласен. Да, да! Это так!

— Ведь все, что может войти и поселиться в твоем сердце, — это лишь цвет. Да, это так и только так.

— На твоих картинах повсюду переливы волшебных оттенков самого наизаурядного заката и самого непримечательного рассвета. Смешение тонов светотени искажено радужными оболочками твоих глаз...

— Здесь-то и прячется ответ на все мои сны о нас, где нет и не было крылатых, а значит, всяких и любых крыльев.

— Но если здесь нет крыльев? То это конец для меня. Ведь я — «никчемная бабочка», как ты назвал меня однажды.

— Да, я почти бестелесен, как легкая инсекта. Мои натертые до перепонок крылья все еще искрятся, хотя и изрядно осыпались. Их серые прожилки разрушены. Мои павлиньи глаза лопнули от слез. Мои несбыившиеся надежды-радуги — где все они? Да и были ли они? Ты это сделал! Ты вытер жирные пальцы об их цвета! Ты украл у меня душу, Кен... милый мой вор и убийца!

— О Кен! Кен! Я люблю тебя. Возьми мои заботы, мои блестки-чешуйки. Они не нужны мне без тебя. Вся моя жизнь в них, если они согреты твоим теплом, тво-

ей любовью. Я радужен, если во мне есть жизнь, есть любовь. И не продажная из подворотни или под кустом, но твоя и только твоя ЛЮБОВЬ!

Я вздохнул и положил свои пальцы на его веки. Он обмяк телом и как-то успокоился. Он и впрямь походил на бабочку, которая сложила крылья, как бы стала меньше. Затем Андрей передохнул и добавил:

— Прими же мои радуги, Кен! В них нет желания жить для самого себя. Мне не хватает воли оставить тебя. Ты все еще живешь на поверхности моей слепоты, Кен, любовь моя! Я бессилен разрушить эти видения. Мое нестремление изменить тебе не дает мне покоя в жизни... Ведь если я тебе не нужен, то себе я не нужен и подавно. Разве возможно второе?

— Я слышу, смерть селится в моем теле. Я вижу черноту в своих глазах! Я страшусь потерять тебя «там». Происходит страшное — вишневые пятна каждый день вытесняют твой образ: глаза, улыбку, вздох... прикосновение твоих пальцев к моим ресницам. Я все больше и больше слепну, Кен.

— Я теряю краски из своей памяти. Еще чуть-чуть, и меня больше не будет. Где ты прячешь мои краски, Кен? Ты хочешь забрать их для своих холстов? Разве они еще не расплывались, как твое картиночное масло на горячей сковородке... австралийских пляжей. Мои сломенные зрачки смотрят на твой мир, как глазунья... О, мои воспаленные глаза... мои глаза! Помнишь ли, Кен, их без желтого бельма?

Он опять заплакал, а я молчал... молчал. Что я мог сказать несчастному монаху?

— Все вокруг меня и все от меня: мои цветы для трав, дожди для озер, и... краски радуг для тебя. Тебя, мой... Кен! — Он надолго замолчал.

— Вот и все! — неожиданно и исключительно зло прозвучал в моих ушах его рык. Его незрячие глаза смотрели в мою сторону. На его лице уже не было слез. Плакал лишь я.

— Я ничем не могу утешить тебя, — заметил с досадой мой голос. — Я хотел бы быть тем, кого ты обожа-

ешь, Андрей, но я не Кен, ты знаешь. Я — Руди. И ты догадываешься, я люблю тебя... очень, — сказал я неуверенно, зачем-то пытаясь ему понравиться.

— Нет, нет... ты жалеешь слепца. Это не любовь в сердце. Она должна быть всегда безжалостной гостью, — вскрикнул он и, помолчав, добавил: — Смотри, смотри, Руди, что получилось! Забудь меня немедленно! Я навсегда похоронил себя в монашестве.

Я смотрю на моего голубого собрата, который сидит с закрытыми глазами. Его лицо мертвое. Оно бездвижно и бледно... Неожиданно он вздрагивает всем телом... раздается всхлип. Но тело здесь ни при чем. Здесь все по-другому и иначе.

Нет, здесь нет горя. Только сухое и глухое содрогание его души. Это глубокое и чудовищное изнеможение от признания за кем-то или за собой поражения в любви, когда непременно надо уйти, но соперник не ушел, а ты... Ты все еще любишь и любишь его... бесконечно и навсегда, но это тайна, которая умрет с тобой, и о ней не узнает свет.

— Уже несколько лет, как я ослеп, — задыхается он. — Как-то я видел тебя последний раз в «Гранд-Опера». Я устал тогда аплодировать тебе. Я хотел обнять тебя, Руди! До сих пор я хочу передать тебе все тепло моих рук и тела. Я задыхаюсь от нежности, переполняющей меня. Твой забавный голос звучит с тех пор у меня в ушах.

— Я вижу, что моя слепота не имеет значения для нас... теперь. Все краски Кена-художника в роговице глаз его слепого любовника... Я понял это! Это открылось для меня как порыв ветра, разбившего форточку. Моя память расцвечивает сознание радугами, которые незнакомы зрячим. Без любви к своему Кену этот монах никогда бы не мог рассказать тебе, что... он протер через сито своих нервов.

— Ну что ж? Бумага все стерпит, — добавляю я, вглядываясь пристально в невидящие глаза Андрея.

На его лице нет движения. Оно выглядит, точно лед на пруду.

— Твое лицо бесчувственно, как бумага, — говорю вслух, растягивая буквы.

— И многословно, как умершая любовь. Ведь настоящие любовники немногословны. Они скорее немые, чем... говоруны вроде тебя, Руди. Но почему же ты поставил название не «Кен», а «Андрей»?

— Да потому что он просил об этом...

— Кто? Кен? Разве он знал, что ты настоял на встрече со мной? — произнес его ломкий голос...

Больше он не говорил со мной никогда. Я все, кажется, понял.

Андрей ушел глубоко в свой мир бессловесности и красок. Я хотел поверить, но не знал, правда ли это... Нет, я все-таки не мог понять слепца своими зрячими и острыми глазами.

Я заметил, что он заснул, свернувшись кольцом, будто ящерка.

— Вот и все, совсем все... — последнее, что сказал я себе самому и моему Андрею.

То же я скажу всем читателям, моим друзьям и недругам. Но, надеюсь, что меня окружат друзья.

Еще пара слов напоследок, совсем немного:

— Я не люблю тебя, Кен! Совсем не люблю больше. Ты для меня не существуешь. Я могу жить без тебя, как и жил раньше. Ты жертвуешь человеческой душой ради искусства... Ты поселил смерть там, где высохла душа моего Андрея... монаха из Рима. Послушай, Кен! Что я должен сказать тебе? О Кен! Кен! Я люблю его. Нет, это не жалость. Ведь любовь «бессострадательна», как он говорит. Я согласен убить мою жалость, которая прячется у меня под сердцем. Я хочу научиться любить его, как «зрячего». Мне не нужны его зрачки. Его сказочное сердце для меня значит больше, чем вся Вселенная.

Я люблю любить его... Да, верно, я люблю моего случайного дружка Андрея. Я узнал, для меня нет дорог в сады художника Кена, которые цветут в слезящихся глазах... слепца.

Я обрек себя никогда не гулять в мириах твоего цвета. Мне не дано быть среди расплывленных самоцветов, манговых закатов или разбитых гор... Аделаиды, Мельбурна или Кунабарбран.

Я совсем другой. Я — со своим космосом. Я прост наяву. Я не холст в раме. Я смотрю на твои картины без вожделения. Закланная душа рождает призраки наготы вещей. Передо мной — только сущеные груши, пластиковые груди, резиновые арбузы и алюминиевые шеи... В твои картины нет других дорог.

Кен! Не жди его больше. Мой Андрей не обалдеет от картин бывшего любовника. Его слепота спасла вас друг от друга. Я ничем, ничем не могу помочь... Я согласен отдать ему мои глаза. Взял их, он не уйдет от меня... к тебе. Бездущие не рождает одухотворенность. Ад — всегда ад.

Я плачу от бессилия и безысходности, Кен. Мой Андрей беспомощен без тебя. Со своими глазами ты такой же слепец, как и он зрячий — без глаз. Вы убили свою любовь, а я ловлю осколки счастья на обочине Дороги Любви!

То, что я знаю о тебе, это все от него!

Для меня ты — зрелище, ярмарка, карусель.. Лишь это я вижу в картинах Кена Дона.

Именно так и только так я «слушаю» его холсты своими бессловесными глазами. Я слеп.

Кен! Кен! Где ты? Вернись к нему, Кен! Отними у меня моего любовника, которому я успел отдать безвозвратно мое сердце. Я боюсь новой сумасшедшей любви! Ах, зачем я не женился в свое время... на Марго Фонтейн?

22. ГРЭЙГ

Вилла в Тюрби. Идет дождь. Я разговариваю сам с собой.

Этот разговор, пожалуй, ни о чем. Точнее, лишь несколько штрихов к портрету человека, которого я мало знаю. А если еще искреннее, почти не помню. Мы ничего не спрашивали друг о друге, а может, и меньше, чем ничего. Я даже не уверен, сколько «г» в его имени. Я только запомнил его телефон.

Мы встретились там, где все встречаются. Мы искали то, что нам надо.

О чём тут говорить? Говорить не о чём! Нам нужен был секс, вот и все тут!

Его тело перед моими глазами. Пожалуй, толст. Его лицо неподвижно. Он неповоротлив и неразговорчив. Лицо Грэйгта одутловато, а руки — как водолазные шланги.

Голос? У него нет голоса. Точнее, звуков его голоса нет в моей памяти. Совсем нет, начисто нет.

Глаза? Глаз тоже... нет, совсем нет: я их забыл. Забыл уже наутро, когда мы разошлись.

Помню только: разбросанные носки и рубахи вокруг моей японской кровати. Все, что осталось от него,— это забытые им трусы...

То было год назад, а может, и больше. Разве это важно? Это был Грэйг...гг. Может быть, это был Грэйгг. Явно, что кто-то был.

А кто?! Да и не все ли равно?! Мы сразу уснули после этого.

Нет, мы не были пьяны. Ты ошибаешься, если сомневаешься в этом. Нет и нет.

Мы встретились поздно вечером, и конечно же, в Централ-Парке. У каждого было много работы в тот день. У него диссертация. У меня — очередная работа с громоздким балетом. Мы не говорили об этом. Мы только перекинулись несколькими словами.

Я узнал, что его дружок уехал в Сидней на несколько дней.

Я увидел, что ему нужен секс.

Я понял, что только Эрос и ничто другое приносит ему облегчение от физического стресса, головных болей.

Что к этому любой из нас мог бы добавить? Разве есть что-то?

Добавить нечего! Совсем нечего. Ведь и мой дружок уехал из Нью-Йорка на несколько дней тогда же.

Я остался один, как и он. Одиночество помогло нам. Мы встретили друг друга.

Я шел по улице в поиске секса, как и ты, Грэйгг. Что из этого? Что?

Как видишь, Грэйгг...г, мы были заодно. Как ты узнал, потом между нами не было различий. Мы были нужны друг другу той ласковой ночью.

Мы зае...и друг друга вконец в ту полнолунную ночь!

Ничего особенного не было, как и не могло быть. Не росли и не цвели розы, а значит, не могло быть и шипов.

Поцелуев не было. Благодарности я от него не ждал. Был чистый секс. Двадцать минут: это все, что он мог...

Шесть — десять минут... ничто для меня. Вот и все, совсем все. Вот и все, дружок!

Утром был дождь. Мы пили пепси и смотрели новости по телевизору. Обменялись телефонами.

Такси пришло в 8.30. Нас развезли в разные концы Большого Яблока.

Ты помнишь, что дождь шел и в обед, и после обеда, Грэйгг? Шел дождь. Разве не так, Грэйг...гг?

Дождь шел и еще несколько дней подряд после всего. Опять и опять шел дождь... Гр...эйт. Ах, мой Гр...эйт, Г...рэйт!

Я даже не помню, как правильно писать твое имя. Сколько «г»? Я и сейчас сомневаюсь, очень сомневаюсь. Да и зачем я пишу это письмо, которое хочу начинать тебе на магнитофонную ленту? Ах, Грэйгг!

Я отвечу тебе «да»! Я отвечу тебе «нет»! Ах, Грэй...гг! Моя любовь... Грэйт!

Просто я видел тебя в баптистском молельном доме. У тебя восемь детей и жена. Все были одеты в розовое...

Ты представляешь, все в розовом, абсолютно розовом! Семь розовых галстуков у розовощеких мальчи-

ков и розовые платья на женщинах. Это великолепное представление!

От царства розовых роз и кружев я до сих пор теряю голову. Это само откровение!

Я познал твою душу, что живет в розовом цвете, который я бесконечно люблю. Точнее, я просто растворился в этом розовом цвете. Совсем обомлел и свихнулся. Нет, не об этом я хочу говорить...

Я был сражен другим: и это был он, и только он. Ведь жених был в голубом костюме, во всем голубом... именно этот цвет я жестоко ненавижу.

Ты знал, что я тоже буду здесь. Ты знал, ты знал все... о голубом.

После службы в то воскресенье я не спал несколько дней: ты казнил меня. Я помешался на гнусном зрелище. Ревность ранила меня наповал. Розовые, черные и голубые ленты в твоей шляпе стали моимальным на-важдением.

Я раздевал тебя во сне. Твое белье было вышито этими розовыми, черными и голубыми розами! Они сплетались в калейдоскопы. Я замирал в ожидании сердечного удара.

Да, чужая душа — потемки. Грэйт-кудесник умеет жить!

Восемь детей — залог женитьбы навечно. Это дом, полный дел.

Это — цель жизни, если ты женат, как он. Здесь нет места для меня.

Ах, Грэйт! Я так смертельно соскучился по тебе!

Ты не махнул мне рукой тогда в толпе. Ты протянул мне руку, как и всем, когда святой отец просил это сделать. Ведь я стоял за твоей спиной, и ты пожал мне руку, будто случайный знакомый.

Нет, нет — здесь не было желания. Да, пастор просил всех... подчиниться судьбе. Ты сделал это, как все, и только. Все было бесчувственно, но с раболепием в лживых глазах. Ты выполнил свой долг перед Богом. Ты участвовал в клоунаде.

Нет, никто не может отказать в простой просьбе: по-жать руку стоящему за спиной. Здесь нет исключений. Даже если это Я? Ты не сделал исключения для стоящих от меня слева, справа, позади меня и опять по кругу... я стал очередным.

Я невольно заплакал, когда мы коснулись друг друга пальцами. Слезы брызнули, будто из случайно открытого источника. Это произошло так, словно небрежно и грубо, наугад, копнули лопатой... у меня в душе.

У меня темно в глазах... Конечно, от роз и бантов — голубых, черных и розовых.

Да, ты видел, Грэйт! Ты все помнишь сам, разве нет?

Но почему ты не звонил мне? Никогда не звонил, совсем никогда не звонил... Грэйт-итт!

Мой дождь шел вечность. Наш дождь как всемирный потоп!

Почему ты лгал о друге в Сиднее? Зачем я наврал тебе о друге, что постоянно живет в Лондоне? Ведь я говорил о себе, а не о друге... Почему все это получилось так глупо?

Именно взаимный обман разъединил нас...

Пожалуй, эта грязь не дала нам улыбнуться друг другу в святом месте.

Алтарь — не то место, где мы можем притворяться и играть с собой и друг с другом! Заметь, ведь ты никогда не был искренен.

Мы потеряли сами себя очень давно! Да, очень давно. Я потерял себя последний раз, когда ты не пришел после дождя. Это была утрата навсегда, Грэйт.

Пять или шесть минут секса ничего не соединяют?

Пять или шесть минут секса ничего не могут сказать! Особенно, чего нет! А разве есть? Даже если ты способен... на двадцать минут.

Я не могу перечитать то, что написал раньше. На листе выступают коренья, перья, шерсть и чья-то кровь, а может быть, это и есть та кровь, что от Его распятия на Голгофе? Но, пожалуй, пора что-то начать наговаривать на ленту. Я начал:

«Я люблю тебя... и знаю, как писать твое имя без ошибок. Нет, нет, не ты помог мне в этом! Мне сказал это пастор... Именно он сказал:

— Надо уважать полицейских. И знать, как правильно пишутся их имена. Разве ты еще не окончил школу?

— В этом моя ошибка, неисправимая ошибка. Я осознаю многое прямо сейчас. Ошибка, что я встретил его в прошлом году. Да, это правда! — Так я ответил старому пастору.

Ошибка. Где ты был целый год? Но самое страшное — это ответ самому себе! И этот мой ответ чудовищен! Ты искал встречи со мной каждую субботу на протяжении года... Я понял это вчера. Я догадался об этом после всего!

Как все ужасно непоправимо! Бог не хотел, чтобы мы встретились. Это подсказывает история нашей жизни за умерший год в одном и том же городе, где мы не смогли встретиться опять.

Я стою на коленях, молю тебя, как Христа, о любви ко мне.

Смотри сам. Ах, смотри: родилась двойня. Вот почему через неделю после нашего дождя я женился. Мы переехали в дом через дорогу от места нашей встречи, Грэйгг. Я научился благодарить свою судьбу за бесконечное счастье. Она с детьми погибла в авиакатастрофе... Вот и все, Грэйгг, совсем все. Я остался один на один с собой.

Полгода я один. Вокруг меня много случайных друзей. Это все не то, все не то, Грэйгг! Это все опять и опять не то, что я должен тебе сказать.

Я знаю, что... там не твои дети. Ты женился лишь несколько недель назад. После смерти первой жены. Об этом писали газеты. Все эти дети в розовом — не твои. Ты бездетен: я вспомнил, ты почему-то говорил мне об этом... И то была правда. Ты вовсе не обманывал меня. Ты не дождался меня и женился через год... второй раз.

Дорогой Грэйгг! Ах, как наши судьбы посмеялись над нами! Ах, как они подшутили над тобой и надо мной! А может быть, и нет... Ведь я так и не смог под-

нять глаз при твоем рукопожатии. Я закрыл их при этом. Я мысленно налил их свинцом, боясь разрыдаться на людях. Я все смог. Я тогда узнал, какой я сильный. Я это смог, и теперь смогу все остальное...

Я люблю тебя, люблю тебя, Грэйтт... позвони мне!

Нет, я не помню цвета твоих глаз. Я боюсь видеть их укоризну. Не убивай свою любовь... Грэйтт. Конец».

Я закончил свой разговор с кассетным телефоном.

Я набрал его номер и включил запись. Его автоответчик покорно записал все, что я наговорил.

«А что, если это... не его номер?» — вдруг подумал я.

Я набираю его снова. В ответ гудки и вдруг:

— Грэйтт слушает.

Трубка падает у меня из рук.

Оказывается, я набрал не тот номер. Кто будет слушать мою магнитофонную исповедь, мне не догадаться. Я только надеюсь, что этот некто в отпуске и прослушает мои слюни не раньше, чем через несколько недель.

23. ЛЕО

Я вспоминаю детство, а это забавно. Смотри, что бывает.

Лео — религиозный человек. Он покрывает себя крестами каждую минуту. Он сам по себе, а это — само по себе. Никто не знает почему... Все происходит подсознательно: крест следует за крестом. Если ты спросишь его об этом... Почему? Зачем? Он только ответит: «Как зачем?» Вот такой мой Лео. И он всегда такой. Не зря все вокруг считают его святым.

Я согласен, что он религиозен от природы. Разве он не родился таким? Задумать такого Лео нельзя, если даже и захочешь. Вероятно, он был таким еще до своего рождения. Ведь он осеняет себя крестами без особой затей или притворства. Бог его знает, почему он так де-

лает. Одним словом: Лео — это Лео! Какие могут быть грехи у такого человека? Подозревать в грехах Лео? Разве не ясно, что он чист как алмаз!

Но я-то знаю, что он не святой, а грязен, как мой флотский полусапог, и порочен. Он хотел соблазнить парня. Ты не поверишь?! Я сам до сих пор не верю. И только число его нападений на мою девственность подсказывает мне, что я говорю правду. А число их? Нет, это не секрет. Число их — три. Три раза за три месяца посягал он на меня.

Все знают, что грех, как родимое пятно, — навсегда! Его не спрятать от других. О нем не забудешь. Грех всегда мучает тебя. Грех живет на виду.

Вот такой Лео. Великий греховодник. Нет, он совсем не ангел.

Ты хочешь знать, как это было? Я согласен. Я расскажу тебе. И Библия мне в помощь. Смотри, моя рука на ней... на Святой Книге Книг.

Начну с того, что это нехорошая история. Мне обидно, что я потерял Лео после этого. Очень жаль, ведь мы были друзьями...

Мой крестный отец встречал меня у нашей церкви, когда мне было шесть. Теперь мне сорок три. А потерял я его в день своего рождения. До слез жаль, что у меня нет больше Лео, крестного отца.

Итак, за три месяца до моего двадцатилетия он позвонил мне и попросил зайти к нему до вечерни.

Я прибежал за час до назначенного срока. Я скучал без него. Я был рад ему. Я ждал, пока он освободится. Он пришел точно, как обещал, минута в минуту. Через десять минут мы были у него в доме. Гремела посуда, звучала музыка: мы ужинали. Долго говорили о Боге, судьбе и... обо всем вокруг. За полночь мы помыли посуду, он предложил мне пижаму. Я снял лишнее и сел на пол. Он вышел голый и предложил мне помочь одеться. Ну и что же из того? Мужчины привыкли к своей наготе! Я быстро облокотился на его плечо и вытянул ногу, чтобы он продел ее в штанину пижамы. Он посмотрел на меня и смущенно опустил глаза. Я же на-

дел все, что надо, и убежал в ванную с полотенцем. Когда я вернулся, его не было в комнате. Мою подушку он положил на электрическую батарею. Я бросил ее теплой под одеяло и завалился спать.

Утром я проснулся после десяти. Он ждал меня за кофейным столом. Мы мотнули головой друг другу. Лео бросил сандвичи в корзину для завтрака. Мы ушли в сад под виноградные лозы, где было прохладнее, чем в доме. Я был всему рад. Мы расстелили коврик у бассейна. Мы смеялись как никогда. И были рады, что мы стали ближе, чем когда-либо до сего дня. Мы, кажется, начали любить друг друга.

— А ведь это чудо: между нами полвека, — сказал он на прощание.

Я не обратил внимания на это и ничего не сказал.

Через месяц он позвонил опять: и было то же самое. Перед сном он поцеловал меня в лоб и пожелал доброй ночи. Я встал после десяти.

Завтракали вместе. Все как обычно. Все, как в первый раз. Он был свободен в этот день от службы в церкви. Лео предложил покататься на велосипедах. Нет, не в городском парке, а в часе езды от него, в лесу.

Он хотел, словно подросток, когда я кубарем свалился с холма. Боли я не заметил. Добродушный Лео помог мне побороть слезы. Он забрался на тот же безумный холм. Да, это было совсем невероятно! Он скатился так же, как и я. Он получил те же царапины и мой смех — в ответ на свое безумство.

Его велосипеды сделали нас близкими, братьями по крови. Он просил перевязать его кровоточащие руки. Я получил в ответ поцелуй в щеку, а затем в губы. Я замер от незнакомого возбуждения. Я ничего не сказал. Лишь слегка зонбило. Мы больше ни о чем не говорили в этот день.

Я вернулся молча в его дом. Развел огонь в камине и долго бездвижно сидел у него в ногах, опираясь спиной о древнее кресло. Меня слегка знобило. Я сказал ему об этом. Он успокоил меня, сказав, что это ерунда и

пройдет. Он не знал, почему мне не по себе. Он не знал, что это всерьез... мой озноб. Меня до полуночи лихорадило от его случайного поцелуя.

Хотя чего я еще не сказал, так это о моей почки в его доме, второй почки с Лео.

Я спал в своей комнате, он — в своей. Мы не ужинали вместе. Мы не говорили друг другу: «Доброй ночи». Мы просто разошлись в разные стороны после десяти ударов колокола за окном.

Мне снились странные сны. Я боялся их. Я не хотел их вспоминать: во всех них был Лео, Лео... Лео голый.

Наутро я встал в шесть. Лео отвез меня к маме. Я сказал: «Прощай, Лео!» — и выскочил из машины, не дожидаясь его поцелуя... Я уже заметил, как он успел наклониться ко мне...

Через восемь недель прозвучал долгожданный звонок. Я обедал с родителями на даче. Я вскочил как ужаленный. Тарелка упала на пол. В трубке был не его голос: звонила его секретарша. Он хотел встретиться со мной на почте, она сказала — в четыре. Я не мог дождаться этого часа: я немедленно побежал по проселочной дороге. Проливной дождь ничего не изменил. Я хотел только одного: чтобы часы бежали еще быстрее. Но они встали на трех. В следующий час я бросался ко всем прохожим и заклинал вопросом: «Сколько времени?» Странно, но батарейку в часах я заменил только вчера. Сегодня... сегодня она уже кончилась. Вся энергия, рассчитанная на следующие два года, вытекла или испарилась.

Лихорадка закончилась, будто ее никогда и не было. Это случилось в четыре. В четыре он подошел. Его глаза светились лаской и нежностью. Мы говорили о моем дне рождения... завтра. Я захотел поехать к нему. Никто не останавливал нас на перекрестках. Для его машины везде был зеленый свет — как благословение с неба или из ада! На столе меня ждал сюрприз.

— Это подарок к завтрашнему дню, — сказал он. — Откроешь после... — звучал вкрадчиво его голос.

— О да! — обещал я в восторге.

Камин. Ужин. Пижама. Постель. Все как всегда: я был рад всему. Я ушел в свою комнату. Одно только было не так: я оставил пижаму на кресле и решил заснуть голым.

Сквозь сон я почувствовал, что это — не сон. Это был Лео. Его физическое присутствие было настоящим. Я не испугался этого. Я только повернулся со спины на бок, к стене. В ответ он прижал к моей спине свой живот. Его рука тронула то, чего я ему не давал... ни в одном из моих снов. Ответа не было. Я молчал. Мое тело не знало страстей. Мы были несовместимы. Его сексуальное возбуждение не было моим. Бог разделил нас в этом, наказав святого святостью.

— Мой секс был не для твоих страстей, — произнес я фразу по-французски в мертвой тишине.

Он испугался. И вздрогнул от моего открытия. Наша ошибка стала его грехом. Она родила в его сознании то, что подсознание приняло за судьбу, которая не суждена нам обоим.

Лео истерически отдернул от моего тела руку, как от горящей свечи. Я обжег его льдом своего именования. Я не мог дать ему того, что он так долго жаждал получить от меня...

Я повернулся и сел на кровати, свесив ноги на ковер, не открывая глаз. Я хотел казаться... лунатиком от его паязчивой любви.

Я обнял его. Мои руки оплели его холодное тело. Я спрятал свое лицо на его плече. Мы лежали долго, бесконечно долго. Я притаился и молчал. Мы знали: никто не спит. Время побежало вспять, против него и меня. Мы начали терять друг друга. Мы убили то, что чуть было и впрямь не родилось между нами.

— Возможно... три месяца — это недостаточно?! Надежда есть! — сказал кто-то из нас громко.

Мы могли бы понять друг друга в день, который еще не наступил. Я спрашивал себя об этом: «Долго ждать или нет... Лео?»

Неожиданно он щекотал мои веки кончиком мизинца... Я все понял, открыл глаза.

Он молил меня, как Бога, о прощении. Это не было страхом, который я знал раньше. Это не звучало как просьба мужчины к мужчине. Это было что-то... неожиданное. Я сдался. Мне стало любопытно — продолжать игру с ним.

— Да, я хочу твоей похоти, да-да! — выдохнул я в ответ.

Он поправил мое одеяло и ушел. Я встал и включил свет: пижама лежала на полу. Это была моя пижама, а рядом — его.

Я медленно подошел к раскаленной батарее и положил на нее чужую пижаму. Я почему-то захотел, чтобы она согрелась.

Я перестал думать о себе как о центре Вселенной. Вокруг меня ничего больше не крутилось. Я и впрямь захотел, чтобы ему было немного лучше в его роскошном и одиноком доме.

Потом я оделся и ушел в другую комнату, где полыхало зарево пламени — будто солнце. Что-то гудело под шквалами ветра в трубе. Поленья изгибались и потрескивали, как трупы в крематории... Мне казалось, что я вот-вот ослепну от огненных сполохов в камине.

Я бросил свою заплаканную подушку в огонь. Он высушил мои тайные слезы мгновенно. Невиновные перья превратились в искры и пепел. Ветер засосал их в дымоход, склонив все мои мальчишечьи секреты.

Я захотел остаться один, без всех... Лео или еще кого-то! Я забыл Лео наедине с собой.

Я посмотрел на руку. На моих часах опять было три. Но так ли это... что-то не так. Зачем часы опять понесли, передвигая свои рубиновые камни и затейливые винтики...

Я не знаю, почему они снова в порядке. Ну что ж! Они, кажется, сэкономили мне деньги. Они все же подарили мне еще два года до того, как надо сменить батарейку...

Я открыл окно. Полная луна плывет истопропливо вдогонку за облаками. Детство, юность... зрелые годы? Разве это когда-то было... со мной? В душе я как был,

так и остаюсь неисправимым подростком. Спасибо Богу за эту мудрость невзросления... моего отказа взрости.

24. ПИП

— Да, Руди, а когда это было? На прошлой неделе или две недели назад? — улыбнулся Пип, глядя на меня.

Я понял, что он еще не ложился и ждал кого-то.

— Никогда не думал, что я так жутко ревнив. Бывает же такое... Да... и к кому? Вруну, проститутке, паршивому и грязному забулдыге-почтальону. Нет! Нет, Руди, это я пытаюсь лгать тебе, а заодно и убить свою любовь к нему. Это все неправда! Я бесконечно люблю Алекса. Да, страшно люблю. Я люблю его во всех грехах. Разве я не был сам таким же в его двадцать с гаком? Я был точно таким! Ну прямо не парень, а проезжающая дорога для всех парней в округе!

Пип действительно любит его. Встреча с ним многое изменила. Вся их любовь протекает у меня на глазах. Я не знаю, как помочь им.

— Так жить нельзя. Обязательно с понедельника начну новую жизнь! — говорит Пип, почесав плеший затылок.

Я вижу, Пип решил покончить со своей Лизой. Надо все же и ему развестись окончательно после двадцати пяти лет жизни порознь. Ведь их сыну уже восемнадцать, а личная жизнь отца так до сих пор и не состоялась.

— Как много машин сегодня! — Пип подходит к окну и смотрит на дорогу.

— И чего это они разъездились? На улице дождь, да еще суббота? — вторю я ему, соглашаясь как всегда. Вот и сегодня я у него в гостях, и мы играем в префэранс.

На душе у меня спокойно и хорошо. Как обычно в три часа придет мой любовник. И хотя между нами тридцать пять лет — это ничего не значит. «Ведь у парня своя жизнь, а у меня своя», — размывляю про себя. И пусть он врет на каждом шагу, я внушаю себе, что все это — пустяки. Ведь такой парень не может любить только одного меня и никого больше... в Лондоне. Мой любовник жаден до всего. Ему подойдет всякий, кто лишь подмигнет ему в подъезде или из окна машины. Как это он говорит: «Чтобы было, где переночевать по дороге домой... если хлынет дождь или... вдруг не хочется топить камин в зимние холода...» Вот в этом весь он. Здесь мой парень верен себе. Как же еще он найдет выход из своего сексуального ража?

Мой друг Пип глубоко заглатывает дым из сандаловой трубки. Он думает о чем-то своем.

— Но когда же это все началось?! Дай Бог памяти! Когда же я встретил его? — спрашивает Пип вслух. — Это было в начале февраля... А сейчас? Сейчас уже октябрь. Да, много, много событий произошло за это время. Самое же главное — моя жена вернулась из больницы.

Я знаю, Пип надеялся, что она умрет там. Он хотел бы стать вдовцом. Почему? Потому что она тоже никогда не любила его. Она вышла за него замуж по совету матери. В церкви их называли мужем и женой. Это было страшное несчастье. Ведь уже в день свадьбы он открыто шнырял вокруг церковных туалетов в поисках молокососов, таких же, как он, черно-голубых.

— Они все из его черной кобелиной стаи, — через неделю сказала ее мать. До самой смерти она винила себя за содеянное, за то зло, что причинила своему сладкому чижику, единственной дочери.

— Да, белые деревенские женщины не любили меня. Нет, никогда не любили, а любили мои деньги, — произнес медленно Пип. — Однако что это я все о них да о них? — возразил он сам себе, глядя на меня. Здесь-то нашему разговору и помешал телефонный звонок. Я вышел, зная, что он не для моих ушей.

Часы на стене подтвердили — это Алекс: они пробили ровно два раза.

— Привет! Я сегодня не приду.

Пип постучал трубкой о ручку кресла. Его любовник всегда был точен и со звонком не опоздал. Раз обещал в два, то и звонит в два.

«Но где... где же я встретил его?» — неотрывно барабанило в его голове. Рука же повесила трубку. Он не желал слышать фальшивые слова о плохом настроении или еще о чем-то, чего нет.

«Ты подцепил его в метро, где он крутился в мужском туалете, — подсказала его память. — Да, это было в феврале...»

Тогда Алекс не медля сел в Пипову машину без вопросов — куда и зачем? Парень лишь настойчиво просил:

— Бесплатно... переспи со мной. Согласен или нет?

Пип не удивился этому. За свои полвека он многое повидал в жизни. Пип подумал, что этот парень — проститутка, что он проездом, скорее всего в отпуске. Когда подростки без работы, говорят, что они бездельники и тунеядцы.

— Поедем в «Макдональдс», — предложил Пип. — Ты голоден, а?

— Где это? Я только два дня в Лондоне после перевода из провинции, — ответил Алекс.

— Ты работаешь на телефонной станции? Я как будто видел тебя там. Конечно, я вспомнил тебя.

— Нет, — ответил Алекс. — Я работаю на почте ее Величества Королевы Елизаветы Второй.

Первым предложил свой телефон Пип. Его чем-то пленил этот ласковый абориген из Австралии. Бархатные темные глаза, блестящая кожа, открытый взгляд. Пипа возбуждали его тонкие и изящные ноги, которые двигались как бы на лету. Мягкая и обворожительная улыбка была неотразима. Алекс разбил Пипово сердце на миллионы росинок слез.

Да, Пип без памяти влюбился в этого куури*. Это было ясно с первой встречи. Потрясение стало неожиданностью. Совершенное безумство ждало его позднее.

Все началось скоро. Не прошло и недели, как позвонил Алекс и стал смеяться над своими любовными похождениями. Трудно поверить, но у него уже было две-надцать любовников. Пипу хотелось думать, что первым был он, Пип, и самая первая неделя в Лондоне началась у парня с него. Тогда-то его и сразил непредвиденный сюрприз: его, Пипово, место среди всех других было лишь в середине. Математика Алекса была проста. Пип стоял под номером шесть. Даже в день их встречи с ним уже «играли» двое клиентов.

«Он большой мастер проводить время за бутылкой доброго вина», — защищал внутренний голос Пипа проказы Алекса.

Это было загадочно, но Пипово сердце безоговорочно любило сексуального гиганта.

«Почему?» — спросил Пип себя, но не получил ответа.

— Ты не любишь даже самого себя! — ответил я за его спиной, будто услышав, о чем идет речь.

— А, это ты? — повернулся он вбок, увидев мое отражение в буфете с французскими статуэтками. Я сел рядом, поцеловал его в затылок.

— Послушай, Руди, когда я закрываю глаза, то вижу обычную картину: вот Алекс кончил и получил свой оргазм. Вот он забыл обо всем вокруг. Вот он поспешил одеваться. Вот сухо говорит: «Прощай!» Вот через минуту его уже и нет... Что ты думаешь, Руди?

— Пип, открой глаза. Конечно, он научился этому в публичных домах или в притонах Австралии. Но это лишь догадка...

* Так называют себя чернокожие аборигены Австралии. —
Прим. автора.

— Всегда одно и то же. Одно и то же: пренебрежение партнером после секса, — ворчал Пип беззлобно, положив руку на занемевшее от ревности сердце.

Вдруг он неожиданно улыбнулся мне.

— Это случилось первый раз за сегодня! — заметил он с удовольствием, намекая на боль в груди.

— Он доводил и продолжает доводить тебя до безумия, Пип. Оставь его в покое, забудь, старина, — прошил я его, капая валериану в кофе.

Пип почесался и с удовольствием разжег очередную трубку.

— Да, этот парень сводит меня с ума, — повторил Пип, соглашаясь, но не желая бороться со своим сладострастным наваждением.

— Ты все еще хочешь вспомнить, когда ты увидел Алекса? — спросил я его.

— Да, это было... в метро. Вот тогда-то все и началось, — выдохнул он громко.

Он беспорядочно заходил по дому, его толстое и неклюющее тело ежеминутно вздрагивало.

— Да, тогда-то я и понял, что бесчисленное число е...о...ов не важно для парня. Разве я не понял этого, когда он пропал на две недели, просто исчез, да и все? Нет полуночных звонков. Нет случайных «приветов» через общих друзей. Совсем нет и просто-напросто ничего нет. Алекс словно умер.

Я напомнил ему, как сначала он этого не заметил, совсем не заметил. Он старался ни о чем не думать пока, не решался заехать к Алексу домой.

— А поэтому я, Руди, позвонил из машины: ведь были все те же два часа дня и обычная суббота. Мне хотелось затащить Алекса к себе, чтобы ему не нужно было брать такси из одного конца Лондона в другой.

«Привет!» — насколько я помню, ответил парень.

«Как ты? В порядке?» — спросил я.

«Да, все хорошо!» — сказал Алекс необычно сухо и шепотом.

«Ты что, не один?» — произнес я с дрожью в теле, предчувствуя неминуемый обман. Я видел в окно маши-

ны, как дорогу переходил симпатичный парень. Я понял все по его интонации, ты догадываешься, Руди. Передо мной был тот, кого я еще не успел подсчитать...

Это был тот тайный друг, о котором Алекс молчал все время, избегая моих ненужных вопросов. Ради этого тайного мой Алекс пожертвовал всеми е...арями, включая меня.

По коже пробежали зудящие мурашки. Я знал все... теперь. Я подловил того, кто украл у меня Алекса.

«Ты чего молчишь?» — спросил в трубку Алекс, пока я следил за этим парнем.

«Я... я... ничего», — смутился я.

Он был рад, что «незнакомец» вышел, а не заходил в его дом...

«Алекс, кто этот парень? Кто вышел от тебя?»

«У меня никого не было, Пип», — сказал он, слегка помолчав и задерживая дыхание.

«Кто он?» — вскрикнул я истерично, не узнавая своего голоса. Мне показалось, что отвечает не Алекс, а еще один — четырнадцатый, двадцатый или сотый его любовник...

Секундой позднее ко мне возвратилось самообладание. Я понял, что выдал себя с головой... Я покраснел до кончиков волос, которых у меня нет уже более полувека.

«Идиот... старый идиот! В моем возрасте да еще и ревновать?!» — пошутил я смущенно в ответ на настороженное сопение в трубке...

«Ничего, это бывает. Я... только что встал, читал всю ночь Драйзера, — сказал спокойно мой любовник. — Сейчас подойду к окну... Я вижу... это всего лишь красивый парень... Прости меня, Пип. Я не знал, что твоя машина стоит у моего дома. Я выходжу к тебе... только натяну брюки», — раздалось уже поспешно.

— Алекс не обманул меня, ты помнишь, Руди, и выскочил босиком, без майки... Он не ответил мне тогда. Он был необычайно сосредоточен и думал о чем-то своем, очень основательном. Это так не походило на

него! Я помню моего Алекса как беспорядочного, шумного и говорливого... но этого не было и в помине.

«Ты что, влюбился всерьез? Кто этот тайный симпатяга, а? Номер сорок пять?» — пошутил я, показывая на парня, что сидел через дорогу и кого-то ждал.

«Нет... просто у меня болит зуб, но это... ничего», — всхлипнул Алекс.

— Как я понял позднее, он хотел, чтобы его пожалели. Алекс знал, что жалость отвлечет любого от ревнивых подозрений и снимет ненужную тему для разговоров. Он помешал мне спросить то, что ворчалось у меня на языке... Алекс нутром почувствовал многое.

Парень искал спасения от моей ревности. И тут-то мой план и рухнул. Я внезапно забыл все то, что хотел выпалить любовнику в лицо. Алекс, не ожидая моих выражений, быстро положил голову мне на колени.

«Давай поедем к водопадам», — предложил я, разглаживая его волосы моржовым гребнем.

«Давай, Пип. Поедем... хоть куда».

Я помню всю эту историю до мелочей. Пип рассказал мне...

Они вернулись в город уже затемно. Алекс отказался переспать у Пипа и попросил отвезти его домой. Когда они подъехали, в его спальне горел свет.

«Кто-то ждет тебя... Алекс! Свет у тебя... в спальне».

«Нет-нет-нет, перестань! Брось свою глупую ревность», — поцеловал Алекс его в губы.

Не успел Пип включить зажигание, как парня и след простыл.

«Руди! А Пип... старый неразведененный дурак», — тихо сказал Алекс, когда вошел в свою комнату.

«Нет, он больше чем дурак», — ответил ему я, — поскольку я лежу не в его, а в твоей постели».

Я ничего не сказал своему другу Пипу, вернувшись под утро к нему. Я видел, что он разбит, сломлен и, кажется, опять немного болен сердцем.

Я вздрогнул... Неожиданно грудь Пипа сдавил кашель. Трубка выпала у него из рук. Я был не в силах поднять его с пола... Бесконечный дождь барабанил и барабанил по подоконнику... «Скорая помощь» опоздала.

— Доброе утро, Алекс, — сказал я. — Спасибо, что позвонил. Только что умер наш Пип. Я знаю, что он любил тебя. Я видел его тогда на улице, в машине, когда ты шел полураздетым к нему.

— Нет, — ответил Алекс, помолчав, — я шел не к нему и не к тебе. Парень, что сидел на соседнем газоне, мой брат из Чатема, из Южной Англии. Мы тайно спим друг с другом уже с десяти лет. Прости меня за братоложество, Руди. Но я не могу... иначе.

В трубке гудки, гудки... ничего.

Я разбиваю телефон о стену. Оранжевые лоскутки пластмассы разлетаются, как перья, перезвякивая колокольчиками из винтиков и гаек.

25. САРРА

Марокко. Жарко. Мы сидим на террасе в саду. Женщина в одиночестве играет в теннис на лужайке.

— Твоя Акрам ослепительной красоты. Она иранка? Тонкая мальчишеская фигура, обворожительные глаза и вообще полное совершенство, а не подружка! Я люблю твой загородный дом, Том!

Все это я говорю, глядя ему в глаза. Он же отводит их в сторону и неожиданно шепчет:

— Я люблю тебя! Руди... знаешь это?

Я поперхнулся. И инстинктивно выталкиваю наружу язык:

— Зачем? Этого нам совсем не надо! Согласен?

Он изгибает свою тонкую шею и смотрит на мои колени. Я достаю зеркальце, облизываю накрашенные пунцовой помадой губы. Вздыхаю невольно.

— Нет, Том! Ты болен. Слишком много марихуаны, — говорит он сам себе и качает головой, ковыряя пальцами своих босых ног отверстия в коже моих сандалей.

Я не сопротивляюсь, мне понятна его страсть.

Я целую его в щеку, прощаюсь с Акрам и с его матерью, что идет нам навстречу с графином кьянти. Наконец-то меня здесь нет — сажусь в такси.

На улице довольно свежо, стремительно темнеет. Звезды плывут над головой, как шлейф из воздушных шаров. Я развалился в машине и посматриваю через стекло крыши. Километры дороги мелькают со скоростью света.

«Нет, нет, я не хочу домой», — разговариваю я сам с собой. На углу возле своего отеля вижу американку Сарпу. Она узнала меня и приветливо машет рукой. Прошу шофера притормозить и задаю Сарре нелепый вопрос:

— Ты опять работаешь? Хоть бы груди прикрыла, бесстыдница...

— Да, тринадцатое... понедельник... самая тяжелая ночь на панели, — прикуривает она от моей зажигалки, перевалившись в окно.

Открываю дверцу, и она садится. Я обнимаю ее за плечи и целую в левую грудь. Она хохочет.

— Да, жизнь, жизнь — тяжелая штука. Опять что-то с маткой, а это будет стоить кучу денег, — начинает она. — У тебя замечательные балетные ноги! Я уверена, что мужчины тают, только глядя на них, даже не дотрагиваясь, — шутит она, целуя мое колено, что торчит из шорт.

— Да, ты права. Они кобелеют и впадают в маразм. Я люблю твой смачный юмор, Сарра!

— Слушай, Руди, меня сегодня удивил мулат Том. Шокирующая новость — он любит тебя! Неужели он не сказал тебе?

Я толкнул шофера в спину. Его нога сорвалась с тормоза. Неуклюжие прохожие шарахнулись на переходе, как куры, спугнутые с насеста.

— Бэр! Ты не знал? Ведь об этом все трещат, — сказала шлюха, прося шофера не обращать на меня внимания и ехать дальше. Что он и сделал не чертыхаясь.

— Говно! Говно это и неправда! Все красивые женщины великие умницы! Ты видела ее глаза? Лучше Акрам не сыскать на свете!

— С поволокой... и заполнены таким грустным безмолвием? — съязвила Сарра.

— О, я вижу, что ты, как все дорогие проститутки, ничего не понимаешь! — отыскал я самые злые слова, которые могли бы ее обидеть.

— Давай, с...ань, давай подзадоривай меня, — рассмеялась та. — Ты просто дурак, если не видишь, что происходит вокруг его супружницы. Ведь потаскун Том давно вернулся к Ахиллу. Ты знаешь центр города, а, Руди?

— Я так не думаю... Он только что сказал, что любит меня, — перебил я, не веря всем ее вздохам.

— Ха-ха-ха! Этот сраный мудак Том! Он это говорит всем вокруг, когда у его жены очередная менструация.

— О, ради Бога, остановись! Сарра, ты совсем развратилась. Ничего святого для тебя нет. Вспомни о своих набожных родителях-евреях! — хотел я унять ее спесь, а может быть, ревность.

— Нет, конечно, Руди, ты знаешь, я люблю тебя безнадежно. Прости меня, я грязная свинка. Я вымоталась и устала до чертиков. Ведь я работаю с шести утра в порту, а сейчас уже полночь! Все бедра ломит. Да и вообще... я ревнива до икоты. Когда вспоминаешь Акрам...

— О Бог ты мой! Только этого не надо, — вздрогнул я, подбрасывая ей ангоровый жакет из моей спортивной сумки.

— Два объяснения в любви за день — слишком много для тебя? — рассмеялась она по-детски открыто и доверчиво.

— Нет, два — это еще терпимо! Но сегодня их больше, чем обычно. Ведь утром я вернулся к Гарри, — добавил я.

— Говно! Опять говно, никогда этому не поверю. Он дешевая штучка, твой Гарри! — прошипела она по-змеиному.

— Послушай, пощади меня. Ты совсем меня раздавила. Дай мне немного помечтать... о сексе с ним. Согласна, Сарра?

— Согласна, Руди, если ты так настойчиво просишь. Давай-ка я тебе лучше расскажу о Томе и Крисе. Согласен? Но... ничего о твоем блядуне Гарри.

Я сидел и внимательно смотрел на нее. Потом утомленно отвел глаза, чтобы не сказать ей опять обидное Да и зачем обижать уставшую многодетную мать, Сарру. Разве у нее не пять усыновленных детей?

В темном бронзовом стекле отражались ее рыжие волосы, красная кожа, зеленые губы и торчащие уши.. Она напоминала инопланетянку. Ее же родная планета была известна. Да, давно известна: ею была Преисподня. Ангелы из Божественной Канцелярии туда никогда не залетали. А поэтому вокруг и внутри царило невероятное растление. Я вздрогнул от внутреннего ужаса: опустошение и разврат источались из каждой поры ее холеной кожи, напомаженной и надущенной всеми известными помадами и духами. Дьяволица любила быть шикарной и обольстительной.

— Ты пахнешь, как только могут пахнуть бешеные деньги, — не выдержал я, непроизвольно поцеловав ее в лоб, ну просто как священик, что прощает ей все грехи.

— У меня много денег. Спасибо за индульгенцию, святой отец. Сегодня я сделала более двух тысяч долларов, а поэтому я хочу заманить тебя на пиво, — захочотала она, выталкивая меня из машины.

Я почему-то не стал упираться или ссылаться на головную боль, а решил подчиниться ее напору. Я поплелся за ней смиренно, готовясь к чему-то забавному. Что от нее ожидать? Никто вокруг не мог бы предсказать, что она хочет и намеревается сделать в ту или иную минуту. Ни одна ученая машина не смогла бы смоделировать ее будущее или прошлое. Она была за-

гадкой для всех, но главное — и для себя. Наркотики за последние годы сломали ее здоровье, но доброе и бесконечное тепло, которое она излучала и дарила всем прохожим, переворачивало любые грязные домыслы о ней. Взгляд на нее очищал души недругов на секунду. Многие замолкали, боясь правды. Это было, как и у меня сейчас: я мог ее бесконечно ненавидеть вчера и любить до умопомрачения сегодня. А если нет, то завтра... после обеда.

— Ведьма... — шептали мои дрожащие от похоти губы.

— Ты идешь или нет? — выкрикнула она нетерпеливо у дверей, дожидаясь меня, а я тем временем мочился на газоне под сосной.

Ясно, что Сарре нужен сопровождающий. Ведь ее одинокий приход в пивнушку мог быть всеми понят как то, что она подешевела. И берет уже не сотню долларов за час, а десять, не больше. Я быстро рванул с места и вприпрыжку нагнал ее у входа.

— Я виноват, прости. Я отстал, размыслия о том, что ты сказала, Сарра... о Гарри.

— Не унывай, кобель. Все, что я уже давно готова сказать тебе, ничто в сравнении с тем, о чем ты, Руди, не догадываешься. Я благодарная женщина, я просто берегу тебя от обморока, — похлопывала она меня по заднице, пытаясь вдавить свой палец между моими ляжками.

У меня замерло сердце. Я был готов ко всему, а главное — ничему не верить, но обязательно дождаться ее чудовищных историй. Я не мог не заметить, как самодовольно скривился ее скверный и сластолюбивый рот. Я, конечно, верил: Сарра знает все, что происходит вокруг... Она никого не любит, а потому объективна. Она презирает всех и вся. Она не гнушается ничем в своих оценках блядства и разврата. Она не прощает никого. Она падка на гадость. Она, как жадный комар, высасывает скверную кровь из своих обреченных жертв. Зачем? Для забавы... С тем чтобы расписать это в красках. Ее пьянила естественность наготы и подлости.

— Итак, ты готов, Нуриев — звезда Европы?

— Нет, мне надо десять кружек пива, как обещано, — уселся я поудобнее вблизи от стойки бара, перемигиваясь с юным официантом.

Она наклонилась надо мной и щелкнула пальцами. Затем встала, демонстрируя свои умопомрачительные ноги, растущие от шеи. Все вокруг переглянулись, с завистью глядя на меня. Через секунду она танцевала с кем-то в центре зала, забыв про обещанное пиво. Ее танцующая походка будоражила сексуальность сотен таких же, как я.

Я расплатился и, отказавшись брать кружки, устроился за соседним столиком. Через секунду мне принесли их атлеты из местной футбольной команды. Постояв немного и узнав меня, они попросили, а значит, и получили мой автограф...

— Ух! Вот это парни! — поперхнулся я пивом, жадно облизывая пузыристую пену. Увидел, что она идет ко мне.

— Ну, как мое пиво? — Она вытянула свои ноги. Ее надутенные руки стали приидирчиво разглаживать шелк чулок. Резинки пояса вызывающе торчали из-под сверху короченной юбки... Неожиданно она напоказ быстро отстегнула зажимы и сняла чулки.

— Возьми как сувенир в Лондон, — потребовала Сарра, бросая их безразлично на стол между мокрыми пятнами пены.

— Любишь ты шокировать кобелей, — прошипел я, — гляди, как все уставились... на Нуриева.

— Ну и что! Может быть, благодаря тебе я получу еще сотню-другую до того, как завалюсь сегодня на пару суток, наглотавшись сноторвного.

— Могучая крошка Сарра... — попытался вставить я, но мне не удалось закончить фразу: она перестала слушать мои нудные нравоучения.

— Спроси лучше о том, Руди, что я тебе обещала. Сколько ты уже выпил? Ты ж упадешь со стула.

— Четыре, — ответил я.

— Нет, тебе требуется еще, иначе ты побежишь искаль трамплин или пропасть. Знаю я этих театральных хлюпиков с динамитной психикой, гипертрофированным эгоизмом и самосозерцанием...

— Сарра, блядина... дай передохнуть, — вскрикнул я, готовясь к самоубийству.

— Пей, пей, пьяное рыло... говно. Я молчу, — огрызнулась она, сплюнув в пепельницу.

Время шло и шло. Она настойчиво безмолвствовала, пока я не выпил требуемое количество кружек. Я оторопел, когда она начала говорить. То была бесконечная злоба. Я почти все забыл немедленно, но наутро, как и предполагал, проснулся в ее постели.

Одно мне стало ясно: Том — это не Том. Я понял, что он — это Ахилл. Почему Ахилл — это не Ахилл, а все же Том? Она доказала мне, что они поменялись свидетельствами о рождении. Тот и другой успешно сделали транссексуальные операции. Я признался себе, что я непроходимо глуп, потому что так и не понял, кто из них был женщиной и вдруг стал с х...м, а кто... наоборот! Я все равно ничего не понял и совсем запутался. Где — он и где — она? Всего этого я не помню. Одним словом, и то и другое имело место. Но что? Когда и где?

Она выдала секрет, что Том пое...ывается с Акрам в темноте, поскольку тогда не видны следы его новоявленного яйценосительства между ног, слишком женственных.

— Поэтому он и тянется к тебе, Руди! Ведь ты по-мужски красив, поэтому он тебя и любит, как... женщина, — пояснила Сарра.

— Женское нутро обновленного Тома хочет выпрыгнуть из чужеродного тела, — согласился я, делая ученый вид, будто я это понимаю, как никто рядом с ней, моей душкой-Саррой.

На самом же деле я все так же ничего не понимал и еще больше тупел. Я чувствовал себя ослом или, на худой конец, — мулом. Я глуп, как все эти толстокожие животины, вместе взятые.

Главное, и я сказал ей об этом, что я люблю их всех. Я хочу пасти женщин и мужчин в своей постели. Я знаю свои страхи и боюсь всяких извращений с трансексуалами.

— Прости меня, моя жрица Сарра. Ведь я исповедуюсь в грехах, которые запутали меня в своих сетях сексуальности. Если я все же причащаюсь, чего со мной ни разу не было, то умру. Грех для меня как вода для рыбы... Все грехи мира я хочу применить к себе, хоронить свою грешную плоть — не мой удел. Я люблю блуд и разврат!

Прости меня, Том! Греши со мной, Ахилл! Люби меня, Сарра! Я сплю со всеми вами. Я всех люблю! Я за всех молюсь. Я хочу быть любим всеми, везде и всегда...

— А Гарри? Ты знаешь, что он женщина? — съязвила ее лукавый смех.

— Согласен, он женщина! Но у него все, как и у меня, мужика, — целую я Сарру в пупок, раздвигаю ее срамные губы и тереблю гигантский клитор.

— А это... что, Сарра? — показываю на маленький шрам.

— Это остаток пениса. Ведь я гермафродит, Руди, прости...

26. БЕН

Я пришел по своим делам в эту больницу. Смотрю по сторонам. Там, за стеклянными стенами, что-то происходит.

Этот парень не помнит, что было с ним вчера.

— Неужели четыре часа? — отмечает он с невероятным удивлением. — Ты не шутишь, что уже сегодня? А может, позавчера? — спрашивает настойчиво он.

— Да, сегодня пятница, — отвечает незнакомка.

— Значит, я здесь четыре дня, — приходит ему наконец в голову. — Но почему так болит все тело?

Он смотрит в окно на втором этаже. Через дорогу — здание городского суда. Вокруг обычая и солнечная жизнь.

— Я еще в Армидейле, — соображает он смутно.

— Бен, обед на столе! — кричит тот же голос.

Вдруг перед его глазами все темнеет: он видит свое прошлое. Он поднимается с одеяла и тяжелыми шагами передвигается на звук этого незнакомого женского голоса.

— Да, та же синяя кухня. Я был здесь, — признает он с трудом.

Он видит огромный стол. Поверхность стола почему-то начинается с потолка и изгибаются в направлении его рта. У каждого предмета маленькие паучьи ножки.

Стол розово-синий. Все десертные ножи зеленые. Стекла почему-то окрашены в цвета радуги. Все мерцают и пульсируют, а в голове стучит метроном, установленный на черно-белых шашечных досках.

— Да, очень страшно. Но где моя тарелка?

Оказывается, он сидит на краю тарелки. Точнее, малиновая тарелка сидит на краю его ладони: она похожа на перстень.

— Это невероятно! — выкрикивает Бен.

— Спокойно, спокойно, мальчиш! Бузить не надо. Ведь в твои шестнадцать еще так далеко до конца света, — говорит мужчина и бросает ему хлебные крошки. — Кажется, кто-то... в курятнике?

Бен запрокидывает голову и видит — это не он.

— Привет, Крис?! Что ты здесь делаешь? Как ты, Крис?

— Все хорошо! — говорит тот.

Неожиданно Бен замечает еще четырех мужчин, которые совершенно раздеты... стоят по углам комнаты.

— А я?! — спрашивает он неизвестно кого, видя отражение своего голого тела в глазах незнакомца.

Да, он тоже раздет. Точнее, совсем не одет. Просто ничего нет. Он трогает себя и осознает, что у него ни-где нет волос: они все выбриты... выпали?!

— Но это невероятно, — повторяет он нелепую фразу.

Бен жадно ест с ложки грибной суп и чувствует, как начинает терять ощущение веса... Теперь он точно поплавок на волнах.

Да, он уверен, что он, Бен, парит свободно в тяжелом воздухе... Обязательно воздух тяжелее воды.

— Неужели я летаю, Крис?

— Да, если ты уже полетел, то пора в постель, — слышит он шепот за спиной. Он видит чьи-то руки — слева, справа, везде.

«Но сколько их? Десять, сто, тысяча или еще больше?» — это были его последние сознательные мысли... Он провалился в никуда.

Бен только чувствует, что кто-то подхватывает его под руки и куда-то ведет. Вот он уже и лежит. Его цепляют со всех сторон. Его ласкают, обнимают. Акт длится безостановочно. Бесконечное число мужчин наслаждается игрой с ним. Он начинает засыпать. Он теряет ощущение времени и пространства. Он летит вверх и вниз, как шар, как резиновый шар, который то надувают, то сдувают...

— Слушай, но что же это было — сон? Бен! — перебивают его рассказ двое... полицейских.

Парень приходит в себя. Сеанс гипноза закончился. Он все вспомнил и рассказал, что с ним произошло.

— Записывайте! — неожиданно скомандовал Бен. — Они просто изнасиловали меня... в этом доме... без окон.

— Но кто? Где? Когда?

— Я не знаю. Я очнулся на... темной улице. Посмотрев на часы, я понял, что прошло... две недели.

— Да ты в своем уме? — перебил его инспектор.

— Да, именно так. Я пришел в пивнушку в сентябре... была суббота, как обычно. А сегодня уже... 9 октября. Мой день рождения. Уж это-то я помню хорошо.

— Но кто был с тобой тогда?!

— Я был один. Меня встретил Крис. Он же и купил мне пару стаканов пива... на углу за почтой.

— Так не он ли и сделал все это?

— Я не знаю. Он только все время кормил меня... с ложки.

— А что ты ел?

— О, это был превкуснейший грибной суп, и давал он мне его перед сном у себя дома.

— О Бен, Бен! Неужели то был суп, да еще... грибной?! — не поверил инспектор.

В палату прошла девчушка двенадцати-тринадцати лет, одетая как взрослая.

— Что вы можете сказать о Крисе?

— У меня была амнезия, или, проще говоря, я ничего не помнила. Я больше недели здесь, в больнице.

— А где это было? Ну, где это случилось? — зашуршал магнитофон.

— Меня подобрали на скотобойне какие-то люди. Я сказала, что меня зовут Люси и что я не бродяжка.

— Вам очень повезло! Мы нашли два трупа в том же месте, но поближе к городской свалке, где вас и подобрали, дорогая, — смутился инспектор.

В ужасе Люси бросилась к парню.

— Бен, как ты? Мальчик мой мильй, Бен!

— Вы знаете ее? — спросил строгого полицейский.

— Да, это моя сестра Люси, — ответил парень без сомнения.

Они тесно прижались друг к другу и крепко сплеши побелевшие пальцы.

— Вас никто не собирается разлучать, — обрадовался за них полицейский.

— Нет, нет. Мы просто соскучились друг без друга, — дрожали их голоса.

В дверь осторожно постучали. Это принесли кофе, бисквиты и... результаты анализа крови.

— Ну, что там? ЛСД?

— Да, ответ на ЛСД положительный, — отчеканил сухой женский голос.

— Ордер на арест готов?

— Да.

— Тогда вызывайте машину. Я выйду через две минуты...

Все полицейские ушли. Подростки остались одни. Их никто не тревожил. Они тихо разошлись по своим палатам. Вот они уснули и просыпаются в подушки. «Бен уже вторую неделю кричит во сне и просыпается в страшной истерике», — свидетельствует запись сиделок.

— Что это, Бен? — спрашивает спокойно и невозмутимо младшая сестра, придя наутро разбудить его.

— Я описался. Какой позор мочиться на простыни!

— Ничего. Это бывает в первые несколько месяцев, когда лечение столь интенсивно. Ведь главное, что восстанавливается память! Бен, ведь это самое главное! Милый малыш...

— Да, без памяти я животное... — говорит брат, засыпая.

— Именно этого он и хотел. Чудовище! — плачет навзрыд девочка, убегая в свою палату.

Подсматривая за детьми в приоткрытую дверь соседней палаты, я вижу душераздирающие картины человеческого горя. Мне не понять гнусной радости бандита Криса, которую он испытывает, издеваясь над человеческой плотью и душой. Грязное насилие, надругательство над детской доверчивостью, наркотики — не зло ли это, которое может разорвать любое сердце? Я закашлялся, а поэтому беру таблетку валидола. Мое сердце угрожающе стучит. Это плата за сверхчастливость и крайнюю чувствительность к чужому горю. Я знаю, что однажды не вынесу чужих несчастий, которые обрушаются тут и там на моих знакомых и близких. Я тихо умру за одного из них, всерьез и навсегда, от обычного разрыва сердца или, на худой конец, от кровоизлияния в мозг. Ведь то, что я вижу, это не балет, который прокручивает тупой видеомагнитофон... Мои нервы рвутся от трагедий каждодневной жизни в Армидейле, провинциальном Армидейле, куда я приехал на неделю, не больше.

Но вот боль немного отпустила.

— Когда я был последний раз в церкви? — спрашиваю я вслух.

«Несколько недель назад, перед тем, как зайти в эту больницу», — слышу отклик моей памяти.

Да, память — самое великое, что помогает нам быть людьми. Без памяти мы трава. Я не хочу быть травой. Я хочу быть человеком. Я хочу помочь этим милым детям прийти в себя.

Конечно, ЛСД наверняка вызывает рак, но, может быть, им повезет? Дай Бог, чтобы мои добрые надежды оправдались. Дай-то Бог! Спаси...

Я знаю, уверен, что вновь возвращусь утром в больничную часовню. Лишь здесь я обретаю душевный покой и забываю страшную безысходность. «Ведь когда-то ты всерьез хотел быть священником», — мечтает вновь мой внутренний голос.

Нет, теперь уже поздно! Я давно живу в своей балетной повседневности. Я тяжело и бесконечно много работаю физически на сцене. Разве это не мои дети в больнице после нападения сексуального маньяка? Я желаю им выздоровления. Я хочу, чтобы их ждали жизнь, счастье, искренняя человеческая любовь. Я хочу быть для них отцом. Моя рука выписывает чек на десять тысяч долларов — это поможет им вернуться в школу и получить полезную профессию...

Как хорошо, что я здесь... в отпуске. А потому узнал эту девчушку и несчастного паренька Бена.

27. КРИС

Я знаю, что он очень опасен. О нем уже давно судачат в округе. Знает ли он это? Скорее всего он даже не задумывался... Просто не догадывается о сплетнях или не хочет замечать. Когда ты живешь в грязи, то она не заметна. Только новичок да случайный прохожий, на-

верное, раскроют рты от удивления. Притом он или она невольно скажет:

— Смотри: бессердечный Крис. Это же ужас — Крис! Как он может быть таким?

Но такой человек не встретился ему.

«Крысы шепчутся тайком от меня», — говорит он всем подряд. И все вокруг передают его слова друг другу.

Сейчас Крис с непроницаемым лицом сидит за стойкой бара. О чем думает он? Угадать нетрудно: кого-то выслеживает!

Вот он скосил глаза и поглядывает в мою сторону. Что я чувствую? Почти ничего, просто испуган до мурашек на руках. Что может чувствовать мотылек при виде лягушки или ужа?..

— Чур меня, чур! Только не меня... — не успеваю я договорить своей соседке.

Видя, что Крис встал и направляется к нам, она в панике убегает. Я остался один. Она не захотела спасти меня, его старая блядь. Ирья лишь передала мне свой ужас. Она знает его более восьми лет... и все ее рассказы о нем крепко сидят в моей голове. Я онемел и подслеповато смотрю, как приближается его тень. Вот и его лицо... возле самого моего носа. Он пьяно улыбается, заглядывая мне в рот.

— Как дела? — спрашивает он ласково.

— Все нормально, — говорю я и думаю: «Какого черта ему до моих дел?» Поеживаюсь от резкого чувства безысходности — удочка заброшена! Надо быть предельно осторожным. Ведь он прожженный наркоман, а его ум чудовищно находчив, изобретателен и развратен.

— Я слышал, ты печатаешь рассказы о голубых?

— Нет. Лишь начал думать, что и как, — изворачиваюсь я с наипредельной искренностью в глазах.

— Врешь ты все, зря говорить не будут на каждом углу, — отрезает он своим пристальным взглядом все мои надежды одурачить его.

— Конечно, что-то я пишу о нас, — соглашаюсь я, — но ведь если не врать, то жить будет трудно. Разве не честнее помалкивать, а лучше вообще откреститься от того, что пока не закончено или еще не начато, Крис?

— О, тогда я согласен с тобой! Зачем говорить о том, чего... почти нет? Или неизвестно, что из этого выйдет? — подмигивает он бармену, выбирая выпивку.

Он щедро угощает меня виски, а себе заказывает пиво.

— С чего бы такая щедрость?

— Да так, Руди... просто ты мне нравишься на видеопленках. Ужасно нравишься... голым. Особенно я люблю твои красивые ноги. Да и вообще ты очень складный... и умный... донельзя.

— Ну, ты даешь! Наговорил мне «бабских» слов, каких я никогда не слышал от тебя! Пожалуй, их теперь хватит на несколько ночей. Ты в порядке? Может быть, что-то случилось дома? Чего это ты такой сверхразговорчивый сегодня, Крис... ти?

— На сердце погано, — говорит он, покачиваясь на стуле из стороны в сторону. — Хотя все хотят меня до умопомрачения... Слишком много ненадежных е...арей и любовниц. Мне удушающее гадко и тяжело... ведь всем им надо только одно — мой кухонный шкаф.

— А что такое? — перебил я, теряясь деланно в догадках, хотя и знал об этом.

— Все мои подстилки спят со мной из-за марихуаны. Ее у меня скопилось... пребольшое количество. Ты не куришь травку? Хочешь попробовать... у меня?

— Нет. У меня аллергия ко всем американским травкам. Сам знаешь, — поперхнулся я дымом кубинской сигары.

— Да, вот на это-то зелье все и слетаются ко мне в постель, но... через кухонный шкаф. — Покачиваясь, он встал и исчез в туалете.

Я с ненавистью смотрю ему вслед. За ним устремляются подростки, наперебой подталкивая друг друга.

— Еще два недоумка... — раздается пьяный голос Ирьи за моей спиной.

— Да, ты права... пожалуй, права, — смотрю я на нее с восторгом, радуясь ее возвращению как спасению от Криса.

— У нас есть полчаса. Ты ведь знаешь, что за пять минут со всеми не управляешься... Он не в такой физической форме в свои сорок пять, — цинично замечает она.

— Полчаса на секс в писсуаре — так полчаса... На спор? — улыбаюсь я.

— Ставлю два пива, хорошо? — говорит она.

— Согласен, но ты проиграешь. Им нужен наркотик, а не секс. А пока расскажи мне о своем пакостном пакете Крисе...

То, что обрушила она на мою голову, было кошмаром! Они изводили друг друга уже с зимы. Каждый день героин, марихуана, но самое страшное изобретение — его грибные супы. Оказывается, он нашел в горах зеленые мухоморы, которые вызывают устойчивые галлюцинации. А привыкаешь ты к ним за несколько часов. После такого обеда суп становится необходимым как воздух. Ты ешь Крисов суп бесконечно, не в силах остановиться. Ирья была его рабыней, пока он не проиграл ее в карты одному местному гангстеру. Это произошло случайно по пьянке, и он был обязан забыть ее. Через пару ночей она надоела новому владельцу. А поэтому Ирья проснулась в мешке из-под сахара на загородной свалке. Чудом она вылезла из деррима и безостановочно пила несколько дней воду из лесного ручья, потому что ее мучила умопомрачительная жажда. А голод? Нет, ничего подобного! Голода она не чувствовала. Ей казалось, что кто-то большой и толстый живет у нее внутри. Даже теперь, спустя несколько месяцев, она продолжает есть по режиму: 9, 13, 21 час. Желания поесть нет, совсем нет... Срабатывает инстинкт самосохранения, а настенные и ручные часы подсказывают, что пришло время нейтрализовать яд, который до сих пор циркулирует у нее в крови.

— Смотри, вот и он! Прошло полчаса. С тебя пиво, — зашумела Ирья, видя, что со мной происходит что-то неладное.

Крис возвращался в обнимку с одним из парней. Они не смотрели в нашу сторону. Марихуана начисто отшибла их память.

Вдруг его как будто что-то толкнуло, и он повернулся ко мне:

— До завтра... соблазнитель, — подмигнул он.

Я посмотрел на соседку, но ее и след простыл, как ветром сдуло.

— Это он ей или... мне? — спросил я кого-то, теряя сознание.

Ответа не было, в ушах зазвонил колокол, и я увидел в потолке коричневую дыру, в голове потемнело. Меня замутило, а затем подо мной провалился пол. Я полетел в Преисподнюю. Вокруг брызгали смолой котлы, запах серы обжигал нос.

— Что это со мной? — запищал жалобно я, ощущая немыслимое одиночество.

— Я помогу тебе, — раздался чей-то голос. Кто-то запихивал большой палец в мой сухой и шершавый рот.

— Не лезь в мой рот грязными руками! — прохрипел я.

Мне не удалось договорить. Рвота залила меня, как ливень.

— Ну и запашок! — с трудом различил я все тот же голос.

— Что со мной? Спаси меня! — обнял я чье-то тело.

— Ничего. Все в порядке, выживешь. Мой мерзавец сумел угостить тебя поганками. Тебе повезло! Он ушел с другим парнем и не ждет тебя... сегодня. Ты сделал лишь один глоток. Второй... было бы непростительно. Ты, пожалуй, умер бы... Руди!

— Это потому, что были те двое?

— Да! Тебе страшно повезло. Ты счастливчик, Руди! — взволнованно говорила женщина, делая мне искусственное дыхание.

Я посмотрел по сторонам. Все было скверно. Ирья заставила меня блевать через несколько секунд после того, как я потерял сознание. Вот поэтому-то она и запихнула свою руку чуть ли не по локоть мне в рот, разжимая зубы. Я дико оглядывался вокруг, осознавая с отвращением, что мою шелковую манишку и «бабочку» не примет ни одна химчистка.

— Вставай и убирайся, мудила, — толкал меня в спину бармен, видя, что я мычу и не могу выдавить из себя ни одного членораздельного слова.

Ирья же продолжала вытираять на мне все, что можно было вытереть. Затем она влила в меня стакан лимонада и помогла сесть.

— Дай ему еще пару минут на опохмелку, Роб! — попросила она бармена, который только-только и сам оправился от невероятного шока... при виде оранжевой и сине-зеленой блевотины.

— Понял... Я знаю, что это было. Ведь это опять... Крис? — тихо шепнул он ей на ухо.

Шепот вспыхнул у меня в мозгах, как сполох пожара над горящим лесом, который я помню со времен военного детства в России.

— Да, ты прав, Роб. Прости Руди...

— Однажды придет день, Святая Дева Мария! Вот уж он доиграется, я верю в Бога, — продолжал тот, прикуривая от зажигалки, которую протянула Ирья.

— Вставай, Руди. Вот уже и прошли твои критические десять минут, — потребовала она, поднимая меня на ноги.

— Да-да-да! Давай вываливаться из этой Преисподней, женщина.

— Чего это ты затвердил: «Да-да-да»?! — рассердилась она, подозревая, что я вновь теряю сознание.

— Да-да, да-да-давай-ка! — Я расхохотался. — Ты, да? Да-да, да-да-давай! Ты права, женщина! Это было действие его наркотика... Ведь он уже живет во мне, он теперь у меня в крови. Разве ты забыла, как валялась на помойке, Ирья?

— Нет. Поторапливайся! Роб, бармен, работает на газетчиков... Быстро улепетьтай! Все это не к добру, Руди.

— О Мадонна! Только не надо фоторепортёров! Что я скажу им? Меня запросто обольют помоями женские журналы за эти мои эксперименты с мухоморами, которые вовсе... не мои... Вот и ответ! Этого он и добивался. Он дико отомстил мне за то, что я когда-то рассказал полиции о его супах, — вырвало меня снова. — А ты догадливая... Очень... догадливая. Это я не понял, что к чему, когда он заказал выпивку, а затем сам принес ее.

— Виски? — всплеснула руками она.

— Ну, виски. Не все ли равно. Главное, ко мне вернулась память. Чашку кофе, Ирья?

— Неужели ты все еще хочешь меня? — ущипнула она меня за мочонку.

— О да! А неужели ты боишься меня больше чем... своего бывшего чародея?

Я умолк. Навстречу бежал озабоченный полицейский. Мы сделали вид, что нам нет ни до кого дела. Мы не хотели быть свидетелями на суде.

— Это все сделал тот же Крис, — показала она рукой. — Смотри, он сидит на скамейке через дорогу и ищет глазами твоё... тело.

— Да, мне повезло! Утром я все-таки буду танцевать в «Лебедином озере», — поцеловал я ее нежно.

— А я, кажется, не пойду в морг опознавать твое на конькаченное тело! — ущипнула она меня за задницу.

— Навискинное! — поправил я ее, мучаясь вопросом, что же я все-таки пил? Коньяк или виски?

На тротуаре я увидел двух растерзанных парней. Они лежали без маек и джинсов. Их разорванные плавки едва прикрывали интимные места. Через считанные минуты «скорая помощь» рыдала и гудела на всю округу, заставляя прохожих поежиться от ее беспомощных красных огней.

Только тогда я понял, что... я должен был стать третьим... Я полуубмороично повеселел.

28. РИЧАРД

Он говорит, а я молчу. Но вот, кажется, не выдержал и все же заплакал.

Уже в двенадцать лет я знал, что не похож на сверстников. Родители тащили меня на футбольное поле, а я упирался изо всех сил. Я ненавидел мяч, велосипед, бокс и все остальное. В тринадцать я понял, что не прав. Я прибегал на стадион раньше всех. Зачем? Чтобы сидеть в раздевалке.

Однокашники приходили гурьбой, кричали, шли в душ, и я любовался их наготой. Я хотел обнять их, поцеловать, признаться в своей любви. От этого мое лицо заливалось краской стыда, а тело горело. Я не знал, что со мной. Я чувствовал, как у меня замирает сердце, и знал, что это плохо.

Священник сказал мне на исповеди, что я прав и что «это»... против Бога. Я устыдился себя и спрятал свою «тайну» от всего света. Мое горе не удалось забыть в часовне, и тогда я стал обманывать свое «я».

С тех пор Ричард никогда не был откровенен с Богом.

Я свернулся, как улитка, и остался один на один со Своим Телом, Своими Сновидениями и Своими Чувствами. Я мечтал о парнях все чаще и чаще. Я делал все возможное и невозможное ради того, чтобы остаться с кем-либо из них наедине — в бассейне, на катке, в кино, на реке. Я жаждал, но не знал, как это сделать. Я понял, однако, чего я боюсь, — сверстниц. Это потрясло меня до слез. Я перестал мечтать о любви к женщине.

Я искал сильные и крепкие руки. Мне была нужна щетинистая щека на любой подушке. Мне нравились волосатые ноги и крутой характер. Я был всегда голо-

ден по мужской ласке. Я хотел отдаться каждому ради самого секса, немедленно и навсегда!

Я состязался сам с собой. Я хотел перепробовать любые сексуальные фантазии наяву. Я кричал себе: «Немедленно и сразу!» Вот чем была занята моя проницавшаяся плоть.

Я подстраивал встречи с рослыми парнями. Но они не обращали на меня внимания, не смотрели в мою сторону. Меня презрительно звали «девчонкой». Я же не был «готов» и не успел еще признавать за собой этой почетной роли. Я подозревал, что все говорились против меня. Никто не видел во мне своего раба, который мечтает лежать в ногах, ловя взгляд хозяина.

Ричард знал, что ему нечего скрывать. Ричард был очень хороший мальчик. Ричард никогда не стремился врать и не врал. Ричард не обманывал.

— Я боялся Бога. Я верил священнику... Я изо всех сил хотел стать таким, как другие парни.

— Все придет само собой и уйдет от тебя, Ричард, своим чередом, — убеждала меня церковь по субботам.

Случалось же все наоборот: все уходило и уходило и больше никогда не возвращалось... Парни начали меня бить.

В один из таких дней я оставил Бога. То, что бубнил его слуга-священник, пастор Лю, было ложью. Я понял это.

Понял, когда он стал гладить меня по колену. Я безумно смущался. Я не хотел его липких рук: меня вырвало... Я узнал и открыл для себя то, чего больше всего боялся.

Я не простил его и церковь, где он жил в грехах. Он врал мне долго, что это плохо, а сам нарушил слово. Я ушел к другому Богу, я сменил веру. Я понял условность всего и вся. Все оказалось проще. Я бросился искать лжепророка, который обнимет меня. И это случилось быстро. Моя мечта осуществилась в библиотеке. Он положил свою руку мне на колено. Я ничего не

сказал. Я улыбнулся и написал карандашом на газете: «Увидимся завтра здесь же».

Я убежал от него в школьный двор. Все осталось на читательском столе, и я не знал, прочел ли он мою запись.

Я не мог уснуть в ту ночь. Все время думал о нем, моем первом мужчине. Назавтра я пришел к нему. Он ждал. Он был старше моего священника. Его звали Эрик. Он сказал, что ему за пятьдесят. Я не знал, нравится ли он мне. Я не был у него первым. Он был нужен мне позарез, без него я не знал, что делать с собой. Он помог мне... в кустах. Он сделал для меня то, о чем я мечтал. Мы были вместе день, ночь и еще полдня. Я забыл о доме. Я пропустил все уроки в школе. Я убежал от родительских сюсюканий. Он впервые сказал: «Люблю тебя, парень». Я никогда не слышал этого раньше. Это было первое признание в любви, не считая материнского. Но это все другое! Эрик любил меня! А поэтому-то он и купил мне велосипед — мою мечту! Я был счастлив...

Вокруг меня появилось много нового. Вернее, все стало по-новому. Я забыл о своих сверстниках. Я забыл обиды и горе, которые они принесли мне. Я изменился. У меня была тайна. Это было только между нами — им и мной.

Каждый день он помогал мне взросльеть: я пробовал целоваться. У него были слишком большие губы! Мне было трудно сперва. Но я быстро научился. Я брался за все и сразу... от начала и до конца. Я наконец постиг то, чего я так долго ждал, — оргазм. Теперь у меня было все, что я хотел. Я открыл для себя новый мир: физическую ласку, гортанный выговор, грубый голос, усатое лицо, волосатую грудь и... упругие яйца. Я был на облаках... Я повзрослел буквально за несколько дней. Я духовно возмужал незаметно для себя. Я стал рассудителен, осторожен в словах. Я приучил себя прятать чувства за улыбкой.

И тут женщины начали обращать на меня внимание, чего раньше не было. Они почувствовали во мне тот магнетизм, который я еще не замечал в себе. Я не нашел слов, могущих объяснить мои мысли. Мой чувственный опыт изменил мое поведение, сделал меня более придирчивым к себе. Я теперь был всегда чисто вымыт, подтянут, разборчив в еде и полюбил кремы. Такого раньше не было и в помине. Да и откуда? Все от него, от Эрика!

Моя мать зарыдала, когда увидела мою парфюмерию. Она немедленно выбросила пудру и губную помаду.

— Этого еще не хватало! — всплеснула она руками в ужасе и замешательстве.

В ответ я ушел из дома к нему, своему учителю. Он был со мной еще несколько недель. Расставание обернулось травмой. Все случилось очень глупо: Эрика переводили из одной школы в другую. Он должен был преподавать химию в соседнем районе. Я понял, что учитель испугался наших постельных отношений. Карьера для него была важнее, чем все остальное, чем моя любовь! Конечно, все понятно, Эрик любил свою профессию сильнее, чем меня. Он не хотел видеть меня каждый день.

Я не мог быть главным в его сексуальной жизни. Я был школьником и лишь очередным его приключением. Я страшно страдал. Я не сдержался и ударил его, когда он объяснял мне, «чего нельзя», в школьном дворе в перерыве между его химией и не его алгеброй. Мое сердце треснуло, как переваренное яйцо. Ведь до этого разговора я догадывался, хотя не верил, что он оставит меня. Я не захотел простить ему обмана. Он не сказал мне главного о себе.

Но нет, я не прав. И чего это я жалуюсь и скулю? Ведь все в моей голове перемешалось после вчерашнего расставания.

— Да, конечно, Ричард, успокойся, мой мальчик! — говорю я. И добавляю: — Я вижу, что это все от ревности. А профессия здесь ни при чем. Ведь учителя тоже люди, и им нужен секс... ты сам знаешь.

— Да, это все от слепой ревности. Ты прав! Ты прав, мильй... Руди.

— А ты не слишком молод для серьезной любви? Этого жестокого всеразрушающего чувства, Ричард?

— Нет-нет! Ведь мне через неделю будет четырнадцать, — говорит он и убегает на стадион... в раздевалку.

Вот и все. Это самая неожиданная и невероятная история, которую я когда-либо слышал.

Прошло много лет с тех пор, но рассказ парня глубоко сидит в моем сердце. Самое же удивительное: Ричард вернулся к церкви и вере, обнял греческого Лю.

Я хорошо знаю этих трех людей. Они встречают друг друга каждую субботу в церкви, что стоит на углу недалеко от моего дома. Всех их объединяет Ричард, который возвратился к своему священнику и перешел в другую школу, где и работает его обожаемый учитель.

Один из них, пастор Лю, все же стыдится смотреть парню в глаза. Он помог принять ему самое важное решение в жизни. Но этого никто не знает, кроме меня, а сам Ричард боится говорить об этом больше всего.

Другой же, вы, наверное, догадываетесь, учитель Эрик, отводит взгляд в сторону, если они сталкиваются в школе. Он помог ему открыть и полюбить мужское тело, которое тогда еще не проснулось. Ричард бесконечно любит его за это. Ведь первая любовь — каждый вспомнит и согласится — всегда такова и, значит, вечна!

У каждого из нас такое случается только раз в жизни. А было ли такое у меня? «Нет, не было», — говорю я себе, спокойно размыслия о своем отрочестве. Меня обидел Бог, мне не повезло со священником или,

например, с учителем химии! Все это превратило мою жизнь в трагедию. Никто не помог мне разоблачить в себе гомосексуальность. А поэтому, когда давным-давно одна женщина сказала, что любит меня, я поверили ей немедленно. Ведь я не любил никого до нее. Вот я и подумал сразу, что это-то и есть тот единственный во всем мире человек, который любит меня. Если так, то почему я должен отказаться от нее? И я сказал ей:

— Выходи за меня замуж! Ты любишь меня, Ната, спасибо!

Я очень старался научиться любить ее... физически. Помню, что на это у меня ушло более двух лет. Но я никогда больше не слышал, чтобы она хоть как-то, неизвестной, напоминала мне о своей любви. Я тоже молчал. Мой язык отказывался произносить подобные слова... в постели. Затем появились двое детей...

Через десять лет Ната сказала, что не любит меня. Я разбил с досады стакан об пол. Я вдруг стал кричать... Я даже предположил, что у нее есть кто-то другой. Смешно, не правда ли?

Мне просто было жаль себя за ненужное лицемерие в постели! Все было так и не так.

Ната стала голубой, как призналась мне ее подружка Анна. Мне нечего было сказать на это жене. Я оставил всех и ушел куда глаза глядят. Господи, сколько лет прошло с тех пор...

— Ты все еще здесь?! — прокричал Ричард, проезжая на велосипеде мимо моего дома.

Я сидел с тетрадями на веранде и грыз ногти.

— Увидимся завтра в туалете, во время школьного ленча? — развернулся он круто велосипед и поехал в сторону школы, где преподает моя сегодняшняя жена, что подарила мне своих четверых удочеренных детей: Эллен, Сарру, Халию и Танию.

— А будет ли твой сын хорошим мужем? — застрял у меня в ушах вопрос моей бывшей жены Наты.

И что это она повадилась звонить мне в Лондон из Амстердама каждый день? Скучет... по сексу?

29. ТОМ

Я не знаю, что со мной. Я вь перемешалась со сном. Кажется, правда стала вымыслом. Сегодня я потерял... друга. Я вижу, что я — это... не я. Но кто тогда я? И кто эта женщина рядом с ним?

Мы сидим на турецких подушках бок о бок. Я люблю его искренность. Том из тех, кто говорит полуправду. Он щадит мое самолюбие.

— Полная правда убивает наповал, — любит он повторять за стаканом вина, а поэтому Том всегда недоговаривает.

— Да, ты прав, как всегда прав, — вздыхаю я.

Ведь добавить больше нечего. Том крайне молчалив. А вдобавок хозяин дома не любит, чтобы кто-то за столом говорил больше него. А сам он? Том вообще не говорит, ну если два-три слова за вечер. Но сегодня что-то случилось, возможно, несчастье? Похоже, его не остановить. Он говорит, слушая только самого себя...

— Такое с ним бывает раз в сто лет, — смущается женщина. — А знаете почему, Руди? Он ревнует меня к вам.

— Ну, это совсем ни к чему. У меня другая слабость. Ты знаешь, что я сохну... по парням! — Я допиваю вино, искося посматривая на нее.

— О да! Ты отводишь глаза, я это вижу. Ты опять влюбился. Неужели в мою ливанку? Признавайся, ведь это так, а, Руди? — настаивает Том, заметив наши переглядывания.

— Нет. Ты не прав, просто чешется левый глаз. Ресница попала. — Я тру веко.

Он начинает посмеиваться надо мной.

— Да, пожалуй, ты права, Шакка, — целует он женщине руки. — Конечно, я чудовищно ревную тебя к Ру-

ди. Иначе меня разговорить невозможно, — соглашается он, глядя на меня, а затем сгребает нас обоих в охапку, прижимаясь к нашим щекам. Потом он отталкивает меня... Смотрит задиристо в ее глаза. Целует в кончик носа и цедит сквозь зубы, что кусают сигарету:

— Ты права, девочка! Особенно сейчас-то! Да к кому ревновать-то? Не к кому! Вокруг такое пьяное дерьмо, что у меня кружится голова и меня тошнит... и тебя, Шакка, тошнит! Не только меня и тебя, но и Руди тошнит: всех нас троих тошнит уже год, бестии!

Мы покатываемся со смеху. Мы опять и опять, по-мужски похлопываем друг друга по плечам. Так обычно бывает в порыве искренности, захватившей сердца. Так случилось и сейчас. Мы не сердимся друг на друга. Мы доверяем друг другу. Мы даже, кажется, начинаем любить друг друга как-то по-особому... Я вздрагиваю. Так ли это? Я исподлобья наблюдаю за ним.

Он смотрит понимающе, берет меня за подбородок и качает головой, приговаривая:

— Нет... нет... нет!

Помолчав минуту, добавляет:

— Не, не, не... — сухо, раздельно.

— «Не» — это... окончательно? — выдавливаю я из себя улыбку, поглядывая на Шакку.

— Да, железно и... павечно! — резко и твердо говорят он, как будто что-то заподозрив в себе, а потому испугавшись.

Вино доинто. Шакка возвращается на кухню.

— Все на столе. Бегом, парни! Пора браться за плов и сладости...

— Пожалуй, для меня уже поздно, — отказываюсь я от ужина.

Том принимает мои слова с благодарностью. Он смотрит заискивающе и не мигая на Шакку. Она молчит, боясь сказать лишнее слово. Том чувствует... тоже.

Я начинаю понимать значение его «не». Я одеваюсь и покидаю их дом. Это могу понять только я. Он научил меня расставаться... Все началось пять лет назад, когда

мы не умели этого делать. Я вышел к Темзе и закурил. Прошлое обрушилось на меня. Тогда, давно, он постоянно требовал, чтобы я был у него на глазах... Если я выходил из его комнаты, он кричал: «Где ты, где? Иди скорей! Я скучаю по тебе, парень!»

Мы спали вместе около трех лет... Как нелепо все это было, глупые мы были парни... тогда.

Но однажды произошло несчастье...

Как-то вечером я вышел за сигаретами в соседний бар и не вернулся. Том подумал, что я его бросил. Ревность сыграла с ним жестокую шутку. Он проходил меня несколько недель, не отходя от окна и телефона. Том плакал, «словно ребенок, оставшийся без любимой игрушки», так мне рассказали потом, через два года. Он ничего не ел, не выходил на улицу. Он даже пытался отравиться газом, а потому попал на сутки в больницу, где... я находился в соседней палате... с того самого дня, когда я исчез.

Да, ревность сожгла его сердце! Но ведь я не был виноват! Я попал под автобус и начисто потерял память. Очнулся я очень не скоро. Я не помнил ни своего имени, ни адреса... Я провел в больнице два года.

Когда меня выписали, я немедленно побежал к хозяинке нашей квартиры. Дома никого не было. Два года — не один день и даже не месяц. Все **бывшие** соседи съехали за это время. Никто не знал, где Том. Мой очаг был пуст.

Я пошел в полицию. Машину он так и не купил, а значит, его данных не было в компьютере. Никто не смог сказать мне, где Том.

Я стал вспоминать, где живут его родители. Оказалось, что у него, как и у меня, их нет. А поэтому никто нас не мог любить крепче, чем мы любили друг друга... давно-давно на Кенсингтон-роуд.

Итак, случилось жуткое горе! Мы потерялись в Лондоне. Мы не могли найти друг друга среди миллионов машин, тысяч газет и журналов и сотен телевизионных программ... Мы одичали посреди самого свободолюбивого и информированного британского века.

Мы потеряли себя в самом цивилизованном и просвещенном королевстве.

До сих пор меня преследует воспоминание: как я сжался в комок, точно забитый еж. Я мечтал о нем, мое Томе, я видел его во всех своих сновидениях. Часто я засыпал днем, чтобы увидеть его и поговорить с ним... два раза... четыре... пять.

Потом я полностью оправился от амнезии и даже вернулся к работе, а вечерами неустанно бегал по пивнушкам. Я подсчитал: их тридцать три тысячи! А значит, чтобы обойти их все, мне нужна вечность! «Если на это уйдет остаток моей жизни, то я готов отдать ее... ради любимого!» — поклялся я сам себе на кресте и Библии.

Я искал и искал Тома везде. Я чувствовал, что Том где-то рядом, в Лондоне, а если и нет, то обязательно — жив, жив... жив!

Я долго объезжал район за районом... Я твердил себе под нос одно и то же: Том, Том, Том! Я спрашивал всех подряд: «Где? Кто... видел Тома?»

Но в моем городе его никто не знал. Я бросился искать... Я спрашивал всех... Везде одно и то же: никто не знает... Тома... в Англии.

И вот неожиданно я выяснил, что он в Лондоне. То была счастливая ночь! Этот бар показал мне случайный прохожий. Я заглянул туда в полночь: там сидел усталый и небритый Том! Я бросился к нему: мой Том! Я обнял его, расцеловал. Он холодно пригласил меня к себе... Здесь я бывал... когда-то. Мне грустно вспоминать ту нашу встречу.

Сейчас я иду домой. Сегодня я увидел его первый раз после моего погребения заживо в больнице. Именно этим и были мои нелепая двухлетняя немота и даже беспамятство.

Мы не говорили о больнице. Я так и не успел ему рассказать о своих метаниях по пивнушкам. Я понял, что это не нужно ни ему, ни его беременной жене.

Я не хочу ворошить страдания. Что было, то уже прошло. Я видел, что ее муж был болен мною. Он бе-

зумно страдал без меня. Он пытался умереть, но его спасла Шакка. Нет, нам не надо возвращаться во вчерашний день. Мы все равно уже не такие. Все равно мы уже не там! Мы уже не те! Мы с ним совсем не те! Да и где я сам, тот Род, каким я был? Именно так он звал меня, не согласившись с тем, как нарекли меня мои родители. Ведь он никогда не звал меня Руди. Сегодня я был удивлен, что он не помнит этого имени. Да, он звал меня Род... до сегодняшнего дня. Может, что-то у него с памятью... Нет, он здоров... Дай Бог, чтобы все у него было замечательно.

О Христос, Моисей, Мухаммед, Будда, Кришна... Святой Никола! Спасибо всем, что я опять в порядке. Теперь я могу уехать в Нью-Йорк и жить одиноко, без Тома. Ведь он жив, мой Том. Он жив — это главное! А я... жил как-то и раньше.

— Шакка, ты уже спишь? — спросил Том.

— Нет, — раздалось из другой комнаты.

— Он не догадывается, что я умираю... Ты не сказала ему?

— Нет. Я храню твои секреты. Ты ведь знаешь свою медсестру. Разве я не как исламский замок на дверях мечети... молчания и секретов?

— Да. Я люблю тебя больше, чем медсестру, моя девочка!

— Но я беременна от Тимура, как ты мог это забыть?! Ведь он мне дядя по матери...

— Что из того? Я усыновлю твоего ребенка, и он не будет без отца, как были я и ты! Я желаю ему счастья и настоящей семьи!

— Правда? А если назвать его Тимуром?

— Да, конечно, Шакка. Ты хочешь сделать меня отцом? Меня, падшего кобеля??

Девушка вошла в комнату и поцеловала Тома в закрытые веки.

— Как ты нежна! Таким мог быть только Руди! Ах, Род, Род! Мой... Руди! — заплакал Том.

— Ничего, все образуется, Том, у тебя опять жар? Ах, что делать?

— Хорошо, что я не сказал Роду о своем спиде, — послышались горькие всхлипывания.

— О Том! Это лучшее, что ты сделал. Ты не намекнул ни полсловом: ведь уже прошло столько лет... Сам знаешь, как время меняет всех нас.

— Да, время меняет... любовь! Мне надо куда-то деть эти три неминуемых месяца, о которых твердят мерзкие врачи. Не говори ему о моих похоронах, Шакка.

— Ты святой, Том! Ты узнал результат анализа крови за день до того, как потерял Руди... навсегда?

— Нет. Я низок и гадок. Святой — это Род, а не я. Он рыскал по всей Британии... искал меня. Мне рассказывали об этом то там, то тут. Я всем запретил говорить, где я прячусь. Я хотел тайно умереть без него... хотел ему счастья, Шакка.

— Да, я знаю. Ты и сейчас мечтаешь, чтобы Род пережил тебя, — улыбнулась медсестра сквозь слезы.

— Спокойной ночи, Том, мой мальчик. Я огорчена, что у тебя поднялась температура, — начала она гладить Тома по голове, на которой не осталось ни одного волоска. Было ясно, что его здоровье стремительно ухудшается. Он все путал и ни разу не вспомнил ее настоящее имя... Шарра.

— Спокойной ночи, Том! Я больше не Род, нет, я больше не Род! — выдохнул Руди, глотая во сне слезы — соленые, как кровь...

Он понял, что его Том умирает. Скрыть это было трудно: спид он изучил досконально на своем опыте. Роду оставалось жить на четыре месяца больше, чем... Он подхватил смертельную болезнь после переливания крови в машине «скорой помощи», когда лежал без сознания в тот роковой день, что исковеркал его судьбу.

Вот и все, Патрик. Как тебе... веющие сны твоего Р.Н.?

30. ПОЛ

Сквозь сон я слышу осторожный шепот за японской ширмой:

— Ты думаешь, он любит тебя, твой Пол? Ах, Габриэла!

— Конечно. Он же сказал тебе об этом, ты слышала? А, Сюзи?

— И ты думаешь, это правда? Разве так... любят невест?!

— Несомненно, ведь мой Пол — фермер, а эти парни не врут, если хотят жениться, особенно на деньгах, которых у меня предостаточно. Ведь он еще и певец, ты... помнишь?

— А его бывшая подружка беременна и шлет ему душераздирающие письма, — возражает Сюзи.

— Где она объясняет, как его ненавидит, и подробно описывает, зачем хочет отрезать и подержать его мужские штучки между своих ног! Все это черная магия, ведьма проклятая!

Это и многое другое женщины обсуждают всю ночь. Уже вот-вот утро, но никто этого не замечает, кроме меня.

— Руди спит крепко. Давай еще что-нибудь придумаем?! — говорит робко Сюзи и целует подругу в губы. Я вижу их тени на бумаге ширмы.

Габриэла начинает смазывать кремом соски Сюзи и массировать свой живот. Зеркало мерцает от пламени свечей. Камин пылает. Комната в розовых и красных разводах от пляски огненных языков. Женщины обнялись, как сиамские близнецы, которые неразлучны.

Любят ли они друг друга?! Что я могу на это сказать? Моя фантазия не знает ответа. Я отказываюсь что-либо понимать, а поэтому бесчувствен, а вернее, ничего не предчувствую, и я... безъязык.

Я открыл глаза и наконец проснулся. Навязчиво поют громкоголосые птицы. Встаю и выглядываю с балкона в сад. Их окраска необычна. Они пурпурные, слегка лазоревые и с пятнышками на клюве.

— Да, Багамы — это что-то очень необычное, — сльшу голос Пола.

Оказывается, я восхищался птицами вслух. Вхожу в его комнату. Он протирает глаза, рядом с ним спит Габриэла. Разве она не была с Сюзи, его Габриэла?

— Доброе утро, — целует он невесту, поглядывая на меня.

Она слегка потягивается, открывает для поцелуя грудь, ныряет головой под полупрозрачное покрывало и начинает щекотать его задницу языком.

— Ха-ха... Перестань, я уже опаздываю!

— Всегда так, когда я хочу тебя под утро или до завтрака, — шипит она с гримасой отвращения.

Ее губы складываются бантиком, а глаза темнеют. Видно, что ее переполняет презрение, которое давно зреет, как ядовитый плод.

— Я не люблю тебя, Пол! Твоя Лиззи беременна!

— Откуда ты знаешь? — раскрывает он от удивления глаза, пытаясь что-то сосчитать в уме.

— Второй месяц, об этом все говорят, — грозит она пальцем и качает головой. — И как это тебе удалось в один день? Меня и...

— Осчастливить вас обеих?

— Да, да, ты прав, котик. Твои подсчеты верны! Я тоже! — сбрасывает она одеяло с кровати на пол — Посмотри на мой живот! Вот.. во какой!

— Странный сон я видел. Трудно поверить, что ты лесбиянка, — говорит Пол, продолжая скоблить лицо электробритвой.

— Ты знаешь, что это чушь! И я тебе скажу, почему ты так говоришь.

— Почему? — застегивает он ремень на оранжевых шортах.

— Ты просто хочешь загладить свою вину передо мной! А лучшая защита — нападение. Легче всего придумать обо мне что-нибудь жуткое. Вот ты и выдумал. Отстань, не нападай на невесту... Пол! Я люблю тебя.

— Пока, это выше моих сил. — Я вышел из комнаты и отправился в гараж.

Слышу крик:

— Неужели?! Я сказал тебе, что это был сон, а на самом деле я подсматривал и подслушивал, моя милочка.

— Ты всю ночь сопел, стонал и рычал! Прямо не мужик, а гиена, — билась она в истерике, грохоча чем-то тяжелым.

Но вот дверь хлопнула, и я понял: он сбегает по лестнице во двор.

— Ты готов? — выглянул я из «форда». — Наконец-то ты со мной!

— Поехали... Ты все слышал, парень?

— Я ждал тебя вчера целый день, но ты так и не позвонил в бар, — начал я. — Яхт-клуб — не самое интересное место, когда ты в одиночестве! Тебе, конечно, было некогда, — говорил я, не умолкая. — Две беременные женщины на одной улице! Несчастный! И как только ты выкручиваешься из своих историй?

— Ты знаешь, их не две, а больше, — улыбается он.

— Ты читаешь мои мысли. А... сколько? — подпрыгнул я.

— Четыре... и все на одной и той же улице.

Я выпустил руль и испуганно нажал на тормоз. Визг колес и разбитый мусорный бак на обочине завершили его трагикомичную фразу.

— Ты в порядке? — поинтересовался он невозмутимо.

— Я? Я — да! А ты? — спросил я, поглаживая ушибленную шею.

Я включил зажигание. Машина ожила и понеслась по скоростной дороге. Больше мы ни о чем не говорили. Я ни о чем не спрашивал. Мы ехали вместе, но уже как чужие. Я погрузился в свои заботы. Он был потерян безвозвратно. Я разлюбил подонка. С ним все ясно

«Я никогда не спрошу и больше ничего не буду выпытывать о его целках. Их имена, цвет глаз, волос и вкусы мне безразличны. Вух...» — выдохнул я.

Согласен, я любил его! Его синие глаза и рыжие волосы крайне экзотичны. Хотя чего врать самому себе?

Я любил трахать его, невзирая на бесконечные толки о том, что он подхватил спид в сластолюбивом Чикаго.

Я был одним из тех немногих, кто мог растереть его ягодицы в пыль. Он же в ответ дарил мне экстаз, наэлектризованные томление, мстительную ревность и смертельную боязнь одиночества. Он же сам никогда такого не испытывал. Я превратился в одного из жалких счастливчиков, приобщившихся к меду, который истощали его глаза. Не зря, когда он смотрит по сторонам, каждый думает, что он ищет его и только его.

Но разве я искал у него сердце? Нет, ничего подобного не было и не могло быть! Зачем мне это? Нет, не надо.

Я знаю: он сух, никчемен и скучен. И искать сердце у него не надо. Бессердечность — его суть. Здесь нет ничего странного, просто он родился без сердца, как некоторые — без добротного х... Секс заменяет ему все вокруг, в том числе и мозги. Ему не нужны ни дружба, ни сентиментальные привязанности. Любовь? Какая еще любовь?! Разве кто-то нужен ему для любви? Он похотливый волк. У него нет времени па... со-страдание к очередной «жертве», которой он непременно разобьет сердце. Конечно, если сердце у той или у того все еще есть. Или они уже успели обрасти волчьей шерстью, как и Пол?

Он — не сердцеед, как часто говорят о нем. Нет. Он волк. Он нападает. Насилие неизбежно. Оно всегда одерживает верх!

Смотри сам! Разве не так? Четыре беременные шлюшки — это не шутка. Уверен, что он подбивал их на это блядство не больше недели... Бабник он! Ух, как я его ненавижу! Наверное, это от моей ревности к секс-бомбе? Блядство! Одно сплошное блядство на Багамах! Легко ненавидеть, а затем беременеть... и жить потихоньку... на его алименты, которые он будет выплачивать. Да, женское сердце не понять!

— Хорошо, что я сам-то не женщина! А может, и зря?! Представляешь? — погрузился я в свои голубые транссексуальные грезы.

Он говорит мне: «Их четыре бабы», а я поправляю «Пять» И пятая — это я сам! Вот комедия! Я открываю рот и говорю: «Пятая — это я, и зовут меня Руди. Разве у меня нет причины забеременеть?! Ты уверен, что это не твой ребенок, душка?»

Все это забавно. Я смешон сам себе, начинаю насвистывать мелодию Пиаф. Настроение поднимается. Я улыбаюсь. Замечаю, что Пол с нарастающим интересом наблюдает за мной. Как долго мы молчим? Вот и он начал улыбаться чему-то про себя. Я почувствовал, что он отстегнул ремень и аккуратно пристраивает свою голову на мой живот. Его затылок равномерно покачивается. Кажется, мой любовник забыл обо всем. Его слюна стекает на сиденье, между моих шерстистых ног. Он мирно похрапывает от удовольствия, покусывая знакомую плоть через капрон плавок.

— Лучшей подушки не придумать! — воодушевляю я его сексуальные выкрутасы. Ну что ж? Разве мы не едем тайно на пляж для гомосексуалистов, где нас ждет закат, ночь и утро... наедине? — закрываю глаза.

Как хорошо вокруг... Два часа пролетели: мы добрались до знаменитого отеля для голубых. За окном пылает гигантское солнце. Оно плавает розовой бригантины между кокосовых пальм. Листья ярко-синего и фиолетового цвета на фоне золота облаков. Океан вибрирует, усыпляя солнечные блики, что пробиваются, как дорожные знаки: стрелки, стрелки... вот и еще одна? Самая большая стрелка поперек стекла? Я засыпаю за рулем. Мое лицо склонилось к шелковистой щеке Пола. Его легкое дыхание ласкает мой лоб, ноздри, развеивает волосы на лбу. Он засыпает... Мои... губы... Но откуда... Пол? Сон ли это? Его... сон? Мой... сон? Или мы во сне друг друга, как когда-то давно? Как хорошо... в воде. Мои руки покраснели, конечно, это от ало-го заката за окном машины.

Мы еще вместе, мы еще не читали завтрашних газет. Нам не дано увидеть фото, где я и он лежим грудой kostей в ущелье. Перед моим лицом стрелки, стрелки. губы его мои губы и глаза.

Неожиданно темнеет. Солнце село? Кажется, начинается тропическая гроза. Удар грома и... ледяная тишина. Я вижу его расширенные зрачки. В них мерцает лед. А откуда вот эти птицы со змеиными головами — грифф...ф...фы? Но почему в его глазах навыкате так много лунной ртути?

— Ты читала британские газеты, Лиз? — спрашивает мать.

— Да, он опять был с бабой, подорвался на мине по дороге к отелю. Проклятые террористы... революционеры!

— Нет, ты не читала, я вижу. Ты только смотрела фото.

— Я не люблю читать. Меня тошнит. Это от его двойни, подлец...

— Ох, беда мне с тобой, Лиз, Лиззи! — вздыхает мать, подсаживаясь поближе к ней.

Она начинает читать, склонясь над газетой:

— Просто невероятно! С Полом был мужчина в женском платье. Имя его неизвестно. Багамы требуют суда...

Лиз пулей летит в туалет. Рвота переполняет раковину и переливается на пол. Мать в бессилии опускает руки.

Встает и идет на кухню жарить артишоки.

— Ведь она опять захочет есть! — качает она головой. — И чего это Лиззи так тянется каждый день на артишоки под соевым соусом?

Через дорогу от них сидит в своем доме у телевизора беременная Габриэла... На этой же улице живут любовницы Пола: Саша, Натали, Инесса, Долорес, Фидэлия, Керри, Мария, Лили... и ведьма Анита.

Все это с девушкиами случилось в Квинсленде, где недавно «гостил» певец Пол. Подобного не было и быть не могло в Новом Уэльсе.

Здесь не перепечатывают ужасные сообщения о террористах... А поэтому его закадычные друзья: Юджин, Джо, Вилли, Тедди, Алекс, Матвей, Вова, Сергей,

Сэм и Глэн — ждут Пола как договаривались. Никто из его любовников не знает друг друга, хотя они и живут на одной улице в районе Кинг Кросс.

Да, Пол всегда был веселым волком. Он легко жил и умер случайно. Где он сейчас? В Раю или в Аду? Я не знаю, где у него больше друзей.

Ясно одно: его ждут там и тут... У него везде приурковатые попутчики, любовники и любовницы среди живых в Раю и мертвцев вокруг.

Он любил всех, все любят его... Многие хотели быть с ним и... не только с ним. И даже если он не придет как обещал, то что же? Все будут ждать его позднее. Ну, скажем, через неделю.

Прекрасный малый Пол! Пол? Где Пол?! Куда ты пропал, дружище... волкодав ждет тебя.

И это я... Тут я проснулся и открыл утренние газеты, что принесла служанка.

Я понял, что сон был в руку. Хорошо, что я послушался ведьму Аниту и сейчас не на Багамах: все газеты пестрели его фотографиями. На одной я узнал платье, которое я подарил ему накануне...

31. ДЖЕРОМИ

За окном машины кружатся первые снежинки. В Сентрал-Паркс тихо. Будет морозно к полуночи. Замечую, что на веранде нервно дрожит и подскакивает на месте от холода незнакомец. Подхожу, здоровлюсь. Приглашаю сесть в машину погреться. Он невысок. Сутулость делает его еще ниже. Небольшие глазки и мелкие черты лица делают его похожим на карликастрикашку. Но это не так. Он говорит, что ему неполных восемнадцать. Он окончил школу и вот уже два года как работает. Конечно, в парках, конечно, на улице и — проституткой. В Нью-Йорк он заезжает редко. Это бывает тогда, когда становится скучно в Вашингтоне, где у него родители.

— Но дома скучать не приходится, — улыбается он. Каждый день приносит забавы со сверстниками, которые занимают его с утра до вечера... на железнодорожном вокзале. Мы разговорились. Мне интересно, чем живет новое поколение.

Особенно много необычного обещает среда. Это самое любимое время. В эту ночь десятки тяжелых тракторов бегут по соседним улицам.

— Итак, сегодня опять среда, — потирает он руки в предчувствии приключений с водителями со всей Америки.

— Разве не все из голубых водителей тебя знают? Ведь ты работаешь с ними уже давно... Конечно же, многие тебя знают. Но слухи о тебе, парень, не так уж и быстро расходятся среди рабочих парней. Я ни разу не слышал о тебе, хотя я живу рядом... Мои окна выходят на Сентрал-Парк, видишь?

Но он-то их всех, водителей, помнит. Он-то их всех любит. И это просто... Он записывает имена шоферов в свой малосельский блокнот. У него сотни имен, номеров машин и необычные сексуальные тайны, что они поведали ему.

— Эти мужики всегда со мной! Все мужики приме! — начинает он причитать, не замечая, что говорит вслух, и жадно шаря недоверчивыми пальцами под курткой, боясь потерять тайные списки телефонов и адресов.

Его зимние среды очень морозны. Он рассказывает, что всегда одевается потеплее. Ну, как сегодня.

— Ведь ночь длиннее дня, — приговаривает его сиплый голос. Он добродушно учит меня, первого встречного, как легче и проще жить в Нью-Йорке. Его сердечность и забота обо мне крайне меня трогают. Он все больше и больше нравится мне.

— Лучше одеваться, как мышь! А это значит, прохожие не обратят на тебя внимания, да и темное часто многим к лицу и вообще идет любому мужчине! — говорит он без остановки, будто боясь остаться наедине со своим одиночеством.

— Хотя где же мой грек, Оракис? — вспоминает он. — Ах, его нет. Он зачем-то уехал вчера в Калифорнию и обещает вернуться завтра, — читает он скомканную записку, а затем прячет ее раздраженно в карман брюк.

— Хорошо, ах как хорошо! Я опять освободился на время от ревнивого любовника, — смеется он.

От этой мысли парень как-то повеселел и подобрел. Он первый раз улыбается, щиплет себя за щеку. Я молчу. Он отличный парень. Неужели я был таким же в его возрасте, когда-то в России? Конечно да! Память моего детства возвращает меня далеко-далеко. Вот я и вижу себя... Мне, Руди, восемнадцать.

Все неподвижно, ветра нет. Фонтан в центре города льет свои слезы о погибших в войнах. Их имена раскиданы сотнями на мраморе мемориала, который и образует поребрик фонтана. Я выпиваю воды. Читаю имена героев. Здесь несколько сотен мужчин и парней, что чуть-чуть старше меня. Я рад, что они победили врага, спасли меня и мою мать от немецкого ига.

— Прощай! — смеется парень, сильно хлопая меня по спине.

Я снова в Нью-Йорке. Картины детства и России исчезли в никуда. Он выходит из машины.

Я вижу, как яркие лучи разрезали темноту. Это трак развернулся на углу у магазина. Радуга фар расцветила стволы угремых деревьев. Оцепенение пропало. Парень расхохотался. Игра серебристых снежинок очаровала его душу! Фейерверки огней оживили в нем детские воспоминания. Он уставился в окно моей машины и говорит:

— Как замечательно, что они часто украшают лампочками кузова и борта своих гигантских машин! Огни мерцают от зеленого до красного, как звезды. Это очень красиво! Ведь они такие большие, эти траки. У меня дух захватывает от их мощи, напористости в тысячу лошадиных сил, которые разгоняют этих монстров на скоростных дорогах под две сти километров в

час. Они словно космические корабли, мои разноцветные игрушки-траки.

Но вот кто-то... кто это? Джероми увидел знакомый номер. Машина остановилась. Открылась дверца, вышел пузатый мужик. Совсем незнакомое лицо. Парень возбужден, но вовсе не испуган. Он любит новых клиентов и поэтому уходит от меня.

— Они как непрочитанные книги, — будто слышу я его циничное замечание. И добавление: — А потом — в мусор... Зачем перечитывать одно и то же?

Из трака появляется еще один. Я забыл, что водители ездят на пару. Усатый шофер глядит устало. Он маинит парня внутрь. Тот немедленно прыгает в спальный отсек кабины. Его не интересуют имена, чувства или то, сколько человек в их семьях. Он подстилка, что исправно выполняет свою работу. Ценят его молодость и здоровое тело. Вот работа и закончена... Машина отъезжает... парень возвращается и, видя, что я еще в машине, подсаживается ко мне погреться.

— Итак, несколько минут — и я вновь богат! — залихивает он деньги в платок, завязывая его узлом.

А это кто?! К нам подходит сухой и лысоголовый старик.

— Как дела? Как знакомые? Хорошо ли с деньгами сегодня?

— Все хорошо. Нет, никого не видел из знакомых... Может быть, завтра? Жду тебя, Лигтони, приезжай в Вашингтон в любое время.

— Пока, Джероми, — прощается тот.

Ну что ж! Ночь началась неплохо. Вот уже есть какие-то деньги. Новые и новые траки на подходе. Джероми рад, что становится секс-звездой, тракеры сказали, что о нем все больше и больше узнают в округе Нью-Йорка. Это поможет найти влиятельных друзей. А значит, есть надежда получить постоянную серьезную работу в частной фирме, где хозяин обязательно гомосексуалист. Он уже фантазирует, как они с боссом будут обедать по вечерам в его загородном доме.

Джероми сидит и мечтает... А мне жалко его, ведь холод жуткий! И ночь только началась. Да и вообще, что его ждет?

Однако пусть этому парню повезет! Я желаю ему много денег. Я уважаю всех, кто трудно и тяжело работает. Живи отлично, Джероми, не унывай, дружище! Мы говорим и говорим о чем-то.

Уже три часа утра. Я не могу спать, болят пальцы после травмы, которую я получил в балетной школе, поэтому я и зашел опять в парк. А здесь — отличный собеседник. Страшное дело, объясняю ему. Растворения, переломы... Все, что ты видишь в балете... это пот и кровь удачливых. И калек — под старость.

Джероми все так же сидит рядом. Его глаза высматривают номера машин. Его склоненная фигура не все-ляет радости. Я понимаю: что-то не так. Он замер, вытянув вперед правую ногу. Раньше, как я помню, он сидел иначе.

Я наблюдаю за ним уже несколько месяцев. И только сегодня он подсел ко мне в машину. Я беспокоюсь о нем, но как-то по-особому, от сердца. В конце концов, кто он? Человек, а потом уже обычная придорожная проститутка! Что тут удивительного? Его возраст — не причина для беспокойства. Мужчина на восемнадцатом году сам решает, как ему кормиться и как ему жить.

Вдруг я замечаю, что у него кровь под носом, джинсы разорваны и что-то случилось с ногой. Мне даже не приходило в голову, что этот пузатый и этот усатый ранили его. А он скрыл это от меня.

— Тебе нужна моя помощь?

— Нет, сиди спокойно. Я рад, что ты разрешаешь мне греться в машине, — отрезает он.

Я выхожу. Я не хочу мешать. Я понимаю: ему плохо. Просто они пригласили его, а затем, пожалев денег, выбросили из машины. «Бедный Джероми, должно быть, ему невероятно больно», — думаю я. Впрочем, чего это я о нем? Такие парни крайне выносливые. Они жилистые. Да, я знаю, они очень и очень даже живу-

чие! Не то что я, карлик. С букетом болезней, да еще с прогрессирующей бессонницей.

«Заткнись! — говорю я сам себе. — Мой рост не мешал, а всегда помогал делать быструю карьеру в мировом балете, несмотря на все «жиры-перевесы», что вконец съел спид за этот год».

Я сажусь у фонтана. Мне не хочется возвращаться к Джероми. Почему-то лучше дремлется в холде, а не в тепле. Я почти засыпаю, но... открываю глаза и вижу, что кто-то ходит возле фонтана с бутылкой виски. Я загадываю: упадет или не упадет? Ведь ступени скользкие. Да еще вода...

«Опять ты чересчур беспокоишься о других», — осуждает меня мой внутренний голос. Я соглашаюсь с собой. Бог с ним, чудаком...

Я отворачиваюсь, боясь сглазить пьяницу, который вот-вот рухнет и обязательно обрежет разбитой бутылкой руку. Но ничего такого не происходит, а кто-то подходит к забулдыге и отнимает его зелье. Я вижу кровь у него на лбу.

Действительно, утро в парке очень активное. Мало кто спит... бессонница.

«А ты-то чего здесь? — спрашиваю себя вдруг. — Да я заурядный дурак, вот и плохо мне от одиночества. Все мои закадычные дружки давно спят в полицейских участках или пьют бесконечные коктейли на Манхэттенском катке под Золотым Исполином».

Кажется, я опять задремал под мелодичное бульканье фонтанных пузырей. Вот начал думать о матери, своих близких, умерших геях. А что, если бы Джероми был моим сыном? Как бы я вел себя? Что? Что бы я посоветовал ему? Да и вообще, сказал бы я ему что-нибудь? Странная мысль для многодетной... балетной звезды.

Я сижу и молчу, сон прошел. Вопросов больше, чем ответов. Знаю четко: шум воды и впрямь настроил меня на меланхоличный лад. Однако я вижу: я глуп как никогда. Я зачем-то натужился, но ответов нет... Ощущение

щение такое, что сидишь на унитазе. Безрезультатно: говна нет, а только... вода и газы.

«До рассвета два часа, не более», — говорю я сам себе и, поеживаясь от холода, направляюсь обратно к своей «кобре».

Конечно, чего уж тут говорить, жалко бедного парня. Но разве он умирает с голода? Вовсе нет! Он зарабатывает гигантские деньги. Конечно, иногда случаются и недоразумения... Но у кого же их не бывает? У меня тоже не раз были травмы на сцене. Ох уж эта жизнь, тяжелые заработки! Помоги ему Бог! Я люблю этого... трудягу, полуночника-вашингтонца!

— Ты знаешь, я хочу поговорить с тобой, Джероми, — открываю я дверцу машины. — У меня хронически болит голова от пааноиков. А чего нам устраивают наркоманы? Ох уж эти террористы! Они курят свою марихуану, все время едят какие-то травы, корни... грибы. С ними говорить-то невозможно. Ты видел, как они всегда качаются из стороны в сторону? От них я сам делаюсь... не то пьяным, не то больным... придурком. А, Джероми?

Но ответа нет. Он куда-то пропал. Я потерял Джероми. В машине никого. Парень действительно пропал. Возможно, ушел домой? Ну и хорошо! Бог тебе судья, Джероми. Но, пожалуйста, помоги и ты себе, не надейся на небеса. Будь осторожен! Покойной ночи, парень!

Я улыбаюсь чему-то про себя, задремав в машине. Время идет и идет. Я перестал чувствовать себя одиноким. Иногда смотрю на часы. Вспоминаю, что надо перевести их: пришла зима, и в это трудно поверить. Уже, должно быть, пора переводить время на час вперед. «Бог ты мой, 6.30!» — думаю я в панике. А я считал, что еще лишь 5.30, как на моих часах.

Но что это? Я вижу полицейскую машину. Из нее выходит Джим, что работает в моем районе.

— Как дела? — всегда говорим мы при встрече друг другу.

— Идут! — заготовлен один и тот же ответ у каждого из нас.

— Сегодня ни одного убийства, сегодня ни одного изнасилования, сегодня все... хорошо! — чеканит его осипший гоос. Он отдает мне честь как местной знаменитости и уезжает, насвистывая спиричуэл.

И о Джероми никто не знает. Его жизнь никого не беспокоит. Его нет, как и не было, в полицейских протоколах. Ну а где же он? «Все же где он, этот парень, мой новый друг?» — думаю я с беспокойством.

Я узнал потом, где он был... Когда встретил его в больнице. Он рассказал мне о той ночи.

Джероми не смог уснуть в машине. У него болела нога. Неужели это серьезно? Да, серьезно. Такого с ним еще не было! И чего они так рассвирепели, эти тракеры? И всего-то за полсотни долларов! Просто, наверное, поссорились с женами или у них куча детей? Тогда он заработал за ночь долларов две стопы.

Джероми не знал пока, что его травма так серьезна. Усатый плюнул на его кровоточащую рану: так Джероми получил спид.

Слюна негодяя разрушила парню жизнь. Именно той ночью все и началось. Я обнял его и поцеловал, сострадая его горю.

Для себя же понял... Джероми не сразу догадался, что его игры с большими разноцветными траками закончились. После Дня Благодарения он будет заперт в больнице навсегда. У него еще есть немного времени, может, месяц, до откровенного разговора со своими родителями. До отпевания осталось два года и 13 дней.

Я был в его баптистском молельном доме, где стоял его гроб. Желтые розы с голубыми васильками были моим поцелуем Джероми, с которым я провел роковую для него ночь. Мне было жаль, что бандитов не покарал Бог. А вдруг покарал? Надо посидеть в машине... последить за тем усатым и... пузатым. Как знать, возможно, их трак в канаве, а они сами сгорели заживо в страданиях и муках еще до смерти парня из Вашингтона.

— Что это со мной? Как получилось, что моя память скакет из стороны в сторону? Это веющий сон или кус-

ки воспоминаний о разных людях? Кажется, у меня что-то с головой? Да, конечно, это первый симптом болезни — выпадение памяти на ранней стадии спида. Нет, ужели Джероми соскучился по мне? И зовет поцеловать его снова?

32. ФРАНК

Гайд-Парк. Мирно журчит вода. Я сижу на своей привычной скамейке рядом с ажурной оградой. Моя медитация началась. Тело расслаблено. Мозг чист, я ни о чем не думаю. В руках и ногах я чувствую тепло. Я слышу, как кто-то разговаривает сам с собой.

— Франк должен быть правдив — так требовала моя покойная мать, — говорит этот кто-то. — И я был правдив, и только поэтому я должен всегда быть правдив. Я никогда не врал. Я даже не пробовал врать, никогда не стремился к вранью.

Однако жить без вранья нельзя. А поэтому? Поэтому я научился искусству молчать. Я — это Франк, осо-бый Франк. И он, Франк, всегда молчит. Ведь молчание — это не вранье! Вот таков уважаемый всеми Франк. Я... Франк.

Все это, однако, не главные достоинства парня. Его правдивая природа и правдивая суть не в этом. Такое с первого взгляда не откроешь. Вот здесь-то и прячется тайный Франк. Только об этом мало кто знает, да и слава Богу, что таких немного! Я заворожен чудовищной исповедью.

— Кто меня узнал, тот никогда не забудет! — шепчет он себе под нос. — Нет, никогда не забудет! — добавляет он, оскалившись от переполнившей его злобы.

А тайна Франка проста: внутри него скрывается... потусторонняя темнота. Это страшный и жадный до любой крови оборотень. Особенно Франка веселит кровь, которую он пускает из нас.

— Но это, если повезет, — хмыкает он про себя, — что, к сожалению, бывает не каждый день...

Франк раздосадован. Если ему не удалось «пустить гееву кровь», вот тогда-то он довольствуется малым. В таком случае он наступает на ноги. Где? Везде, где можно: в автобусе, трамвае, магазине... Если и с этим не везет, то он идет к туалетам и охотится на нас там. Он чувствует себя Тарзаном и Героем Джунглей. Ему не раз везло, как он самодовольно любит вспоминать. Он с наслаждением ломал ребра, размазывал носы и рвал с мясом уши. Но только тогда, когда темно вокруг. А для этого он бил лампочки... везде, где он мог заподозрить присутствие голубых. Да, он поступал по справедливости... ради спасения человечества и чистоты расы белых, таких, как Франк.

Франк должен быть Франком во всем, говорит он себе с гордостью. Этот «славный рыцарь» никогда не падал в глазах своей остроумной матери. Она-то и научила его этим играм с «голубыми зверушками», «голубыми девками и парнями».

Почему она их звала так ласково, осталось тайной. «Бог ей судья», — думает про себя Франк. Он всегда хотел быть ее любимейшим сыном. А чем это кончилось? Он высыпал свое нутро до черноты... Он не заметил, как у него пожелтели по-волчьи глаза и огрубели скулы, как появился нечеловеческий оскал. День ото дня кривые ноги и гусеницеобразные пальцы становятся все страшнее и неприятнее. Он стремится убить, ударить, смять в месиво все хрупкое. Он любит алый цвет, этот Франк, мамин герой.

Черным Ангелом окрестили его вокруг не зря. «Проклятый урод», — шепчутся за его спиной соседи.

Догадывается ли он об этом? Похоже, нет. Франк всегда на коне... Он никогда не проигрывал в своих играх со зверушками. Он всегда был наповал и без промаха.

— Целехоньких не бывает после моих разборок, — говорит он громко.

Ох уж и любит он подбадривать себя, этот Франк!

Франк трепетно уважает свое самолюбие. Просто до щепетильности. Он нежно привязан к самому себе. Он холит свое тело. Жалеет его, а поэтому дает ему отдых от непосильной работы — бить, бить... бить.

Но почему он взвалил на себя такие обязанности?! Голубых же несметное количество! Ох как много — всюду и везде!

— Всех их я достану и забью до смерти, — обещает Франк опять и опять.

О, как сильно Франк устает! Ведь заботы прибавляются день ото дня. Уж что-что, а это-то он знает, бдительно охраняя туалеты от геевых нечистот. Но почему? Почему он так напористо взваливает на себя этот крест? Ответа нет. Он скромно молчит. Хотя я слышу, как из него рвется хрип экстаза: «Люблю я это, и все! Все будут... калеками!!!»

Но никто ему не сказал еще: «Молодец, парень!» Не настало для его радостей время. Разве все эти дуры и дураки поддержали его «добрые дела» во имя спасения всех вокруг? Еще чего! Непременно все бранят и едят поедом: дескать, горе все это, Франк! Несчастье все это, Франк, — проливать людскую кровушку. Пусть даже кровушку голубых зверушек... как научила тебя старушка-мама. Царство небесное ей, грязной греховоднице...

Франк насупился. Он молчит, молчит... Нет, это не раскаяние! Я вижу, он уже и ластится, как кот, обожравшийся икры и намасленных блинов под Пасху. А заодно напившийся крови голубых зверушек, маминых забав.

Нет, чего уж тут возражать! Никто не решался до сегодняшнего дня заглянуть во Франкову душу, где душно, сырьо, плесенино, темно и зябко.

Я прислушиваюсь к нему без испуга... Я чувствую, что моя медитация поймала существо из далекого прошлого. Хотя... что это с ним? Разве что-то не так? Кажется, у него особый день. Франкова настойчивость в достижении цели и изысканное коварство, пожалуй,

вознаграждены с лихвой. Сегодня невероятно везет. Он успел сломать шею еще одной «зверушке»!

— О, мама гордилась бы мной! — Он неловко начал креститься, вспоминая покойницу. — О, как бы она за- светилась от счастья и была бы рада купить мне оче- редные замшевые ботинки за этот подвиг! Ох-ох, бед- ная мама, как жаль, что тебя нет рядом, — заплакал Франк, но быстро успокоился. Вот он уже вытер слезы и опять улыбнулся, подбадривая себя.

О, как ему славно повезло сегодня! О, как повезло! Его язык осторожно прищекивает от сексуального удовлетворения, зубы привычно покусывают сухой от внутренней истомы язык. Его бесконечное изнеможе- ние и радостное возбуждение понятны! Но разве толь- ко ему? Да... только ему! Ни с кем в целом мире нель- зя поделиться таким счастьем! Он давно молчит, боясь проболтаться кому-нибудь. Однако что это? Он начал рассказывать о своем злодеянии прошлой ночью.

— А было все просто! О, как просто! Я зашел в ту- алет. Зверушка уже сидела там и ждала за стеной. Я выманил гомосексуалиста оттуда, просунув палец в ды- ру и... Бах! Изнеженное мясо и горячая кровь брызну- ли во все стороны. Я вдребезги разбил ногой очередной член, высунутый в щель в стене между туалетами.

— Нет, у него больше не будет голубых детей, — злобно смеется Франк. — Что-что, а я-то видел! Это для него конец! — вытирает он подошву с налившим собачьим говном о клумбу с нарциссами.

Франк уважает красоту и поэтому бережет стебель- ки цветов. Он делает все очень аккуратно! Нет, лепе- сткам и травинкам нечего бояться Франка, он им доб- родушно улыбается.

Его лицо светится от изнеможения. Он выглядит ладно и хорошо. Ему сейчас можно дать на десять лет меньше! О, как он статен и высок, этот милый малый! Да он и действительно выглядит моложе после содеян- ного! Любой прохожий может порадоваться за Франка. Глядя на него, никогда не подумаешь, что он настоящее чудовище. В его страшной тайне и скрыт секрет его

молодости и сказочной внешней привлекательности! Разве у него не поголубели желчные глаза, разве он не похорошел от того, что достал кастет?

Я понимаю, его сознание уже ничего не может скрыть от меня. Я читаю его мысли, словно книгу. Он думает: «О, как я люблю человеческую кровь! Запах... настоящей мужской крови... наполняет меня глубочайшим эротическим трепетом. Я после этого немедленно бегу к своей подружке через дорогу... у Гайд-Парка. Сегодня я не дам ей спать до утра. Я в невероятной сексуальной форме. О, как я хочу ее сегодня! У-у-у!» — воет в нем волк.

Я вздрогнул. Я не в силах видеть его запачканную кровью душу. Я открываю глаза, боясь впасть в истерику. Он сидит на соседней скамейке. Я ненавижу его, Франка. Он никогда не спросит себя: «Франк, а что же на самом деле произошло?» Ведь ты гад и убийца. Разве не жутки твои преступления?! Разве это не садизм? Что ты сделал, Франк? Ведь несчастный и сейчас лежит без сознания на цементном полу в туалете. Возможно, он в обмороке от произительной боли... По сравнению с ней зубная боль — щекотка. Нет, никто не знает о нем, несчастном. Никто о парне даже не догадывается. Ведь когда он очнется — тебя уже и след простыл. Жаль, что поделиться геройством ни с кем нельзя, Франк? Да, совершенно ни с кем! А как хочется поговорить! Но я подожду. Кто это? Еще один? Нет, не похоже...

Все его мысли я испуганно читаю, сидя в нескольких метрах от него.

Он смотрит в мою сторону. Я почувствовал его животный взгляд.

Франк подсаживается ко мне на скамейку. Он думает обо мне: «Видно, что этот на них не похож. А если я вот с ним-то и поговорю?» Франк потирает руки и протягивает мне сигареты.

— Люблю «Мальборо», — отвечает как бы не мой голос.

Я натянут как струна, по телу пробегает первая дрожь. Мурашки скачут будто блохи. Господи, до чего же я боюсь его!

Франк не знает, что я уже несколько часов подслушиваю его душу. Мне это интересно. Нельзя прожить, постоянно притворяясь, что не существует насилия над геями. Ведь таких, как он, не одни, не два, а может быть, целый десяток тысяч в Лондоне.

Я уже знаю о нем все. Мне ясно: я боюсь за себя больше, чем он сам догадывается об этом. Разве безумец замечает запах крови, идущий от его шерсти? Нет, совсем нет. Однако этот запах бьет беспощадно в нос, он отвратителен, как запах горелого хлеба в тостере. Мне страшно заглянуть в зрачки убийцы.

Я съеживаюсь от ужаса. Хотя все-таки не могу вскочить и убежать сломя голову. Я должен выстоять... ради самого себя. Я так давно догадывался о черноте, что царит вокруг. Хотя мне и говорили, но я никогда не верил. Я захотел посмотреть, как выглядит зверюга вблизи. Я весь трепетал от головной боли. К счастью, Франк оставил меня из-за моей неразговорчивости. И когда он вылетел через минуту пулей из соседнего туалета, я сразу все понял. Он опять сделал пакость! То, что он вытворяет годами и чего никому не удалось подсмотреть, а тем более доказать, я — подсмотрел. Я как бы увидел: мальчик корчится от боли, заливается слезами и валится, будто срезанный бритвой, на колени. Он обхватывает голову руками, видя, как бьет фонтом кровью! Его боль бесконечно глубока, горе и нечеловеческая мука мутят сознание. Не успев умереть от страха, он мгновенно понимает, что навсегда превратился в калеку! Это признание шепнут его рваные губы.

Я догадался... Франк иногда жалеет своих «зверушек», если те еще подростки. Вот и сейчас он ударил кулаком, а не подошвой. Ребячья кровь бьет тягучим и маслянистым гейзером. Сперма пузырится на стенах и потолке. Я слышу его: «Нет, пощады никому не будет! Профессиональный боксер никогда не промахивается.

Я смял твою жизнь, как лопнувший теннисный мячик, прямо как гуттаперчевый шарик! Пар стоит от кровавого кипятка. Я слышал, как за стеной падает твое тело. Шмяк! Ура, еще один!»

Его тело на полу! Он, как и все, не смог подняться после Франкова знаменитого «бах!» Еще раз: «Бах! Бах!» Я знаю, что его никто не ищет.

Я закрыл лицо руками. Я молчу.

— Ты чего молчишь? Говорить не хочешь? — прерывает он мои муки, подходя и замедляя шаг возле моей скамейки.

— Нет-нет, говори! Ты привлекателен своей развязностью, простотой, Франк!

Я все же отказываюсь верить, что моя йога так... могущественна и кто-то стонет в туалете на полу. Франк улыбается в ответ. Я продолжаю курить его сигарету. Сквозь пелену, туманящую мой мозг, я пытаюсь угомонить боль, разрывающую мое сердце. Ведь именно такое же случилось когда-то и со мной... в России. Я понимаю, что этот подросток должен чувствовать...

Я возвращаюсь из Лондона в Москву. Я вижу свое отечество и больничную палату:

«А сколько еще таких случаев... в мессиц? Больше семи», — звучат слова доктора в моей памяти...

Я запомнил навечно лицо того, кто помог мне выжить той страшной ночью. Господи, какая была жгучая боль! Зачем она опалила меня опять? Я злобно вздрагиваю и незаметно дотрагиваюсь до залеченного места. Я ненавижу их всех... в той Москве. Я желаю смерти Франку сейчас в моем Лондоне.

Франк уважает мою молчаливость. Она ему по нраву.

— Родная душа? — бросает он мне комплимент.

Я чувствую приступ рвоты, который еле сдерживаю.

— Как ты догадался? — спросил я.

— Как? Потому что ты высок, крепко сложен и явидно молчалив. — доверчиво говорит он, глядя влюбленно мне в глаза.

Да, мои балетные плечи, ноги спортсмена и т. д. не допускают двойственных фантазий на мой счет. Я знаю, мне с телом повезло! Я смотрю на Франка в упор. Ведь он не мог видеть меня через туалетную стену после того, как сделал меня... калекой... на время. Дыра в стене не всегда дает представление о росте!

Да, сегодня я заслужил его уважение. А все благодаря моей заговорщицкой молчаливости... Немного же надо для того, чтобы разбить похотливое сердце подонка Франка.

«Как мало! Как же мало надо тебе, парень! Да, величественное везение! Разве плохого я могу ждать от него опять?» — соглашаюсь я про себя. На душе как-то смутно. Я, кажется, знаю, что я хочу сделать с Франком... простить? Убить?

«В любом случае ты физически сильнее его! Да и каратэ тебе в помощь», — успокаивает меня мой внутренний голос.

— Спасибо тебе за добрый совет...

Франк глядит на меня во все глаза и ничего не понимает. Кажется, что-то насторожило его. Но так ли это?

— Смотри, зверушки бегают всюду вокруг. Вот этот! А вот еще один, в красной рубахе! Вот... вот... еще двое! — показываю я пальцем в сторону туалетов. — Это Ром. Этот Грил. Это Ли, а там... Мин.

— Да, ты прав! Но откуда ты всех их знаешь? — удивлен Франк.

— О, я их коллекционирую, как жуков! Это мое второе хобби, — качаю я самодовольно головой, желая вызвать симпатию к себе.

— А чего в них особенного?

— Да ничего! Я люблю ломать и давить все необычное. Бац-бац — и нет ящерицы, бабочки, лягушки или... жука! Я люблю только тюльпаны. Они красивые и хрупкие. Все, что я хочу, — это кровь! Смерть!

Могу ли я скрывать свои чувства? Нет и нет, у меня нет больше сил. Астматический кашель рвет мои легкие, выворачивает желудок... А поэтому весь мой ужин

уже выброшен наружу. Я вижу мякоть от яйца и овощей... недопереваренный кусок салями.

Все выплескивается на него. Я не хотел сдерживатьсь перед ним. Наудачу он сидел близко ко мне.

— О, как же сам Христос помог мне с этим! — истерически кричу я. Глаза наполнились слезами радости. — О, как я отомстил тебе! Отомстил за всех... за всех вокруг! Разве все это не святая вода для твоей рожи? Душегуб ты, Франк!

Он вскакивает. Взбешен. Все разгадано.

— Ты? Это ты все подстроил! — забавно машет его указательный палец, тыча в сторону гнилых помоев, которые хлюпают в его ботинках. Я восхищаюсь его галстуком и замшевым пиджаком. Все в говне, говне и говне... блевотине.

— Да! Да! Да! Да! — говорю я, конвульсивно дергая ногами.

Мое лицо словно бы и не мое. Я улыбаюсь во весь рот с невероятным удовольствием. Я вижу, как мои руки продолжают размазывать мои желудочные испражнения по его шее, губам и щекам. Он сидит бездвижно, потеряв дар речи. Бандит покорился моей дерзости, как лилипут Гулливеру.

А может быть, он и впрямь увидел во мне Гулливера? Этот жалкий трус Франк! Его гнусная душа ушла в пятки. Его глаза подурнели и напоминают грязную воду, помой из его души.

Итак, я усмирил животное. Франк сдался сильному без борьбы и возражений. Он — откровенное выражение оторопи. Он сумрачно молчалив, этот садист. Его молчание — для меня лекарство. Это лечит мои раны, мою болезнь. Я и сам замер под гипнозом победы над злом.

Да, он загипнотизирован, но не как мышь змеей, а как змия — мышью! Быстрее всего в нем замерла его беспокойная дьяволица-мама, что до сих пор правила им.

— Ура, мной моя мама забыта! Ее «бей зверушек, сын!» исчезло, — зарычал он на нее первый раз. Мне

показалось, что сломалась и выскочила какая-то пружина из его сердца.

— Она, наверное, сейчас ворочается в гробу, — помолчав, вздохнул облегченно Франк.

— Эй, не ворочайся, старая сука! А дуй-ка в Преисподнюю! — кричу я, подбадривая его.

— Да не забудь прихватить с собой своего выродка... — заканчивает он громко, болезненно впиваясь в мои глаза, полные слез и всепрощения.

Моя же рука не соглашается со мной. Она не знает всепрощения и наотмашь бьет его по виску. Его раздвоенный подбородок заливается пунцовой краской, из носа льется кровь. Он сопит, всхлипывая. Он не защищался, он принимает это истязание.

— Откуда ты знаешь мое имя? — удивляется он.

— Все знают тебя в Лондоне. Ты очень знаменит, живодер Франк!

Мой громкий крик привлек прохожих. Дети, что сидели напротив, торопливо доели аппетитные сандвичи и с любопытством показывают на Франка пальцем. Неожиданно кто-то приветливо окликает его, не замечая крови на его лице. В ответ он вздрагивает и, рыдая, убегает прочь.

— Бог накажет тебя еще! Он угомонит тебя, садист... — кричу я вдогонку.

Гримаса паники у Франка на лице стоит у меня перед глазами... Что я чувствую? Может быть, жалость к его маме? Пожалуй, да. Зачем пуританка-леди так жестоко изуродовала душу своего наследника? Нет, мне не понять этой загадки.

— Бедный, несчастный мой мальчик, — слышу старческий голос в кронах деревьев... из года в год, когда сажусь на свою любимую скамейку.

Гайд-Парк. Полдень. Мирно журчит вода. Моя новая медитация началась. Тело расслаблено. Мозг чист, я ни о чем не думаю. Я слышу: разговаривают тюльпаны с нарциссами...

33. ХЕЛЕН

Она всегда выглядит строгой и взыскательной. Разве можно быть ей иной? Вокруг нее много братьев. Они кричат: «Привет! Привет, Хелли!» Она тихо улыбается и машет рукой. Она всегда одинока и ровна. Среди ее парней трудно оставаться девчонкой. Такова ее судьба, жизнь Хелен. Она тайно гордится ими. Все они как на подбор: стройные, тонкопогие, длинноволосые, курчавые и смешливые. Ни у кого нет стольких парней, как у нее. Целых семеро.

Она поправила юбку и присела. А где они? Вот они!

Все семеро бегут гурьбой к реке. Она робко отходит от шквалистых волн и смотрит им вслед. Их белые задницы мелькают в волнах. На их конскую красоту между ног она насмотрелась с детства. Ничего тайного в мужском теле для нее давно нет. Только два брата — Дэвид и Стивен — другое дело! Они часто вздыхают, любят парней и безразличны к женской половине человечества. Она никогда не догадывалась об этом. Да и с чего бы? Но когда догадалась, то приняла это как загадочную радугу на небе. «Это нечасто, это необычно, но время от времени случается», — подсказывал ей ее мудрый внутренний голос.

— Главное, чтобы мужики были здоровы. Ты знаешь, дочка! Эти неведомые болезни вокруг... Не осуждай братьев. Лишь бы они их обошли! Храни их Бог! — сказала задумчиво мать на ее первые расспросы о геях.

Больше об этом не говорили. Две женщины были друг с другом заодно. Ведь кроме беспокойств есть еще и дела: стирка, обеды, да и многое, чего не припомнишь.

— Главное, чтобы все были здоровы, — повторяла она за матерью.

Больше всего на свете она боялась неожиданностей. Однако это неожиданное и с ней приключилось. Страстная любовь настигла ее в пятнадцать. Он украл ее с родительской фермы, этот парень-счастливчик.

Через неделю Хелен вернулась. Молчунья осталась молчуньей. Никто не сказал ни слова. Братья смотрели на нее как на перебежчика за линию фронта. Только Дэвид и Стивен нежно обняли ее при встрече, а перед сном тайком друг от друга поцеловали... С этого дня они стали ближе. В ее семье образовался неразлучный треугольник. Два брата и сестра были как бы сами по себе...

Они с матерью нередко подмигивали и улыбались друг другу, глядя, как стремительно взрослеют парни. У кого-то проросли усы, у кого-то не отстирывалась губная помада на нижних рубашках. Отец курил трубку и страстно целовал мать в присутствии дочери, соглашаясь с их открытиями за стиркой и штопкой.

— Да, дети выросли! Выросли дети, повзрослели их дела и чувства,— говорила довольная мать.

Прошла пара, а потом еще пара лет. Дэвид уехал в Европу, а Стивен остался. Он и она всегда были вместе. Они любили друг друга ревнивее, чем своих родителей. Между ними не было ссор. Никогда и в помине не могло быть ни секретов, ни придирок. Они просто любили друг друга, вот и все тут.

Одно время они как-то потеряли друг друга. Он закончил школу и переехал в Сидней. Ей же оставалось несколько лет учебы в Мурвиллумбаhe. Только подробные еженедельные письма наполняли их жизнь любовью и заботами друг о друге. Но расстояние делало свое дело, время ускорило свой бег, не спрашивая их о тоске. Вот уже четыре года, как они не виделись в доме родителей. А вчера ночью он вдруг взял да и вернулся домой... навсегда. «Разве это не замечательно?» — пело ее сердце с утра, когда она мыла посуду на кухне, а мать готовила завтрак из всех тропических фруктов, что росли в саду.

Вот Стиви спустился из своей комнаты, и тут она увидела его высохшее лицо. Она все поняла: Нет, это не было как в страшном фильме. Она не могла воскликнуть: «А я тебя не узнала, Стиви!» Это было бы фальшиво, от этого их обоих всегда тошило.

Нет, Хелен не могла быть иной. Она была его любимейшей сестрой. Она кротко обняла его, сдерживая слезы.

— Я приехал умирать, Хелен. Благослови меня на это... без боли,— шепнул он ей на ухо.

Она не вздрогнула. Не поперхнулась. Не задохнулась. Нет, ее сердце не перестало биться. Хелен сразу приняла все как есть. Она всю жизнь любила его и всегда ждала горя.

Что ее выдало, так это глаза. Они отразили свет братовых мук. Он очень боялся за себя. Его зрачки не светились, как бархатные луны. Этого больше не было. В них уже начали оплывать церковные свечи, мерцающие отблеском неизбежных похорон на отцовской ферме, что должна была достаться ему в наследство.

Чтобы не зарыдать, сестра оттолкнула его от двери и подбежала к подоконнику. Ей удалось сорвать колючую розу и вставить лепесток между его растрескавшихся губ. Она обняла его. Он дрожал.

Молодые Уоллэсы больше не говорили о судьбе. Обет молчания был поделен на двоих. Никто ничего не узнал.

Раздался стук в дверь. Вошла мать.

— Почему ты не позвонил, Стиви? Мы бы тебя встретили. Зачем надо было ехать на такси? — тараторила она, расставляя праздничные тарелки.

— Скорей к столу, отец! — крикнула сестра, убегая на веранду.

Стиви все понял. Хелен боялась взглянуть на мать. Сестра немедленно отвернулась, когда та вошла. Ведь разве что-то от нее скроешь? Она всегда все читала у Хелли в глазах. Опухшие веки, воспаленные, с красными прожилками склеры кричали о невыплаканных слезах. Вот почему Хелен оставила Стива на кухне.

— Да брось ты это! Что ты уставился в пол, Стивен? Сбегай лучше за Хелен... Чего это она понеслась к отцу? Ведь его с пяти утра нет дома.

Брат не нашел ее.

Хелси не пошла к отцу, она убежала в сад, а затем затерялась в соседнем поле. Здесь она взобралась на одиночное дерево.

«Вот и смерть в доме! Стивен будет первым, — жестоко чеканил по нервам ее внутренний голос. — Я близка к сумасшествию».

«Да, а может быть, и не первым?... А что, разве у нас нет на очереди... девушки? — твердил назойливо и беспорядочно ее внутренний голос. — Разве Дик не умер от спида? А он и был твоим первым мужчиной.. сексуальный маньяк!»

Хелен заломила руки и откинулась на спину, еле касаясь ствола джакеранды. Слезы, как крутой дождь, перемещались с рыданиями, от которых заметались в панике птицы над головой. Эхо раскатилось по холмам. В кустах напротив загремела сучьями гигантская змея.

— Но почему, почему он?! Почему не я?! О.. Стивен! Я ничего не боюсь, ничего... Живи, живи... брат!

Она чувствовала, что попала в ловушку. Она сломалась от навалившегося горя. Оглохла и ослепла. У нее не было слов. Она ничего не чувствовала. Нет, совершенно ничего. Везде было пусто, и казалось, что ничего больше нет и не может быть. А шорох? Это птенцы... Бог с ними!

Незаметно Хелен уснула. Голод разбудил ее, когда уже стемнело.

— Я даже не заметила заката... Вот и ночь обрушилась на меня.

Она поежилась. Лихорадка напомнила о давно вылеченной малярии. Хелен как во сне, пошатываясь, возвращалась к дому под холмом.

— Тебе что, не по себе? Мучаешься... Менструация, что ли? — встретила ее мать со свечой на пороге.

Было видно, что она специально сидит на захламленной веранде и чистит никому не нужную в столь поздний час картошку...

— Мать всегда мать, мне не надо объяснять, что и как! Ах, Хелен, горе-то какое?! — закрылась от нее мать платком и горько заплакала, бросив пож.

— Ничего, мам, может, все и обойдется,— закусила Хелен губу. — У тебя ресница! Я помогу тебе, ма, — быстро обмахнула она ей глаз носовым платком. — Мам, парни уже спят?

— Да нет. Они собрались все в его комнате и уже полдня сплетничают о подружках, гулянках и сексе. Как обычно, ничего особенного!

— А что они делают именно сейчас, мам?

— Читают друг другу любовные письма своих подружек...

— О да! Особенно смакуют, кто беременный, кто нет? — улыбнулась Хелен и обняла мать.

Каждая думала, однако, о другом, но вслух ничего не говорилось.

— Разве ему нельзя помочь?

В ответ со двора донесся крик филина.

Помолчав, женщины обнялись и сели на пол, не в силах стоять. Они не могли больше ни о чем говорить. Они любили его бесконечно. Что делать? Как быть? Они не брали его, не просили для него пощады у Бога. Им не нужны объяснения врачей и священников. Они хотели только одного — лекарства для Стивена.

Как уберечь его, умирающего, от излишних страданий? Это мучительное чувство выворачивало нутро. Женщины постарели и стали очень похожи. Помолчав еще с полчаса, они разошлись по своим комнатам.

— Что с тобой? Ты совсем перестала улыбаться! Где ты была? Наш дом опустел без твоего смеха, — отметил отец спросонок, когда мать ложилась спать.

Хелен слышала их разговор, сидя на подоконнике и глядя на луну. Он ничего не знал, ничего не ждал. Они берегли его от удара. Отцовское сердце уже давно сдало. Работать на семью из десяти едоков нелегко. Неизбежность смерти одного из младших могла бы убить его. Женщины знали, что ожидание этой смерти было бы самым страшным для отца. Он сразу бы начал думать об этом везде и всюду. Жена и дочь молчали. Они уже видели, как он мечется и рвет волосы на голове. Они видели, как он представляет кровоточащие рубцы

на печени, куда присосались ядовитые черви. Вот они уже раздирают сына на куски. Вот он начал жить своей новой и обреченной жизнью. Черви прорывают все новые и новые ходы... двигаясь к мозгу по позвоночнику. Они делают его бездвижным калекой. Он примирялся с ними как с проклятием. Он принял их как расплату за грехи. Они живут вместе, все время помня друг о друге.

Нет, женщины не хотели заразить отца страхом ожидания смерти. Женщины молчали. Братья Хелен тоже ничего не знали. Это был заговор против всех в доме. К счастью, никто из мужчин не присматривался к настоящему. Будущее Стива было открыто только им двоим: матери и дочери.

Они по очереди приносили ему после утренней дойки стакан теплого молока в постель. Братья потешались над этим.

— Балуют они тебя, гость! — громче всех хохотал отец. — Нам-то всем, небось, надо плестись на кухню или в хлев. Разве не так, жена? Разве нет, Хелен?

Сын улыбался отцу. Он целовал женщин и говорил:

— Спасибо, мам! Спасибо, Хелен! Я люблю вас, милье мои!

Затем больной зачастую отворачивался к стене и засыпал до обеда. Проснувшись, он шел к реке. Так было каждый день. Вот и сегодня, как и всегда: он плескался до упаду, пока хватало сил. Он хотел эту жизнь. Он улыбался солнцу, птицам и неторопливым тропическим бабочкам. Он любил подолгу лежать на песке, вяля себя, как рыбу, на солнце. Он уже давно не боялся обгореть. Солнце грело его все ласковее и ласковее. Он постоянно мерз. Он не мог не заметить, что с каждым днем его руки и ноги высыхают.

Неожиданно он открыл для себя, что только полуденная жара размораживает его ледяные пальцы на руках и ногах. Его кровь густела день ото дня. Он все реже мог согреться на солицепеке, где не выдерживали даже саламандры.

Его мучила одышка. Отдыхать приходилось каждые десять шагов.

И вот сегодня он впервые заплакал, думая об отце. Он плакал и плакал, лежа на раскаленном песке.

— Да-да, конец очень близок, Стивен, — сказал он себе.

По телу пробежал озноб. Легкий ветерок ласкал рябь на медленно-медленно текущей воде. Все встало на свои места.

Он принял решение. Оно мелькнуло осознанно и бесповоротно. Он увидел, как его душа отделилась от тела и метнулась вбок, догоняя волну за волной... вот она уже и пританцовывает под негритянский напев.

— Да разве эта река не есть сама Вечность?! Что стоит моя жизнь по сравнению с ней? Сколько жизней она увлекла с собой... в никуда! Зачем ты манишь мою плоть? Я не боюсь тебя. Я нашел то, что так напрасно искал в любви неверных любовников.

«Так будет лучше для всех», — согласился со Стивеном его угасающий разум.

Юноша не спеша вошел в реку и закрыл глаза. Он сделал легкое усилие и остановил свое уставшее сердце.

...Мертвое тело медленно поплыло, натыкаясь на донные камни. «Пока, мам! Пока, Хелен!» — пели над ним пузыристые водоросли.

— Откуда этот гром? Ведь ни одной тучки! — вздрогнула Хелен.

Мать обвела горизонт взглядом и бессильно опустила руки:

— Смотри, там, за холмом, где река, начался слепой дождь...

— Сколько тарелок ставить на стол, мам? — спросила дочь дрожащим голосом.

— Вот-вот брат прибежит, зови всех к обеду! — истерически вскрикнула мать, бессильно привалившись к дверному косяку.

Пронзительная боль разрезала женские сердца. Они как-то сразу поняли, что случилось. Тишина облегче-

ния обрушилась и расслабила двухнедельное напряжение. Они уже знали, что его больше нет с ними.

Они не сопротивлялись судьбе. Расплавленный блин солнца безразлично прожигал монолитный горизонт Тропический лес сразу потемнел и стал ужасающей коричневой стеной. Птицы молчали. Тишина звенела в ушах.

Тело Стива затягивал водоворот океанского отлива, чтобы навсегда унести подводными течениями в никуда.

— Печальная история, — обнимая я Хелен.

— Да, печальная, Руди! — вздыхает она.

Мы вместе уже больше двух недель в пью-йоркской больнице для больных спидом. Кажется, нас выпишут в один день... на кладбище...

34. ДЖИМ

На ферме их двое. Грустно идет дождь. Джим не работает на своем тракторе, а поэтому тихо.

Он неподвижно сидит на полу веранды и курит. Все вокруг изменилось за последнюю ночь. Он глубоко затягивается сигаретой и вдруг начинает задыхаться от кашля. Нет, он не разучился курить. Просто кольнуло сердце, и оно подпрыгнуло вверх на несколько дюймов.

Да, как все стало по-другому в это утро! Вот и его брат. Он в соседней комнате. Его тело выловили рыбаки на рассвете.

Никого нет, кроме них, в доме. Только их двое... два брата.

Отец и Хелен в больнице у матери. У нее страшный астматический приступ. Раньше чем через неделю ей не подняться. А значит, похороны пройдут без нее... Тропики не терпят мертвых.

— О мам, мам! Храни тебя Бог, мам! Ты никогда не увидаишь его мертвым! Стиви всегда жив для тебя, мамочка!

Братья еще не возвращались с охоты, поэтому они пока ничего не знают. Совсем ничего. И Дэвид. Он в Голландии.

— А ведь мне так нужен старший брат! Ах, Дэвид, Дэвид! Как-то ты там, ведь ты второй гей среди нас семерых.

Да, завтра будет долгий день, когда все соберутся вместе... Живой брат идет к мертвому. В соседней комнате полумрак Пахнет орхидеями и лекарствами. Это первая смерть, которую видит Джим.

Все остальные смерти миновали его, когда он был еще в животе у мамы. Он не видел своих дедушек и бабушек.

Стивен лежит неподвижно. Его последняя улыбка все еще живет на губах. Не видно, что он боялся смерти. А откровенно? Разве он мог хотеть смерти? Но почему он так запросто захлебнулся? Разве он не лучший из всех нас пловец? «Был... был пловец», — поправляет он самого себя, постепенно веря в смерть.

— Был, был пловец, — мягко говорит он и гладит брата по щетинистой щеке. Оказывается, у него все еще растет борода.

Исожиданию Джим замечает слезу на веке брата. Он вздрагивает, боясь признать чудо. Но нет! Чего уж тут думать? Брата не вернуть назад.

Он присматривается внимательно к кусочкам льда вокруг его головы. Да, Стивен мертв, и это на самом деле. Это.. слеза Джима, его слеза. Она упала с его переносицы, когда он наклонился поцеловать брата.

Джим замер. Он не отрываясь смотрит на Стивена. Ведь за двадцать шесть лет жизни брата он никогда не видел его лица так близко.

Да, конечно, они сидели часами на кухне! Да, они вместе гоняли лошадей! Да, целую вечность плавали и пыряли, но были порознь, всегда порознь...

И тут Джим забыл, где он. Он вспоминает о том, как он иногда подсматривал за Стивеном. Это было очень любопытно, а без этого он бы и не открыл тайну брата. гомосексуализм.

Однажды Стивен или с того ни сего злился красивой, опрокинул тарелки, выскочил из-за стола и вприпрыжку убежал во двор. Это было совсем некстати. Более того, за столом сидели тринадцать человек, и священник благословил обед... А брат нахамил.

Все посмотрели на Стива как на дурака. Джим взглянул под стул и увидел скомканный клочок бумаги. Его глаза загорелись любопытством. Он прочел «Для Майкла»

Вот этот-то молодой рыбак, Майкл, и сидел рядом со Стивеном. Никто и ничего не понял тогда, но Джим все высчитал и догадался обо всем сам. Это был редкий случай, когда Стивен всерьез влюбился. Джим вновь покраснел до кончиков волос, как будто это было вчера

— Как будто это было вчера, а не сто лет назад.

Он вновь вспомнил, как поспешно сжег улику против брата. Стивен же не вернулся в тот день домой. Не было его и на следующее утро. Он пытался перебороть в себе свою безответную любовь к Майклу.

Отцовская лошадь пришла после заката усталая и в пепле брат цинично истязал ее, пока не почувствовал облегчения от утраты своей надежды иметь Майкла в постели.

Джим отчетливо помнил его лицо. Кожа Стива воспалилась от суховея, а глаза стали испропицаемы. Джим встретил его с открытой улыбкой, обнял его, хлопая по плечу.

— Стивен, я сжег эту чертову записку, — радостно протрубил он басом.

— Ты дурак, Джим! Все это не для тебя. Не мешай мне быть самим собой! — отрезал Стивен, заливаясь слезами.

Эта фраза так отчетливо вновь «раздалась» где-то рядом над головой, что Джим почувствовал ее интона-

цию. Он вздрогнул и несмело оглянулся вокруг. Нет и нет, все как обычно. Груп неподвижен. Нет, никто не перевернулся с боку на бок, как почудилось ему. Звонкий выдох, что померцелся ему... ислепость.

— Ты все еще дурак, Джим, — сказал он сам себе не своим голосом, растягивая слова, как часто делал Стивен.

Джим сел на пол. Он опять зачем-то закурил, закашлялся, а поэтому погасил сигарету и медленно вышел. Он не хотел окуривать тело брата.

— Стивен не любит запах табака, — сказал он, оправдываясь и закрывая дверь в его комнату.

Джим остановился на мгновение. Хотел вернуться назад, но раздумал. Затем опять вошел к брату, погладил его по волосам и вышел, всхлипывая.

Он все более и более чувствовал приближающийся приступ удушья... То ли муссоны были тому причиной, то ли тропическая влажность.

— Да не это ли моя будущая астма? У всех нас в роду одно и то же. Астма, астма — какое красивое слово. Как... астрал.

Он хотел верить и был уверен, что это астма убила брата. Ведь удушье, когда плывешь или уже пыриул глубоко — смертельная игра... западня...

Джим одиноко вышел во двор и сел на ступени крыльца. Дождь вроде бы кончился. Чудно, но как бы специально к дому тянулись ароматы трав. Они текли с холмов вслед за шлейфами густого тумана. Отрывисто звенели цикады, радуясь душной ночи. Солнце еще не успело сесть, а огромный диск луны уже висел над лесом. Цвет луны был странен. Здесь не было желтизны! Это был багровый налет жидкой меди. Джим приглядился и понял, что края у этой луны страшно изъедены. Несколько зеленых пятен делали ее похожей на ведьму

— Эта ее корона, плетенная из серебристых облачков, к лицу старой леди Луне. И чего это я о бабах, да еще о ведьмах? Совсем рехнулся перед похоронами бедного брата! Господи, что это со мной?

Он никак не мог оторвать взгляда от травинки, что держал в руке. Ему привиделись знакомые трещины и складки, которые копировали лёгкие морщинки у губ мертвеца Стивена.

— Вы дома, Джим? — спросил отец из-за спины.

Джим не заметил, как подъехала семья. Он мотнул головой в ответ, но не произнес ни слова.

— Да, все дома,— ответила за него Хелен, поднимаясь на веранду.

От этих слов Джим вскочил как ужаленный. Он бросился ей на шею и стал жадно целовать. Он не мог быть больше бесчувственным камнем, в нем все оборвалось. Его рывков никто и никогда не слышал. Его боль обрушилась на сестру, точно ураган. Это было первый раз за его тридцать пять. Отец взглянул на них исподлобья. Он шел к младшему, по которому он смертельно соскучился. Ведь отец не видел его целый день!

— Не надо, Джимми,— отстранилась она от него.— Ты мужчина. Тебе не нужна я. Плачать будем мы с мамой, хорошо?

Она нервно разгладила складки на платье и пошла в сторону кухни. Сестра боялась нарушить беседу отца и сына. Она не позволила себе жалеть Джима. Ей и так не хватало смелости быть сильнее всех. Истерические крики ее раздражали. Подумашь, провел день с мертвецом и уже развалился. А если бы Джим отсидел день в больнице с мамой и отцом?

Она постояла перед трюмо в коридоре. Вспушила волосы. Поправила черный платок на шее. Поймала себя на мысли, что ей нравился цвет этого шелкового платка, что купил ей отец по дороге домой.

Неожиданно Хелен вздрогнула, увидев свое двойное отражение от зеркала в соседнем окне без занавесок. Она увидела заостренный нос и горящие как уголья глаза. Она словно бы была между двух лун, которые отражались в двойных стеклах из веранды в кухню.

— Нет, нет, что это я... разваливаюсь на кусочки, как и Джим? Мы еще не в земле. Значит, нам еще дол-

го жить, мы еще... вместе! — шептала она бабкино колдовское заклинание, думая о скорых похоронах.

Она рывком сорвала черный лоскут с шеи и повязала его вокруг своей талии.

— Так-то лучше, ведь я не вдова, а всего лишь сестра, — подумала она вслух.

«Ты теперь одна женщина в доме, Хелен. Все теперь на тебе, дочка», — вспомнился ровный материнский голос.

— Да, мам! Я теперь здесь хозяйка, и только я. Все здесь мое, и нашим парням нужен добрый ужин, — наливая оливковое масло в сковородку, приговаривала она и посматривала на часы.

— И, пожалуйста, храни нашу тайну: не говори о спиде Стива. Не говори о его самоубийстве, обещай! — скрежещет шепот матери вновь и вновь, как заигранная и надтреснутая пластинка.

Ловкие руки девушки собрали все необходимое. Все было сделано быстро и умело. Щелкнула микроволновая печь.

— К столу, парни! — позвала Хелен.

Отец и Джим появились, как привидения, из разных углов дома. Они молча сели, отец напористо резал индейку. Мясоискрилось под румянной корочкой, взору открывались вкрапления кориандра, имбиря, что прятались между ребрышек аппетитной птицы.

— Отец, у тебя еще есть шесть сыновей! — сказала Хелен, подражая матери, а значит, смотря повелительно ей в глаза.

— С каждым может случиться несчастье! — вздохнул отец. Его руки перекрестили сидящих с ним детей

— Сын, возьми арбуз из холодильника, — кивнул он Джиму

Джим послушно разрезал арбуз, затем разлил по стаканам абрикосовый сок. Отец встал, подошел к буфету и открыл лучшее в доме вино.

— Разлей! На всех... За нас, за маму! — протянул он бутылку сыну.

Джим поделил вино. Немного отпил, а затем, взяв свой и братов стакан, вышел во двор.

Ночь захватила его сердце. Звезды, как огромные медузы, облепили Млечный Путь. Он начал считать, сколько падает метеоритов в час: «Один, еще один, еще и... еще. Вот он... был и вот его... нет», — шепчет он.

Неожиданно раздается треск в кустах. Наверное, опоссум разоряет птичьи гнезда. Он увидел темное пятно, что неистово ломает ветки, взираясь на вершину эвкалипта.

Джим выпил вино и бросил стакан. Все поспешно смолкло. Цикады вдруг замерли. Резко задул шквалистый ветер. Деревья заметались в панике под напористым торнадо. Толстые канаты дождя хлестнули больно по лицу.

Но что это? Его тянет к стакану брата, что стоит на полу веранды. А стакан наполняется все выше и выше. Вот вино из рубинового крепленого стало розовым, из легкого розового — белым... Вино льется и льется через край по ступеням в сад. Сухая красная земля жадно пьет его и впитывает корнями трав, цветов и деревьев.

Но что это? Все стихло так же неожиданно, как и началось. Джим вздрогнул от тишины. В доме зачем-то погасили свет. Темнота захвачила сад. Он поднял голову вверх к луне. Здесь все на своих местах. Лунный свет незнаком с дождем. Снова как ни в чем не бывало гордая хозяйка неба вышла на свою очередную прогулку. Ее эгоистичный свет пробивается сквозь редкие облака. Луна одинока, не знает страостей, привязанностей и любви.

— Жизнь продолжается! — сказал Джим и пошел спать.

— А Руди Нуриев здесь при чем? — спросит кто-то.

— Да ни при чем... Просто я рассказал то, что услышал от него в отеле на Барьерном Рифе. Мы встретились с ним в Кэрнсе, в тропиках Австралии, где и договорились о публикации этой книги.

35. ДЭВИД

Манхэттен, царь Большого Яблока. В зале много народа. Столы забиты пивными кружками. Дым стоит коромыслом. Все говорят, кричат, ругаются, перебивая друг друга, обсуждая очередные скачки. Таков мой любимый кабак этой ночью.

Я скучно озираюсь по сторонам. Мне это до чертиков надоело. Смотрю на часы. Обещаю себе, что еще пять минут — и я иду к двери. Но что это? Что это? Откуда такие великолепные звуки?

— Разве сегодня четверг? — И немедленно отвечаю себе: — «Конечно! А значит, концерт за углом, все в том же кабаке!»

Я торопливо заскакиваю в соседнюю дверь. Здесь «Зеленая комната». В ней привычно полутемно. Все молчат, тихо постукивая стаканами с коньяком в такт «Нью-Орлеанской мелодии». Да, джазовый клуб — великолепное зрелище в Нью-Йорке. Здесь столько роскошных музыкантов. Я огорчен: и как это я смог забыть о таком концерте? Уже десять вечера, и у меня еще есть два часа до полуночи.

— Жаль, жаль, жаль, — цокаю языком. Но все же два часа у меня есть!

Я восторженно смотрю на сцену, где чернокожие музыканты готовятся выдать очередной шедевр. О, как я люблю этиочные исповеди среди всепонимающего зала! Мне повезло, я смог протиснуться вплотную к сцене. Я удобно сажусь на полу. О, как я люблю этот кайф наедине со своими мыслями! Я забываю обо всех невзгодах. Меня ничто не волнует больше. Мое сердце в музыке. Я закрыл глаза, я весь переместился в уши.

— Дэвид, ты чего путаешь ноты? — слышу я голоса. — Что это с тобой, Дэвид? Ну, Дэвид, ты даешь сегодня! Тебя не узнать! Где твои полвека на трубе? — посмеиваются теперь уже везде по залу за моей спиной.

Я не верю своим ушам и удивленно кручу головой. Смотрю в сторону. Троє музыкантов окружили того,

кого зовут Дэвид. В руках у него труба... потрясающая игрушка.

Так, значит, это и есть он? Это и есть тот, о ком говорят, когда я сижу с закрытыми глазами и слушаю музыку. Однако что из того? Разве я не вижу, что два часа прошли? Концерт окончен.

Я встаю. Отряхиваю слегка брюки на заднице и иду к стойке бара.

— Два пива и сандвич с салями, — слышу за спиной поспешное, как после бега, приыхание.

Я не поворачиваюсь. Я вижу его лицо в зеркале напротив — это он. Конечно же, это тот самый трубач, Дэвид. Мы никогда не говорили, никогда не встречались.

Не спрашивай меня, откуда я его знаю. Просто знаю, да и все! Я узнаю его дыхание на моем плече. Я чувствую его взгляд своим затылком. Я не хочу его разговаривать со мной. Я знаю, что он ищет моего взгляда. Разве он с нетерпением не ждет моего поворота головы и взгляда: глаза в глаза! Я даже знаю, совершенно уверен, что второе пиво — это для меня и ни для кого иного.

Моя голова неподвижна. я смотрю на бармена. Делаю вид, будто не знаю, что хочу еще заказать. А это значит, что у него нет шанса заговорить со мной. Совсем нет, абсолютно нет никакого шанса... хорошо.

Но Дэвид ведь артист. Его музыкальный ум изобретателен до невероятности. Он умело роняет мой сандвич, и тот прилипает к моим ботинкам.

Он уютно присаживается на корточки и говорит традиционное: «Прости, парень!» Его глаза заискивающие смотрят снизу вверх. Я вижу — они карие, а он сам — крашеный блондин. Мне нравится, что он картавит. Я признаюсь себе, что его ирландский выговор смешит меня, словно щекотка под мышкой. Я больше ничего не нахожу, как заговорщики захохотать в ответ на его искусные фокусы... с салями.

— Да, удивительное рядом! Случилось то, чего не должно было случиться. Он подает мне второй стакан и говорит:

— Меня зовут Дэвид, а тебя, парень?

— Руди, — улыбаюсь я, — ...и я люблю пиво!

Я чувствую, что он напористо подталкивает меня к столу, где сидят музыканты. Я уверен, он хочет, чтобы я услышал о нем что-нибудь хорошее.

«Что я могу знать о нем? — вероятно, спрашивает он себя. — Ведь все, что я знаю, — это его ботинки с колбасным запахом и блеском от кусочков сала».

Впрочем, я забыл о колечке лука, который все еще красуется между носком и шнурками моего левого ботинка. Мне не удалось его достать, когда я потер ботинок о ботинок.

Нет, нет, руками я ни за что не хочу его трогать, тем более чистить ботинок и стоять в одном носке, когда кто-то это делает за меня.

Он пододвинул мне стул. Я сел за столик.

Я сделал первый глоток пива и посмотрел осторожно вокруг. Никто не расходится. Все шумят о своем. Почти никто не говорил о джазе. Чего говорить, когда это просто великолепно. Все любят джаз. Все слушают его молча. Я же не могу слушать это чудо. Я... созерцаю джаз. Музыка звучит внутри меня.

— Дэвид, чего, однако, на тебя ворчали твои друзья? — спросил я в недоумении, деланно улыбаясь.

— О, лучше не спрашивай, — заерзal он испуганно на стуле.

— Хорошо, отстаю, прости, — согласился я, скрещивая руки, как часто делают мои друзья-кришнаиты.

Он заказал мне еще пива. Я неожиданно встретил здесь нескольких забытых друзей, которые присели недалеко от нас. Оказывается, чем дольше ты сидишь, тем больше и больше появляется тех, кто хочет тебе сказать: «Привет, парень! Привет, как дела?» Но без... фокусов с салями.

Я немного опьянел. Что-что, а это со мной тоже бывает.

Дэвид же осатанел, заметив, что мои глаза шарят по сторонам. Вдруг он спросил с дрожью в голосе:

— А ты действительно ждешь моего ответа? Ты помнишь, что ты спросил... о фальшивых нотах?

— Нет! Разве? Я ничего у тебя не спрашивал! — захмурил я глаза похотливо.

— Просто, когда я увидел тебя на полу у сцены, я забыл все ноты... Поверь, Руди, это так!

— Я надеюсь, это случается не каждый второй и четвертый вторник, когда у тебя здесь концерты? И, конечно, с любым, кто подсядет поближе к Дэвиду? Или... его трубе?

— Нет, нет! Меня бы выгнали с работы из клуба. Кому нужен такой трубач? Ноты я должен знать на память!

— О Дэвид, Дэвид! Я тоже хочу тебя. Пусти меня переночевать к тебе. Это возможно?

Его глаза загорелись. Что-то случилось. Он весь как бы засветился внутренним огнем. Не он ли и есть та рождественская свечка, которую я так давно берег к завтрашнему Рождеству? Я дотронулся указательным пальцем до его мизинца. В ответ он схватил меня страстно за плечи и грубо притянул к себе. Его лицо вспыхнуло, а затем медленно порозовело, как медленно-медленно угасающий закат. Я коснулся языком его лба. Он засиял от испарины.

— Пойдем, пойдем скорее! Я не могу больше ждать. О, как я хочу тебя! Тебя, Руди!

— Хорошо, Дэвид! Хорошо, я согласен, — поднялся я, качаясь.

Мы вышли на свежий воздух. Я почувствовал себя дурно. Меня ужасно тошило.

— Послушай, Дэвид! Я хочу домой! Меня мутит. Ведь тебе не нужна блевотина в своей кровати?

— Да забудь ты об этом! Все это ерунда. Я безумно влюблена в тебя, а ты все о голове и желудке. Отстань, Руди!

— Но без головы и без желудка, как ты сам догадываешься, я мертвец! — с трудом выговорил я буквы, де-

лай паузы между приступами икоты, которая засела в моем... ка-ш-ле.

— Ладно! Если ты хочешь домой и настаиваешь, я помогу тебе, пьяница!

— До-мо-й! — нараспев протянул я. — Но сначала... сначала я хочу в Сентрал-Парк, где ждет меня мой... уже два часа... мой дружок. Я должен ему... сказать, что я с... тобой. Он не нужен мне больше, не нужен... никогда-да-да... Ох, сейчас... блевану!

Это последнее, что я помню. Все вылетело из моей головы... в никуда. Перед глазами встал огромный кусок салями, и меня вырвало... Сразу безумно полегчало.

Я проснулся утром и осмотрелся по сторонам. Здесь были: стол, труба, канарейка, на полу в вазах — цветы. Хорошо пахло!

— Где я? Ах, Дэвид! Ты где, Дэвид? — крикнул я на весь дом.

Он немедленно появился с чашкой кофе и круассанами. Я с любопытством разглядывал его тело.

— Ты хорошо смотришься без одежды, — прокомментировал я восторженно.

— Как ты спал? Ты голоден? — спросил он, присаживаясь на двуспальную кровать.

Я не дослушал его, а встал и начал расхаживать по комнате с чашкой в руке. В окно я увидел бассейн и много собак. Они прыгали и носились затейливыми кругами. Интересно, где это я?

— Кто-то играет с ними? Или они сами по себе? — спросил я, подойдя к другому окну, выходящему в сад, со стороны внутреннего бассейна.

— Я жду тебя в кровати, — настойчиво сказал он за моей спиной.

«Но что это?» — вздрогнул я. Я вдруг увидел знакомые ноги под садовым зонтом. Белая шляпа прикрывала лицо.

— Подожди меня минутку, — сказал я, пристально глядясь через тюлевую занавеску в сад. — Я не

мог оторвать глаз от милой девушки, которая присела возле знакомых мне ног.

Я увидел... Он немедленно снял шляпу. Он целовал девушку, мой любовник, что обещал меня ждать ночью в парке.

— Кто это у тебя? — стараясь не волноваться, произнес я, хрустя ломким круассаном.

— О, это дружок моей дочери Саломеи. Они скоро поженятся. Его зовут Самсон!

— Так уж и поженятся?! — оборвал я его грубо, потеряв самообладание.

— О, иначе и быть не может. Она уже на шестом месяце, — занедоумевал Дэвид, улыбаясь подобострастно при виде будущего зятя.

Я с размаху бросил чашку в окно в сад и шмякнулся на норковое покрывало.

— О парень! Ты — крутой конь! Настоящий жеребец! — вскрикнул Дэвид, беря в руки плетку.

— Давай скорее, скорей! Я хочу пообедать после этого! — раздвинул я ноги, позволяя привязать себя за запястья к спинке кровати.

— Поторопись, сомкни ноги, дочка накрывает уже на стол... Мы будем обедать вместе... как семья. Я обязательно представлю тебя будущим молодоженам, — сопит Дэвид, разрезая меня на части своей небритой бородой.

— А почему же до сих пор не было свадьбы? — не удержался я от вопроса между двумя ударами плетки по моей спине.

— Самсон еще не разведен со своей женой-кубинкой, — лизнул меня в задницу Дэвид.

— Поставь «Волшебную флейту». Я не могу стонать под какую-либо другую музыку, Дэвид, — заплакал я, отдавшись на всю катушку своим страданиям от ревности из-за мерзкого проходимца... Самсона.

36. УИЛЬЯМ

Серж и я сидим уже давно. Еще два часа до начала его работы. Мы рассказываем друг другу о своем горе.

— Кто Уильям? Чудовище? Кто угодно, но не человек. Ну, а все-таки, кто он? — присматриваюсь я к нему, попивая бургундское в любимом мною «Мулен Руж».

— Для него нет ничего святого! Его душа — сухарь. Она высохла от ненависти и злобы. Одним словом, он свинья.

А животное это любит помои: чем больше, тем лучше! В крайнем случае, его радует придорожная грязь или нечистоты. Любая случайная помойка — это ее стихия! Здесь и только здесь у свиньи появляется второе дыхание, и ей привольно дышится. Вот почему Уильям любит полутемные туалеты по ночам, ну а днем он здесь работает. Он ассенизатор. Больше всего на свете он гордится своим тайным королевством. Каждая новая надпись на стене — для него оргазм. Он и сам пописывает здесь стихи, но об этом в другой раз. Итак, он работает поломоем в мужских писсуарах, а еще, как я сказал, он высококвалифицированный ассенизатор.

В свободное от работы время он завсегдатай пивнушек. «Живу на людях», — как гордо декларирует он. И если где-то в городе дурной запах, он тут как тут. В этом его призвание. Он чувствует такое всем своим нутром. Он всегда вовремя, он всегда к месту. Он не опаздывает ко всему горестному, душераздирающему и несчастливому... Но не ради помощи. Просто чужие дела Уильям созерцает... через свою радость.

Да, таков Уильям! Да, Уильям таков!

Вот, присмотритесь! Его глаза с невероятной быстротой смотрят по сторонам. Вправо-влево. Влево-вправо. Он не останавливает взгляда ни на ком. Он играет в свои игры, беспрогрызные игры зверя, ищащего добычу.

— Все должны верить, что я смотрю только на него или на нее, — заговорщики шепчет он.

Заметно, что ему не везет под вечер... Я вижу, как он что-то разбегался от стола к столу. Каждую минуту он с кем-то новым, то в одном, то в другом углу. Его воодушевляет, что это самое изысканное питейное заведение в Париже. Его сердце радостно замирает, что все вокруг до отказа набито людьми. Он кружит и кружит, снова и снова, суетится и суетится, расталкивая локтями вновь пришедших... «свеженьких».

Уильяму нестерпимо все хочется услышать. Ему до отрыжки хочется за всеми подсмотреть. Он дрожит от выведенных тайн.. А главное — он знает, кто с кем спит! Кто с кем развелся. Кто кого наколол. У кого выросли рога. Какой они величины. Кто в кого влюблен. Кто и кого облапошил!

Таков Уильям: интриги и сплетни — это его космос. Они воодушевляют его. Он плавает среди них как бесценнное ископаемое. Здесь он живет. Он дышит этими тяжелыми испражнениями. Ах, как ему это нравится! У него есть даже свой, особый взгляд на французскую жизнь. Только его убийственный юмор выдает его мельтешение.

— Если на мне нет сочной блямбы от коровьего говна, то мне не по себе, — любит он шутить.

Свою религию цинизма и ненависти к ближнему он насаждает своим собутыльникам. «Здесь моя церковь — здесь хорошо пахнет», — дышит он смрадно, заливаясь мерзким хохотом. Избытку откровенности часто мешает его сухой кашель.

«Ха-ха-ха», — давится он, а из волос приподнимаются малиосенькие и деликатные рожки.

— Бог шельму метит, — говорят соседи по столу, глядя ему вслед, бегущему ополоснуть горло очередной кружкой баварской пены.

Минута-другая — и я вижу его опять поблизости, но уже за моей спиной. И чего это тянет ко мне — почувствовал, что ли, чего-то?

Уильям быстро и ловко пробирается от женщины к женщине. Его глаза разглядывают их косметику. Он внимательно сортирует в голове знакомых и незнако-

мых. Ведь никогда не бывавшие здесь — это самый лакомый кусочек. Они его не знают... еще. Вот они-то и становятся его добычей. Он начинает их трепать, как бы легко и просто и как бы с размаху или из-под руки .. вполоборота между случайными соседями.

— Да, чтобы успешно жить в своем свином хлеву, мне необходима неисчерпаемая энергия. Каждодневные походы сюда, в сердце города, отнимают силы, и немалые, — вздыхает он с чувством жалости к самому себе, ощущая свой тучный живот.

Не было и дня, чтобы он не обегал сотню посетителей за ночь. Его короткое тело успевает перебегать и в соседние рестораны. Ну а потом к нему приходит «вознаграждение»! Он гордится тем, что упорно добивается всего. Удачами он пресыщает себя сам. Он их не ждет, а плетет сам! Всегда замышляет сам и только сам... как поймать в капкан верную жертву. Но сколько же он тратит на это сил? А вот это и есть его тайна.

— Да, это мое хобби, самое лучшее из увлечений на этом черном свете, — восхищается он сам собой, ковыряя вилкой источенные кариесом зубы, и подбадривает свои уставшие ноги, осматривая разбитые подметки.

Однако без несчастий не бывает! Одно из невезений преследует его с детства: Уильяма никто, совсем никто не любит... за огромное родимое пятно поперек лба.

Эта метка сопровождает его повсюду! Он везде как белая ворона. Но ведь светлого в нем всегда было ох как мало! Его врожденная порочность стала для него ловушкой.

Вот с этим изъяном он жил и живет. Уильям знает, что молва о нем справедлива! Ведь он темный мужик! Таков он и есть на самом деле. «Ему только не хватает копытец...» — смеются подружки-плутовки, показывая на него пальцем через весь зал.

— Сами вы дьяволицы, поганые проститутки! — огрызается он, допивая гигантским глотком очередное пиво.

Но ни это и ничто другое не трогает его. Нельзя коснуться его сердца, потому что у Уильяма его не было и

нет. Уильям деланно улыбается. С натугой хохочет. «К счастью, на этот раз что-то получилось», — думает он про себя, как рыбак или охотник.

Он искренне рад пьяным девичьим улыбкам. По правде говоря, они близки к его заветным мечтам: ведь он постоянно и сам ищет черную щетину на своих пятках...

— Никто бы не удивился, если бы это однажды случилось, — говорит Серж с пафосом, поворачиваясь в мою сторону.

Уильям по-театральному выпятил живот, растопырил щупальца-ноги на ширину плеч. Вот он встал, изображая ветряную мельницу из коротких рук-сосисок над своей головой. Бестия пьяно рычит, как ураганный ветер... улыбаясь в сторону гадких проказниц, высмеявших его.

Я сижу молча. Мы думаем об одном. Мы слишком хорошо знаем ассенизатора, а поэтому запросто читаем его мысли...

— О, как он дремуч внутри! Как темен до дегтя! О, если бы это хоть на мгновение открылось глазам дур и дураков?! О, если бы! Вот тогда бы они это знали... Ясно! Они бы умерли от ужаса! — вырывается у меня невольно.

Уильям ничего не страшится. Боязнь греха не для него. Злоба и ненависть и есть тайные источники его наслаждения.

Ни женское, ни мужское тело не приносит ему наслаждения. Что касается угрызений совести, то это для него дурацкие шутки! Он никогда в жизни не играл в эти игры.

Только одно, пожалуй, его иногда берет за жабры. Он упустил в жизни... влюблчивость. Бывает же такое? Да, что делать... бывает! Просто за ~~ним~~ никто не волочился... Не приключалось такого... никогда.

— Ну... и хорошо! Уж слишком много слюней и соплей в любви, — оправдывается он перед самим собой.

Все свои невзгоды он гасит запахом человеческой крови. Нет, не в прямом смысле! Уильям не убийца.

Ему приносит наслаждение упиваться болью, что исторгают разбитые им и неопытные в любви сердца. Он допытывается до всех подробностей среди измен, мести и желчной ревности. Бесконечные монологи несчастных идиотов вызывают у него сексуальное возбуждение и выброс спермы.

Вот и сейчас он положил голову на плечо кудрявой блондинки. Уильям не прерывает ее волей. Ведь она говорит не для него, а для самой себя. Наверное, все это о ее потерявшей любви, безвозвратном чувстве... Разве он не сидит с ней уже час?

О, как искренне он смотрит ей в глаза! Это так про никновенно! Это так... любящие! Это так... нежно! Он убеждает ее, что все это бесконечно трагично и ему больно слушать. На самом же деле он лютко презирает глупышку. Вух, как он рад, что ей скверно! О, как циничен он в своих неслыханных комментариях!

Каждая ее слеза — пунцовская роза для Уильяма. Ссадина на кровоточащем сердце — это больше, чем бесценные французские духи «Шанель». Он впитывает ее вскрики, как ненасытная морская губка... любую грязную воду на полу возле ее прелестных туфелек.

Я чувствую, что гадок сам себе. Но я не могу, как и Серж, оторваться от замочной скважины телепатии. Ведь мы читаем Уильямовы мысли будто раскрытую книгу.

— Ну, что? Что, скажите мне, делать... с этим даром от матери, что родила меня?

Я чувствую, как он, заглатывая слону, становится гончей собакой.

Охота началась! Смотри, Серж, он ищет между столами новую жертву. Что может его остановить? Ничто не может его сделать счастливее сейчас, чем новый оргазм от еще одного несчастья. Я не заметил, что Серж встал и ушел.

Поразительно, передо мной видение: Уильям весь обратился в слух! Все разговоры, обрывки фраз, незаконченные слова, двусмысленные шутки... все поспешно перетряхивает через сито его мозг. Дьявольская ма-

шина заработала, высчитывая расстояние до мишени... под окном у пальмы.

— Ух, кажется, повезло, — проносится ряд слов через его мозговой речевой центр. Его зрачки застыли на одиноком брюнете. Я начинаю видеть все вокруг Уильямовыми глазами. Но зачем он смотрит... в эту сторону? Тот человек... внешне безучастен ко всему вокруг, ничего не говорит. Его как бы и нет. Уильям брезошибочно нашел здесь того, кто ничего не слышит... Я вздрогнул, поняв Уильяма!

Разве не я смотрю в стакан, который давно пуст? Разве не мое лицо бесчувственно и темно? Разве не я сам в себе и своих делах... Что не в порядке?

Я вижу, что он идет ко мне. Разве я не понял, что этот парень и есть я сам? Мне остается перетерпеть интерес свиньи к себе. Ах, Серж, зачем ты затерялся в баре? Зачем оставил меня на растерзание...

Итак, Уильям решился. Я подпрыгнул за столом, когда в его мозгу что-то щелкнуло... Он принял какое-то решение. Он вычислил меня среди многих других несчастных в «Мулен Руж».

— Да, именно этот тип мне и нужен. Я знаю, что его... надрал любовник. Весь свет говорит о них. Но как же его имя? Я совсем забыл спросить об этом, совсем забыл! Да и не все ли равно? — кряхтит Уильям себе под нос, когда я прослушиваю его мысли о себе.

Его грузное тело неповоротливо и шумно хлопается на соседний стул.

— Славная ночь, дружок! — выкрикивает он сиплое приветствие.

— Привет, — отвечаю я, не поднимая глаз.

Мы сидим молча. Никто из нас не говорит. Уильям не торопит соседа... меня. Он знает, что неудачник сам расколется и... начнет. Уильям ждет меня. Он жадно предвкушает, как моя горечь обрушится в его необъятные уши, голодные уши.

«Ах, скорей бы, скорей», — придухает он учащенно, сглатывая сладкую слону. Я чувствую его эрекцию в

просторных плавках, где пенис заблаговременно вставлен в презерватив.

Я чувствую, как кровь наполняет его вены, затем мошонку и медленно приподнимает пенис. Его сердце совершенно растаяло от предчувствия неги. Все это и еще что-то, что мне не понять, начинает вибрировать в нем. Пенис подергивается быстрее и быстрее, стараясь услужливо выбросить излишки спермы. Вот Уильям вздрогнул, колени расширили просвет между его ног. Так и есть... желанное молоко переполнило резину... Слыши облегченный вздох. Он облизывает свои липкие губы.

— Сопли — это... соус любви, — начинает он учить меня жизни.

— Но где же ты понахватался этой мудрости?! Самто ведь такого ты придумать не в силах! Свиные мозги не позволяют? — обрываю я его... счастье. — Ты чего здесь? Ждешь кого, Вонючка? — нападаю я наглее.

Его мясистый нос вздрогнул. Капли пота выступили на толстой коже щек. Ведь тот, кто назвал его школьной кличкой, мог знать и правила его игры. Он лукаво уставился мне в глаза:

— А ты Руди?.. Или как-то... иначе? — спрашивает он меня наугад по-русски, забывая о французском.

— Я — Серж! — протягиваю я чужую визитную карточку.

— О, я понимаю! Я перепутал тебя с моим школьным дружком.

— А я не перепутал тебя. Ведь мы учились в одном балетном классе, Уильям-Сука! Гадкий доносчик из Большого театра... Тебе все еще они платят или ты уже на пенсии? Блядь... нищенка-курва.

— О да! Я припоминаю... Ну, я... пошел, — заторопился кагебешник в панике.

— Проваливай, блядь! Проваливай... — выплюнул я сигарету ему в спину.

— Вот я и закончил работу! Ты чего здесь боянешь? Тридцать лет, как живешь в Европе, а все еще беспокойишься за азиатскую Россию? Успокойся, татарин-

britaneц Руди. Брось ты мотать себе нервы! Давай съездим сегодня в аэропорт и отчалим к Тихому океану! А? — похлопывает меня по плечу Серж.

— Спасибо, Серж-бармен! — Я подманиваю пальцем швейцара. — Пожалуйста, вызовите такси до аэропорта Орли и закажите мне два билета до Новой Каледонии... на «Конкорд»... жуть как замерз в вашем Париже.

— Конечно, сэр. Непременно, — берет он мою кредитную карточку «Америкэн экспресс». В этом банке у меня двадцать два миллиона долларов.

Через час я лежу на груди Сержа. Самолет взял курс на Тихий океан. Я мечтаю о лазоревом море, орхидеях и манговых деревьях вокруг любимого отеля.

37. ДАННИ

Три утра. Я только что пришел и сижу в соседнем отделении, видя его через стеклянную дверь. В клинике все размеренно и спокойно. Данни сидит и ждет... Кого? Не «кого», а «кто». Кто родится у него сегодня? Ему неважно: дочь или сын. Он просто хочет ребенка. Это настолько пронзительное чувство, что он даже женился и разорвал отношения со мной. Это было почти безумие для того и другого. Мы были вместе всю жизнь, начиная с балетной школы в России. Вместе, всегда вместе!

Я знаю, он не любит Сюзанну. Он скрывает это глубоко внутри. «Целовать ее — мука. Спать с ней — сплошное отвращение. Ведь женское тело — как мертвец в кровати», — помню его слова.

Данни мучительно думает и думает об этом снова и снова.

Все удивлены, что он не присутствует при родах. Врач и жена зовут его, но он по-прежнему сидит в коридоре.

— Нет, нет, — отвечает он смущенно. — Я боюсь крови, — торопливо повторяет он отчужденно и испуганно.

Его глаза закрыты. Он не хочет показывать свое отвращение ко всем.

— Нет и нет, все почти совсем по-другому, — шепчет он лживо себе. И, помолчав, добавляет откровенно: — Я больше смерти боюсь, что меня будет безостановочно рвать. Какой от меня толк, если я не могу шелохнуться!

Блевотина в родильной палате! Это навязчивое видение преследует его так настойчиво, что он торопливо достает носовой платок и проверяет, что у него на губах... Ничего нет.

Итак, он прав. Это началось. Предчувствия о блевотине его редко обманывают. Он вскакивает и убегает в туалет. Вот и слава Богу! Вот и можно вымыть руки. Он стремительно возвращается обратно и натыкается на медсестру.

— У вас двойня... девочка и мальчик, — радует она его, зовя в соседнюю комнату.

— О, спасибо! Это невероятное счастье, — обнимает он ее.

Даниэль не идет к жене. Он убегает прочь со скоростью света... ко мне.

Он ведет машину, напевает песню из последнего фильма ужасов с Майклом Джексоном. Я сижу рядом, сконфуженно положив руки на его колени.

— Все великолепно! Она жива! О, какой я везучий! Все позади! Я еду к тебе, Руди, в Тюрби, хорошо?

Вот и моя вилла. Света нет. Нас никто не ждет, а я забыл ключи. Мы садимся на сырье ступени и ждем горничную. Идет час за часом — никого нет.

Нет, ну и что? Разве это важно? Мы будем ждать ее бесконечно! Пока... Пока она не вернется! Ведь мы были друг без друга более девяти месяцев. Как это страшно! Это целая вечность! Но так было надо.

Я увидел вновь его лицо сегодня. Это было ужасно и бесчеловечно. Озноб прошел дрожью по моей спине. Я

прижал Данни к косяку двери. Он оцепенел в моих руках. Теплая поверхность дерева пахла смолой. Может быть, он уже встретил кого-то лучше меня?! Кто это? Женщина? Мужчина?

Может быть, Данни и взаправду не дождался удачных родов, а почему бы и нет? Разве я не устроил ему скандал после его женитьбы? Разве его суженая не была первой, кто подвернулся ему в пивнушке. Вот и вся история... беременности.

Я задумался и закурил. Я не замечал, как медленно бежало время. Я думал о чем-то своем, чему и названия-то нет и не может быть.

Нет, я об этом никому не скажу! Никто и никогда не узнает всех причин. Свои строгие тайны я умею беречь. Мне не нужна драма. Зачем устраивать скандалы чужой жене в родильной палате? Он бы ни за что не придумал, как спастись от ее гнева.

Но что это? Скрипнула дверная задвижка, и из дома вышли двое.

— Я не знал, что вы дома, — насупился Данни.

— Познакомься, это Катти, — сказал я.

Данни вскинул удивленно брови: он все понял. Она была беременна, да еще как! Слон бы заметил.

— Бог ты мой, а ты не теряешь времени, Руди! — сказал Данни с укоризной.

Нет и нет! Нет, нет и нет, ему не удалось скрыть ревности! Его лицо вспыхнуло. Его голос выдал разбитое сердце. Данни раскудахтался, как болотная курица после проливного дождя.

— Ты не ревнуй, Данни! Ты и есть тот самый Дан? — улыбнулась Катти приветливо, гладя себя с восторгом по ягодицам.

Данни демонстративно обнял ее, а она поцеловала его со смаком в губы. Их долгий-предолгий поцелуй вызвал у меня удушье. В ушах загремели барабаны. Я больше не мог выдержать такого глумления над своей любовью!

— Ты только не убегай, по-жа-луй-ста, Руди! — выдохнула она притворно и гадко, поправляя высокую прическу.

— Ты просто не знаешь, что я догадывалась о вас с первого дня моего приезда. Он любил тебя до смерти. Я его младшая сестра. Со стороны неродной матери для... Руди. Не бойся, парень! Мы с моим законным мужем лишь на две недели. Да, Джон? Однако! Как славно ты пел мне о нем, Руди! Спасибо, любимый друг!

У меня полились слезы. Данни не знал, что делать! Он не умел выразить словами, что творилось у него на душе. Эти несколько минут, что Данни не понимал, почему здесь Катти, поселили в его сердце злобу. Ох, как много Данни попортил своей крови! Всего за несколько минут! Да, за эту вечность в пару минут я почти потерял своего любовника.

Данни обнял меня и буквально повис на моих плечах. Сестра же незаметно ушла, пытаясь отыскать пропавшую горничную. Она все поняла. Она подсматривала за мной уже давно. Данни же никогда не слышал о ее существовании, и это вызвало его ревность.

— Привет, — сказал я шепотом, поняв, что мы наконец у меня дома.

— Привет, — выдохнул эхом Данни.

Его ревность отлегла от сердца. Он стал недоверчиво трогать мои пальцы, плечи, ноги. Он соскучился по моему телу. Он забыл, какой я на ощупь. Я обжег его губами после жадного поцелуя в ответ. Я захотел вспомнить, как пахнет его грудь...

— Руди, я люблю тебя... мое заключение закончилось.

— Когда? Разве ты видел ребенка? — раскрыл я рот в восторге.

— Да, двойня! — подпрыгнул Данни до неба, как будто я не была в соседнем отделении больницы и ничего не знаю.

— Ты — папа? Какое счастье! — поцеловал я его взасос.

— Ну, а как... быть дальше? — задумчиво спросил Данни.

— Оставайся у меня, вот и все. Да не забудь отписать ей свое имущество: дом, мебель и... остальное! Только унеси себя, свое тело! Ох, как я голоден и жаден до тебя, Дан! Только тело! Мне нужно твое тело, Дан!

— О, оставь все это! Я знаю, что ты имеешь в виду, Руди! — прослезился Данни.

— Я не думаю, что у нас будут трудности с этой дурой.

— Нет, нет... не будет!

— А почему ты так уверен?

— Она любит деньги. Мы откупимся от нее!

— Вместе?

— Да, вместе и только вместе. Мы соберем все, сколько ей надо.

— И будем жить вчетвером?

— Да, я буду тебя любить... как... многодетного отца.

— Нет, как своего... многодетного отца, — добавил я. — Разве ты не мой мальчик?

Мы больше не говорили ни о чем до шести утра. Мы медленно возвращались друг к другу навсегда. Мы встретили друг друга без ненужных вопросов. Мы всегда любили друг друга. Двенадцать лет вместе сделали свое дело! Я не мог без него, как и он без меня...

Мы знали, что произошло с нами. Когда Данни загрустил в прошлом году, как птица, которая собирается лететь на другой край света, повинувшись извечному инстинкту... я все понял.

Я сказал ему жестко:

— Уходи, уходи! Скорей уходи, Дан! Уходи от... меня к любой женщине...

— Чем скорее я уйду, тем быстрее вернусь! — ответил Данни.

— Уходи сегодня! Уходи немедленно! Уходи в эту же минуту! Уходи в эту же секунду! Я попробую прожить без тебя... девять месяцев...

На этом все кончилось. Мы замолчали, забыв наши телефонные номера. Это было так и не иначе. Мы рас-

стались, даже не поцеловавшись на прощание. Нет и нет, нам нечего было сказать друг другу. Мы умерли друг для друга на девять месяцев, долгих... дней и ночных порознь.

— Ты готов? — спросил он.

— Я готов, — легли мы спать.

Прекрасная и гордая птица прилетела обратно, снислась мне. Мы приветствуем ее в моем доме... в Тюрби. Каждый думает о себе. Но вот сон заканчивается. Получалось так, что мы с ним вместе навеки! У нас теперь... дети. Что нам мешает? Как долго? Месяц? Два? Три? Это ничего не значит... Я уже ждал его целую вечность до сегодняшней встречи. Целые... девять необходимых месяцев? Что мне несколько месяцев... до суда и усыновления детей, его детей?

Мы проснулись одновременно.

— Ты все об этом? О том, как долго это было? — потянулся в кровати Данни.

— Да, об этом! Уже... утро? — спросил я, не веря своим глазам.

— Я спал, словно новорожденный младенец, который не знает, как щурится солнце, — торопливо рассказывал Данни.

— А я не спал всю ночь. Я так и не верю, что ты здесь, у меня... в Тюрби. Я так и не верю, что могу к тебе прикоснуться наяву... каждую секунду. Или я только мечтаю? О, как я устал от всего этого! Нет, я не хочу больше мечтать! — сказал я сквозь слезы.

— Да... — тяжело вздохнул он.

— Да, я хочу быть с тобой и только с тобой. Мне не нужны сны. Я могу теперь жить без мечты, без фантазий. Зачем весь этот ночной мусор, Да-а-ан! — рыдал я, не зная, чем успокоить себя.

— Перестань. Успокойся! — сказал Данни, пытаясь скрыть свое желание рыдать вместе со мной.

— Да, да, — плакал я, глотая валерианку.

— Это глупо, Руди! Ведь мы уже вечность!

— Да, но я умирал все эти *сраные месяцы*, — шептал я.

И тут Дан нашел выход: он положил левый мизинец в свой рот и скривил смешную гримасу. Его щеки раздулись, как анасы. Затем он ударил себя с размаху по надутым щекам, выпучил свои рыбьи глаза и стал похож на Фантомаса...

— Бам-бам! — сказал я.

— Бам-м-бам! — ответил он.

Это рассмешило. Мы обняли друг друга, не в силах сдержать слезы. Я поцеловал его руку. Данни задрожал всем телом в ответ. Мы вновь любили друг друга больше, чем жизнь, которую нам даровали родители.

За окном вставало солнце. Новый день вместе обещает быть славным. Сегодня поедем к нашему сыну, которого мы решили назвать Рудольф Нуриев-младший. А девочка? Разве она нужна матери, которая ждет гонорара за обещанную работу и молчание... после суда с ее разводом?

— А ее назовем Катти, и только для тебя, Руди! — подмигнул, завязывая шнурки на моих ботинках, Данни.

Вот и все. Я знаю, что теперь я не бездетен. У меня есть девочка и мальчик, которых мне подарил Данни.

Разве у меня не многодетная семья... в мои пятьдесят лет, когда... ему тридцать, а им... один день и еще... один день со дня рождения в клинике... вчера.

— Сядь за клавесин. Ты классно играешь Скарлатти, Руди, — подталкивает он меня к окою.

38. ДЖО

«Нет, никто не любит меня в целом мире», — подумал я и налил еще один стакан вина. Мое тело грузно осело на пол, и глаза уставились безразлично в окно. Полная луна осветила ясно и спокойно углы моей комнаты. Ее белый свет наполнил мебель одиночеством и холодом.

— Почему она такая бездушная, эта планета? Несужели Маленький Принц оставил ее? И его Роза засохла? Несомненно, только он, только холостяк Экзюпери мог написать печальную историю. Я вижу в ней молитву о безысходности и неизбежности смерти. Не зря его военный самолет разбился после публикации... этой сказки.

Я с усилием встал и подошел к книжной стенке, быстро отыскал запавшую мне в голову эту французскую книжку.

— Да, конечно, сомнений нет,— залистались страницы под моими пальцами.— Это у него об одиночестве души во Вселенной, и ни о чем другом! Хотя как светло вокруг! Даже читается без электричества! — воскликнул растерянно. — А ведь это значит, луна не так уж холодна! — подумал вслух.

Книга полетела на диван, а я стал напяливать джинсы на свое слегка одутловатое тело.

— Точнее, свое тело натягивать на джинсы, — посмеялся я над самим собой.

Вот дверь хлопнула, и я вышел наружу.

Луна все так же царила здесь над всем, как и внутри моего дома. На небе ни одного облачка. Ветер только что был, но куда-то улетел. Тишина необыкновенная. Ни одного звука, ни одного шороха. Время словно бы уже и умерло навсегда... А может, его остановил поцелуй Принца?

Не знаю как, но мои ноги почему-то направились в Сентрал-Парк.

Джо уже была там и ждала друга. Она тоже не находила себе места от сумасшедшего полнолуния...

— Я уверена, что он придет сегодня, как обычно. Хотя бы и очень поздно. Разве уже не около двух! Ну и что из этого? Давай, давай, не суетись! — подбадривала она себя разговорами о нем.

Вот и парк. Я вижу, как пущистая опоссумиха висит все на том же дереве. Я знаю, что это странно. Каким чудом этот прихотливый зверек до сих пор выживает в центре Нью-Йорка? А может быть, это потому, что

никто не догадывается о ней? Разве не в этом таится секрет ее счастья?

— В прошлом месяце я видел тельце мертвого самца. Значит, это ты — Вдовствующая Королева Нью-Йорка! — приветствуя я свою знакомую.

Опоссумиха стрекочет в ответ, бросает в меня скорлупки, съедая сердцевинки орехов.

Вот она сбежала на траву и стала рыться в мусорном баке. Затем побежала к воде. Попив, покрутила головой и беспокойно шарахнулась в сторону.

Кто бы это мог быть? Ну, конечно же, это бездомный стариk Даррел!

— Привет, Руди! — узнаю его голос.

— Привет! — ответил я. — Не могу сидеть на месте в полнолуние.

— Я жутко соскучился по тебе. Ведь я не видел тебя ровно месяц! Как поживаешь... балетокорифей, а? Как? Работа... Еще у меня появился новый дружок по соседству. Знаешь, я опять влюбился! Ты веришь мне, Руди?

— Неужели? Правда??

— Да, я сам себе не верю. Похоже, что серьезно!

— Очередной раз? Счастливец!

— Да, такое уже было, но где-то лет пять назад! Мы были вместе до его отпевания... в прошлое Рождество. Ты помнишь?.. Плакали вместе...

— Да, конечно, я все помню, прости! — больно ехнуло мое сердце. Я почувствовал, что на меня словно вылили ушат холодной воды. Из глаз текли слезы.

Это напомнило мне о его несчастье. Ведь именно тогда, в тот год, умер и мой друг Джованни. До сих пор я оплакиваю его смерть. Мне так и не повезло, как моему другу Даррелу.

Я по-прежнему одинок, да и ждет ли меня вообще какая-либо удача? Кто знает? Да и кому дано знать о завтрашнем дне? Никому не дано! Я улыбнулся и слегка поежился от набежавшей волны ледяного ветра.

— Ты чего вздрогнул, разве зябко? — обнял меня Даррел.

— Да, я немного замерз, что ли, и, пожалуй, это от того, что по-доброму завидую тебе, мой Даррел!

— Я знаю. Но я все же бесконечно желаю тебе счастья, Руди! Да, согласен, ты знаешь все обо мне... это важно для меня. Я не вру тебе! Я, правда, люблю тебя и хочу самого доброго для тебя! Согласен, Руди...

— Да, я знаю. Но как невыносимо одиночество! Разве не здесь живет страх? Разве не так устроен человек, его сердце? А, Даррел?!

— Да-да! Я и впрямь начинаю бояться тебя. Ты меня не сглазишь? Мое счастье?

— Нет и нет. Я не хочу этого! — захохотал я. — Ты, Даррел, не бойся. Я совершенно невинен. Я люблю тебя как верного и хорошего друга. Понял? Да и зависть-то моя к тебе белая, ну, скажем, как пенка на утреннем молоке из магазина на углу. А может, и еще белее? Вот как эта Луна, — оправдывался я, не зная, что придумать.

Не сговариваясь, мы задумчиво посмотрели на небо. Магический свет заливал цветы каштанов. Кроны со-сен искрились, а их серебристые иглы как будто вибрировали. Все походило на сказочную ворожбу каких-то нечеловеческих духов. Сиреневые кусты по соседству чернели под раскидистыми кронами высоченных небоскребов. Коктейль запахов опалял нос и жег чем-то сухим горло. Не трава ли это, что скосили садовники под вечер?

Совершая только нам известный ритуал, мы положили руки на плечи друг другу. Я и Даррел по-братски крепко обнялись и нежно поцеловали друг друга в губы.

— Ты знаешь? Я так сегодня счастлив с моим Джованни, Руди, — выдохнул Даррел.

— Я рад за тебя, — замолчал я, вскочив со скамейки, порываясь убежать куда глаза глядят... Я не любил, когда произносят имя моего... мертвого любовника-тезки... Джованни! Моего Джо!

Меня изнурительно знобило. Боль пронзала перено-сицу. Руки и ноги дрожали, в глазах потемнело. Я ды-

шал часто-часто, как от приступа какой-то аллергии или сенной лихорадки, что случалось уже со мной.

— Что с тобой? — спросил шепотом он. — Что-нибудь не так? Я сказал что-то плохое? — добавил он, положив руки на мою вздывающую грудь.

— Нет... ничего! Я просто плохо себя чувствую, — кашляя, ответил я.

Он стыдливо отвернулся, его голос прошептал:

— Прости меня, Руди. Но у моего нового друга... имя своего умершего. Это правда...

— Нет-нет... ты ни при чем! Это непременно пройдет, — отрубил я, оттолкнув его от себя.

— Ну, я пошел тогда, — попрощался неслышно Даррел.

В ответ его удаляющимся шагам зашелестели кусты. Опоссумиха решила откликнуться на мое одиночество. Я повернул голову. Ее глаза блестели радостью взаимности. Зверек взгромоздился на клумбу и с удовольствием грыз вишневые флоксы.

Мы смотрели друг на друга не шелохнувшись. Нам нечего было сказать друг другу. Между нами была одна и та же тайна. Наши одинокие души понимали многое без слов.

Мы собирались говорить на языках, которые были нам знакомы. Мы оба были безнадежными вдовцами. В наших сердцах жила смерть, одна и та же смерть, что поселилась здесь и уютно жила. Я потерял свою любовь, как судьбу. Она похоронила своего суженого ни с того ни с сего в том же нелепом году. Я — человек и она — зверек были уравнены между собой. Мы скорбели о горе, которое не обошло нас. Мы как-то существовали все это время. Все так же мы совершали свои каждодневные дела. Мы все так же ели. Мы все так же дышали. Мы иногда спали. Мы частенько провожали закаты, подсушивая их светом наши полумертвые стеклянные зрачки.

Был ли у нас добрый рассвет? Нет! Его не было и уже не могло быть никогда! Так мы верили нашим Богам.

Я незаметно для себя отвел глаза от нее и остановил свой взгляд на жуке, который тащил на своей спине мертвую муху.

Заметив это, опоссумиха встала на задние лапки. Вздох — и эхо пробежало по кронам деревьев. Она зашевелила усиками, чихнула и стремительно побежала навстречу мне. Я вздрогнул, а затем, пересилив себя, доверчиво протянул руку. Никто под скамейкой не шевелился. Я чувствовал сопение... друга. Оно было похоже на сопение моего умершего друга.

— Я назову тебя Дж, — сказал тихо-тихо-тихо я, видя ожившего Джованни.

Она подпрыгнула, как часовая пружина. «Опоссумиха испугалась моего грубого простуженного голоса», — подумал я. В ответ же мне раздался приветливый посвист. Мой низкий голос напомнил ей о ее женском месте в семейной жизни. Она почесала заднюю лапку, а затем, облизав коготь, больно ударила меня. Кровь брызнула из раны. Я не вздрогнул, не отвел руки. Я принял это как жест дружбы, как братание кровью. Пахучие капли скатились на траву. Зверек обнюхал мою теплую человеческую суть, а потом удовлетворенно просвиристел. Пурпурные сгустки говорили ей о многом. Опоссумиха была рада, что я настоящий самец. Я не испугался и не ударил ее в ответ на боль, которой самка испытывала меня.

Посидев с закрытыми глазами, как неподвижный сфинкс, она умело размазала капли по траве. Подождав, когда ветер подсушит последние следы моей крови, она начала скакать кругами, тщательно обрызгивая мочой каждую кровинку. Затем она вытерла свою шкурку о мои брюки.

Теперь все стало на свои места. Она смотрела на меня как на своего хозяина. Я все понял и как-то сразу забыл свои печали. Я впервые начал думать о ней... Дж, а не о Джованни и его смерти от спида. Я утратил чувство одиночества, которое мучило меня, как болезнь. Я увидел тайную теплоту, которую эта самка дарила мне сейчас.

Она же занялась своими делами на клумбе. Ведь разве не изменилось все вокруг? Это кровное братание... Незримое чудо стало явью. Этому не могло быть и не было названия на человеческом языке... самца. А поэтому я, кто занял его место... жил у нее в сердце.

— Иди ко мне, Дж! — капризно приказал я, протягивая расцарапанную руку к ее мордочке.

Она беспрекословно направилась ко мне. Моя самка уютно села мне на колени и рабски свернулась калачиком, подняв хвост... для случки.

Я прикоснулся к ней. Я не решился поцеловать ее мордочку. Я поцеловал свою нераненую руку и погладил ей ее славные ушки.

Она встрепенулась и жадно облизала мои ногти. Помедлив минуту и как бы вспомнив о чем-то, она стала зализывать мои царапины. Она начала всерьез учиться любить... нового самца.

— Ты стала заботиться обо мне, Дж? — всхлипнул я.

Бездонное чувство нежности захлестнуло меня. Я был сражен этой неожиданностью, как все тем же ожогом от боли, что она наградила меня при первой встрече. И было это мне крайне необходимо, как подсказали ей умело ее древние инстинкты.

Ей же был нужен мой голос. Гортанная интонация мужского тембра ласкала ее, как что-то знакомое. Вибрация моих голосовых связок оживила в ней его... того, кого она помнила всегда. Ее погибший муж опять жил внутри нее, в ее беременности. Его плоть, ее дети шевелились в ней.

Вдруг я почувствовал... она... влюбилась в меня. Ей хотелось меня как того единственного, кому она могла доверить своих... детей.

Я понял это по ее мордочке. То было выражением счастья. Догадавшись, что я все понял, она распушила хвост и запрыгала забавно вокруг. Пружинистые прыжки подбрасывали мою самку выше и выше. Вот она исчезла на вершине, где мог ее достать только сам ветер. Ее животные движения излучали радость и свободу. Загадка была разгадана: самка была свободна от

страха за жизнь своих отпрысков, что могли родиться на свет без отца. Я начал читать... уже читал ее инстинкты.

Я больше не смотрел ей вслед... Задумался о своем Джованни... Дж. Я поднял глаза.

Луна пожухла, пожелтела. Стало теплее. Усилился южный ветер. Облачные сгустки запестрели на лунном лице, как веснушки по весне у когда-то живого Джованни. Луна потеряла свой ледяной фарфор и как-то стала ближе моему разбитому сердцу. Получасом позднее заклубился густой туман. Крупные капли дождя упали на мое лицо.

— Нет, нет, это все неправда... глупое наваждение! — сказал я себе, очнувшись.

Я встал и не оглядываясь пошел прочь. Я не поверил в чудо, что со мной произошло. Я не доверял любви между вдовцами. Я не тянулся к любви между зверем и человеком. Я не мог изменить себя. Мой Джованни не смог вернуться... сегодня. Братание кровью с очевиденной опоссумихой не могло спасти меня от звериного одиночества, меня... Человека!

Я не помахал своей Дж, что ждала меня на вершине дерева. У меня не нашлось любви для нечеловека. Я был бесчеловечен, как и все человеческое. Да, это было так! Никто и ничто не могло изменить... меня. Я был верен своему Джованни.

Женские глаза все поняли. Она проводила меня долгим взглядом.

Когда я исчез, Джованни бросился вниз головой с дерева. Его человеческие глаза и мозг расплескались молочной мякотью на асфальте.

Я вздрогнул от глухого животного стона за спиной.

— Показалось, что кто-то из моих близких вздохнул, — шепнул я себе. — Но почему я так робок и ненастойчив? — вздрогнул я, побледнев, боясь поднять свои глаза к небу и Богу...

«Разве ты все еще слеп? — ответил гром. — Джованни внутри Дж... не были согласен со своей реинкарнацией в зверька-самку!»

39. ДЖОРДЖ

Литургия закончилась. Я поспешил вышел и с силой выдохнул ладан из легких. Легкий вечерний ветер играл кустами сирени. Здесь-то я и ищу место, где пристать и перекурить.

«Полное облегчение. Как хорошо на свежем воздухе. На душе замечательно. Я посмотрел на всех вокруг. Я всем показал себя. Слава Богу, неделя закончилась», — начал разговор с собой.

Сегодня я особенно глубоко уважал себя. Ведь я отдал целых три доллара в церкви. И это на один доллар больше, чем обычно. Думаешь что?! Что у меня было на один грех больше, чем обычно? Нет, совсем не догадался! Вовсе нет!

Это был мой каприз. Я просто так захотел. И поэтому... так и сделал. Да, Руди — настоящий герой! «Ах, как приятно видеть в себе Человека с большой буквы!» — шучу над собой.

Напрямую от церкви раскинулся парк. Я вижу, как кто-то, прячась под шляпой, перебегает от дерева к дереву. Вот он сел. На скамейке с ним никого, а поэтому подсаживаюсь к нему.

— Я Джордж. Все у меня хорошо, благополучно! А дома? А дома, как всегда, черт ногу сломит во всех комнатах от мусора и бестолковщины, — рассказывает он, разглаживая складки брюк. — А с женой? Никто не разберет, что делать со сварливой бабой! Она, как бенгальские огни на подоконнике: то все «нормально», то просто ни с того ни с сего «взбесится» и вспыхнет, и горит... так гадко и зло. Прямо-таки поедом... ест и ест. Нет прорыва от окаянной...

Джордж сидел и говорил со мной, как бы ища спасения от своей... суженой. Ему было невмоготу вставать. Ему не хотелось возвращаться, и он тянул время.

— Ведь знаешь сам: стоит залезть в машину, как ты немедленно дома! Оглянуться не успеешь! Один, два, три... светофора — и ты на мерзкой кухне... где всегда она! Всегда только она!

Пока он сидел и размышлял, я незаметно ушел, а его захотел кто-то.. другой.

— Ты чего kleишься!? — недоброжелательно окликнул его Джордж, намереваясь наброситься с кулаками на любого, кому он может отомстить за свою непутевую судьбу.

— Сел. Хочу и сижу! — расхохотавшись, ответил незнакомец. — А ты чего такой сердитый?! Жена, что ли, забеременеть не может? — добавил он же, но теперь грустно и с болью в голосе.

У Джорджа отвисла челюсть. Он понял сердцем, что это и есть та причина, что гонит его из дома. Разве не правда, что за три года супружества она ни разу не родила от него! Может, поэтому-то она и взбесилась на весь мир и на него? И ненавидит себя же за бесплодие.

— А ты что, ангел-праведник? Поэтому чудовищно справедлив во всем? — спросил Джордж с ехидством.

— А ты что, таскаясь по туалетам, хочешь им стать? — подмигнул тот, скривив губы в надменной улыбке.

— Катился бы ты домой! — помолился он себе под нос и... зашагал домой.

Не успел он перекреститься, как незнакомец бросился в панике за куст, а затем взмахнул крыльями и превратился в летучую мышь.

На следующий день все повторилось. Он сидел там же, в парке, но не заметил, как задремал в ожидании жены все из той же церкви.

Когда же Джордж осознал, что, кажется, спит, то протер слегка глаза и пошел в кофейню на углу. Здесь он заказал свое обычное... Вот уже и капуччино посыпано шоколадом, молоко бурлит и пенится. Газета в пестрых новостях. Все как обычно, все как надо, и так из субботы в воскресенье, ничего не меняется, мир стар и незыблем. Джордж занялся скрупулезным изучением известных сплетен... за границей и дома.

— Но откуда этот звук? — Он поднял глаза и увидел летучую мышь. Это был тот самый парень! Он уже видел его раз, вчера.

«Даю голову на отсечение, если это не так», — булькнуло в его мозгах.

— Тебя как зовут? — напыжился Джордж, пряча свой страх.

— Иисус-инопланетянин, — нагло и вызывающе за-смеялся тот в глаза. — Надеюсь, ты не будешь просить меня ходить по воде? — насупился старый знакомый серьезно.

— Но ведь ты умер? Разве не так? — ухмыльнулся по-бесовски Джордж.

— Нет и нет. Это была жидкокристаллическая голограмма, поэтому-то и пришлось затемнить перед... смертью всю Голгофу. Ведь при дневном свете я проповедую. Особенно это явно при закате солнца! Ну прямо-таки как презерватив, надутый гелием...

— А как же тело? Ведь тебя же положили в пещере? Говорят, был ты тяжел костями...

— О, уж если мои жидккие кристаллы твердеют, то я приобретаю на пару дней любую форму. Да и вообще мои голограммы... сродни мертвому телу... мертвцам.

— Слушай, брось ты эти штучки! Какой ты такой еще Иисус? Не боишься прогневить Бога, парень! Чур меня... чур, шутник!!

— Жаль, но это очень неудачная шутка с твоей стороны. Я не виноват, что я Иисус и так нарекли меня, мой дружок Джордж, Мария и Иосиф в Вифлееме.

— Послушай меня, Иисус. Я не люблю шутить шутки с Богом, — опустошил чашку Джордж, думая сбежать от самозванца.

— Что Бог? Сколько их было до меня, Иисуса? И у каждого жена, а то и... несколько. А отсюда эти толпяща их божественных детей, божественных... любовниц и любовников. Разве невыносимый шум не стоял всегда в Поднебесной? Ведь каждого из вас надо выслушать и уговорить подчиняться... непременно согласиться со своей судьбой смертиного...

— Да, представляю, что творилось у древних греков и римлян! — поддакнул Джордж, похотливо скаля зубы.

— Конечно, все это было так и не иначе, пока я не был подброшен к вам из другого хвоста Млечного Пути, — ответил сосед по столу, заказав у бармена капучино без сахара.

— Несомненно, как же иначе! Вот тогда-то и наступила тишина и космический покой...

— Ты имеешь в виду «определенность» и «простоту», Джордж? — спросил Иисус.

Но Джордж перестал возражать в ответ. Он начинал понимать для себя, что его собеседник не от мира сего, а откуда-то издалека... Может быть, иностранец?

— Да, я всегда настаивал: не убей, не укради, люби всех! До меня это было необязательно! Всегда и везде... были войны, кровь и насилие. Украдешь жену — хорошо! Почему? Дополнительные дети: это необходимо для хозяйства. А это? Бесплатные работники кому не нужны? А если украл детей — тоже хорошо! Почему? Опять же дешевые руки в доме и в поле. Ограбил соседнюю деревню? Это тоже не помешает для благополучия! Что ни скажи, а все в свой дом, в свое хозяйство... задарма! Вот так-то, Джордж, все жили.

— Не зря грандиозными скандалами, грязными расправами и междуусобными войнами славился Моисеев Бедlam, или Израиль. Я уж ничего не говорю о Римской империи, где любили зрелища с гладиаторами.

— Так что, Джордж! После меня стало лучше жить?

— Но разве мы не следуем учению жить по Христу? За две тысячи лет многое изменилось. По-моему, добродетели и справедливости все же стало больше! Это так...

— Да, согласен, вы считаете время лишь второе тысячелетие... ежесекундно! Это не так много. Однако через три — пять тысячелетий обязательно... придет успех! Поверь мне, Джордж!

— А что, неужели есть законы, которые нам неизвестны? — удивился Джордж своей догадке, как будто кто-то аккуратно натолкнул его на это.

— Да, один из них такой: когда вас стало четыре миллиарда, то один из вас покинул свою планету.

— Ты не шутишь? И это невозможно раньше?

— Нет. Это бывает, когда налицо не менее четырех миллиардов живых существ одного вида, которые создают необходимое электромагнитное поле: оно-то и стимулирует синтез «сногшибательных» научных идей. Вы их зовете озарениями или открытиями. Я же их вижу, как зримые молнии, которые простреливают высокоэнергетическую мыслительную материю на нервно-психической ауре... планеты Земля.

— Неужели это правда? — удивился Джордж, забыв о капучино.

— Да, подобного раньше не могло быть. То было четыре миллиона лет ожиданий... Никто и никогда из вас даже не задумывался покинуть этот мир раньше! А если не хотел, то и не мог. Ведь загадочная молния стреляет при условии, что геомагнитное поле планеты перекрывается мощью излучаемой людьми энергии. Это трудно объяснить, но это как бы... дневной свет, что предельно сконцентрирован в каменных кристаллах горного хрусталия. Разве ты не видишь «свет», что светил миллионы лет вокруг этих прозрачных монолитов?

— А кто тогда нас сделал людьми? — пришла другая мысль Джорджу.

— Никто. Вы все лишь один из мыслящих видов, который возник сам собой. Всем ясно, что через сотни тысяч лет и вы покините свою звезду — Солнце — и уступите место другому виду... муравьям, птицам или пчелам. Какая разница для меня, Христа!

— Они же и останутся тогда на Земле, но уже на следующие четыре миллиона лет, а затем дорастут до мыслящих существ?! — вскрикнул Джордж.

— Да, а затем вслед за кем-то и они покинут все ту же звезду — Солнце, но уже ради... эволюции другого вида. Это очень просто! Разве я сказал что-то неясное и путаное?

— Значит, мы напрасно верим, будто нас кто-то создал? Ведь у нас нет предков тогда? Да и никогда не было...

— Нет. Это не так. Человеческие существа имеют предков, но на особой материнской планете. Посмотри

внимательно. Сколько необычных цивилизаций живет рядом с тобой. Мы живем в разных веках и тысячелетиях. А почему? Да потому, что все они возникли независимо друг от друга. И иногда более миллиона лет между их первым предком, их особым предком, разными переселенцами из Млечного Пути.

— Каждая раса? Это каждый раз свой предок?! Это невероятно...

— Нет, это вероятно. Это только так, и некоторые из этих рас уже вот-вот покинут эту планету навсегда и уже в самую ближайшую тысячу лет... Белая раса оставит на планете... африканцев иaborигенов Австралии. Поверь Иисусу... Джордж. Они никогда не смогут приблизиться ближе чем... на сорок тысяч лет, которые разделяют этих замечательныхaborигенов от «белой» цивилизации. Главное — не ускорять эти... взаимовзрывчатые нахлести «культур». Пусть у каждого будет своя дорога... в космос, где они и... растворятся между спиралями Млечного Пути.

— Ну, это уже сверхневероятно!

— Да потому, что это правда! Но это... опять же, если ты откажешься признать меня. Ведь я и есть твой «праородитель», если следовать твоему языку. Мы лишь два миллиона... сотое поколение, которое оставило твой мир... Оставило вас всех как неандертальцев, чтобы вы смогли идти своим неведомым путем, а для нас... предсказуемым. Миллион лет между нами — это как бы барьер междуaborигенами и британскими австралийцами. Странно? Мы... просто оставили всех вас в покое... Абсорбирование чужих рас через войны ведет к мешанине сверхкультур. Здесь трагедия, поскольку такое ведет к доминированию в генетике... Здесь слишком много начинает родиться солдат, а не мыслителей... и священников.

— Но сейчас все по-другому? Не так ли, милый Иисус?

— Да, я предостерегаю, но эволюция твоей расы на планете идет к завершающему циклу... Слишком много взаимосопротивления рас возникло по причине пере-

плетения временных зон... как бы «часовых поясов в культурах». Они отторгают друг друга.

— Ты можешь что-нибудь еще сказать об этом? Я испуган всем в тебе...

— Да, если ты спросишь! — ответил он.

— А если нет?

— А если нет, то и мой ответ — нет.

— А что, в этом тоже — закон Вечности?

— Да! Ты понимаешь мудро: если нет вопроса, то и ответа нет...

— Так неужели на «вопрос» о звездах ушло четыре миллиона лет? — будоражила догадка, которая вертелась на его языке.

— Да, какие-то две тысячи лет — это ничто... для миллионов лет между расами... от космического корабля путешественника.

— А скажи, кто тогда сам Иисус? — почесал затылок хитроумный Джордж.

— О, их было много! Он был здесь каждые... две тысячи лет. Кришной его «звали» шесть тысяч лет назад.

За Моисеем евреи «отметили» возраст... не менее четырех тысяч лет. Последний раз Он посетил этот мир 1993 года назад. Разве ты не помнишь легенд о Нем?

— Неужели? Как чудно все это!

— Да, это так, но я не пренебрегал посещением и других развитых цивилизаций во время прилета из... Ниоткуда. Но часто одни цивилизации сменяли другие. Их следы безголосо истлели под песками Сахары и Гоби. Однако другие рождались из Ниоткуда, как его... прилеты. Память о внеземной жизни нередко спрятана в письменах и клинописях. Да, часто они его звали, как хотели... разными именами. Теперь лишь мне, только мне, известно имя мое... на сотнях мертвых языков Востока, Америки и Африки. А знаешь почему? Потому что... все слышат по-разному. Вот, к примеру: кошка в России говорит «мяу», а в Англии — «мью». Так и со мной... Одно имя они произносили по-своему, писа-

ли по-своему... — Джордж улыбнулся и похлопал друга по плечу.

— Ты большой фантазер! Но все же ты... мужчина или женщина? Ведь ты умирал бездетным. Вокруг тебя же всегда крутились кудрявые... парни? — спросил он, глядя в глаза.

— Я — никто! Я и то и другое вместе! Я могу родить ребенка, если захочу. Впрочем, я не знаю, что сказать о моей сексуальности. Она как... эхо в горах. Давай лучше о другом. Он... новое существо повторит вновь все мои слова через сотню тысяч лет... Тогда-то эти самые — мои сегодняшние слова — и станут вновь «мими», но из будущего и одновременно из прошлого. Я не могу тебе... объяснить. В твоем словаре еще... нет слов, которые придут... в будущем.

— Что такое прошлое? Где будущее?

— Ты узнаешь это после очередного заселения Млечного Пути, — ответил он мягко и без тени сомнения в голосе.

— Значит, это правда, что больше не будет войн и мы не погибнем как планета?

— Нет, конечно, никогда не будет мировых войн. Жизнь будет длиться вечно в мире. Войны уже кончились. Двадцатый век стал рубежом для последней войны в истории человечества. У вас нет больше агрессивности в генах.

— Неужели? — воскликнул в восторге Джордж.

— Да, это так! Вы миновали самый ужасный и кошмарный рубеж в истории белых рас. Сотня миллионов белых погибла в пожарах самосуда. Они испепелили себя двумя мировыми войнами и десятками террористических революций. Полмиллиарда из вас на планете никогда не родились! Век-рубеж явился «ситом» для генофонда. Он съел всех нерожденных воинов, родители которых так никогда и не встретили друг друга, чтобы зачать «агрессивных» детей. Десятки тысяч городов разрушены в прах, погребая остатки агрессивной генетики среди людей, которые кричали: «Хочу ребенка от Гитлера — Дьявола!»

— И жизнь построена снова. Да?

— Да... построена заново. Но в то же время ничего нового и не построено... взаправду. Это был бег на месте. Вы только вернулись назад. Весь двадцатый век вы... Вы припаривали и... залечивали свою большую генетику кровожадных инстинктов Рима.

— Ничего нового не было создано? — ужаснулся Джордж.

— Ты прав! Планета в своей эволюции потеряла целый век по земному календарю. Тысячи нерожденных гениев, которые были «призваны» унести вас к Солнцу до Первой мировой войны, не выполнили своего генетического предназначения. Разве ты не знаешь, что чертежи космолетов были созданы Кибальчичем в девятнадцатом веке... Все это было забыто на сто лет...

— Так, значит, твои прогнозы не оправдались для нас, землян?

— Ты прав, Джордж... Вас отбросило на тысячу световых лет, а это очень серьезно. Это задержало ваше переселение к нам, предкам. Но в любом случае без «очищения» через свои мировые войны на втором тысячелетии отсчета времени на своей планете это все равно невозможно. Агрессивная земная генетика — это зло... Теперь это обязательно будет не через сто тысяч лет, а через сто одну тысячу... Мы все равно объединимся и станем единой семьей... это неизбежно. Это наша судьба!

— Неужели ты отпускаешь нам грехи?

— Главное — терпеливо ждать своих... очень ждать. Ваши отставания в тысячу световых лет делают нас несчастными.

— Ты думаешь, что земляне опоздают или не смогут кого-то встретить? — начал Джордж, не понимая странных слов.

— Конечно! Какие-то расы непременно погибнут от болезней и так и не переселятся к нам. Ведь переселившись к нам лишь один раз, цивилизация удаляется от соседей по «спирали» навсегда из-за... расширения Млечного Пути. Дороги назад нет, и все идет по кругу.

Вам будет нужна для возврата назад та технология через миллион лет. Каждое кольцо Млечного Пути «сортирует» нас на несколько тысяч световых лет в разные стороны. Между тобой и пигмеями из каменного века в Африке больше общего, чем в одном и том же веке для разных рас между кольцами Млечного Пути!

— Поэтому... всякая война, даже случайная, — это отбор?! А точнее — выбор? И... все должно закончиться до выхода в космос?

— Нет, войны... они никогда не случайны. Они как опасные болезни, которыми должны переболеть агрессивные планеты.

— Только тогда вырабатывается генетический иммунитет? А не это ли и есть еще один, из центральных, закон Вселенной, Иисус?

— Да, агрессивность самовзрывчатая! Иммунитет к саморазрушению запрограммирован в генах. Да, эта болезнь смертельна. Мясоед не может выйти в космос. Он должен стать вегетарианцем. Если он ест мясо, то... копит агрессивность. А здесь... войны, и вот... дети мясоеда убили его и... себя. Все остановилось. Агрессивности... больше нет!

— Но это жестоко! Это не по-человечески!

— Кто тебе сказал, что я Человек? Разве я тебе говорю о человеческой судьбе? Я говорю, как космос предохраняет себя от звездных войн.

— Да. Я теперь готов понять, что законы Вселенной для всех едины! Но разве хорошо, что все мы, люди, — это одна из игральных костей Времени и Пространства? — сказал Джордж.

— Нет. Это лишь путь, который может стать вашей судьбой. Здесь завершается Настоящее, Прошедшее и Будущее. Ведь Времени как Понятия не было и нет. Поверь мне, Джордж, вы откажетесь считать время по часам через триста лет. Появится язык и новые слова для его... обозначения. У вас родится «новое понятие» для определения своего места во Вселенной! Время — это не «язык» для коммуникаций, как это распространено между вами сегодня, Джордж...

— Времени нет! — встрепенулся Джордж.

— А разве тебя никогда не преследует чувство своей бессмертности, Джордж? Разве я говорю что-то... не так, Джордж?

— Да, но я никогда не доверял этому... сознательно. Если во сне?

— А ты больше доверяй себе. Ведь ты бессмертен, как все люди. Ты вечен, как и я. И все, что тебе надо... сейчас лишь... беременность твоей жены... Марии.

— Ты можешь мне помочь?

— Нет, я не имею права внедряться в твою генетику. Законы нашей с тобой Галактики неизменны для всех. Мне может угрожать высшая мера наказания... а это далеко не... электрический стул, как у вас в земном вселке. За... это будет стерт с моих генетических матриц весь мой генофонд за время от первого — нулевого предка... от беспозвоночных на Марсе. Понимаешь? Начиная с незапамятных времен до... рождения планеты Земля.

— Не понимаю... Ведь так просто все сделать через искусственное осеменение?

— Нет. Это не так «просто». Есть биорефлекторные законы, которые до сих пор неизвестны. Мы не вечнее самых древнейших миров... Космоса. Знай, Иисусова цивилизация не старше двух миллиардов земных лет. А это ничто в сравнении... с жизнью гитурионов и амварцев с зебровидных звездных карликов...

— Ну, а по-дружески помоги! Иисус, помоги! — обнял Джордж его ноги в сандалиях.

— А сходи-ка ты с ней к врачу и, возможно, вылечишь ее педуги. Скажем, воспаление от грибков, бактерий и вирусов...

— Неужели? Так просто, Иисус?

— Нет, это совсем не «просто». Все «они» плодятся миллиарды лет на нашей планете. Здесь все для них, принадлежит им и только им! Когда ты поселился здесь четыре миллиона лет назад, то «они» сразу же заселили и тебя. Для них нет разницы между тобой и озе-

ром. Или? Или почвой и океаном. Все это живет и эволюционирует внутри твоих... ее фаллопиевых труб.

— Разница в том, что они... убили моих нерожденных детей. Ты знаешь, как трагичен выкидыш?

— Может быть, «да», а может быть, и «нет»! Может быть, у тебя и не должно быть детей! Скажем, по каким-либо «потусторонним» причинам что-то обязано быть «здесь» и «сегодня», на твоей планете и в твоем человеческом веке.

— Да? Но я хочу ее детей! Я жажду иметь своих детей от нее!

— Да, конечно! Но *детей* у тебя нет по причине, которая будет известна позднее. Прости меня, Джордж, пожалуйста! Может быть, это и не так... чтобы мир не разрушился через тысячи лет после тебя или... нее.

Иисус, его друг, увидел, что Джордж встал. Он вышел заказать еще два капуччино.

— Пожалуй, и все... Я больше не на диете и не боюсь ничего. Я жажду съесть все: сливки, сахар, шоколад! Все положи мне в чашку, бармен, без ограничений, — говорил он настойчиво, как будто здесь был кто-то, кто жалел и утешал от него что-то вкусное.

Джордж чувствовал, что боится вернуться назад, к своему столику. Он почему-то верил, что ему никто не смотрит в спину. Он знал, что его столик будет пуст. Гостя нет. Гостя не будет больше. Разве такое бывает дважды за жизнь?

— Я боюсь повернуться, — сказал себе Джордж твердо и повернулся...

Все было не так. Он ошибся, как обычный человек. Здесь не было ничего божественного или чего-либо сверхъестественного...

Подойдя вплотную к столику, он увидел заштампованную почтовую марку. На ней и было лицо человека-Христа.

Он по-голливудски деланно созерцал голубя, который кружил над его кудрявой от ~~шильона~~ головой.

— Глупая брехня, — отметил Джордж, запихивая Христа в карман.

— Да, очень дурацкая, рассчитанная на идиотов история, — отчетливо раздался знакомый голос за его спиной.

Это хозяин отошел от стойки бара и подсаживался за его стол.

— Мне... Христов подбрасывают каждый полдень из соседнего монастыря за рекой. Я даже не сержусь на монашек. Я к кукольному Христу не прикасаюсь.

Да и как можно сердиться на сверхнарумяненных и голубоглазых... Христов. Иногда меня одолевает навязчивая идея заподозрить у него не живые глаза, а контактные линзы. Или что-то из мертвой пластмассы... на зрачках, что водоточат, как испорченные водопроводные краны на кухне.

Джордж не мог не заметить, что слова лились «без слов». Он был уверен и мог даже поклясться на Библии, что слов не было. Точнее, не было даже каких-либо звуков или звукосочетаний. Джордж начал слышать каким-то иным способом... Именно так и не иначе «говорил» до «бармена» и его старый сосед по столику. Он видел, что у того и этого все было иначе и необычно. У них одно и то же... на лице. Их губы никогда... не шевелились.

Они общались зрачками глаз.

Джордж понял «того», кто «хотел» быть с ним. Они взялись за руки и пошли домой к Джорджу.

Как получилось, что они почувствовали расположение друг к другу? А что, если они преодолели барьер между мужчиной и женщиной, но не из... этого века? По-моему, они перепрыгнули в другое тысячелетие, а может, и еще... позднее.

— Скажи, а святая Мария, его мать, врала? — спросил бармена Джордж, ложась в постель.

— Нет!!! Она была восхитительной красоты человек. Да и чего об этом сейчас? Ведь любая девственница может родить в твоем веке. Секс здесь... совершенно не нужен. Все можно сделать иначе... Ну, хотя бы и как тогда... по технологии инопланетян в Вифлееме.

— Да, ты прав! Секс успел стать технологией имплантации гормонов, — удивился Джордж своему новому языку со странной терминологией.

— А ты сам-то мужчина? Или уже вот-вот... женщина?

— Какая разница! Ты же знаешь сам, что я и ты лишь отражения в разных «генетических» зеркалах, — ответил Джордж, не мигая глазами.

За спиной нового друга он не видел тени. Зеркало на стене отразило парик и нижнее белье пришельца оттуда.

40. АЛЛЕН

Тепло, вдвоем сидим на траве под деревьями.

— Ты с чего это, Аллен, решил, что ты гей? Пожалуй, ты... вовсе не гей.

— Не знаю, может, и нет. Я ведь не родился таким. Все было, как обычно... Двадцать один год. Бесконечные попойки со сверстниками. Возвращаюсь с танцев избитым. Затем случайная девка в очередной раз забеременела. Родители отправили нас в церковь. Потом... двое детей народились за двенадцать лет «счастливого» супружества. Ну, а там... нашла коса на камень. Все, как и принято, осталось ей и нашим детям. Я ушел из дома совершенно голым.

— Давно? — интересуюсь осторожно, боясь ранить его.

— Около четырех лет, но кажется, что это было лишь вчера, — всхлипывает он.

Я вижу, как ему тяжело. Он смотрит в никуда отсутствующим взглядом, пытаясь спрятать свои глаза. Нежужели от самого себя? Разве рана не зажила еще? Господи, какое горе...

— А теперь я один. Была женщина, правда, сразу же после того, как я ушел из дома, но... как-то не сложилось. Что делать?

— Еще до развода? И уже новая подружка?!

— Да, не прошло и двух месяцев, как я оставил дом, а мы уже спали и ели вместе с Раей. Но потом все распалось. Не везет мне с женщинами в Англии.

— А что так? Не иначе... чудак!

— Да ей нужен был не я, а просто ребенок от меня, — поперхнулся он, тяжело дыша.

Я все понял: он был из тех классических мужиков, который бы ни за что не пошел в геи, если бы не разрушенный брак. Я верю этому парню. Аллен не тот, кто станет играть сам с собой. То, как поступила с ним она, — низко! На роль племенного быка-производителя он не мог бы претендовать, это ясно! Животным он не был и так и не стал.

— Бывает же такое! Как бы и меня не догадались осчастливить забавной телкой! — пытаюсь я отвлечь его своей наивной непонятливостью.

— Нет. Это цинично. Жестокое насилие. Рая — коварная женщина. Она отжала мои яйца в свои срамные губы... и убежала. Если б ты знал, как гадко у меня на душе. Я серьезно, Руди. Я не шучу! Я люблю своего Савву, моего внебрачного сына, хотя его мать стерва и сукина дочь.

— Ну, а дальше? — спросил я осторожно, смягчая свой голос до невероятной для меня нежности. Я готов был расплакаться от боли.

— А дальше, уже через полгода, я встретил Марко! Случайно, ночью, и вот здесь, на этой самой улице.

— И это все, Аллен?

— Да все, пожалуй, Руди. Исключая чудо, чем стала моя невероятная любовь в мои сорок, а его... двадцать шесть.

Я вздрогнул и посмотрел недоверчиво. В мои сорок пять трудно представить! Как? Как этот не голубой мужчина может вдруг спать с другом... по любви? Старшему из них, Аллену, было труднее. За его плечами уже две семьи, вернее, две мучительные попытки и кровоточащие неудачи... создать семью, нарожать детей для себя!

— Ты что, Аллен? — спрашиваю я, снимая слезу ми-
зинцем с его левого глаза. — Не плачь, дружище, я на
твоей стороне!

Аллен не смотрит на меня. Его веки прикрыты. Он забыл о моем существовании. Вот он автоматически достает фотографии своих детей, раскладывает на коленях. Он привычным жестом разглаживает фотобумагу. Я замечаю, как его обгоревшее на солнце лицо младеет. Глубокие морщины исчезли в мгновение ока. Он невольно улыбается бумажным глазам своих детей. Он мечтает, что все трое вернутся к нему когда-нибудь... Но когда? Может быть, когда они уйдут от матерей? Они найдут его... О, как он хочет этого! Дети, что украдены у него, живут в его сердце. Если отнять у него и фотографии, он немедленно умрет. Я уверен, что это так. Ведь для него нет смысла жить без этих детей... не сирот, но живущих без отца.

Я встрепенулся. Я хочу напомнить ему о себе. Я говорю:

— А Марко? Он красивый? Должно быть, итальянец, как мореход Марко Поло.

— О да! Он сказочный! Я не отношусь к нему, как к сыну или брату. Нет, не рассказываю ему о своих детях и женах.

— Я понимаю, — вздыхаю я тяжело в ответ.

Я чувствую, что я лгу. Я ничего не понимаю в таких делах, как чувства отца, матери или разведенного мужа. Я знаю, просто знаю, что я должен его как-то утешить.

— Я люблю его как женщину. Как любила бы всякая женщина на моем месте! Я берегаю его от возможных жен, алчных стерв! — загорается краской мужское лицо. Вот его тело начинает сотрясаться от смеха.

Я не хочу, чтобы это перешло в нелепую истерику. Я пугаюсь, а потому целую его в губы. Он делает то же в ответ и затем еще и еще... Вот его смех стихает. Изо рта вырывается стон, глаза мертвуют. Аллен мгновенно постарел, лицо стало землисто-серым. Под глазами

каменеют желтые пятна. Что это? Злоба или ненависть?

— Ты много работаешь, дружище! Я знаю, ты фанатик, Аллен, и работа для тебя все равно что спирт для пьяницы, — прислоняясь я грудью к нему, едва касаясь своими пальцами его шеи.

Он вздрогнул, а потом покорно положил голову мне на плечо. Аллен затих, как ребенок, он нашел место, где ему обещан покой... отдых. Здесь только я, а значит, он наконец-то сможет оставить свои бесконечные игры-истязания, что не нужны ни мне, ни ему. Разве не так, дружище?

Я прислушался. Он дышит сухо и размеренно.

Мне не надо искать ответов на вопрос, с кем я... сегодня. Он всего лишь тот, кто не встретил подходящей женщины, которая могла бы его полюбить! Он просто занял ее место. Я вижу, он уснул.

Я начинаю ему говорить о том, чего он не видел и не увидит вокруг. Я говорю и говорю... Может быть, для него? Может быть, скорее, для себя? Может быть, для его жен и детей? Или Марко, которого он мне никогда не покажет из ревности...

Я не могу остановиться.

Вот Аллен открыл глаза... Он согласен: ему попадались только те бабы, которым вечно от него что-то было нужно. Они требовали то, что он не смог бы им дать никогда. А что ему нужно от них — им было невдомек! Он искал ее и только ее. Среди них не было похожей на его мать! Именно на покойную мать! Всю жизнь Аллен тосковал по такой женщине. Он искал ее, эту женщину, у которой было бы ее сердце и которая так же относилась бы к нему, он искал жену, которая, как мать, была бы рада, что он жив. И чтобы больше ей было ничего не нужно. Он ждал от жен улыбки за то, что он пришел домой. Он не услышал от них слов, что любила говорить его мать: «Твоя радость — это и моя радость. Твои горести — это и мои горести. Твои удачи — это мои удачи».

Аллен искал свою мать среди женщин, обокравших его сердце. Вот он говорит о матери:

— Все вокруг... ее. Не успеешь спросить, а ответ уже есть: «Возьми!» Мать отдаст тебе все и вся! Мать с тобой до того, как ты родился! Она уже ждала тебя! Она мечтала о тебе! Она жила с тобой задолго до тебя, твоего рождения. Она счастлива от того, каким ты стал потом! Каждый был частью материнского тела до открытия в себе самого себя... Будь то мужское или женское начало... Она таила тебя извечно до твоего первого крика, которым ты приветствовал встречу с ней, матерью. Она ввела тебя в мир через свою боль, кровь, счастье и страдания. Дети приносят женщине радость материнства. Мой или твой выход в этот мир стал благословением для отца. С тех пор они, родители, благодарят Космос. Все благословляется во имя твое... Материнская любовь только светится любовью. Этот искренний свет греет в любой холод... Смотри, вот моя мама. Эти тени! Разве это не есть благословение от нее на нашу встречу... с тобой сейчас...

Только мать может так любить, чтобы встать из могилы на мой зов. Зов ее Аллена! Мать — это мать! Я искал лишь ее, свою мать. Я не нашел ее.

— Ах, Аллен, Аллен! Никто не может стать... второй мамой. У тебя все перепуталось в голове... Ты ждал от них не просто любви, но еще и... материнской. Никто не мог тебе помочь, Аллен! Я думаю, что ты прекрасный мужик, но ты разрушил свое семейное гнездо сам...

Аллен вздрагивает, будто от пощечины, и поднимается на локтях. Он смотрит на меня ослепшими от слез глазами. Мы молчим, не веря в слова, которые произнес мой язык. Вот он улыбается. Ничего не говорит. Я уже все рассказал за него. В нем происходит какая-то борьба. Он ласково касается языком мочки моего уха и шепчет, присвистывая:

— Жаль, Руди, что я не встретил тебя раньше... до Марко.

— Нет, это тебе повезло, крайне повезло. Я бы испортил тебе жизнь, как... твои суки. Будь уверен, я это умею делать так же хорошо... как танцевать!

— Пожалуй, ты прав! Я вовсе не должен тебя знакомить с Марко!

— Почему?

— Руди, ты замечательный человек, и к тебе должны инстинктивно тянуться... такие же люди. Я боюсь твоей хорошести... для моего Марко.

Мы простосердечно обнимаемся.

Наша случайная встреча развеяла все его повседневные заботы: о работе, магазинах, семейной жизни... Ведь у него есть Марко, а разве это не семья?! Нормальная человеческая семья! У них свои сексуальные нужды, свои духовные потребности, свои... совместные походы по магазинам. Здесь все те же поиски: где подешевле и получше...

— Мне надо пылесосить квартиру, — вспоминает, извиняясь, Аллен-домохозяйка.

— А мне — заняться садом. У нас с Роем там преогромная помойка и куча зловонных мух, — соглашаюсь я поспешно.

— Я обещал навести порядок до прихода мужа, — говорим мы в унисон, смеясь над собой от неожиданности.

На прощание мы хлопаем друг друга по плечам и разлетаемся по своим семейным гнездам.

«Разве мы не примерные домохозяйки, он и я?» — проносится у меня в мозгах между моими красными от стыда ушами, которые Рой должен мне отодрать за легкий флирт.

— Почему красными? Да потому, что никак не объяснить Рою, зачем дурак-жена сидел целый день на траве с первым встречным. Ведь это взорвет Роя. Я видел: его ревность буйная и дикая! Разве я забыл об этом? — разговариваю я с собой, оглядываясь по сторонам с опаской.

— К счастью, он никогда об этом не узнает, мой Рой! А что, если Марко такой же? — тревожит меня опять страх потерять свое счастье.

Я стыжусь его подозрений...

— Ах, как это я забыл? — вскрикиваю в ужасе. Я вспомнил, что у Роя нет ключа. Что-то меня ждет дома? Я запаздываю на четыре часа... Ах, какой позор! Ради Христа, прости меня, Рой...

41. ЭДДИ

Радиотелефон не умолкает с утра:

— Позвоните мистера Нуриева, — раздается требовательный голос.

— Его нет. Могу принять телефонограмму, — отвечает Сильвия, глядя на часы: до начала работы в office еще десять минут.

— Да, пожалуйста. Запишите дословно: «Звонил. Буду звонить через десять минут. Любовник».

Я появляюсь в театре только после обеда. Привычно прячу от солнца машину под раскидистые дубы. Поднимаюсь к себе. Навстречу летит растрепанная и взмокшая секретарша. Что это с ней? Я никогда не видел ее такой. Должно быть, высматривала меня в окно.

— Привет! У меня сумасшедший день. Каждые десять минут — звонок из Америки... Это тебе! — протягивает она листок бумаги.

— Ха, это Эдди! Чего ему так загорелось? — Я не успеваю войти в свою комнату, как на столе оживает телефон.

— О, наконец-то! Эти нестерпимые двенадцать часов между континентами меня убивают, Руди...

— А что? — перебиваю я его вопли.

— Да я не могу без тебя. Обычное дело... не ем, не пью, — трещит его голос через спутники. — Я лечу к тебе. Я в «боинге» над Мексикой.

Молчание. Поцелуй в трубку с другого конца света. Молчание. Мне грустно. Я кладу трубку. Беру несколько карандашей, начинаю ломать грифель и затачивать снова. Да, но почему так долго ждать? У меня завтра будет горячий день! «О, даже очень и очень жаркий!» — вздыхаю я о своем африканце.

Эдди вовсе не африканец.

— Моя мама леди, а отец джентльмен, от которого мне ничего не досталось! Все пересилил Сенегал, где прошло мое детство, — слышу его грудной голос.

Обычно он говорит это, крутя задом. «Да, но откуда все это? Его еще нет в Англии, а присутствие его уже начинает сказываться», — инстинктивно отмечаю я, поправляя шелковую щаль вокруг своего торса.

Итак, я не работаю сегодня. Я должен выспаться. Я звоню всем и переношу деловые встречи на следующую неделю, а затем пишу бумагу для дирекции с просьбой о недельном отпуске. Всем же поясняю одно и то же: «исчезаю по семейным делам». Такие частые объяснения, как «мама заболела» или «друг в больнице», уже стали всех угнетать. Однако что делать: социальный покой и общественное благополучие требуют небольшой каждодневной лжи, особенно когда речь идет о гомосексуальной любви...

Впрочем, если прислушаться, то никто моей лжи не верит, как и не обижается на меня.

— Все знают из газет, что он приезжает, — зло и презрительно зудит Сильвия.

Я чувствую, что она меня любит ревнивее и настойчивее год от года. А этот панический звонок взял да и разрушил все ее фантазии обо мне и наших совместных планах на Рождество... в России.

— Нет, мы уже никуда не поедем вместе. — Смахивая слезу, она безостановочно повторяет эту фразу, как заезженная пластинка.

— Я, честно говоря, не верю, что она когда-нибудь принимала меня всерьез! Побойся Бога! Ведь уже четвертое замужество! А она все еще стреляет глазами по сторонам, — мерещится мне голос Эдди.

В пять утра раздается громогласное «Карамба!». Он врывается точно ураган. Его одежда летит через весь дом. Ботинки остаются в прихожей. Плавки на моей подушке. Остальное — на пальмах и телевизоре.

Я сижу на персидских подушках и восхищаюсь его загаром, попивая бразильский кофе. Я жду его уже с четырех тридцати!

— Как ты, пират? — прищуриваю глаза и щелкаю языком.

В ответ в мои руки падает бутылка «Камю». Я немедленно открываю ее и жадно заглатываю ее огонь. Желудок опалил пожар. Мякоть моего языка шершаво касается нёба, рука тянется к ломтику камамбера на хрустале.

— Бери термос. Наливай себе кофе.

— Не хочу это старое говно! — срывает он с шеи забытый галстук и швыряет на люстру.

Эдди бежит на кухню и включает все электрические машины: гремит кофемолка, взбивается омлет, крутятся фрукты в соковыжималке. Грохот стоит на весь дом. Я люблю эти его приземления у меня в Кью-Гарденс.

— Жизнь началась! — кричу я в бешеном восторге, подпрыгивая на одной ноге в чем мать родила.

Он бросает все, побегает ко мне и покрывает жаждыми поцелуями живот. Его лицо горит. Мои ладони подрагивают от нетерпения. Наши ноги пританцовывают самбу похоти... Я не могу без его улыбки и страсти.

— О, как я люблю тебя, незабвенный русский дьявол! — кричит он и валит меня на кровать.

Я лечу навзничь, не сопротивляясь. Я рад его брызжущему слюной языку. Его губы пахнут кокосовым молоком и липовым медом. Запах тела совсем не наш... Это какие-то неведомые божественные масла... кремы.

— У тебя неземной поцелуй, — шепчу я, глядя в его смоляные глаза, прижимая его щеку к подушке и раздвигая его ноги.

— А я обмираю у твоих сильных ног... когда ты сжимаешь мое тело и заставляешь меня сесть между ними!

Это смертельное... умопомрачение, — задыхается он от внутреннего жара.

— О, замолчи! Все это ерунда... Я не верю, что могу свести тебя с ума. Ведь я всего лишь сухой и холодный русский!

— Нет, хватит врать! Твоя русская кровь мутит и кружит мою голову, — душераздирающе кричит он, чувствуя, как я помогаю себе указательным пальцем.

— Да, нам повезло... вот я и в тебе, — целую я его терпко.

Оргазм наступает легко. Мы умеем это делать одновременно... Не зря долго учились этому, счастливчики.

— Мы славно подходим друг к другу... как замок к ключу! — говорю я.

— К верному ключу — верный замок! — иронически шепчет Эдди и начинает лизать мою грудь. — Я люблю твою шерстистую кожу. Она так невероятно пахнет! — продолжает он.

— Это... что? Балетная соль? — подъезжаю я.

— Нет, оставь свою сраную биохимию для балерин. Я просто смертельно люблю тебя, — срезает он меня на полуслове.

— И их... тоже? Балерин... их пуанты!

— Да, и их! Твои... ноги тоже! — не останавливается он в своем усердии, облизывая мои пятки.

— А что ты любишь больше всего? — ехидно настаиваю я.

— То, что выше ног! Разве ты все еще сомневаешься?!

— Нет! Двадцать тысяч миль говорят сами за себя! Ведь не я, а ты в моей постели! А, звезда рока Эдди! Дьявол Эдди!

— Прости, завтра я должен возвращаться обратно. Ты знаешь, Руди... Ведь я залетел только на выходные, да еще у нас День Благодарения. Как жаль, что я прописдел так долго в самолете. Суббота уже за окном... ты видишь рассвет, Руди?

— Нет! Невероятно... Я не отпущу тебя! Я поеду с тобой, хорошо?

— О, великолепно! А ты правда можешь?!

— Конечно! Зачем мне все это, если ты без меня?

— Но ведь я упал как снег на голову... Руди? Прости, парень!

— Да, это именно так. Обычное дело: не звонил, не писал полгода! Забудь... ерунда... ты и я работаем страшно много!

— Нет, ты врешь! Я был в этой кровати неделю назад! — целует он меня в кончик носа. — Помнишь, Руди?

— Нет, это было полгода назад! Я знаю, что это так и мне не кажется! — Я отворачиваюсь.

— Нет! У тебя этот номер не пройдет, не надейся! Не жди от меня никаких скандалов. Этого не будет! Мы уже прошли этот путь, хорошо? Забудь об этом! Давай-ка, вали на кухню и неси все, что есть в холдильнике! — забарабанил он пальцами по моей спине свою последнюю песню...

Не прошло и минуты, как я был насильно вытолкнут из кровати, а мое одеяло взлетело в воздух. Подушка за подушкой пикировали в воздухе... В конце концов я обнаружил, что сижу на полу. Эдди же гордо стоял надо мной, ослепительно сияя... улыбкой насильника-ниггера!

— Давай поторопливайся! — манил он меня, протягивая свои руки навстречу... навстречу моей заднице. У него висела на запястье негритянская кожаная плетка из секс-шопа.

Я перестал корчить из себя капризного гордеца: обнявшись, мы пошли на кухню. Я сел за стеклянный стол, что ломился от деликатесов. Он разлил клубничное молоко в чашки с черникой. Помолчав и задумавшись о чем-то, плеснул себе на голую грудь сливок и добавил туда же имбирного мороженого... Затем заставил меня слизать эти сладости дочиста... Я не сопротивлялся ему.

— А теперь достань свою говяжью отбивную, — приказал Эдди.

— О! Это ты сделаешь сам! — ответил я хохоча, так смешно выглядели его растопыренные уши в копне из рыжих барабашковых волос — его новый парик.

— Согласен. Я уже поставил это в микроволновую печь.

— Если так, то у нас есть пятнадцать минут, — примирительно улыбался я, пересаживаясь со стула к нему на колени. Он поцеловал меня между сосками.

— Послушай, я так счастлив, что приехал! — положил он мне самую крупную чернику под язык.

— Я тоже! — вернул я ему ягоду, разжав его губы и своим языком вытолкнув ее в его сладкий рот. Его тело затрепетало от возбуждения.

Мы отправились в душ. Мы заласкали друг друга в струях воды. Наша кожа вздыбилась от пара и крема. Мы терлись спиной друг о друга, как морские львы в его Калифорнии или пингвины на северных пляжах моей России. Мы говорили обо всем, кроме работы. Мы уже знали друг друга больше полугода, напропалую встречаясь каждый месяц, наплевав на ревность наших любовников. Деньги нас не тревожили.

— Кто-то занимает в банках деньги и строит дом за домом то в Америке, то в Лондоне, а я проживаю все от концерта до концерта... — намекал он на меня, имея в виду виллу, остров и квартиры в Лондоне и Нью-Йорке.

— Кто-то берет деньги в долг на покупку новой машины, что дороже самолета, — вторил я ему, — а я оплачиваю его многочасовые телефонные исповеди из-за океана.

Кто мог винить нас, что мы проживали свои состояния, не вкладывали денег в пенсионные фонды, медицинские страховки или еще во что-то, что надо делать всем и всегда?

Я и Эдди чувствовали наше неизбежное будущее. Мы не смогли отпраздновать нашего пятилетнего секс-юбилея... Бог не желал этого, а священник напрасно ждал нас на исповеди в гомосексуальных грехах.

Эдди захотел умереть одиноко в своем доме на своей улице, в чужом для него Лондоне. Шел дождь, и я пла-кал, стоя в прихожей... великого Фр... Эдди Меркюри. Он умер тихо и без мук. Я уже знал, что мне до встре-чи с ним осталось года два или... меньше? А...

42. ДЭЙВ

Я пригласил его на свою виллу в Тюрби. Мне одино-ко. Мне нравится его мягкий характер. Замечательно, что кто-то говорит без умолку, говорит и говорит. Я подливаю бесконечный кофе, грызу бисквиты.

— Тебе еще? — спрашиваю, вглядываясь в его под-слеповатые глаза.

— Нет, — качает он головой и продолжает: — Ма-мы больше нет. Это опустошило мое сердце. Две поте-ри страшнее, чем одна, Руди. Ведь ее муж — больше не отец для меня. Печально, но это так. Он не заботится обо мне теперь. У него никогда не было теплых чувств ко мне. Вот я вспоминаю свое отчество, юность. Мы уживались с ним только из-за нее. Мама любила его. Поэтому и я тянулся к нему. Любовь же? Ее не было и не могло быть...

Отчим родственниками богаче меня: когда мама вы-ходила за него замуж, у него были брат, три сестры и сын от первого брака. Затем у мамы родился Виктор. И теперь у меня два брата и... ни одного отца.

Моя мать ни словом не обмолвилась о моем родном отце. Она объясняла мне все дважды: каждый раз по три минуты. Сначала в детстве, когда она как-то оsta-новила меня на перекрестке и сказала: «Отец не тот, кто родил, а тот, кто воспитал». И все...

Через пятнадцать лет она показала его фото и сказа-ла: «Смотри, теперь и ты в его возрасте. У нас была хо-рошая свадьба. Мы любили друг друга, но из этого ни-чего не получилось».

«Что делать, мам! У каждого своя судьба!» — поцеловал я ее. Я не плакал, мне было двадцать пять. Я устал ждать... его.

Я никогда и ни о чем ее не спрашивал. Я просто замолчал еще на десять лет. Я не мог ее обидеть даже полу вопросом. Как-то давно она вздохнула и сказала: «А жаль, что у тебя не было отца, как у Вити, твоего младшего брата, и у его сына, которого я смогла укротить, навязав ему свое материнство. Ты знаешь, Юри, ведь я и мой приемный сын... всего лишь восемь лет между нами». Я и тогда молчал. Я любил ее... безмолвно. Через пять лет она умерла. А я потерял тот искусственный мир, что она берегла... как мою семью.

Сегодня, в мои 45, у меня нет никаких вопросов. Она безвозвратно унесла свои тайны с собой. Это лишь сняло мою невыносимую боль ожидания встречи с родным отцом. И вдруг однажды, после похорон, я понял, что я свободен... от отчима. Разве он не исчез тоже с ее уходом? Ведь у него есть двое настоящих сыновей! Без меня он может вздохнуть, пожить счастливо. Зачем ему мешать? Похороны изменили все.

— Еще кофе, Юри? — спросил я.

— Да, Руди, — мотнул он головой и продолжил: — Я не сказал отчиму о том, что я решил в церкви. Мы поняли друг друга без слов. Смерть его жены освободила его от меня. После того, как мы тридцать лет жили вместе? Нет! Мы тридцать лет жили раздельно.

Мы разошлись и больше не встречались. Мы перестали писать друг другу, не сговариваясь. Неестественность нашего прошлого гнала нас друг от друга. Мамина — женина любовь делала нас гуттаперчевыми, мы забыли нашу суть. Мы не были сами собой! Мы не понимали себя, находясь под наркозом ее любви к нам. Я любил ее. Он любил ее и, значит, меня. Она любила всех и больше всего... себя саму. Именно это и правило нашими судьбами из года в год.

Когда рассеялся дурман, самогипноз тоже кончился. Я вдруг увидел себя! Я наконец-то осознал, куда я шел! Я открыл свою принадлежность к обойденной загадке.

Ведь то, что скрывала она с момента моего рождения, стало ясно теперь! Мать берегла сына от холода одичалости — оставаться один на один с собой после ее смерти. Она прятала меня от судьбы — от одиночества в бессердечной сутолоке пустой повседневности. И тут я согласился с ней. В ней всегда жило чувство вины за мою безотцовщину. Мне, сыну, любившему ее больше жизни, открылась страшная тайна во всей своей наготе и изнуряющей простоте. Ее предчувствие сбылось! О, как она боялась этого! Как она страстно молила Бога, чтобы сын избежал горькой судьбы! Но если эта судьба и могла обрушиться на мою голову, то пусть это произойдет не скоро. Нет, не мальчиком! Нет, не мужчиной! Ну, хотя бы... лишь стариком и не иначе! Ведь никто не может избежать износа. У каждого один путь — через слепоту, дряхлость и обветшание... Она хотела умереть раньше своих родных и усыновленных детей.

— Руди, Бог услышал ее. Мама умерла в шестьдесят четыре. После взрыва в Чернобыле.

Да, милая моя! Я бесконечно любил тебя, как мог и как умел. Прости своего сына, жизнь не спасла меня, твой план рухнул, мамочка. В тот страшный год мне исполнилось тридцать семь. Я остался один-одинешенек. Не верится, что мне удалось выжить в ту самоубийственную весну. Я потерял тебя, которая любила меня больше жизни. Ты ушла в никуда! Твой прах лег в грешную землю Петрозаводска.

Нет, моя мечта о жизни вместе не могла стать правдой. Все разрушилось в тот день, когда умерла ты, моя мамочка. Я буду плакать о тебе бесконечно.

— Юри, по ведь жизнь не остановилась? — обнял я его.

— Нет, Руди, жизнь... продолжалась, — обнял он меня в ответ на мою ласку. Я замолчал. Я хотел, чтобы он высказался. Он говорил:

— Я возвратился из России в Австралию. Я не находил себе места. Но вот, подталкиваемый виной, я зашел в Дом престарелых, что на моей улице.

Я увидел забытых всеми стариков и старух. Я не мог им не помочь... как-то. Я начал ходить по субботам и воскресеньям. Я влюбился в этих грустных людей. Я смог стать частью их жизни... одиноких, тех, кого я никогда не встречал, не знал, и о существовании которых даже не догадывался. И тут вся моя любовь к несчастной матери излилась на них.

Я грел их своими руками, отдавая сбереженное тепло. Я радовал их улыбкой и словом. Мы полюбили друг друга... Многое открылось мне. Почти у всех стариков были дети, которые не приезжали. У них были внуки, которые не помнили своих бабушек и дедушек.

Неужели у близких по крови не было любви?

Где живет та отчужденность, которая мешает быть вместе?

Я спрашивал себя не раз: разве все мы не будем на месте этих стариков однажды? Время летело быстро.

Эти одинокие люди стали моими родителями. Они хлопали в ладоши при виде меня. Они трепетно ждали моего прихода. Они ревниво допытывались, кого я люблю. Я познал счастье там, где не предвидел. Я не догадывался об их сердечной привязанности ко мне. Лавина любви обрушилась на меня. Мне казалось, что я будто купаюсь в теплой и сказочной ванне, наполненной энергией человеческой доброты. Здесь не живут змеи зависти. Здесь нет острых камней тщеславия и похоти. В ней не плавают тупые иглы злобы. Здесь покой, доброта и ласка. Я был счастлив, что получил подарок от БОГА.

Мои новые друзья жили в другом измерении. Они были со мной, но уже как бы и обогнав меня, перейдя реку жизни. Та река для многих из них обмелела. Они забыли, совсем не помнили, когда стояли там по грудь...

Все было давно, в прошлом! Так далеко позади, что не верится... Было ли то взаправду? Теперь у меня много родителей, и нет среди них... отчимов. Мои родители вокруг меня. Я привязан к ним.

Вот я вхожу к ним в гостиную, и они тянутся ко мне отовсюду. Трогают меня за руки... Они смотрят доверчиво в мои глаза. Была ли такой когда-либо моя жизнь раньше? Вся моя жизнь до встречи с ними... не была жизнью. Все, что было со мной, — сплошной эгоизм, самообман и притворство.

Мои новые друзья погружены в остатки своей непрочной памяти. Здесь живут образы их прошлого. В их головах... нет повседневности. Настоящее игнорирует их. Все здесь среди них сейчасное, но как бы вдруг уже было...

«Прошлое повседневно своей ежедневностью», — повторяют многие из них. Они спрашивают о чем-то своем снова и снова.

Что я знаю? Ничего! Они не видят меня ясно. Их зрение сдает и гаснет. Их разговоры остановились на часах, где стрелки показывают время их юности — разводы, первый выкидыш... случайная любовь...

События прошлого сплавились в безостановочный монолог. Для одних это старческий трепет при виде кольца, которое подарил покойный друг, для других — болезни, что оставила тяжелая работа в шахтах. Самые же изворотливые и богатые владеют безумием и полной потерей памяти. Им... нечего вспомнить, сидя в старческом кресле-качалке. Они заврались сами себе... Они устали вспоминать, что правда, что причуда и ложь?

Я хожу по бесконечным коридорам белоснежных домов престарелых, озираюсь на судьбы умирающих. Я всматриваюсь в жизнь бывших, идущих и тех, кто вот-вот уйдет... безвозвратно.

Я нахожу умершие глаза. Старые люди едят ими прохожих. Их морщинки улыбаются всем вокруг, они ищут общения.

Как много было за долгие годы? Где наши лучшие жены? Где наши верные любовники? Где забытые письма, угасшие страсти и разгоряченные заверения в вечной любви...

Я не выдерживаю и в сердцах вскрикиваю:

— Юри! Нет и нет! Никого нет... Мы только одиночки, сраные одинокие одиночки. Ничего и никого нет!

Юри не согласен:

— Но не я, нет, не я, я искренне люблю родителей... Они — моя семья! Я принадлежу им, а они — часть меня.

Юри начинает кричать, отмахиваясь от меня руками:

— Мое сердце вместило их всех. Им там не тесно. Я люблю их просто и по-своему, как могу я и только я.

Моя душа учится любить людей через их открытость и доброту. Поверь мне, это трудно, ох как невыносимо трудно!

Я знаю, я не волшебник! Я только учусь быть им. Я открываю в себе себя как заурядного человека. Часто это самоистязание. Я переселяюсь в старческие души. У каждой из них свой характер, суть и темперамент. Я начинаю бежать по их жизни на скоростях второго и десятого дыхания. Я хочу жить за них заново! Разве это не странно?

— И знаешь, Руди, ведь все это так рядом, почти здесь, — обращается он ко мне, одновременно ожидая доброго слова от моего друга, русского князя.

— Да, — кивает мой князь, забытый нами в соседней комнате.

Я вижу, как печален его безответный кивок. Он нем, и уже давно. Язык отказал ему после очередного инсульта. До этого он любил рассказывать, как волочился за всеми подряд. У него было много развлечений. Своих парней он не знакомил друг с другом. Они не подозревали о его русском любвеобилии. Он же, как и я, ни за что не собирался менять себя. Он мог переспать с десятком мужиков за день. Ко всем ним он нежно и искренне относился... Нет, нет! Он никого не обманывал. Они были его постельными игрушками-забавами. О, как панически он трепетал, когда возникала угроза потерять хотя бы одного из них! Ух, как это все было давно! Пятьдесят? Сорок лет назад! Ведь он навещает меня уже тридцать лет. А может, и больше? Кто проверит, кто будет спорить?

Я смотрю на князя: его не волнует наше прошлое. У него все в настоящем. А у нас нет завтра. Оно нужно мне. Мы потеряли свое завтра очень и очень давно. Прошлое мне и ему... ближе. Оно и только оно греет и делает всех счастливее. Что взять с неизвестного будущего? Так это или нет? Кто знает! А, князь-распутник?

Я больше не слушаю, что говорит Юри. Я думаю о моем стареющем князе. Да, мой князь любил многих. Но одного ты помнишь больше всех. Это был австралиец Бадди. Когда он узнал, что у моего семидесятилетнего Дэйва много шлюх, он назвал его проституткой, уличной смоковницей. Любовник ударил его словами: «Ты рад спать с любым встречным на Трафальгарской площади, поганец!»

О, как это было давно... пять лет назад! Мой князь запомнил Бадди. Так мог взорваться только тот, кто дорожил им, стариком; только тот, кто любил его просто так, без титулов и денег. Ведь разве остальные не играли с ним в секс, как и он?

Безостановочный спорт безродных кобелей давно ему наскучил. Грустные сплетни и выдумки друг о друге. Всякие полуночные скандалы, слезливая ревность и бурное примирение. Передышка до следующих неизбежных ссор... Вот чем были все его спортивные сноязания со случайными любовниками-однодневками до Бадди.

— Руди, Бад не был таким. Он не мог жить без меня. Я всегда боялся его любви, — любил повторять мой князь.

Поэтому, мой Дэйв, ты и помнишь его? Все остальные имена ты уже забыл? Только настоящее живет где-то в Австралии, где твой Бадди работает фермером в Мурвиллумбае.

Я знаю, врачи отпускают тебе несколько недель. Я вижу, как ты пишешь на вечерней газете только одно и то же имя. Из-под твоих пальцев оно выходит то узким, то в кружевах, а часто невероятно гигантским. Перед тобой одно и то же слово. Это то, что ты перебираешь

в руках как драгоценную безделушку. Ты ласкаешь это слово...

Ты хочешь еще успеть насладиться этим словом до своей смерти. Ты пытаешься шептать:

— БА-Д-ДИ. БАД-ДИ. Б-АД-ДИ. БАД.

Я знаю, мой князь, что твое завещание одарит этого парня многими сокровищами. Здесь будут и Гальс и Рембрандт. Ты отдаешь ему свои коллекции в Гааге, Амстердаме и Нью-Йорке. Прости меня, мой друг, но в Австралии Бадди больше не живет. Он ушел с миссионерами-баптистами в Китай, и его следы затерялись на Тянь-Шане.

43. ДЖОЗЕФ

Леди Катрина Дэлл пришла в баптистскую церковь до восхода. Вот она сидит на скамейке и молится о своем. Может быть, ей не спалось этой ночью, как и мне..

— Становлюсь все хуже и дряхлее. Что мне сулит завтра? Да и есть ли у меня сегодня?!

Я знаю, она родилась со светлой головой. Так говорят вокруг. Но у нее есть и еще один «божий дар»: это то, что к ней всегда тянулись чистые и светлые души. «Чему-чему, а вот такому не научишься», — вздохнул я.

Да, ей везло. Она умела встречать особых людей. Уже с детства ее находили безошибочно. Молодость она подарила монастырю. После университета долго учила детей. Замуж вышла в пятьдесят, похоронила мужа в семьдесят пять. Последние девять лет, я знаю, она жила одиноко.

Вот и здесь леди Катрина размышляет о своей жизни с улыбкой. Она все успела. Да, у нее было отменное здоровье. Ей только в одном не повезло. Своих детей заводить было поздновато, а поэтому девственница не родила, хотя мужу было всего шестьдесят. Она знала, что счастье материнства ее обошло. Я вижу, как ее глаза обвели церковный сад.

Да, для детей было поздно. А сейчас в эти ранние часы все дети спят. Катрина тихо кормит птиц и улыбается своим мыслям. «Да, у меня славная судьба. Хорошая и добросердечная дорога к БОГУ!»

Зачем она посмотрела по сторонам, смутившись от своих слов? Замолчала и слегка вздохнула, достав круженной платок.

— Но кто же это так рано? И уже идет к церкви? Наверное, я прослушала, как городские часы пробили в пять тридцать? — спрашивает она меня, пытаясь прислать и разговорить.

Катрина приидрчиво приглядывается ко мне. Я ей понравился, я чувствую это.

— У тебя спокойное лицо. Нет, ты не британец: у нас не такие курчавые волосы. А какого цвета у тебя глаза? — начала она расспросы. В ней как бы вновь ожила давно забытая женщина. Любопытство подняло ее с места, и она назойливо знакомится.

— В моем возрасте нет ничего зазорного расспросить мужчину, — улыбнулась она на мое приветствие.

Мы сели рядом. Ее догадка подтвердилась: я не из Армидейла.

Здесь никто не встает, когда женщина приветствует джентльмена! Тепло моих чувств к ней ее очень взволновало. Она вся сияет от восторга. «Этот юноша и впрямь видит во мне настоящую женщину! Это страшно забавно! Разве не менее ста лет между нами?» — смеются ее глаза-луны под розовым тюлем довоенной шляпки из дорогоущего магазина «Грейсс Брадос».

— У тебя зеленые глаза! Я все же их разглядела, разве не так?! — говорит она твердо, вытирая края губ.

Природная сухость голоса не идет ей. Она не может допустить даже случайного жеста, который способен вызвать у меня нелепые мысли о ней как о легкомысленной вдове. Она всегда остается неприступной леди. Непременно гордой австралийской леди. С архаическими британскими корнями из далекой Индии. Однако почему екнуло ее сердце? «Его улыбка, добродушный голос... так знакомы». Она не поняла, что это... с ней...

опять? Просто я был копией одного из тех ее забытых друзей, которых она видела между Первой и Второй мировыми войнами. «Ах, как это было давно!» — вздохнула она про себя.

Да, конечно, она знала этого взлохмаченного парня! И не сын ли он ее британца-одноклассника Джона?

— Руди,— назывался я, пожелав ей доброго утра.

Она как бы и не слышала моих слов. Она задумалась о своей утрате, ведь ее избранник Джон не вернулся из Галлиполи в 1915-м.

Мы сидим молча. Я не начинаю разговора снова. Она тоже не знает, что сказать. Назвать же свое знаменитое имя — это уже чересчур! Нет, она так и не называла себя. Все, что мне было открыто, — это Катрина Дэлл из штата Новая Англия.

Да, она оставалась классической леди из далекого Викторианского века. Этот странный век жил в ней. Он дышал в морщинках ее подбородка и напудренных щек. Она сидела близко, но не могла сблизиться с первым встречным.

— Я уже два дня здесь, в Армидейле, — начал я. — Здесь забияки-воробы, теплое небо и много цветов. А вот этот Кафедральный парк покорил мое сердце. Это самое красивое... из того, что я видел в жизни! — не выдержал напряжения я первый.

— А я старожил и прожила здесь свой век. Мне восемьдесят второй, — зарумянилась она от чувства симпатии ко мне, надеясь, что толстый слой пудры скроет от меня утаенные два года.

— Это место можно любить. Я бы тоже хотел прожить здесь всю жизнь, — вздохнул я задумчиво, глядя, как пчела села на ее платье.

Она несмело подняла на меня глаза, забыв о своих нервных руках. Она начала слегка узнавать во мне друга. Я в ответ стал рассматривать ее лицо, глаза и фигуру. Она чувствовала на себе мой изучающий взгляд. Ей не нужно было доставать из ридикюля очки — она давно видела все и без них... моими глазами.

— Ты думаешь, что я суровая? — ревниво и неожиданно спросила она, не веря своей дерзости.

Леди Катрина отдавала себе отчет, что чудовищно нарушает дамский этикет. Подобная смелость была ей незнакома. «Неужели и я стала такой, как эти старые дуры вокруг меня? Совсем рехнулась!» — шептала она про себя.

— Нет-нет! Просто вы говорите отрывисто и делаете долгие паузы между словами. А голос? Что уж там, ваш голос довольно тверд. Да, у вас, конечно, напористый говор. Но суровость? Нет, и в помине такого нет, — улыбнулся я, беззастенчиво лукавя.

— Да, юноша, вы правы! Это от одиночества, — подтвердила она, покачивая головой в такт моим словам.

Узнав, что мне негде остановиться, кроме как у друзей-пьяниц, она решилась на еще более безумный шаг.

— Слушай, дорогой мой странник, оставайся у меня в доме. У меня тихо, как в этом парке. Я живу с моим другом Скраффи, и он... он не человек. Мы почти одного года рождения, — рассмеялась она волшебным смехом, который рассыпался стеклярусом среди шелеста лиственниц.

Она сразила меня этим звонким смехом и своим добродушием. Ведь я даже не спрашивал об этом. Более того, я даже не думал о жизни... в ее доме.

— Отдельно? Или вместе? Где я буду...

— Выбирай любую из шести комнат, — ответила она, встав в полный рост и предлагая следовать за собой.

Я любезно поблагодарил ее и пообещал без обиняков переехать к вечеру. А пока, пока мы больше ни о чем не говорили. Мы встали и пошли молча по аллеям, слушая птиц, смеясь забавным и взявшимся неизвестно откуда опоссумам.

Мы вздрогнули, когда за нашей спиной взорвалась шина у одной из лихих машин. Потом мы кормили драчливых белок. Позднее, когда около десяти часов открыли церковь, мы, не сговариваясь, разошлись к

разным святым: я — к Божьей Матери Марии, а она — к апостолу Петру.

С утра я взял заботы по дому на себя. Кухня, походы в магазины, аптечные дела... легли на мои плечи.

Однажды вечером ко мне зашел гость, молодой чилиец. Она заметила, что в визите этом было что-то не так. Точнее, было как-то настораживающе тихо. Мы говорили шепотом, не отвлекая ее от пасьянса. Я был грустен и крайне неразговорчив. Понятно было, что меня чем-то обеспокоил этот парень.

Леди Катрина решила пораньше лечь спать, видя, что чем-то смущает меня и его. Она не раз вставала и выходила во двор. «В доме что-то не так...» — подсказывало ее сердце.

Утром за чаем я повинился ей, обняв кротко за плечи своего друга.

— Я не могу врать, моя Катрина. Я должен сознаться. Я очень виноват перед вами, леди Дэлл, — отошел я к окну.

— В чем? — спросила она тихо-тихо, готовясь к не приятности.

— Я спал... с Джозефом в вашем доме, — сказал я с горечью в голосе.

Она ничего не поняла. Ей не могло прийти в голову отреагировать так, как это сделала моя мать после такого же признания давным-давно в России: у нее тогда мои слова вызвали рвоту и жестокую мигрень.

— Ты это... серьезно?

— Да, — опустив голову, всхлипнул я.

Мои плечи дрожали. Она не узнала меня. Я был убит горем. Это не ее Руди, а содомит, совершивший страшный и постыдный поступок против ее баптистской церкви.

— И давно у тебя эта... болезнь? — спросила она ходя.

— Первый раз... вчера, — заплакал я от стыда, закрыв лицо как от пощечины... за ложь, что могла спасти меня.

Я боялся подойти к ней. Она сидела в другом углу гостиной, возвышаясь в отцовском кресле, и поглаживала болонку Скраффи.

— Я буду молиться... за тебя и твоего Джозефа, — зашептала она, открывая Библию. Ее и без того бледное лицо налилось воском.

Я выбежал вон. Мы никогда не говорили о нем больше. Все встало на свои обычные места.

Каждый день я возвращался с прогулки в одно и то же время. Она проверяла меня по своим стенным часам. Она молилась всем святым о прощении меня за мой блуд. Мой же друг уехал в тропический Кэрнс и больше не появлялся в нашем доме.

По субботам и воскресеньям мы, как всегда, брали такси до баптистской церкви. Она подметила мою измену Марии. Я уже не шел к Пресвятой Матери Христа. Я молился святому Давиду и святому Джонатану...

Леди Катрина все поняла. Эти страдальцы стали ближе мне после расставания с Джозефом. Да, неужели библейская история о парнях верна? Она стала настойчиво спрашивать себя опять и опять. Странные мысли о запрете любви между мужчинами вконец изнуряли ее разум. Все эти басни об Оскаре Уайльде? Сплетни о гомосексуализме единственного в Австралии лауреата Нобелевской премии по литературе Патрика Уайта?

«Как странно все это. Неужели их нужно сечь, резать и жечь? Не печатать их шедевры? Иными словами, не переводить их на другие языки и, наконец, ни в кои веки не давать им хода... как поступали национал-социалисты в геббельсовской Германии?»

Вскоре я уехал к себе в Лондон. Она так и не узнала моего имени. Я не был для нее Нуриевым. Она никогда не ходила в оперу и на балет, живя в своем провинциальном городке на краю света в Австралии.

Да, леди Катрина Дэлл менялась на глазах: об этом говорили ее письма ко мне, ее открытый и пылкий ум не мог извратить христианской чести и человеческой совести в самых необычных фантазиях! В свои пре-

клонные годы она все так же открыта для новых ощущений, о которых не догадывалась еще вчера. Она стала чаще смотреться в зеркало. Ведь у нее начали... рассти усы!

— Разве я не стала ни с того ни с сего походить на увядающего мужчину? Неужели я все больше и больше напоминаю их, мужчин? Может быть, именно это и сделает меня самой привлекательной... для Джозефа? Моих святых Давида или Джонатана? — шутила она язвительно по отношению к себе, своему эгоизму в письмах, которые исправно пересыпал мне... чилиец из Квинслендского университета.

Вот одно из писем:

«Время шло и шло. Я задумчиво дремала в своем стариковском кресле. «Нет! Нет! Нет! — шептала я сквозь сон. — Бог — все живое! Благослови, Дева Мария, все дышащее на земле!» Разве мы не бережем тропических бабочек, змей и птиц? Почему же тогда мы должны со злобой раздавить все необычное и не похожее на наше святое христианство?! Нет, мы тогда против Бога, против запрета убивать ближнего...

Храни Христос радость жизни во всех ее проявлениях и суете. Ведь за всем стоит неизвестный нам и все же Божий Промысел. О Джонатан и Давид! Великий Бог! Храни святость жизни, какая она есть в Поднебесной, Вселенной или Космосе.

Я благословляю тебя, Руди! «Я готова взять все твои грехи и дела с собой на небо», — в один день сказала я Богу и облегченно поцеловала Библию. Здесь я по-детски захотела и протянула руки навстречу небу. Святые Джонатан и Давид улыбнулись в ответ: «Мы с тобой, дорогая Катрина. Мы любим вас всех! Вот мы и дождались тебя, наша радость!»

Леди Катрина Дэлл умерла одиннадцатого декабря тысяча девятьсот девяностого года после Рождества Христова. Она похоронена на баптистском кладбище в Армидейле (Новый Южный Уэльс, Австралия).

Мой друг положил корзину с черными розами к ее могиле после отпевания ее тела в родном городе, где она прожила еще два года после нашей первой встречи.

44. ДЖЕРРИ

В Индии мягкое лето. Бомбей сух и звонок от цикад. Мы сидим на веранде. Я взволнован и сумрачен. Со мной что-то не так. За пару часов я не сказал ей ни слова. Наша пепельница набита до отказа окурками.

Прошел обед, ужин, а вот уже и настойчиво темнеет за окном. Скоро ночь. А я все сижу и сижу. Я знаю, что поздно и пора идти в «Гранд-отель». Я ничего не могу поделать с собой. Просто не могу встать и уйти. Все это время я безмолвно смотрю на нее.

У нее такие сказочные глаза, у этой еврейки. И как это умудрились так ее метко назвать — Циля, Циль, Цицилия, Цицил. В восемьдесят она божественна, как и на фото в свои двадцать! Ее светло-голубые глаза сильно навыкате. Это самое эротичное место на ее увядющем лице. Они покрыты туманной поволокой, словно бесцветной кожицей. При этом поверхность их искрятся как радуга. Кровь пульсирует через прозрачные мембранны, рассекающие глазное яблоко. Это больше чем просто чувственное ощущение. Меня секуально возбуждает влажность перламутра на щеках. Женщина не прячется в своих глазах. Ее душа смотрит на меня как на равного. Здесь нет притворства и игры. Она обожает меня. Я догадываюсь, что седые космы подменили ее. Когда она была черна как грач, виделось другое. Она была тайнее. Бездонные озера не выглядывали из темноты волос. Теперь же фарфоровость кожи разделя ее глаза. Их красота открыта без лукавства. Их тайна властвует над ее лицом. Меня завораживает их похотливый магнетизм. Глаза, два чуда, плывут летающими инопланетными тарелками в окружении дымчатого веера ресниц.

Мое воображение невольно начинает ее рисовать, и это просто! Вот уже появилось ее лицо, как японский бешеный щелк с двумя подмороженными яблоками в центре. Разве это не единственное художественное решение для ее портрета? Этой Цилии!

Я молча курю, хотя уже давно мысленно говорю с собой. Я почти все понял! Сердце раскрывается, будто меня просверлила шальная пуля. Я безумно влюблен в свою новую подружку. Что делать мне? Такого не было со времени расставания с Марго Фонтейн!

Мой кофе стоит нетронутым. Французский эклер цел и невредим. Я не похож на себя. Да и откуда во мне все это? В мои пятьдесят три такая любовь немыслима! Как? Разве да? Целых двадцать семь лет между нами. Я замечаю за собой невероятное, чего ни за что не могло бы придумать мое извращенное воображение. Но что это? К ней входит... Он. Он?

Я разглядываю девичьи розовые щеки. Их пористая кожа свежа и покрыта легким загаром. Ему идут зеленые глаза и выгоревшие до цвета снега брови. Он мне очень нравится, этот ее Джерри.

— Ты думаешь... Ты надеешься, что ничего из этого не выйдет? — прерывает ее ухажер мои мысли.

Я не хочу слышать его бреда. Я отвечаю что-то бесвязное, почти грублю. Мои колени дрожат. Влажными ладонями я безуспешно пытаюсь стряхнуть пепел с брюк. Я стремлюсь быть вежливым с ней, но ничего не получается. Я безнадежно расстроен. Я потерял контроль над собой.

— Руди, ты не думаешь больше обо мне! — обрывает она резко мои напрасные попытки защититься.

— Нет-нет, госпожа Цицилия, я просто любовался вашими руками, — говорю я невпопад, панически перебрасывая ногу на ногу и опрокидывая пепельницу на мозаичный сандаловый пол.

— Нет и нет. Все, что я говорила, ничего для тебя не значит! Совсем ничего, Руди! — истерически кричит она, подзывающая рослого слугу-китайца.

Я встал и молча ушел, поклонившись всем сразу.

О, как я ненавижу этого Джерри! Этого дурака Джерри с его старой сукой Цилей, у которой в шелковых яблоках лицо... А с ее головы еще не выпали голубые волосы. Где тот нож, который я хочу вонзить тому и другому в сердце!

Я поднимаюсь наверх, там у меня целая веранда в отеле. Дверь злобно хлопает. Канделябры беспокойно раззванивают свое похабное эхо по потолкам. Их хрусталь бросает звездные зайчики от стены к стене. Я подхожу к открытому окну. Он уже здесь, мой сосед по отелю. Я вижу, как Джерри берет мольберт, а затем бросает его и кисти на пол. Его руки рывком развязывают замасленный передник. Я вздрогнул от эрекции. Джерри совершенно голый. Его тело отражается у меня в зеркальном потолке. Его забавные вверхногость и внизголовость делают его потешным. Я начинаю круить головой из стороны в сторону.

— Да, все правы! Я сумасшедший и идиот. Никто не понимает, как может быть японец Джерри Хироши с белыми бровями и жгуче-черной челкой, — говорит он, одеваясь. Он заметил, что я смотрю на него из своего окна.

Я вижу все. Я напрасно смертельно ревную их. Я обидел его зря: ведь я влюбился в эту восхитительную еврейку без его ведома! Я не нахожу себе места уже целый день, а ему до этого дела нет. Он лишь художник, которому она заказала свой портрет. Зачем я напридумывал глупостей?

Я расхаживаю по номеру. Мне плохо. Мое сердце разрывается от чувств, которые не могут найти выхода. Я решил пойти в сад, а вот и она идет навстречу, да еще с корзинкой. Интересно, что в ней?

— Мистер Нуриев, это ваши черные розы, — шепчет Цилия.

— Я знаю, что ты меня любишь, голубушка моя, — отвечаю я, склоняя голову ей на плечо.

Мы вместе идем через дорогу в дом ее сестры, хозяйки отеля. Цилия гремит чашками, ложками и сухарями. Я прикальываю розу к воротнику своей рубахи.

— Я тебе нравлюсь в черном? — улыбаюсь я.

— Да, очень! Только перестань улыбаться. Я не люблю этого, мистер Нуриев.

— Да. Обещаю не делать этого больше.

— Ты же знаешь, я люблю твои глаза, мистер Нуриев. Если ты не улыбаешься, то я их вижу! Твоя улыбка прячет их от меня!

— Да, но я... никак не могу этого понять, — неулыбчиво говорю я.

— Конечно, где же тебе понять! Твоя русская улыбка безглаза! Остаются только щеки, зубы и... черная роза.

— Подведенныe брови? — вставил я, давясь от веселого смеха.

— Да, и это самое — брови, — задумчиво закончила она.

Этот намек заставил ее помрачнеть. Тень страдания пробежала по лбу. Я же сделал вид, что ничего не заметил. Я старался казаться увлеченным собой, не отмечая многоного вокруг нас. Я нравился себе в новой роли — роли невероятно молодого обольстителя. «Ведь я люблю ее», — убеждал я себя в невозможном. Дня нет, чтобы мы не встретились.

Она даже начала приходить ко мне тайком от своих детей.

Я восхищаюсь, как она уютно сидит в кресле и ласково гладит свои локти. Ее глаза, кажется, готовятся ранить меня. Ее сердце хочет уладить все это осторожно. Ей известно наше будущее. Ей видится все, что произойдет. Ведь я и есть тот последний мужчина в ее жизни, кого ей надо бояться. Никого другого быть не может. Циля давно ждала меня. И вот это случилось, она все же встретила меня перед смертью. Сейчас пришло время меня потерять. Часы назойливо стучали в ее сердце. Маятник отбивал последние секунды...

Мистер Нуриев в этот момент хлюпал соком. Я полоскал им горло, боясь ангины.

— Лучшее лекарство от горла — теплое молоко, но у нас его нет. Сделай это завтра, хорошо, Руди? — нараспев просила она меня.

Нет, я не слышал ее. У меня в ушах стояли крик и какие-то жуткие и обидные слова. Нет, не се, Цилии! Нет... это были слова моего любовника Гио! Я как-то забыл о Цилии... на время.

— Ох, какого ужаса он только не наговорил мне по телефону сегодня, — вздохнул я, продолжая полоскать горло.

Да, он любит меня. Мы вместе уже несколько лет, а разве это не есть моя сумасшедшая любовь, да еще в мои «за пятьдесят»? Да-да, с этим надо кончать! Прощедшие два месяца так подорвали мое здоровье... с Гио. Я совсем перестал спать! Сплошные глупости в голове! Какую ему подарить рубашку: розовую или кремовую?! В каком ресторане заказать обед? Хочет ли мой мальчик Гио поехать на скачки? Нет, это нехорошо! Я зашел слишком далеко с этим распутником, моим Гио... Где он, Гио?

— Руди, ты меня зовешь? — оглянулась она на меня.

— Ты должна меня оставить! Я так решил, — сказал я громко и твердо.

— Нет! Никогда! Я умру без тебя, — заплакала она. — Это он, это все твой Гио. Я чувствую страшное. Что он мог тебе наговорить, этот негодяй, твой Гио... обо мне?

— Нет, нет, Цилия. Ты не права! Он тут ни при чем, — соврал я первый раз. — Я просто... разлюбил тебя. У холостяков так бывает. Ведь они как ветер! — улыбнулся беззаботно я.

— Нет, не так! — воскликнула она.

— Это так, и это конец, — закончил я, снимая ее кольца с одного своего пальца и надевая на другой.

Ее глаза по-арлекински потупились: она не могла смотреть мне в глаза. Ее сердце уже разрывалось от тоски. Ей было жутко представить одиночество, которое готово обрушиться на нее уже сегодня. Ведь я из тех, которые, конечно, уедут в другой город! Непре-

менно сбежит из отеля... куда глаза глядят. Доверять мне она не могла. Я нередко подшучивал над ней и лукавил, как многие... лондонцы.

— Ты знаешь, Руди, я уже давно не хочу с тобой прогуливаться по улице, — пытаясь она придумать что-нибудь невероятное, обманывая себя... смягчая мою грубость.

— Почему? — оборвал я ее и с ненавистью посмотрел ей в глаза.

— Потому что у тебя мохнатые брови. Это всех смущает, многие оборачиваются нам вслед. Ведь это забавно: русский с мохнатыми... ушами, — запуталась она, забыв все русские слова, которые хотела найти.

— Да это же предательство! Я как экзотическая игрушка для тебя. Я — кобель-болонка с необычным экстерьером... с неанглийской окраской, — задрожал я от отвращения.

Ее глаза размылись. Кожа побелела, и несколько резких складок стерли рисунок губ и щек. Только нос и зубы остались на плоской тарелке ее плачущего лица.

— Оказывается, я, как всегда, прав! Не только улыбка, но и слезы делают тебя безглазой, — с деланным цинизмом напал на Цилию я.

Она выбежала прочь. Ее однокая чашка еще не остыла. Я торопливо пригубил ее кофе. Мои губы заалели от привкуса ее старческих губ на ободке китайского чуда.

— Это наш последний поцелуй, моя Цилия! Хорошая моя девочка Цилия, — запричитали в лихорадке мои губы.

Я постоял еще немного, поправил складки на брюках. Смоляная роза была чернее южной ночи. Пчелы мирно собирали на ней нектар, дружно и заботливо ко-пошлась в ней. Насекомые не могли знать, что мучило мос и ее сердце. Их лапки были янтарными от прилипшей пыльцы. Неожиданно закончив свою нелегкую и кропотливую работу, они как бы вежливо покружились, прощаясь, и исчезли затем в никуда.

— Вот и моя жизнь, как эта украденная пыльца, — в ней нет больше меда, — всплеснул я руками над головой, напоминая богомола, который висел на потолке.

В ответ насекомое вздрогнуло, испугавшись меня, но через мгновение успокоилось и продолжало молитву о приходе дождя.

Я набрал телефонный номер. Меня ждали! Я не спросил, кто у телефона.

— Я выполнил свое обещание, Гио. Она твоя, Гио! — сказал я и бросил трубку.

За моей спиной открылась дверь. Ее дочь Мария не обронила ни слова. Она знала, что я невероятно расстроен. За свои шестьдесят два дочь изучила жизнь хорошо. Она оставила для меня на столе орехи, цукаты и изюм...

— Мама уже вышла к столу? — спросил я ласково ее.

— Да, — как можно быстрее ответила та.

Затем я перешел дорогу и зашел к нему. Гио повторил мне все, что ему уже успела сказать Цилия. Он дал ей обещание поговорить со мной и вернуть меня в Лондон.

Он не знал, что его друг Тит подсматривал за нами в большой морской бинокль, попивая пиво и аппетитно во взая фарфоровые зубы в деликатесную пиццу с ананасами, грибами, лимонными дольками, маслинами, горчицей, конопляным маслом и салями.

Все наши заботы были чем-то диким для Тита. Он знал, что желчь, злоба и ненависть правят миром, где ему было суждено умереть, не зная женской любви.

Какая грустная история!

Я понял почти все, но не отгадал настоящих имен... среди этих записок Руди Нуриева.

Пусть будет все как есть. Открою еще один секрет: Цилия — это ты и никто иной, мой Патрик, седой дьявол! А Руди? Какой же он врун. Патрик не дожил до восьмидесяти, как она, загадочная фея... Циля, Циль, Цицилия, Цицил... Цил.

45. БОБ

Солнце лениво застыло. Тепло и влажно. Середина дня. Фиджи, как всегда, сногсшибательны. Здесь все неизменно: голубые кокосы под бризом, коричневое море в нервной ряби. Муть в воде похожа на пролитый кофе или шоколад.

— Послушай, ты пишешь книгу о голубых... о нас? — подсаживается ко мне Боб-малаец.

— Да, что-то вроде того. Не знаю, что из этого получится.

Я раздеваюсь, складываю одежду на траве. Стоит прекрасная погода. Бассейн переполнен. Дети плещутся в воде, как разноцветные рыбки. Повсюду красивые надувные круги и мячи.

— Я бесконечно люблю это время года, Боб.

— Скажи мне, я — Голубой или нет? — ошарашивает он меня.

— А что ты любишь больше всего?

— Онанизм, пожалуй, мне очень нравится! — отвечает он серьезно, насупившись.

— А еще?

— Больше ничего.

— А ты, Боб, уверен?

— Совершенно ничего.

— А ты, Боб, уверен?

— Нет. Это все, что я хочу, — заканчивает он.

Я хлопаю его по плечу и закатываюсь от смеха. Он недоумевает и смотрит напряженно во все глаза на меня. Он ждет, что я обязательно скажу обидное.

— Парень, ты совершенно нормален. Ты не голубой, — мотаю я головой.

— А это как же? Я был уверен всю жизнь, что я го... любой, или — как это по-вашему? — гей, — не соглашается Боб.

— Нет, ты ошибся. Для тебя нет места в этой книге, — перебиваю я.

Я терпеливо поясняю ему: то, что с ним происходит, не что иное, как затянувшееся детство. А может быть,

и слишком инфантильное отрочество. Никто не минует этого периода в сексуальном развитии. У всех одно и то же... и название этому — увлечение Онаном. И даже если ты балуешься им время от времени, то что ж из того? Не ломай себе голову, не болей стыдом и не думай в церкви о своем сраме. Это совершенно нормально! Ничего экзотического. Грех спрятан не здесь. Горе лишь тогда, когда подцепил болезнь, а затем подкинул ее случайнym дружкам и подружкам. Вот так-то, Боб-малаец! У тебя все, все замечательно! Не надо бросаться туда, где твой конь-пенис не валялся или не знал... особого брода.

Более того, разве мы, люди, не меняем свою сексуальную ориентацию на протяжении жизни? Не в этом ли великая тайна нашей психологии? Доктор Фрейд только-только царапнул поверхность этой гигантской глыбы. Что тут началось в мире! Открытия потрясли всех... до психоза, до истерики. Секс перестал быть загадкой. О таком могучем генераторе эмоций внутри нас никто не знал. Это диво настолько глубоко и тщательно скрыто Матерью-Природой от нашего сознания, что мы даже не догадываемся о существовании гигантского троянского коня у себя... внутри. Мы боимся открыть глаза. Мы боимся задать вопрос: что с «конем» делать? Мы любим мазохизм ужаса. Жизнь с закрытыми глазами — наше второе «я». Мы стараемся убежать прочь, не двигая ногами.

Ученые дамы слепо кричат: «Этого нет!» Ученые мужья сипло дышат: «Это все неправда!» Священники же открыли компромисс и откестились: «Это не наше дело!»

Итак, у всех одно в руках, а в уме: убить вопросы Фрейда! Это скрывает путь к истине... У меня тоже нет готовых ответов... Одно ясно: чтобы ~~поймать~~ «коня», нужны столетия, а путь в тот лес... за горами равнодушия и лицемерия.

Что-то «трояноконское» живет в нас, жеребцах, но это «что-то» мы и не готовы «принять». Это, пожалуй, то самое, что делает нас смешливыми или плаксами.

Тот «конь» раскачивает маятник нашего оптимизма и пессимизма. Конь наверняка меняет нашу сексуальную ориентацию. Ведь кого только нет вокруг?

Маятник раскачивает «секс» то в одну, то в другую сторону.

Чередование комбинаций бесконечно. Все они запечатлены памятью в подсознании. Мы любим друг друга: женщины — мужчин, мужчины — женщин. За нашу жизнь мы влюбляемся друг в друга не раз.

Мы подчас нетерпеливы. Наше воображение не знает «отсрочки», понятия «отставания». Нам надо все прямо сейчас и немедленно. Некоторые из подростков останавливаются на этом «рубеже». То, что они «ухватили», им достаточно. Их сексуальное развитие приобретает «пришвартовку» к кому-то сильному. Вырастая, они доживают жизнь по открытому в детстве закону... сексуальной ориентации. Желая быть «под кем-то», они становятся гомосексуалистами.

У девочек то же самое. Они прекрасны в минуты любви. Их путь «подчинения силе» идет, как и у геев, о которых я уже сказал.

Каждая девочка и каждый мальчик живут внутри своего «выбора», примеряя свое сексуальное доминирование на свое усмотрение. Кто-то зовет это лесбиянством среди сильных физически женщин. Почему? Потому что мы любим изобретать названия и приклеивать ярлыки.

Произнеся слово «гей», мы немедленно перестаем думать. Мы начинаем играть в слова, переставляя их в разговоре, как игрушки, подыскивая наиболее «симпатичные» комбинации.

Наши наклейки, или слова, нелепы. Заметь, что одно и то же у всех народов мира. Иного и не должно быть, как неменяющееся общее число хромосом. Не поэтому ли слово «голубой» есть во всех известных ныне или вымерших когда-то языках?

Эволюция разнообразной сексуальности самосовершенствуется уже несколько миллионов лет. Человечество никогда не вымирало от перемены влечений. Ис-

тория лингвистики моложе и более консервативна. Сами же языки возникли значительно позднее. Их история началась с жестов и сексуальных поз, которые скопированы буквами. Слова и слоги родились не так давно. Примечательно другое. Каждый диалект нашел место для объяснения голубого сексуального влечения. Это всех радовало. Людям хотелось жить, а разве это не самое главное для души? Каждому хочется быть счастливым, любимым, желанным.

— Руди, а ты со многими говорил? — перебил Боб меня смущенно.

— Их больше трехсот... и каждый рассказывал, что не может без этого! Они покончат с собой, если у них отнять гомосексуальный смысл из любви, будь то женщина или мужчина.

— Ну а если мужчина влюблен в женщину и спит с мужчиной? — уставился он на меня недоумевая.

— Я не верю во всеядность и такую любовь. Просто это измены, супружеская неверность. Разве не согласен? Она, к примеру, любит свою подружку и делает вид, что замужем. Или? Или ходит по округе с парнями и спит с ними без разбора, а для себя точно знает, что это ложь. Она — скрытая лесбиянка, а врать приходится для спокойствия родителей, «любви» босса или «уважения» священника.

У мужчин все так же. Только... наоборот! Согласен, Боб?

— Об этом ты пишешь? — спросил Боб.

— Да. Парни лишь пурят мозги друг другу, мучают не только себя. Они придумывают «песочные замки». Они чертовски изобретательно прячутся во лжи от железного и «непорочного» общественного мнения. Разве это не жестокость?

— А как же страстное желание иметь ребенка? — спросил мой парень Боб, повзрослев на глазах.

— О, это «родительские» инстинкты! Мужчинами и женщинами правят инстинкты, и люди идут на все ради продления своего рода. Большинство женятся без любви, подчиняясь законам размножения. Это неизменные

законы. Они дают жизнь новому. Женщине нужно продолжение рода с ее стороны, мужчине — с его стороны! Это делает людей бессмертными, разве не того мы жаждем?!

— Но вот когда и ребенок уже родился? Что тогда, Руди?

— Многое бывает тогда! Но не для тех, кто внутри гей, взаправду голубой. Их обычайная жизнь возвращается в свою стихию. Они чувствуют себя в «безопасности», их дети — это выполненный ими долг перед всеми предками за тысячи поколений!

— Начинается «обычная» жизнь?

— Да, начинается, и все идет как всегда! Нет-нет, Боб, ты не голубой, ты — не я. Ты нормальный мужик, успокойся. Береги тебя Бог от спида!

Он радостно встал и побежал прыгать с трамплина. Поверхность воды расступилась и поглотила его. Это случилось мгновенно, как и все вокруг, что зачастую способно изменить или перестроить всю судьбу. Разве не сейчас ему раскрылся секрет «своей» принадлежности к «своему» неголубому миру? Тайн больше нет. Боб один на один с собой. Зачем нужны тайны там, где их нет? Всякий надуманный секрет портит жизнь, приносит боль. Кому нужны страдания? Наша жизнь трудна сама по себе. Нас подстерегают неудачи на работе, катастрофы случаются в небе и на земле. «Вода, — вздрогнул я, — это опять же не самое безопасное место. Ах, чего это Боб так долго не выныривает? Ах, как долго!»

— Ну, слава Богу! — слышу его голос. — Вух-вух-х!!

Я вижу, как он гордо выплыл наружу. Его красивое и крепкое тело глубоко дышит. Вода с шумом «фонтипит» из его легких. Его мышцы напряжены от борьбы с водой. Я любуюсь им. Его кожа лоснится от темного загара, чем славятся все на Фиджи.

Я желаю тебе долгой и здоровой жизни, Боб! Делай все, что ты хочешь. Будь самим собой. Подбери счастье по себе. Не копи чужой головной боли! Всякого тебе счастья, всякой тебе любви, всякой человеческой

радости от тебя твоим подружкам и дружкам! Живи полной жизнью, мой Боб! Я всегда с тобой...

Он машет в мою сторону рукой. Как будто чувствует мою благожелательность. Я отвечаю ему тем же. Почему нет? Я люблю всех вокруг.

Очаровательная девушка, его сверстница, улыбается ему тоже. Я вижу ее восхищение им: кому же не понравится парень с его ростом и улыбкой во весь рот?

Ну что ж, мне пора идти домой. Что может быть прекраснее в его двадцать, чем влюбиться в такую подружку?

Вот Боб выходит из воды и подходит к ней, встав ко мне спиной.

— Жди меня в полночь, — говорит он мне с глазу на глаз, подхватывая подружку и увлекая ее к раздевалке. — Я придумаю что-нибудь для матери.

— Ты не придешь к обеду, я догадываюсь? — отвечаю я.

Глядя на его оттопыренные плавки, я перво вздрагиваю. У меня вытягивается лицо от предчувствия, что я стану дедушкой через девять месяцев. Но ведь это будет... до Рождества? Нет, нет! Прости, Господи, но я не хочу быть старше, чем сейчас! «Боб! Парень, будь благоразумен, храни свой необузданый темперамент», — вздыхаю я безнадежно. Я знаю, что он большой кобель и мои ухищрения не стоят выеденного яйца! Что-что, а усыновленный мною малаец, пожалуй, стоит десятка хипповых парней с Пиккадилли в центре Лондона.

46. МАРК

Многие в Армидейле зовут его Гнида или Иезуит

Узкие черты лица подчеркнуты вытянутыми аскетическими скулами и нервными губами. Доброго слова от него не добьешься. Он всегда недоволен, язвителен и непредсказуем.

Что правда, то правда! Что будет с ним через минуту, сказать трудно. Ответ прост: это действие марихуаны. В ней он утонул полностью — дня без нее не проходит. Но возразить ему трудно — это его жизнь. Уверен, он чувствует, что это и есть его судьба — жить в одурении. У него много гадких слабостей...

Самая вожделенная, что выворачивает его гнилое нутро наружу, — это терзать и ранить женщин. Подобное вызывает в нем наслаждение в любой ситуации, по каждому удачливому для него поводу. Вот он повел бровями и задумался. Да, видно, ему что-то пришло в голову. Иными словами, время для этого всегда есть. Разве не в том его талант?

Он очень изобретателен, этот Марк. В каждом случае он испытывает наслаждение от совершенного зла. Гнида не зря гнида.

Сегодня ему особенно радостно. Гадость удалась несколько раз. Разве выигрываешь в лото каждый день?! Нет, но... сегодня — да! А это значит, он был счастлив три раза, невообразимо и до бесчувствия радешенек. И не один, а целых три раза! Марково сердце залито истомой от нескрываемой радости, что он обвел вокруг пальца всех и вся... Ведь вечером его ждет в постели Стив. А поэтому все перее...анные днем бабы будут еще более одурачены. Они все уверены, что он не имеет ничего общего с этим Стивеном, который открыто «живет» в грязном городском сортире. Понятно, что все ненавидят Стива за его траханье мужиков и девок, откровенный блуд с каждым встречным.

«Но Марк — он сам-то совершенно чист... Никому и в голову не придет подозревать у него... постельных вшей Стива», — думает осел Стив.

«Ах, Марк! Как ты осторожен и неподражаем!» — рад за себя Марк.

Мне же, как постороннему, что на неделю снял комнату по соседству, все отлично видно со стороны.

— Только любящая женщина... может смотреть в его водянистые глаза и... верить, и любить, и доверять, и... без подозрения отдаваться ему.

Но... Но я знаю Стива хорошо, он никогда не упустит случая переспать со случайным знакомым. Марк же — удачный случай, они живут в одном доме... Как здесь удержившись от кобелиного соблазна?

Стив платит ему ренту. Всякие льготы, отсрочка платежа, упоминание имени хозяина дома в беседе с новыми знакомыми... все это для него очень выгодно. Ведь в этом доме много хороших людей, которых Стив может с успехом разыгрывать. Точнее сказать, одурчивать, пока все не станет ясно в один день, для них ясно...

Но это рассказ о Марке, а потому поговорим о Марке, который живет в Армидейле двенадцать лет, а не два месяца, как его Стивен, квартирант, что снимает одну из четырех комнат в его доме.

Я вижу, как Марк сидит у кухонного камина и думает о чем-то... Я жду чего-то. Чего-то неизбежно мерзкого и грязного... И вот это свершается! Ведь в доме никого не осталось, все разогнаны по гостям.

Он начал говорить... что-то с целью обидеть меня. Я, естественно, отвечаю ему и ухожу, раздосадованный.

Итак, все испарились. Никого нет. Они рады. Стив и Марк остались одни. Они целуют друг друга и идут в ванную комнату — это я вижу со двора, где присел покурить... не желая находиться с ними рядом.

Двери на крыльце настежь, и я невольно наблюдаю их в форточку. Я знаю, что за ванной в шкафу у них спрятана марихуана. Я удивлен, как они запросто едят ядовитую зелень. Никогда не видел такого.

Марк раздевает Стива. Тот встает под душ. Марк требует, чтобы Стив слегка поцарапал его кожу... Сегодня это кончается неудачно. Тот подстриг ногти — и ничего не выходит. Недовольный Марк до крови укусил Стива за член. Стив вскрикивает. Марк же стоит в одежде под струями воды и пьяно улыбается. Стив бьет его по лицу. Из носа полилась кровь. Марк заплакал от испуга... Он боится крови. Вероятно, вода стала малиновой. Стив оставляет Марка и уходит в его спальню комнату.

Неожиданно звонит телефон.

— Как поживаешь? Что делаешь ночью... Крис? — спрашивает Стив.

— Можешь ли ты зайти сейчас ко мне на кофе и... поспать? — отвечает вопросом на вопрос Крис.

— Нет, я иду в кино, моя любовь, — врет Стив. — Что-то интересное показывают о Мадонне.

— Ну, тогда завтра... до обеда?

— О да! Как обычно, завтра, в субботу, — соглашается Стив.

Марк выходит из ванной, подозрительно прислушиваясь к телефонному разговору, и идет медленно к кровати... Смотрит догадливо на своего любовника.

Стив закрывает трубку рукой и говорит в сторону Марка:

— Это моя мама. Старушка беспокоится, что купить на Пасху...

Марк надевает пижаму и уходит в другую комнату.

— Да-да... я знаю, — кричит оттуда Марк через минуту, стоя за приоткрытой дверью.

Ничего не говоря, Стив поднимается и плотно закрывает дверь.

— Крис, не обращай внимания, что я сказал про маму, он ничего не знает о нас... Марк уже спит. Он до осинения опять накурился марихуаны. Ты знаешь, Крис, он преогромное говно! Снова пересорился со своими девками. Представляешь, сегодня перее...ся с ними со всеми по три раза... и каждой сказал об этом.

— А что это с ним? — полюбопытствовал Крис.

— Да говно оно и есть говно! Например, с утра он сильно ударил по руке Елену. Да еще так, что у нее от пиджака оторвался рукав. Я сам удивляюсь, откуда такая чудовищная злоба. Все смотрели на него как на идиота. Вся пивнушка встала на дыбы. В конце концов он убежал оттуда, заблевавшись ни с того ни с сего. Каждый хотел его трахнуть за это тут же в туалете.

— Итак, номер один... Бедная девочка, ведь ей не более двадцати, — посочувствовал Крис.

— Джейн была второй. В обед он пнул ее ногой, да еще так злобно и с такой ненавистью, что лопнуло сухожилие и полилась кровь. Даже у меня это вызвало головокружение... Мне очень стыдно за моего знакомца — Гниду.

— И это все в один день? Да...

— О да! И последнее произошло часа два назад, около шести... Он облил кипятком Анну. Женщина ушла, скрипя зубами, скрывая, что ей до жути больно. Сам знаешь, что для пятидесятилетней матери-одиночки это... скверно. Она так привязана к нему и... любит. Хотя, что говорить, за марихуану... она должна расплачиваться унижением. Ведь это зелье стоит Марку сумасшедших денег...

— Да, дорогое удовольствие, — соглашается Крис.

— А ты знаешь... этим не закончилось... Пришла Алана.

— Это его соседка по двору? Я знаю, ее дом рядом с его...

— Да.

— Это не та ли самая, у которой двое детей? Что в разводе? Ну, которая время от времени спит с ним уже лет пять?

— Да, это Алана. Та самая. Так вот... Он жестоко ударили ее по щеке. Кровь брызнула из носа. Она упала. Чашка и чайник полетели на пол. Это я видел. Все произошло из-за ерунды. Она ничего не сказала в ответ. Алана попалась ему под руку после ухода Анны. Ты можешь себе представить?! Ах, какой ужас! Как это бесчеловечно! Я так страдаю, живя с ним под одной крышей.

— Да, я знал, что он садист, Стив. Но не настолько же, в самом деле?! Ух... как это страшно...

— Ну ладно! Увидимся завтра. Мне пора в кино. Пока, Крис! — закончил Стив, подумав при этом, что надо что-нибудь сказать и Марку. А поэтому он заглянул к Марку в комнату, бросил там на пол свое полотенце.

— Ну, как ты? Согласен? Я хочу тискать тебя на полу, Марк. Я бесконечно привязан к тебе, безумно тебя

люблю. О, как я хочу тебя! — говорил он, целуя его гладко выбритую грудь.

— Твоя мама — сука, любит долго поговорить, когда я жду тебя в постели, Стив!

Их тела слились в бесконечном экстазе любви, которую вызывала их ненависть, взаимная ненависть. Они постоянно поддевали друг друга. Подгаживание исподтишка приносило им сексуальное возбуждение. Садизм будил оргазм...

Марк физически истязал своих подружек, мстя этим за измены Стива. Стив обманывал Марка с тем же умыслом, но на кобелий манер.

Марк слышал, что говорил о нем Стив... по параллельному телефону в своей спальне. Марк обещал себе сказать об этом любовнику под утро, желая ранить его самолюбие за утренним кофе.

А пока Марк молчал. Точнее, он замер, погрузившись в злачные сны своих садистских страстей, терзая Стивена механическим вибратором. Что еще могло бы заменить это? Приносит ли это радость Стиву? Нет и нет! Гигантский анус никогда не перевозбудить. Марк не знал жалости... Терзание же то одного, то другого не могло насытить его. Вот и сейчас Стивен мечется, связанный ремнями. Его тело растянуто между креслом и ножками кровати. Огромный вибратор сверлит его прямую кишку, доставая чуть ли не до подбородка. Не умрет ли он... однажды? Никто не знает. Сльшины стонны, всхлипывания... Я вижу, Марк делает ему укол новокaina, снимая боль в мышцах задницы и мошонки.

Но этим история не закончилась. Ведь все, что написано в рассказе, — это от Стива для меня. А я?.. Кто знает, сколько таких, как я, вокруг него? Таких, как Стивен, кобелей в период течки... спермой.

«Да... «любовь» не знает границ. Особенно у животных, — добавляет мой внутренний голос. — А ты уверен, что не ошибаешься, а твой... Стивен — это чья-то мечта? Может быть, Марка?»

Ну а если кто-то догадается спросить меня, откуда я знаю о телефонном разговоре, то мне придется пови-

ниться: я подслушал его по своему японскому радиотелефону. Мне было грустно стоять во дворе, если кто-то помнит об этом, и я... это сделал. Я тоже бываю иногда сукиным сыном... по отношению к гнидам.

47. СИДНЕЙ

...Я слышу дрожащий голос. Его голосовые связки не вибрируют, а курлычат, как грустные журавли, летящие треугольником из Европы в теплые страны. Я слышу, как он прощается со мной навсегда... Сон оборвался...

Я увидел это после обеда. Это был разговор с самим собой. Конечно, все здесь о нем, моем друге Сиднее. Да, забыл сказать... Его уже нет. Четыре года назад он умер. Все, что было во сне, я написал под его «диктовку». Пусть будет мой сон вещим.

От мысли, что его заподозрят и уволят, он вздрагивает. Нелепый и неосторожный взгляд на улице смущает его до бесконечности. Паранойя быть раскрытым преследует его с детства. Это почти настоящее сумасшествие! От себя не убежишь. Он боится себя до безумия! Полная безысходность. Это постоянно мучает его!

Но спасительного рецепта нет. Никто не может изменить его судьбу. Поэтому он спрягался от себя там, где только и можно потерять себя и свое «я». Знаете? Ответ прост: в тяжелой и бесконечной работе. Она околдовывает и создает иллюзию забытья. Иначе? Иначе — конец! Полная трагедия! Вот и сейчас Сидней придумывает для себя новую ложь.

Все начинается с того, что он бреет наголо голову и покупает билет на самолет в другой город. Он кричит про себя: хочу любого! Он забывает об осторожности и бежит навстречу кому угодно. «Залезу в штаны к любому из голубых, без разбора, без придиорок и осторожности», — шепчут его губы. Но что это? Да то, что его

рассудок все же торжествует! Он вдруг леденеет при мысли, какой будет позор, если его доставят в полицию. Как много и сколько уже такого вокруг! Все пересказывают случаи, когда переодетые блюстители порядка, как гончие, охотятся на голубых вроде него. Нет, не в джунглях. Среди бела дня во всех туалетах города.

Эта мысль обламывает его похоть. Стыд переходит в ощущение физической боли. Это невыносимо. Он без сил падает на уличную скамейку. «Здесь меня никто не тронет», — внушиает он себе. Предчувствие быть пойманным «с поличным» останавливает сердце. Ведь если это произойдет, то все... очень просто. Сидней принял бесповоротное решение. Сидней сразу наложит на себя руки в тюремной клетке или уже прямо в полицейской машине. Его руки недоверчиво нащупывают вшитую в галстук бритву. Так и есть, все на месте, и эта забавная «игрушка» ждет и никак не дождется... Сиднея.

Я слушаю его исповедь. Мне жаль этого парня. Я знаю, как я беспомощен. Я не способен изменить жизнь вокруг него. Самое плохое из всего, однако... еще не это. Ведь Бог наградил его ярким талантом: у него видное место в Британском флоте. С его мнительностью ничего не стоит заболеть от любого намека. Не приведи Бог, если он поверит в легенду, что кто-то узнал его тайну! Ведь это обернется неизбежной катастрофой! Я уверен в этом! Какой? Он непременно оставит штаб и похоронит себя заживо в пьянке. Я чувствую это. Сидней переживает из-за этих предчувствий. Я молю Бога, чтобы никогда этого не случилось. Я хочу его видеть счастливым! А не в доме для алкоголиков-неудачников. Видеть всегда и везде и... как обычно, на телевидении! Разве это не лучшее, что можно ему пожелать! И хотя мы никогда не говорили о будущем, судьба для него сверена по хронометру неизбежной кары. В один день. Я знаю это из своих домыслов. Все для него предсказуемо у меня, как редкий ясный день в Лондоне. Видит Бог, я, пожалуй, даже люблю его. Он,

слава Богу, не знает этого! Он такой недотепа, этот Сидней! Он не догадывается об этом. Он не может даже в мыслях допустить, чтобы завести любовника в своем городе, а тем более рядом со своей виллой. Я знаю, что он прав! Его решение бесповоротно. У него нет моего бесстрашения и легкомыслия. Сидней от меня давно открутился. Случайные безумства — такого с ним не бывает! Он не ищет постоянного любовника. Нет, нет... никогда! От всего этого он отрекся еще в самом начале карьеры. Я рад, что он выбрал все для себя давно, а значит, и никогда не нарушил своего слова. Талант — талантом! Страсти — страстями!

Я знаю, что сегодня ему уже тридцать три. В своем голубом гриме он живет более двадцати лет. Я видел не раз, что хождение по лезвию отнимает много сил. Каждая уж тут «влюбчивость», когда утрачен внутренний покой... Он знает себя превосходно, этот Сидней-служака. Ему нужно безоговорочное самообладание. Если этого нет, то вот тогда-то все непоправимо плохо. Он слышит, как ему отказывает голос перед микрофоном, когда он критикует... голубых, этих врагов страны. Он видит, как дрожат непослушные пальцы. Без искреннего вдохновения не может быть большого «актера». А без этого Сидней не жилец на свете. Он есть и остается рабом своей сексуальности. Сидней воюет с голубыми ради собственных войн с самим собой. Здесь его тайна. Жизнь ради жизни ему непонятна. Для Сиднея есть лишь игра везде и во всем...

Двойственность саморазрушительна. Это наиотравленный наркотик для одаренной личности. Я не могу спасти его от него самого. Он не знает своего лица на свете. Он все время на людях, а поэтому в гриме! Это проклятие. Сидней даже женился, чтобы «подозрений не было». А от этого еще хуже: ведь это пытка! Да еще какая, поверь мне. Нечеловеческая пытка! Более жестокое насилие над собой трудно вообразить. Разве не так, Сидней?

Но ведь другого ему не дано. И в этом он прав! Он загнал себя в угол... И это навсегда! Как и я, он верит,

что выхода нет. Подозрительность и антагонизм правят миром людских нравов. Если хочешь быть во Флоте и Армии, то это и есть безоговорочное условие, а иначе будешь выброшен вон! Штаб раздавит тебя, если не подчинишься его воле. Коллеги разорвут твою карьеру в клочья, если ты на миг перестанешь лгать им. Делать это Сидней должен умело и без стыда перед ним, Флотским Штабом. Смотри всем в глаза с высоко поднятой головой, офицер! Ты удивительный мужик, Сидней. Ты рожден героем. И здесь твое спасение от любых циничных похвал. Сидней должен быть как все, как они — эта стая кастрированных человеческих душ. Никто из них не простит тебе и мне того, чего они не могут обмозговать своими куриными извилинами.

Каждодневная флотская рутина должна быть устойчивая, как тяжелая пыль на дряхлых корабельных дивахах. Ведь сама-то плюшевая обивка и создана для пыли, ради нее... Если ты, как все, в каждодневной «пыли», то твоя жизнь проста и счастлива. Офицеры рады тебе, они любят тебя. Быть как все — значит быть ничем! Это рецепт для жаждущих быть не чем иным, как всезаметной «пылью». Главное — тяжело оседать, но не летать... словно чайка! Но как же быть Сиднею... бесцветным и обыденным? Это равноценно самоубийству. Для офицера такая сверхсекретность — яд для души.

О Сидней, Сидни! Ты слишком приметен! Лондон — это не Париж, как ты знаешь! Здесь все на виду, тебе не уйти от своры «пылераздувателей», «пылеедов», «пылекопителей»-коллекционеров.

Эта мысль не дает мне покоя. Сон о нем занял меня так, что я забыл о себе... Я мучительно ищу выход из ловушки, где судьба, жизнь и карьера взаимоисключаемы... Как офицеру выжить и спастись? Я хочу видеть его веселым и счастливым! О Сидней, милый мой Сидней!

— Да, — подтверждает он. — Это опять и опять приходит в голову. И удивительно, что это не дает мне по-

коя... все больше и больше, — глухо раздаются его шаги по сырому снегу.

Да, я прав! Мы думаем об одном и том же. Мы чувствуем этот мир в одном свете безысходности. Здесь таится траур для гомосексуальности, что обязательно наказуема. Она должна быть раздавлена и сожжена.

— Но где и когда этому было место и время? — прерывает он мои слова.

У меня нет слов. Жизнь достаточно трудна и непредсказуема. Я лишь хочу видеть Сиднея счастливым там, где можно избежать ненужного горя. Я согласен с собой, что его трагедия в бесчестности флотского режима. Непременно в этом! Отсюда все его муки!

Посмотри на нас с тобой. Мы чувствуем одинаково одно и то же. Разве что-то не так в нас? Зачем врать друг другу?

— Даже если между нами сто лет, — перебивает он себя и добавляет в восторге, размахивая своим флотским уставом над головой: — Если даже мы родились в разное время! В разных странах! У нас разные религии! Мы из разных рас, — заканчивает он, задумываясь.

— Я вижу, что мы очень похожи, хотя я и не моряк. Я согласен довериться тебе и отдать свое тело, мой смуглокожий брат Сидней, брат по несчастью, — добавляю я, опуская покорно глаза.

— И ты знаешь, что я тебе доверяю все? Даже те военно-морские секреты, которые я сам хочу забыть? — спросил Сидней.

Я подхожу ближе и протягиваю навстречу руки.

— Это тебе в знак моей любви. Вот и все! Это так просто. Так просто! Что у меня еще есть для тебя?

— Странно... Я врал себе, что ты не можешь читать мои мысли, — зашептал он еле слышно.

Нет, неправда. Все не так. Это не мысли. Это наши чувства.. Это то, что случайно родилось прямо сейчас и на наших глазах. Разве мы не только-только научились понимать что-то друг о друге? А если это как раз то, что может объединить твою и мою судьбу? Мы не до-

гадывались об этом вначале. Это открылось как-то само собой... Неужели мы начинаем «жить» вместе, заботясь друг о друге? Мои торопливые слова бегут открыто... шепотом, полу值得一епотом и совсем неслышно. Теперь я хочу смотреть в его глаза молча. Я все сказал, что мог. Я, кажется, вижу, что его глаза отвечают тем же. Сидней светится счастьем и любовью ко мне.

— Ты первый, кому я хочу выплакаться, — признается он, медленно подбирая слова.

Я молчу. У меня есть ответ на это. Я знаю верные слова, но я не хочу трепаться. Я уверен, что он и я — очень везучие. Вероятность нашей встречи теперь очевидна. Мы, не сговариваясь, остановились покурить на лестнице Королевского театра. Я устал и привычно вышел в перерыве. Он стоял, интуитивно робя от моего присутствия. Он глядел на меня, как будто поймал звезду... Именно ту, которая в кино, а не на небе.

Мне же все в нем сразу понравилось. И эти противоречивые движения: не отгадать, в какую сторону он пойдет. А особенно его раскосые глаза: не поймешь, на кого он смотрит. Фатальность нашей встречи мешает нам собирать мысли... во фразы, как требует этикет.

Вот я увидел, что его губы шевелятся. Его язык облизал их, приоткрылись зубы. Я ничего не слышу. Я смотрю, как оглохший от «привычного» выигрыша в бинго. Я не сомневаюсь, что похож на дурака. Я испуган своей откровенностью. Я словно открыл и его для себя самого. Моя душевная нагота опустошительна. Я боюсь смерти от жестокой пощечины недоверия, любого намека на грязь. Как мне не хватало и не хватает чувства безопасности! Почему я всегда боюсь быть смешным и глупым? Ну так что ж из того? Разве страшно быть им да еще и назойливым? Я просто влюблен! Да, это так. А у вас... мой надсмотрщик! У вас хоть раз было такое в жизни? Были дураком? Все-рьез все же скажите, когда вы были похожи на дрянь в последний раз? Мне послышалось? Вы говорите: «Вчера»? О, если это так, то я завидую вам! Вы оказались счастливее меня на один день. А я лишь потерял

этот вчерашний день навсегда! Да, мне уже не вернуть его! Я поглупел опять, только сию минуту. И теперь, кажется, наверняка. И теперь, надеюсь, до конца моей жизни. А если у вас такого не было, мне вас жаль! Вы были лишь ограниченно безупречны, умны, расчётливы и надежно рассудительны! Боже, разве это не жестокое наказание! Зачем отнято у вас — «счастливчиков» — самое главное? Разве вы знали когда-либо, на чем построена жизнь? Когда-либо вы жили или уже давно... родились мертвецами?

Я не могу различить, где его слова, а где мои. Они очень схожи, эти слова. Все слилось в двухголосый монолог. Мы говорим обо всем.

Да, моряк возродил меня... к жизни! Я открываю рот. Я произношу только одно слово: «Люблю!» Мои глаза закрыты. Чувствую, как лицо вспыхивает от стыда. Все было у нас едино, исключая одно-единственное мое слово, и это слово нас разъединило.

— Меня? — сжимает он испуганно кортик, его руки дрожат от страха. Он поправляет флотский китель, складки брюк.

— Да! — сухо и твердо говорю я, бросая незагашенную сигарету ему под ноги.

Сидней оторопел. Он не смеет смотреть мне в глаза. Он гасит окурки ногой: они шипят, как змеи. Несостоившийся любовник убежал обратно в свою ложу...

Я сел на стул в театральной гримерной. Я готов согласиться, что моя судьба решена. Я ослаб от моей любви. Ей нет места в моем сердце. Там живут только фальшь и лицемерие, где чувства, как случайные люди на сцене. Декорациями обросла вся моя жизнь! А моя судьба? Впрочем, что она для меня теперь? Она деревнеет, становится деревяннее сцены. Итак, моя любовь — это театр. И это театр для одного актера, меня...

Я с трудом поднялся на ноги. Я, кажется, стою напротив зеркала? Я не нахожу себе места. Я не иду на звонок, что требует меня к концу второго акта. Мне

нет возврата туда, где Сидней играет свою очередную роль негомосексуалиста.

— Не губи меня! Что с тобой? — вбегает директор театра.

Я перевел тяжело дыхание и поднял глаза к зеркалу. Я и только я, звезда, один. Все как обычно. Спектакль продолжается. Моя встреча ничего не изменила... Вдруг... Я слышу его зычный голос: он что-то говорит за моей спиной. Звучит музыка за сценой. Гремят аплодисменты. Все, все совсем как обычно. Я счастлив, меня подталкивает к сцене... сам Сидней. Он вернулся ко мне!

Я сжимаюсь в комок нервов, я оцепенел. Я закрываю глаза. Я отказываюсь от своих капризов. Я хочу блистать как звезда. Сиднею нужно это больше, чем мне. Я хочу танцевать только для него. Это именно то, что у меня на душе. Это именно то, что застеклило мое сердце. Моя слава стала желанной мне. Я сжался с ней как с моим вторым «я». Минута — и я парю в воздухе перед его восхищенными глазами... Вот и все. Я снова в гримерной. Вокруг цветы от поклонников.

Неожиданно за спиной опять раздается прерывистое дыхание. Оно нарастает со скоростью ветра. Я не обворачиваюсь, обмер. Я... чувствую поцелуй. Шея всыхивает. Моя рука прячет следы его несдержанности под слоем пудры... Еще секунда... и его нет. Я внушил себе, что это он, Сидней.

Мне не надо открывать глаза, чтобы убедиться в этом. Это долгожданный первый поцелуй. Я более и более возбуждаюсь. Моя шея горит. Я украдкой кладу палец на место поцелуя-ожога. Я никогда не знал такого огня. Может, это... сигаретный ожог? На мгновение я отнимаю руку и касаюсь носа. Нет, это его слюна... Дыром не пахнет.

Но что со мной? Непроизвольно я заливаюсь безудержным хохотом. Ведь я полный идиот, я чувствую запах губной помады! Это совсем не флотский поцелуй. Все разыграло мое воображение. Разве я пьян? Я огорчен, что во сне нет того, что наяву. Я просто уверен,

что я... сплю. Иного и быть не может! Какая там еще помада... на губах морского волка!

Нет, я, кажется, все понял. Это глубоко ранит меня. «Но кто же эта... его женщина?» — спрашиваю я себя. Нет! Я должен согласиться... здесь должна быть обязательно женщина! Я огорченно вздыхаю, как висельник, которого помиловали уже в петле.

— Кто поцеловал меня? Зачем я остался жив?! — кричу я балеринам, бездушно глядящим на меня через корзины цветов в моей гримерной.

— Это он! Он танцует мадам Помпадур! Ведь если эта леди без помады, то это совсем не то! Это и есть Джон, твой давний поклонник, — отвечают все хором на мое безверие...

Нет, я не могу всего этого выдержать и поэтому переворачиваюсь с живота на спину. А здесь? Здесь начинается другой сон:

...Я медленно иду вдоль Темзы домой. Я убежал от встречи с ним, уверенный, что он вот-вот выйдет. Я не хочу испытывать судьбу. Мне не нужна эта звездная ночь без него. Я хочу ее оставить для себя, для себя одного! Я хочу выплакать мое одиночество. Я расстаюсь со своим прошлым... без него.

Я не знаю, что делать с собой этой ночью? Наедине с самим собой? Я первый раз уверен в том, кто... ждет меня завтра. Я знаю, это первый раз за всю мою жизнь. Такого никогда не случалось! Я мысленно жду моего... Сиднея.

Я подхожу... во сне к порогу своего... синего дома. Я узнаю его! Морской офицер ждет меня, сидя в огромной машине. Мои ноги подкашиваются, я бессильно опускаюсь на траву газона.

У меня нет сил перейти дорогу от одного фонаря к другому.

— А что, если Сидней пришел сказать «прости!»? — проносится у меня в голове.

Ведь я уверен, что только моя всемирная слава значит что-то для него! Для меня же все не так. Театр не значит больше, чем сама жизнь... О, как мне быть? Как

же мне быть? Я суперзвезда. Я? Кто? Кто... Гороховый шут в своем одиночестве! Нищий миллиардер в своих дворцах!

Тут сон обрывается, и я иду к двери, за которой стоит он, мой сосед, штабной флотский офицер... Сидней К.: у него кончился сахар, и он просит меня найти что-нибудь сладкого для его любимого кобеля Джерри.

48. ДЖЕЙМС

Я часто вижу этого хулигана под вечер. Он голосует, я согласен его подбросить.

Ему от силы семнадцать. Впечатление же от его молодости может наверняка обмануть, хотя улица — это его старая профессия. Крепыш вовсе не простак в любви. Юноша очень и даже очень даровит в сексе. Его талант у него не отнимешь. Он лучше всех проституток в окрестностях Тюрби. Он с виртуозностью мэтра подхватывает любых клиентов у туалетов, выбивая с них по десять долларов. На секс он тратит не более пары минут. Как это происходит — вечная загадка. О втором же его таланте знают немногие. Он удивительно часто... крадет велосипеды. Все у тех же клиентов, пока они моют руки и застегивают штаны.

Таков этот Джеймс. Таково его тайное нутро: ворюга и проститутка в одном лице.

То, что он рябой и крайне некрасив, ему не помеха. Лишь его выбитые кем-то передние зубы выдают его криминальное прошлое. Это выглядит безобразно, но не мешает его похождениям...

— Ну, что? Что мне делать с зубами? Беззубый рот удобен дляексса... Сегодня я иду на сафари после одиннадцати вечера,— говорит он с бравадой в голосе, читая мои мысли.

— Но почему не в 22.30 или 23.45? — спрашиваю я с недоверием. Я знаю, что смутить его ничем нельзя.

— Потому что все в округе напиваются допьяна не раньше одиннадцати. После этого у них нет и копейки на такси. В это время они ходят и ищут, с кем бы переспать в кустах, — отчетливо произносит он тоном судьи, выходя из моей машины.

Я верю ему. Джеймс — это Джеймс. Он никогда не говорит пустяков. Его тон обязателен и нравоучителен. Он знает, где и кто его может ждать. Он обучен всему, что надо сказать. Он всегда понимает, что надо сделать. Он знает, когда быть к месту. Он помнит всех и всякого на площади в лицо и по одежде.

Я грустно посыпаю ему воздушный поцелуй из окна машины. Он машет мне рукой в ответ. Я гляжу в тревожную темноту парка. Его тень торопливо обегает несколько ближайших деревьев и исчезает в никуда.

Ну что ж? Надо ехать домой. Я нажал на стартер и понесся к своей вилле.

Время идет медленно. Я мою посуду руками, отказавшись от посудомоечной машины. Это меня всегда как-то успокаивает. Наблюдаю краем глаза за скучнейшей программой по телевизору.

Неожиданный стук в окно.

«Чего это он так рано?» — недоумеваю я, предчувствуя боль. Явно что-то не так. Он, как никогда, воротился до полуночи, да и велосипеда не видно рядом. Разве был хоть один случай, чтобы я не вернул очередной украденный им велосипед наутро в полицию? «Ведь он клептоман, и, к счастью, страсть у него только к велосипедам», — смеюсь я в усы, медленно двигаясь через семь комнат первого этажа.

Сколько раз я звонил в полицию и просил забрать очередную находку под своим окном! Никто и не думает засадить его за решетку. Судьи не хотят портить его среди забулдыг и тюремного разврата. Все думают, что после женитьбы он одумается.

— Итак, у нас в запасе еще десять лет,— думаю я вслух.— Разве ты не женишься? Или... не выйдешь замуж, Джеймс?

Но почему он в лихорадке, смотрю я пристально через свои очки-линзы... в распахнутую уличную дверь.

— Ведь совсем не холодно. Что с тобой? — пугаюсь я. — Нет, нет, что-то не так,— шепчут поспешно мне в ответ мои же губы.

Я впускаю его внутрь и не верю своим глазам, похолодел от ужаса. Он панически озирается по сторонам. Его желтые глаза полуоткрыты. Джинсы и... все-все... в красном. Его кровь?! Ее так много... Она даже не успевает загустеть и поэтому звонко хлюпает в его ботинках. Его тело опускается бесчувственно на мраморный пол. Я вижу, как его покачивает из стороны в сторону. Его ноги дрожат. Он удущливо всхлипывает, просит, чтобы я с кем-то поговорил. Тут я наконец понимаю, что его ждет такси. Идти на улицу? Зачем? Я нем. Я безволен и парализован... видом крови. Я бессильно сижу рядом, не понимая, как я могу оставить его хоть на секунду.

— Я не знаю, кому что сказать? — выдавливаю я.

— Сходи... и попроси... таксиста... подождать. Я немедленно еду... в больницу, — дрожит он на грани беспамятства от боли.

Мне кажется, что кто-то молча встает и вместо меня, пошатываясь, выходит из прихожей. Таксист с недовольством смотрит на меня в упор:

— Только не надо крови в машине, пожалуйста, — высвечиваются фарами его рубиновые глаза. Он не двигается с места.

Я замер, глядя на его лысину, которая отразилась в лобовом стекле под жалостливый наигрыш гитары Эрика Клэптона. Я вдруг догадался, что таксист знает о Джеймсе все.

— А что случилось? Где? — произношу я, взвизгивая.

— Я подобрал этого срамного парня на углу у парка. Ты знаешь, что он там делает? — с похотливой ухмылкой подмигнул он.

У меня брызнули слезы. Он вздрогнул. На его лице проступили морщины. Он стал поспешно разглаживать

остатки своих седых волос. Широкие граблеобразные руки откровенно тряслись. Он нервничает? Какое это имеет сейчас значение?! Разве это спасет Джеймса? Я возвратился в дом.

— Да! Ты можешь заткнуться.. не продолжать Я все понял, — сказал я, глядя вполоборота на дверь вблизи которой появился Джеймс. Он переставлял свои ноги, как слон. Его вытянутое в струну лицо походило на лица моих африканских статуэток из черного дерева...

— Я как жираф с расколотой задницей,— прошепелявил он.

— Тебя что, изнасиловали? — поглядел я исподлобья.

— Нет. Меня пнули ногой или ударили кулаком, когда я выставил свой тугой крючок в сортирную дыру, — раздался его злобный визг То был не человеческий голос...

— А могли бы запросто отрезать... — улыбнулся я криво.

— А могли бы и за...резать, загнать иглу, оторвать плоскогубцами или загрызть... зубами,— добавил он передразнивая мой голос.

— О Джеймс, Джеймс! — заплакал я, обняв его колени.

— Ничего, все обойдется. Ничего,— поцеловал Джеймс меня в щеку.— Пока, я еду... — махнул он рукой на прощание, боясь поднять на меня глаза, двигаясь боком из дома к садовой дорожке.

— Могу я с тобой.. — я не смотрел ему в глаза от страха... разрыдаться.

— Нет. Конечно, мне больно... но крови больше нет Она выплеснулась водопадом, когда разорвалась кольцевая пенисная вена,— торопливо протораторил он, садясь к таксисту.

У меня потемнело в глазах от ощущения его физической боли. Я лег лицом на ледяной пол в прихожей Мрамор не грел мое сердце.

Они уехали. Я не нужен больше Джеймсу. Я стал отсчитывать секунду за секундой. Я сломался на девяностах. Это занятие свело меня с ума. Этого было достаточно, чтобы доехать до станции «скорой помощи»... сделать перевязку и перенести хирургическую операцию.

— Отделение травм,— ответил ледяной голос на мой вопрос

— Мой парень ранен в пах,— представился я как отец.

— Ничего страшного. Предстательная железа в норме. Это нередко бывает с футболистами. Если мочеиспускательный канал не перебит, то через две недели исчезнет любая боль... при наполненном мочевом пузыре,— последовало объяснение от дежурного врача.

— А в его случае как? — настаивал я.

— Он хорошо отделался. Импотенция не грозит. Удар довольно удачно разорвал кольцевую вену. Очень много крови... Все произошло в момент максимального напряжения всех мышц при сексуальном перевозбуждении. как видно из рентгенограмм.... Мы все перевязали. Сделали инъекцию антибиотиков в мышцы пениса. Прочистили катетером от сгустков крови мочеиспускательный канал. Микрохирургия не требуется. Мощонка не повреждена... к счастью...

Я не дослушал. В приступе головной боли я бросил трубку. Кровью налились глаза. От желудочной боли началась рвота. Я увидел все глазами Джеймса..

Мои волосы зашевелились от ужаса. О, жертва Джеймс!

Я ощущил сокрушительной силы удар по себе, своему пенису — крючку, переполненному сексуальным возбуждением. Все смешалось, точно адов... молочный коктейль. Кровь брызнула и вспенилась, как алое варенье вперемешку со сперматозоидами, белыми.. будто снег. Механический удар сплющил плоть, как молоток шляпку гвоздя. Та новая боль уже не была физической. Это было умопомрачение от ожидания неизбежного физического уродства. Затем пришло... другое

Меня захватали ненависть за раздавленное человеческое и мужское достоинство. Имя тому могло быть... ужас перед неизбежной кастрацией или импотенцией как одной из кар.

Я чувствовал все так же, как и он. Я был бессилен, будто пляж перед напором цунами. Здесь не было и не могло быть пощады. Одно набегало на другое. Я был обречен... на казнь. Слепая тоска и немая глухота вдруг заморозили пальцы моих ног. Я стал тих и согласен на все.

Сексуальное вожделение наткнулось на Гильотину Боли. Нож в спину я мог признать безделушкой в сравнении с ужасом стать неспособным к самоудовлетворению через оргазм.

— О Джеймс, бедный Джеймс! Это месть. Кто тот суперциничный садист? — Я встал с пола.

Я дотянулся до Библии на кресле. Дрожь сразу прошла. Руки успокоились. Я немедленно обрел покой. Я заметил, что могу пошевелить пальцами ног. Они как-то отогрелись... сразу. Но откуда... такое «сразу»?

— Да, в этой уютной бархатной книге есть что-то необычное, — послышалось в тишине комнаты.

— Ты! Дома? Я совсем не знаю, как долго я... сижу на полу и плачу о нас, о тебе, обо всех...

— Я до ужаса голоден...

— Но если ты хочешь есть, это значит — ты живой...

— Да, на этот раз полуживой, — ответил неузнаваемо его голос.

— Я звонил доктору. Не говори мне ничего, Джеймс. Я знаю все об этом... футболисте. Скажи только, ради Бога скажи, что случилось в туалете? Как...

— Я обманул тебя, — сказал он с надменным лукавством.

— Как?! Я не верю, Джеймс!

— Да, это так. Никто меня не дрючил. Просто я играл в футбол, меня кто-то пнул нечаянно на поле. Я потерял одиннадцатиметровый мяч... жаль-жалъ...

— О Джеймс, Джеймс! Ты успокоил меня. Ведь если то, что ты сказал мне около такси, правда, — это конченое дело!

— Почему? Какая разница, Руди?

— Разве ты не знаешь? Очень большая! Ведь та дыра в туалетной стене... она вся в грибках, венерических болезнях, в невероятных... спидах. Там плодятся все известные и... неизвестные вирусы. Ну да ладно... Бог с тобой! Ты такой толковый парень. А не можешь ты мне пообещать... ну, скажем... это... — смутился я, устыдившись, что я принял его розыгрыш за чистую монету. — Давай-ка ты, дружок, завязывай со своими бегами вокруг волшебной дыры в мужских туалетах. Найди-ка себе постоянного и хорошего парня. Да непременно влюбись в него по уши. И делайте вместе все, что только придет вам в голову... Хорошо?

— Так уж и все, что придет в голову? Ты никогда с этим не согласишься. Я уверен! Разве ты не любишь меня больше?! А?

— Нет. Я обязательно соглашусь. Я непременно должен согласиться... ради нас. Я уже даже согласился... прямо сейчас. Ведь если ты умрешь, то и мне больше не жить, Джеймс! Я всегда тоскую без тебя в своем Тюрби.

— Я знаю, — мотнул он уклончиво головой в ответ, включая полуночные мультфильмы для пенсионеров и недоумков-переростков.

— Ну вот и решено! Какое мороженое ты хотел бы под утро? — спросил я, глядя в окно, где ожили солнечные зайчики.

— Шоколадное с миндалем под ореховой пудрой и немного мангового джема под шапкой из взбитых сливок. А еще кусочек киви и ломтик ананаса. Буди горничную. Пусть несет это к нам в постель!

49. ГАЙ

Он — это он. Гай далеко не молод, а потому часто грустен. Чего тут веселого? Уже восемь недель, как они расстались. Его любовник оставил Лондон и вернулся к родителям. Теперь между ними шестьсот километров. Это ровно столько, что отделяет его холодный Лондон от жарких пляжей Испании. А поэтому Гай не находит себе места...

Гай остался с разбитым сердцем. Ведь он сам принял роковое решение. Иначе поступить было нельзя. Никак нельзя по-другому... ему.

— Слишком много лжи между нами. Что бы я, Гай, ни делал, все обращается против меня. Бумеранг лжи делает меня несчастным. Ты так и не понял моей любви! Нет, ты любви моей не понял! Я умираю без тебя... и не могу жить с тобой на вулкане. Никак не могу! Твои случайные любовники и любовницы выбивают меня из колеи на недели. Я не могу спать, не могу есть и ни о чем не могу думать. Это рушит мою жизнь, как жестокий ураган. Я ни на чем не могу сконцентрироваться. Ты рушишь меня под корень. Поверь, это невыносимо тяжкое чувство. Я болен тобой, собой и всем вокруг. Это страшная мука! Понял?

Вот таким был их разговор напоследок. Итак, Гай захлопнул дверь и остался один. В этот день он тяжело заболел гриппом. Затем пришла многонедельная ангина. Болезни обрушились на него тогда, когда он ослаб от нервного истощения.

Дни шли за днями, медленно-медленно чередовались они за стеклом окна. Гай стал приходить в себя. И вот сегодня он почувствовал себя чуть легче, слегка опривившимся от... прошлого. Но самое желанное то, что пришел нормальный сон, которого он уже давно не знал.

— Если я уже и сплю хорошо, то я почти здоров! — подбадривал Гай сам себя.

Он услышал, как стукнул камень в окно. Гай неохотно вышел. Он помнил, что не звонит в дверь только один человек в мире. Гай знал, кого увидит...

На веранде был он. Запыленное лицо говорило само за себя: он вскочил на мотоцикл и десять часов безостановочно ехал до Кью-Гарденс.

Любовник ждал ответа. Он умолял его вернуться назад. Он клялся все начать сначала...

Гай повторил все снова: «Парень! Возврата нет! Ты ведь не можешь спать только со мной. Здесь ты весь, это твоя природа. Тебе время от времени нужен случайный секс. Нет, парень, нет! Оставайся самим собой, парень. Я тебе не судья. Пока, парень! Храни тебя Бог от спида, горя...»

В ответ тот зарыдал, упав лицом на клумбу. Он долго плакал перед закрытой дверью. Гай не позвал его к себе. Парень отказался от встречи с друзьями в Лондоне, ведь они, не сговариваясь, помогли ему убить любовь...

Мотоцикл зарычал и понес его обратно. Без любви к Гаю райский город опустел для него. Все вокруг ослепло. Он оставил это место навсегда!

— Да, цена игры в измену очень тяжела, — сказал вслух Гай.

Нет, он не был железным, этот парень. Нет, не был! Гай умирал от слез с другой стороны двери. Он любил парня.. больше жизни! Но Гай решил не умирать в пятьдесят... Ведь спанье с кем угодно вело к скорой могиле. Гай был не готов умереть с ним в один день... Он знал , что спид неминуемо ждал парня. Его сексуальная лихорадка была бегом на короткие дистанции до... крематория. Выбор был сделан. Гай любил свою мать, а его смерть убила бы старушку немедленно. Любовнику было наплевать на сыновнюю любовь Гая. Спид можно остановить только так. Он захотел, и самое невероятное случилось. Гай смог победить себя ради матери. Одиночество стало монетой, которой он решил расплакаться за крест... никогда не знавший его шеи.

Сегодня пробежала десятая неделя. Каждый день он ходил к Богу. Он молился о помощи ему и себе. Он просил послать для него, Гая, того единственного, кто будет с ним без измен и навсегда. Гай боялся своих молитв. Это было по-театральному комично. Но разве всякая комичность, как и правда, не лежит в искренности? Вот и сейчас он на коленях в часовне:

— О Бог! Радостный и великий всемогущий Бог! Поместили мне любого, кто будет любить меня. Помоги встретить того, кто не будет крутить любовь с кем попало вокруг. Умоли его на это хотя бы из-за моей любви к нему, еще не встреченному мною. Пожалуйста, Бог! Пожалуйста, помоги великому грешнику Гаю. Я буду верен ему, этому другу...

И Бог услышал его. Незнакомое чудо наступило ему на пятки.

В полдень Гай встретил итальянского парня из Бари. Конечно, это было в парке! Конечно, это было, как всегда, через туалетную щель в стене. Короткий флирт получился на грязном унитазе. Где еще может быть место хуже, как не здесь?! Хотя подожди. Зачем всему объявлять приговор! Согласись, что чудо не от того ли и чудо, что не выбирает особых мест! Все знают, что Бинго-случай сам становится волшебством. Это совершенно невероятно. Часто лотерейная случайность похожа на падение звезд.

— Я влюблен бесконечно. Я даже не интересуюсь, как выглядишь ты без штанов. Перед моими глазами стоят твои лихорадочные глаза, влажные губы. О Лючччано, Люччи! — воскликнул Гай в восторге, не знающем границ. Его телом овладевает озноб.

Однако как же это случилось? Да все просто! Все началось очень странно и необычайно спокойно. Пожалуй, здесь-то и скрыт самый верный ответ... Удача, посланная небом, для Гая.

Лишь на мгновение их взгляды скрестились. Не судьба ли это? Общая... судьба! Они даже не улыбнулись, так было все быстро. Их голоса не успели ответить даже полуслепотом, так их столкнула судьба. Они

обняли друг друга. Их тела сплелись в сексуальной истоме. Они встретили то, чего никогда не знали. И назвать этот инстинкт они могли взаимодоверием. Им еще не приходилось испытывать подобного чуда. Их судьбы не отпускали им такого счастья... до сегодняшнего дня. Они почувствовали взаимообожание!

Руки Гая примагнитились к Люччи. Как тут не понять, что они — одно тело! Каждый принял для себя то, что они и есть тот единый душевный порыв, обхоливший их стороной до... этой минуты.

Они вдруг стали единым существом, имени которому не могло быть.

Их дыхания прерывались ежесекундно. Их сердца замирали и начинали стучать.

Каждый из них переплавился в другого. Их души переселились в единую нирвану, познав гармонию и взаимоиспепеление. Туалетная встреча изменила суть мира, где они были неприкаянными странниками.

Каждый открыл своего зеркального двойника. Каждый нашел себя в другом.

— Гай, это невероятное чувство! Ты понимаешь, парень?

— Да, Лючиано, это неправдоподобное блаженство!

— Я люблю в тебе все, Гай! Ты такой красивый! И особенно это самое... красивое место у тебя. Я теряю дыхание. Это сказочно! Я люблю тебя бесконечно и... навсегда! — трепетал Лючиано, целуя его грудь, уши и глаза... опять и опять.

— Этого не может быть, Люччи! Мы знаем друг друга две неполные минуты! Как может быть все это... навсегда?! Я боюсь так... быстро полюбить. Дай мне время... несколько недель, несколько дней... несколько часов... Да, ты прав! Я люблю тебя! Зачем мне календарь и часы... Мне ничего не надо! — разбил Гай свои часы о туалетный пол.

— Нет-нет, это ужас! Это нелепость и ошибка. Я боюсь, ты разобьешь меня, как я только что разбил свои часы. Я помню, как это случилось у меня со... Ставе-

ном. Нет, я не должен. Я боюсь приручить себя... опять. Откуда моя новая влюблённость? Господи, что это со мной... опять?!

— Ставен, спаси меня от новой беды. Мой кришнайт Ставен, где ты? Лучше пережить похоть от меня, чем любовь и... все по-новой с начала до конца от Люччи. Я умираю от предчувствия неизбежного горя... расставания, пыли дорог и слез в саду...

Новые любовники лежали неподвижно. Страха не было. Их тела грелись друг о друга. Их языки касались бровей, ресниц и бледных губ. Чувство доверия было полным. Взаимная незащищённость откровенно светилась в четырех зрачках. Они забыли обо всех — о своих материях, отцах, детях, карьере, имуществе, долгах. Их настоящая жизнь распахнулась, как долгожданный оазис в мертвой пустыне одиночества. Они были невинны друг перед другом за свое никчемное прошлое. Их плоть походила на утренние розы в росе, что были девственны чисты и свежи. Каждый готовился отдаться своему осязанию. Это походило на наиглубочайшую нежность и ту самую тщетную предосторожность, с которой мы всегда тянемся к каплям росы на лепестках магических цветов. Чувственная страсть не была похотью. Их обретенная вновь непорочность не походила на мертвые радуги из каменнотелых алмазов. Их внутреннее свечение напоминало зеркала, наставленные друг на друга в безоблачный день, где не было отраженных лиц. В молочном стекле светились их многоликие души, а на границах пространства между их телами висели две прекрасные радуги. Эти близнецы, эти радужные калейдоскопы и отражали их суть и их предназначение в жизни. Ответ тому был: любить себе подобного как самого себя... И ни больше, и ни меньше. В их сердцах не было места для обмана, компромиссов, требований и расчетов. Гай и Люччiano любили друг друга — как можно любить лишь ласточек в небе. Их нельзя схватить в полете. До них нельзя докричаться и зазвать назад. Все, что случилось, случилось бесповоротно.

Двое мужчин полюбили друг друга, как это могут только они, мужчины. Этого почти нельзя объяснить словами. Но это можно угадать в их томных глазах. Наверняка и безошибочно можно прочесть во влюбленных глазах, наполненных обожанием.

Гай учился любить заново. Он так давно тосковал по Ставену. Ему нужна была новая взаимность, но... уже от Лючиано. Он согласен отдать жизнь за его улыбку.

Гай заклинал Лючиано только: не притворяться. Никогда! Пожалуйста, никогда... не играть с ним в любовь и веру!

Это звучало как молитва. Незабытое страдание отбивало колокольным звоном под сомкнутыми веками: «И если что-то, Лючиано, будет не так, не так между нами, то не копи в себе... говори мне в глаза, а не друзьям и подружкам».

Гай упрашивал опять и опять, заливаясь слезами. Боль от предыдущей пытки любовью не оставляла измученного сердца. Рана не собиралась рубцеваться после Ставена. Душа Гая молила Лючи об одном и том же: «Говори все сразу, и один на один! Говори мне, не ожидая вопроса! Говори все, что ты чувствуешь... Говори со мной!»

В ответ Лючи молчал. Он знал, что влюбился смертельно и бесповоротно. Это случилось. Его слова не текли легко и тихо. Страсть сделала его немым. Губы сжимали язык, который хотел... целоваться до смерти.

Так было у них, у Гая и у Лючиано, сегодня. Что добавить к этому? Ничего не надо! Да и что еще нужно...

Тот и другой были подранками в прошлой любви.

Когда «любовь» умерла, Лючиано поступил, как и Гай. Он остался один на один со своим горем. Он никого больше не хотел. Он никогда не умел играть в «любовь» с самим собой. Онанизм был трагичен и невыносим. В одинокой безысходности он вдруг повадился ходить по туалетам, присматриваясь к случайным партнёрам. В нем нередко кипело отвращение к происходящему за туалетной дверью. Его тошило от пьяных губ и грязных зубов. Он же ничего не мог поделать с собой.

Его тело жгла животная похоть. Он мстил изменнику Ромео. Ночные приключения были очередным лекарством для развороженных сердечных ран. Втягиваясь понемногу в сексуальный раж, Лючиано начал терять себя... навсегда. Душа болела, не находя места и выхода. Головные боли были сродни похоти. Они не проходили, а усиливались. Измотанное тело громило душу. Между телом и душой не могло быть согласия, когда они бесконечно продолжали делить... лгуну Ромео.

И вдруг встреча с Гаем подарила все то, что он бессознательно искал. Его истерзанная душа обрела покой. Она пересилила тело с его похотью, и тогда родилась новая любовь. Гай стал всем для него. Лючиано обрел сам себя! Он верил в их невероятное везение... сегодня в туалете.

Когда Лючиано невзначай объяснил, что он сам чувствует и чем хочет теперь жить, это было не чем иным, как отражением чувств самого Гая. Им открылось то, что потрясло их разум: ведь никто из них не догадывался о своей жестокой несправедливости по отношению к забытому любовнику. И тут их собственная трагедия умерла. Все их прошлое прошло стороной. «Бог им судья», — шептали их стиснутые зубы.

И вот теперь, когда все стало просто, каждый инстинктивно заплакал. Нежданная любовь ворвалась в их больные сердца, не спросив и не предупредив о новой тревоге. Однако чудо не бывает в одиночестве. За одним чудом тянется другое. Они внезапно открыли извечный рецепт против тоски по прошлому. Это было трагично и смешно. Они подсмотрели, как умирает в каждом из них старая любовь, подманивая к себе новую и самую первую в жизни... настоящую любовь!

Это походило на извечные времена года. Здесь нет жизни или смерти. Идет смена стрелок на циферблате их судеб... вместе. А может быть, и самой... вечности!

«Да, мы правы», — решили они, не сговариваясь. Но этого никто не произнес вслух. Мужчины еще не верили себе до конца. Каждый хранил суеверие на дне сво-

ей памяти, где продолжало прятаться страдание от прошлых измен... Ромео и Ставена.

— Ничего не поделать, сердце, как губка, хранит скорбь... надолго. Одно хорошо, что наше счастье пришло всерьез и надолго! Да, Люччи? — целует один.

— Да-да, Гай! — поцелуем отвечает другой.

Бог все же любил их и был верен им.

Надо сказать, что сейчас у них однообразная семейная жизнь, как это справедливо заметил кто-то. Каждый день одно и то же. Секс под утро, домашние заботы и снова секс под вечер.

Разве не так и надо?! У них нет нового партнера каждый вечер. Их дружба — не игра. Их взаимность составляет их жизнь. Однообразие таит в себе красоту. Да, все неизменно у них и сегодня, двадцать лет спустя, как благословил их Бог... Кришна.

Я завидую вам. Это так, мои лучшие друзья Гай и Люччи! Я вижу, как ваши лица излучают восхищение и любование друг другом. Это бесценное чудо — постоянство в любви!

Я смотрю на вас искоса и щурю глаза от зависти. Ох, парни! Мои добрые и милые парни! Счастья и здоровья вам...

Ах, как давно и безнадежно я мечтаю об этом безысходном однообразии! Как я голоден по несбывшейся любви... для меня самого.

Ах, почему Хари Кришна не любит меня?

Ах, как мне чертовски не хватает наипростейшей рутины в моей половой жизни. В моей одинокой кровати...

Я бесконечно мечусь между виллой в Тюрби или дворцом в Кью-Гарденс в Лондоне. Я замерзаю в моей, квартире на набережной Вольтера или... в Нью-Йорке.

Вот сейчас я смотрю на Сентрал-Парк, что зелеными легкими очищает город от смога и копоти.

Встает солнце. Смотри, небоскребы начинают слизывать своими зеркалами очередной рассвет. Откуда в них эта безразличность к светилу?

50. БЕРТ

На светофоре красный свет.
Идти нельзя. Закурил. Стою на перекрестке, смотрю на прохожих.

До отпуска две недели, все дела закончены. На носу Рождество. Значит? Закончился год, еще один год прошел.

Думаю о подарках, только о них. Ведь если я вот-вот улечу на острова Фиджи, то времени почти не осталось. Надо все выбрать, завернуть в красивые коробки и разослать сегодня или завтра. Можно опоздать, а это обидно. До Америки посылка идет несколько дней, а может, и неделю. А в Европе? Может быть, и не на следующий день... спецдоставка? А их? Этих подарков и открыток, пожалуй, наберется до полусотни. Разве нет? От таких забот трепетно на душе.

Я люблю праздники, тяжелое и славное время! Особенно между Рождеством и Новым годом. Я рад, что у меня много друзей.

Ну вот и зеленый зажегся.

Я неторопливо переходжу улицу. Навстречу Берт. Нет, я не опаздываю. Он знает меня, а поэтому уверен: если час дня, то все уже заказано мной для ленча.

Мы идем рука в руке. Вот и наше любимое кафе на углу.

Он садится, наклоняется ко мне через столик и спрашивает:

— А ты знаешь Фитцджеральда? Художника? Он в больнице после попытки самоубийства, это случилось в ночь на тринацатое, — торопливо объясняет он.

«На следующий день после смерти леди Дэлл в доме для престарелых», — проносится у меня в голове.

Я похолодел и слежу, как его пальцы в сладкой чернике и желтом креме разрисовывают скатерть. Его губы с удовольствием прихлебывают капуччино, язык нервно дрожит.

— Это ужасно! — бесконтрольно вскрикиваю я, привлекая внимание притихших вдруг посетителей.

Немедленно, чтобы скрыть чувства, я начинаю деланно размахивать руками и недовольно смотреть на любопытных соседей, вытирая демонстративно свои усы алой бумажной салфеткой. Мои глаза умоляющие просят его все немедленно рассказать, но... шепотом.

— Он написал прощальное письмо? Выпил какое-то снотворное? Несчастный Макс, Макс Фитцджеральд... — говорю сконфуженно.

— Не знаю толком. Но нашли его в пятницу, — объясняет нехотя Берт, теряя доверие к искренности моего любопытства.

Я с трудом скрываю от друга, что смертельно потрясен. Мой ленч напрочь застрял в горле. Я изо всех сил пытаюсь, чтобы закамуфлировать свои истинные чувства. Удается ли мне это? Я стараюсь затаиться от себя самого. Я пробую не смотреть на Берта и концентрирую внимание на десертной тарелке. Мои руки судорожно минут ворот рубашки. Я не знаю, как есть дальше, ведь мне не удержать даже кофейной ложки. Колени колотят. Я боюсь признаться себе, что ничего не вижу. Как скрыть свою бледность? Да и разве такое возможно? Я смотрю тайком в зеркало напротив. Мне кое-как удается сфокусировать взгляд на своем отражении. Так и есть: я бел, как столовый фарфор. Мне жаль самоубийцу. Мне глубоко жаль и его любовника Стиви. Но кого же мне жаль больше? Не знаю... Мне хочется стонать, рыдать, стучать ногами.

— Не страдай о нем! Макс — дрянь! Все время, что ты его знал, он был с твоим Стиви. Они стоят друг друга, тот и другой. Ты же знаешь сексуальных маньяков. Все эти их девки... парни. Они грязные подстилки! Разве можно что-то чувствовать к такому подонку, как Стиви, и этому придурку в больнице?

— А сколько ему лет? — давлюсь я от ревности к подлюге Стиви, что бросил меня ради Макса Фитцджеральда.

— Тридцать восемь, — вздохнул Берт, беспокойно вглядываясь в мои вдруг загоревшиеся глаза.

— И в... тридцать восемь? Он уже устал жить? Разве ты не знаешь, что он удачливый художник? Многие любят его коллажи. Хотя я их никогда так и не видел.

— Ты прав, многие его любят! И не только за это, а чаще за то, что у него в штанах, — подмигивает Берт. — Ну, я пошел, у меня дела. Прощай, Руди. Увидимся вечером, — целует он меня на бегу.

Я ничего не говорю в ответ. Мой язык разбух, рот воспален. Я пытался что-то шепнуть, но это было невозможно. Я осип. Из горла ничего не слышно, исключая бульканье слюны. Тужась скрыть это, я впиваюсь губами в край чашки. Но зачем? Она пуста, и это выглядит нелепо. Я опять пытаюсь подсмотреть за собой в зеркало на другой стене, что висит за пальмой. Факт, что Берт исчез и никто не заглядывает мне в чашку, успокаивает. Я стыжу себя за слабость и страсть, которые распирают мое сердце при любом, даже самом ничтожном разговоре о Стивене и его любовниках.

Проходит минута, другая. Я вновь чувствую, что я окончательно потерял самообладание. Я знаю, что снова близок к истерике. В полуобмороке поворачиваю голову, обвожу глазами все углы кафе. Счастье, что я остался один, а поэтому сделаю, что... так давно хочу. Я закрыл глаза. Мне нет нужды разговаривать с собой, мучительно ища оправдания для его... ненужной смерти. Хорошо, что у всех вокруг ленч закончился и посетители разошлись на работу. Это ободряет меня, ведь я наконец-то остался один... там, откуда я не могу уйти. Мои ноги не слушаются меня, не подвластны моей воле, моему мозгу.

По щекам текут горючие слезы за всех... нас. Да, это за него, за Стиви, за себя, за всех и вся. Как все трагично в нашей жизни! Здесь бессердечно правит демон смерти, несчастий, грязи и измен! Кто виновен в этом? Усталость расплющила мои плечи. Я с отвращением бросил салфетку под стол. Устал жить? Ах, как я тоже устал! Руки обхватили голову. Я забыл, где я. Кто любит меня? Разве я не остался один на один с тем, что случилось в моей жизни неделю назад, до трагедии в

больнице. Что и зачем я хочу спрятать от себя? Все мои несчастья передо мной, перед моими глазами. Вот они... здесь. Прямо здесь. А дальше что? Что еще может быть? Зачем... мне это?

Я вспомнил о боли, что я испытывал неделю назад.

Мой свет, моя радость в жизни — Стиви, оказывается, цинично врал мне все эти восемь месяцев. Он был вместе с художником, не расставаясь ни на один день. Любили ли они друг друга? Да не все ли равно? У меня нет оправдания для них. Я не понимаю такой любви. Для меня это зоопарк.

Я слышу удары в голове. Кровь водопадит в висках. Головная боль сводит скулы, зубы начинают выступать рок-н-ролловые ритмы. Как это можно? Как это... любить, если у каждого из них по три любовника? А у моего Стиви? Фил, Крис, Дэвид и еще все тот же Фитцджеральд. Любовь гаснет во мне, рождая ненависть... желание мести.

— Как же Стиви было трудно высчитать нас по часам? — цежу я сквозь зубы. — Постель с пятью мужиками! Разве это не требует сноровки! Нет, одной приворотливостью здесь не обойдешься. Ах, что это со мной? — Меня обдал гадкий запах изо рта. Не мой ли желудок... хочет отомстить мне. Запоздалое ли это негодование?

Я хочу перебороть в себе навалившееся на меня... отвращение к Стиви и Максу Фитцджеральду, но не могу... найти верных слов. Что мне делать? Ах, что мне делать? Мне всех жалко, я не могу... мстить умирающему и его будущей вдове — Стиви.

Мне горько за свое слепое доверие к нему, Стиви. Я понял, что он пропускал меня через какие-то тайные камуфляжи и расписания, как... встречный поезд? Это ли не наимерзейшее признание самому себе! И он, кому я доверил свое тело, мой бесценный Стиви, совершил надо мной свои похотливые глумления... несчетное число раз. Ах, ах, Стиви... моя любовь.

Я не понимаю, зачем он опутал меня своей ложью. Какие ей оправдания? Он был лишь жаден до моей

плоти. Его привязанность ко мне обратилась бесчеловечностью! Он надругался надо мной. За что он жестоко наказал меня за мою любовь к нему, за верность ему одному и никому больше! Откуда родилась у него ненависть к моей искренности в любви? Где он набрался бессердечности? Пусть откроется секрет его жестокости! За что такая боль? Но почему такой же озлобленности нет у меня? Да и за что? Как я мог себя озлобить? Что-то не так со мной... Я превратил его в дерьмо? Вовсе нет... Стиви уже давно переродился, потерял... себя сам?

Быть может, кто-то научил его сердцеедству до меня? Догадка пугает меня простотой ответа. Я не желаю верить в это. А что, если моя боль и есть та боль, которая приносит наслаждение... Стиви? Оргазм через мазохизм? Да, пожалуй, я близок к своей «правде». Не поэтому ли он ранит каждого влюбленного в него... Криса, Дэвида, Фила, его... меня. Так ли это? Очень даже так! Ах, как я не хочу в это верить! Неужели парень не переболел этим в юношестве и до сих пор, как бешеный зверь, мстит за измену своего первого возлюбленного всем вокруг? У каждого есть «темная» тайна, но зачем это страшное упало на меня от моего Стиви? Ах, зачем? Горе мне, горе!

Что ж, я нашел... все! Ларчик открылся. Это и есть ответ! Секрет Стиви в его похотливом голоде. Здесь таится и живет его нутро. Почему я не мог согласиться с этим раньше? Если бы... тогда? Тогда, давно, я не вошел в этот мрачный сад, где правят его инстинкты... охота на дураков, как я. Мне ли было не знать, как он любит жить для себя, перебирая, как четки, мою или еще чью-то судьбу? Я бы не попал туда, где он привычно просеивает десятки любовей через свой цинизм интриг и расписаний, где сверяются часы для приема в постель к нему всех игроков для игр в любовь.

И тут я прозрел... Мои глаза приоткрылись, а поэтому я понял, что происходило: он истязал мои нервы, изнуряясь от сладострастия, что дарил ему обман меня. Жертвой был я. «Но не я один!» — хмыкнул я про се-

бя. А еще много таких же. Правда, нас стало меньше. Один из нас в больнице, а может, уже умер... Ведь самоубийство — это серьезное намерение и ни с того ни с сего не возникает.

— Смерть одного из нас, его предметов розыгрыша? Не это ли было в твоих планах? Да, Стивен, кости не всегда раскладываются в забавной комбинации, даже если игрок, как ты, опытен и крайне профессионален. Стиви, ты проиграл! Мой милый дружок, да, это твоя неудача, мой Стиви. Поздравляю, живи долго, Стиви! — говорил я с его призраком, что возник на секунды перед моими глазами.

Я бессилен сделать что-либо над собой. Мне он небезразличен, твой Фитцджеральд. Мне горько, что... что и он тоже проиграл. Надо признать, что игра в любовь не удалась. Слезы текут, как дождь, что я вижу за окном. Я ничего не могу поделать, люблю его... Я даже и не хочу доставать платок. Мне жаль Макса, себя и его, Стиви. Задета моя честь? Да, пожалуй, и еще мое человеческое достоинство. Стиви разбил мое сердце. У меня нет слов в оправдание собственной глупости. Что еще я могу задумать? Совершенно ничего... злобного. Я не мог поступить в отместку, как он. В противном случае я должен найти очередную жертву... и? Это не моя жизнь и предназначение... мучить кого-то. Я искал и буду искать настоящую любовь. Я не стремился рассечь сердце или душу кого-то, чтобы мне... полегчало. Так ли надо? Нет, вовсе... нет. Это не для меня, Стиви.

Бог ли наказал меня? За что? Ах, почему? Неужели такое надо пережить — вывернуть свое хрупкое нутро наизнанку, а затем жестоко растоптать свое беспокойное сердце? Ах, ах, зачем? Ах, зачем я подарил ему любовь? Не это ли и опустошило меня вконец? Ах, какая жгучая и нестерпимая боль... от одиночества.

Я уже давно сижу с закрытыми глазами. Моя голова поконится на столе. Кажется, у меня нет шеи. Я чувствую, как оцепенели пальцы. Я не могу проверить, так ли это... с головой? Ноги скрючены, как сломанные

колеса моего брошенного во дворе... велосипеда. Моя жизнь, моя игральная кость, выпала ему на радость. Моя трагедия ясна. Я проиграл, не играя. Я не знал о его садистских инстинктах... Моя любовь убита, она не успела даже беззаботно расцвести... Господи, что это со мной? Я потерял равновесие... потолок упал на меня.

Я очень, очень хочу, но так и не могу поднять свое лицо от поверхности мраморного стола. Кончики моих волос... шевелятся. Я почти уверен в этом. О ужас! Я чувствую, как они скручиваются в металлические гвозди и начинают рвать мой череп. Я поднимаю руку и каюсь головы. Электрический шквал! Искры безмолвного огня наперебой побежали через мои локти и вот уже заплясали на столе. Я не удивлен. Я верю почему-то, что теперь мне будет полегче, без этих молний в воспаленном мозгу. Лишь с одним я не согласен... Как я мог отдать на надругание свое тело? Для чего? Кому? Первому встречному, который отловил меня, как перепела, на полутемной улице у Сены.

Да, это правда! Но почему я все же люблю и продолжаю любить его все сильнее и сильнее? Разве такое возможно после всего? А, Стиви?..

А что знают о нем его остальные любовники? Какой же он внутри, этот мой Стиви? Впрочем, нет, уже давно не мой! Какой же он сейчас, тот самый, тот мой далекий Стиви? Я слегка и очень робко начинаю примечать к себе его холодный... цинизм. Это перестает быть для меня... запретом. Не здесь ли и таился тлен его скотоложеского нутра? Нет, Стиви — больше не тайна для моего сердца. Точнее... того, что от него осталось в моей груди. Я опять тяжело всхлипнул. Разве не именно так и не иначе все должно было случиться для меня и его? Ведь я был чист и неопытен. Куда мне до его профессионального напора в страстиах. Весь мой секс-опыт — лишь несколько мгновений... Он стал моим первым соблазном после смерти моей подруги, за месяц до... нашей встречи.

Я никогда не знал лжи. Он был первым содомитом, которого я встретил. Моя голубизна началась с него. Разве не этим все сказано? Традиции правят миром, а значит... Ах, как все просто — первая любовь должна быть непременно несчастной! Именно так и случилось. Традиция стала реальностью и... настигла меня. Любовь ослепила мою душу. Разве он не предупреждал меня, мой Стиви, что я не первый у него? Ведь он говорил мне не раз, что он родился таким. И я знал, что каждое мужское тело притягивает его с тех пор, как он научился говорить... Ах, почему? Почему я не отстранился от него, как от дьявола? Каким я был по счету... Стоочередным? Но и далеко не... стопоследним! Это мне ясно наверняка... Я начал с него. А он продолжал обслуживать встречных как ни в чем не бывало.

А с его стороны? А я сам? Разве все вокруг нас — не наше с ним сумасшествие? А...

Я все же победил себя и открыл на мгновение глаза, незнакомо озираясь вокруг. Я не узнал, что происходит... Да и вообще происходит ли здесь что-либо? Но тогда что это? Почему я вижу его, Стиви? Я присмотрелся — это он! Не болен ли я? Почему я потерял его из вида, едва моргнув от напряжения левым глазом? Что это? При чем здесь он, Стиви? Конечно, его здесь нет. Все это моя лихорадка — это я и мои переживания. Что ему до меня? Что этому чурбаку до моих чувств? Но так ли это? Вот он стоит в двух шагах от меня: я повторяю ему все то, что мне сказал Берт Я называю его уличным парнем, проституткой, подстилкой для каждого встречного... мудака.

Он сел, перевел дыхание. Стивен стал убеждать меня, что я не понимаю его уникальной сексуальности.

— Но, Стиви, прости, я на пятнадцать лет старше и не могу быть, как ты, — пытаюсь возразить я в ответ

Он вспыхнул как молния. Глаза налились кровью. Негодование. Он теряет во мне одного из своих... клиентов. Он пылко начинает убеждать меня, что нет ничего зазорного в том, что любишь двадцать или тридцать человек одновременно. В этом и есть смысл жизни.

ни. Отдаваться безостановочно, любить буйно во всех проявлениях похоти. Насиловать всех напропалую и отдавать себя для изнасилований — и есть сладость жизни.

Неужели именно в этом твой смысл жизни? Предназначение и мое, моей любви для тебя, взбесившегося кобеля?

— Как может такое быть, что ты один любишь всех, ползая и пресмыкаясь, прося их губ, спермы и ласки на грязных полах зассанных туалетов?! — задохнулся я, переводя дыхание.

Моя суть не могла вместить сказанное им в порыве искренности, надрыва и тоски самоистязающего покаяния за смерть любовника Фитцджеральда.

Нет, он не перестал защищаться. Он стал говорить о себе то, чего я не понимал... Постепенно, очень не скоро, я, кажется, вникнул в его слова. Вот они.

Да и почему нет? Отчего нет? Стиви не видел лжи между нами. Это, все это было его ежедневной жизнью и до меня. Все началось давно, с момента, когда он пошел в школу. Он был очарован всеми вокруг — как женщинами, так и мужчинами. Они были на одно лицо для него. Стиви не делил никого на тех или других. Он тянулся ко всем, и они любили его, но каждый по-своему. Любовь Стиви не могла быть их любовью. Он был безумно одинок от их непонимания. Это была та любовь, которой другой человек не мог знать...

Он зарыдал. Он был обречен на неприкосновенность. Самоистязание и боль торжествовали победу, круша его душу.

Его исповедь ослепила меня. Нет, это правда! Я никогда не любил его, принимая его «вселибие»... Я привычно делил его с другими, оттяпывая для себя... самый «лакомый» кусок. Ведь если любишь, то должен читать... мысли. Если любишь? Тогда-то ты все должен понимать без глупых вопросов. Ведь мечта и желание любить каждого — это естественное предназначение... человека! Это наша природная суть! «Нет-нет... нет, это невозможно», — стучали мои зубы.

Религия Стива, религия чувств, потрясла меня. Да он же реальный Тарзан в джунглях человеческого Эроса, что подменяет для многих любовь. Он не охотник здесь. Он здесь живет. Для него это его дом. Здесь все удобно, все естественно и просто. Здесь нет эгоизма, желания владеть кем-то и править... им или ею. Здесь нет ревнивой желчи, которая так ослепила меня, новичка, до гнева и отупения. Я захотел вдруг быть как он. Я решил броситься в кипящий гейзер наслаждений. Я внезапно простил его. От сердца отлегло. Я повинился за греховное желание причинить ему ответную боль. Я испугался своей жестокости. Мне не было оправдания за то, что я все же успел назвать его проездной дорогой для мудаков. Я увидел свою несносность. Я понял почти все о себе. Я не имел права быть жестоким к любовнику, что от хотел меня. Нет и нет! Моя боль — справедливая казнь для меня самого в ответ на его тарзанью. Здесь скрывается мое помешательство! Разве нет?

А если это... Стиви и вдруг... А если он тот, внутри кого живет бабочка?! Разве такие бабочки, как он, Стиви, могут ненавидеть меня? Ясно, что все мои неприязни — это нелепо! Я просто не хочу понять правду, что я всегда сам для себя. Я человек, а потому... эгоист! Я не хочу согласиться, что я любил не человека, а себя... в бабочке. Скорее... любил себя и только себя. Нет, никогда не любил его. Не любил его его любовью, любовью самой бабочки. Моя любовь проста. Иной не может быть безрассудная и только человеческая любовь. Она же ему совершенно незнакома. Он из другого мира, где нет моих законов. Мои законы любви ему чужды. Он не ищет опоры, поддержки. Он стремится к парению и взмахам своих крыльев. Он убегает от одного надушенного цветка к другому, переходя от одной трепетной сексуальности к другой... еще более невероятной. Мне же позарез нужно земное притяжение, которое ему неизвестно. Я не могу иначе жить... В его же мире нет привязанностей между любовями. Здесь все иначе. Здесь любят друг друга просто так, не-

взначай и шутя, как только они, бабочки! Я отведал его любви как легкого, воздушного облака из радуг, что обласкали его перепончатые крылья. Ему незнакомы тяжесть и груз одиночества, без чего он сам, как рыба без воды, а значит, я не могу жить моей жизнью... «не рыбы». Только надежное постоянство не толкает меня на самоубийство и прочно держит в этом мире. Я как бы спасен, живя в коконе своего всесъедающего одиночества. Мне нужен, как воздух, верный любовник. Но... не бабочка.

Я хочу верить в его постоянное присутствие за моей спиной. Это физическое притяжение между нашими сердцами заставляет меня жить. Без дыхания Стиви в мое лицо я задыхаюсь. Без Стивовой любви я умираю. Мое счастье — быть с ним, моим избранником. Жизнь моя в моих грезах о нем. Лишь Стиви — мое вдохновение и второе дыхание... мои возможные крылья...

— Ну что же? — слышу его потусторонний голос. — Я сам по себе! Ты... сам!

Нет, я не могу войти в бабочkin мир опять, начиная убеждать себя. Прошлое вырвало мое сердце. Еще мгновение — и я понял, что не умру... для него. Меня с ним не было. Да и был ли он здесь когда-либо... со мной? Оставь его для него самого...

Вот он ушел. Я так и не понял, кто есть кто? То ли Стиви с крыльями бабочки? То ли ангел-хранитель, что пришел меня проводить, а значит, спасти от самоубийства. И тут... Я вспомнил наш роковой, самый последний день. Нет, здесь не было чего-либо классического и пошлого, вроде нелепой шутки или прощального поцелуя. Нет, этого не было, совсем ничего не было... Все было проще, чем можно было догадаться. А?

— Пока, — произнес я единственное слово Стиву в ответ на его упреки о моей вражде с его парнями. Сказанное было, как звонкий выдох, сродни новогодней хлопушке в полуночной темноте. После моего «хлопка-слова» я сразу как-то начал чувствовать себя в разных пространствах. Я отделил его мир от своего. Я продолжил разговор на его бесчеловечном языке. Мне

не нужен был переход на наречие бабочки. Моя же искренность незаметно трансформировалась в хитин взаимного лицемерия. Мы стали платить за все свою цену... вместе. Наши глаза ослепли. Чувство сердечной боли превратилось в нервный тик бессилия. Мы зажили по разным часам: время потекло в разных направлениях. Кто-то помог перевести... стрелки. Я спросил себя: «Кто этот волшебник? Кто помог мне спастись? Что случилось, что смогло поставить все на свои места между мной-человеком и бабочкой-Стиви?»

Это случилось как-то вечером, когда ко мне подошел Берт. Зная обо мне понасильишке, он остановил меня на перекрестке и коснулся моей руки. Его глаза были теплы и доверчивы.

— Твой Стиви — гад. Он обводит тебя вокруг пальца. Давай я расскажу тебе все, — сказал он, скрестив руки на груди, показывая тем самым свой агрессивный настрой.

— Почему ты хочешь меня убить? Я даже не знаю твоего имени.

— Я люблю тебя, Руди. Я видел тебя на афишах много раз. Ты никогда не врешь! А... это так редко среди всеобщего говна вокруг! — запросто ответил он. — А зовут меня — Берт.

Я помню что как подкошенный уселся на асфальт. Я больше уже никуда не спешил в тот день. За пять минут общения я узнал о себе то, чего даже не предполагал. Оказывается, я уже давно был всеобщим посмешищем в глазах местных идиотов. Стиви не закрывал рта... о нас никогда. Я уже не жалел, что Берт встретился мне. Берт показал мне фотографии всех его любовников. Все двигались, как поезда, по расписанию: одним выпадали суббота и вторник, другим — среда и четверг. Остальные дни были моими, я это знал хорошо. Все выглядело наимешнейшим образом. Мой поезд никогда не опаздывал. Нет, вовсе нет. Мы всегда приходили по расписанию: я к нему или он ко мне... в пятницу и воскресенье. Два дня в неделю бабочка прилетала на мой нектар и пыльцу. Где это было? Да вез-

де — в Тюрби, Кью-Гарденс, на набережной Вольтера или в квартире с видом на Сентрал-Парк. Особенно Стиви любил Нью-Йорк.

Да, я дарил ему картины, гобелены, драгоценные безделушки из древнего Рима и престарелого Египта. Стиви жил годами на мои кредитные карточки.

Сколько миллионов я истратил на него, знают только мои страховые агенты в Париже, Лондоне и Барселоне.

Мое внутреннее самообладание убило меня. Я ничего не сказал Берту о своих тратах на Стиви. Я залился кровью. Мой нос не выдержал, вены разорвались. Это была первая кровь между нами. Это было естественно... Мой нос всегда первым не выдерживал горя. Я мог спрятать свои страсти от всех, но мой нос всегда рассказывал всем немедленно о секретах моего сердца. Вот и сейчас! Кровь текла и текла, и я ничего не мог с этим сделать. Пришлось вызывать такси, ехать к врачу.

После разговора с Бертом я прогнал Стиви. Я захотел остаться один. Я возненавидел и Берта за правду, которой я не должен быть знать. Никогда! Нет, никогда! Даже ценой моей смерти или жизни! Берт все понял. Он оставил меня на полгода.

Что со мной? Сплю ли я? Или... все еще в кафе на набережной Вольтера, через парк от своей роскошной виллы?

Как давно это было? Ах, как давно, давно... Разве не вчера? Или сегодня утром? Но и сейчас... я стыжусь думать о себе и о Стиви. Все между нами ушло в прошлое. В моем сердце нет ничего против него. Нет, я не коллекционирую ни тропических насекомых... ни людей. Я вне наркотиков Кафки. Меня не возбуждает фактура скорлупы или чешуек. Хотя, может быть, его любовь... она вовсе даже и не от бабочки, как и он, а от гусеницы. Как он там теперь, юная гусеница? А может, его любовь начала ходить своими шершавыми лапками по дорогам... человеческой любви? Ведь Стиви так молод! У него еще много времени. У него еще так много

всего впереди. Дай-то ему Бог! Помоги ему Бог! Мой... гусенице?

Я наконец встаю со стула, смотрю по сторонам. Нужели я все еще здесь? Вокруг много людей. Но откуда они? Я их не слышал и не видел. Как долго я сижу так? Что-то я забыл. Что это? Ах, да... Я прав. Ведь где-то умирает его... художник.

Я иду в овощную лавку по соседству. Набираю в ладони черешен, слив, манго и киви. Ноги ведут меня в районную больницу. Это происходит как бы само собой. Я не спрашиваю себя ни о чем. Я иду, потому что я иду. Но как я узнаю его? Ведь я даже не догадываюсь, какое у него лицо. Я, правда, видел его как-то давно в толпе. Это сам Стиви указал мне на художника в пивной. То было... несколько секунд? Да, пожалуй. Я все еще помню, как вспыхнуло от предчувствия мое лицо. Но сейчас? Какая там ревность?! Это было давно, и все умерло. Стиви прогнан и забыт. А Макс Фитцджеральд пытался покончить с собой и, кажется, умирает? Я бы все же хотел хоть как-то облегчить его страдания. Я знаю, что причастен к тому, что случилось.

После моего последнего разговора со Стиви произошло невероятное, и он вдруг оставил всех парней, включая Макса. Я не согласен с теми, кто кричит, что я был главным звеном в Стивиных любовных приключениях. Одно лишь верно, что после утраты меня Стиви оставил и его, несчастного художника. Тот не смог удержать Стиви после моего разрыва с ним.

Вот я и пришел. Больница. Длинноющий коридор. Его имя на дверях. Я зашел в палату. Он один, спит. Огромные дозы транквилизаторов не дают ему очнуться. Его возвращение к жизни — в руках монахинь-сиделок.

— Он уже пришел в себя, но еще не готов к возвращению в настоящее, — кто-то говорит мне в спину.

Все безразличны к его праву на решение извечного вопроса: быть или не быть? Его ответ здесь никому не нужен.

— Все считают, что художник должен «жить», «быть» и обязательно «стать» кем-то любимым... —

пояснила мне медсестра, которую я ни о чем не спрашивал.

Я встал как вкопанный у кровати. Откуда такой экстаз? Я дрожу. Я увидел его первый раз так близко! Его открытые глаза остекленели. Нос точно восковая гора. Его крашеные волосы аккуратно уложены. Но что это? Высунутый кончик языка слегка подрагивает. Почему? От невыплаканных слез? Да, кажется, так... Вот его лицо исказила боль. Страдания уставшего от жизни человека? И даже сквозь сон? Я вижу, он неспокоен. Вот! Мышцы шеи вздрагивают... опять... опять. Его ноги судорожно вытянуты под простыней. И тут я заметил, что его руки связаны. Они «как надо» скрещены и надежно окаменели под медицинскими ремнями.

Да, он спал. Обычный сон больного. Так... это? Это и есть то самое, что мы, доверяя философам и врачам, называем сном... нашего... бытия? Нашей человеческой сути?

Но где, где тот наш «реальный сон»? Как можно спать замертво! Какие там у нас сны? О, жизнь, жизнь! Не сейчас ли он видит сон о своей несбыившейся смерти? Эта плутовка все же ускользнула от него. Она не доверились ему. Она, как птица, улетела из его рук в небо. Но тут же поселилась в его наркотических снах? Здесь она клюет зерна его печали о несбыившихся мечтах и надеждах. Смерть, вероятно, и здесь правит им безраздельно, пряча его полуживого от пустоты. Не здесь ли зарыт корень зла, что мешал Максу хотеть жить. Но почему он искал саморазрушения? Не в этом ли ответ для Стиви и... меня. Я, кажется, понял все о бабочках... с названием «Мертвая голова». Ведь его и был его любовник — Стиви!

Максу, как и мне, вдруг стала не нужна любовь многих.

Максу был нужен только он. Лишь Стиви, единственный Стиви. И им был не кто иной, как мой же любовник. Им был мой Стиви!

Я вздрогнул, поняв, что я еще жив, а он почти победил всех. Смерть на его стороне.

Но никто не спас художника от сглаза любви. Вот тогда-то он и стал искать Преисподнюю. Уход Стиви от всех и от него исколол его сердце. Все стало незачем. Он ослеп без любви. Его зрачки погасли. Мир ушел из-под его ног. Он провалился в бездонность не нужности. Он трансформировался в того, кем он не мог быть, а тем более... продолжающим жить. Он остался один на один с собой. Его засосало никчемное одиночество. Это ли он принял как «конец» для себя или что-то иное? Разве я не помню себя в его чешуе? Разве я уцелею, когда с меня сдерут кожу? Спасибо Берту: он мое случайное чудо. Я невероятно удачив, а поэтому счастливее Макса. Меня своевременно оттолкнул от самовзрыва мой... Берт.

Я смотрел и смотрел на его тело: Макс полумертв и нем. Он давно не сопел, не вздрагивал и, кажется, даже.. не дышал. Я закрыл глаза, присев на стул. Мне почудилось или я что-то слышу? Как будто телепатический голос Макса говорит со мной. Я немедленно соглашаюсь с ним. Голос прав, совершенно прав:

— Он открыл меня для меня самого. Почему? Это просто. Он влюбился в меня, и в этом ответ на все. Моя любовь перебродила из легкого вина в густой и терпкий яд... безысходности. Мое несчастье в том, что все это погибло... Стиви ушел от меня к тебе, гадкий Руди!

Я инстинктивно встряхиваю головой, боюсь удара в лицо. Я не верю и всматриваюсь снова в его губы. Передо мной окаменевшее лицо. Я вижу Макса... мертвого. Я подслушал один из его последних снов, прощальных снов. Его маска сурова и откровенна. Он молил о возвращении... не сюда. Он боялся задержаться среди живых даже в лживом сне. Отсюда, из больницы, он хотел испариться в никуда и, если нет другого выбора, сломя голову прыгнуть в забытье полусмерти. Он все равно был не жилец на этом свете. Ах, почему это покушение на себя ему удалось?! Я вглядываюсь в его оплавившие веки. Они безучастны ко мне. Не вздрагивают, как у живых во сне. Складки его лба стремительно из-

гибаются в волнистые морщины. Его взгляд потусторонен.

Я совсем одурел. Я замер от происходящего на моих глазах. Но разве все это важно для него, Макса? Я знаю, что он сам по себе прав, всегда прав.

Но вот я увидел, как желваки заходили на его скулах. Смерть ли то пляшет под его кожей? Еще мгновение — и он обмяк, шея вытянулась. Он как-то весь сник, стал безреберен. На прищуренных веках тлеет полусвечение. В нем что-то окостенело. Бледность пропала. Ноги и руки вытянулись, обнажив крупные сухожилия между пальцев. Кажется, что кожи нет или она прозрачна. Последний вздох... из носа потекла слизь. Его больше нет. Это она, его хозяйка-Смерть уносит его душу. Что чувствует сейчас его отлетающая душа? Чего она желает себе? Не это ли и есть та мечта, что преследует каждого всю жизнь, до смерти, как сейчас?

Сны бесполезны. Они ничего не делают с нами. Лишь глаза разбухают от слез. Но зачем мне удалось высмотреть столь страшную исповедь? Я не хочу ничего, что нельзя знать никому из смертных. Разве его тело не открыло мне все о нем? Смотри, я схожу с ума? Мне привиделось, что он силится открыть глаза. Это настоящее самоиспепеление. Веки... вздрогнули и отяжелели. Чувствую, глаза провалились в орбиты черепа. Нет, им не побороть смерть.

Я все же притронулся к его глазам. Я ничего не дождался. Голоса нет. Редкие обрывки звуков выливаются с пеной изо рта. Макс скрипит зубами, точнее, зубы скрипят сами по себе.

С кем душа не согласна? С Богом? С кем борется? С собой? Где ее покой? С ней ли сейчас он, его Стиви, или никого нет? Или, может, душа ищет слова для проклятий мне вслед? Да, она права! Она всегда права. Бог с его душой... навсегда. Я никогда не был любим, как Макс. Прощай, Стиви.

— Пожалуй, надо идти к себе. Пока, художник! — цежу сквозь зубы.

Я с облегчением отстраняюсь от трупа. Не знаю, почему это со мной? Облегченно встаю, не чувствуя своего веса. Я тороплюсь в свой мир, где есть мой новый друг Берт. Пока! Прощай, неживое тело!

Я выхожу в больничный двор и сажусь на скамейку. Я срываю цветок и начинаю гадать: любит — не любит, любит — погубит. Мой же внутренний голос начинает свой молчаливый монолог: «Нет, мы не говорили сегодня. Наш разговор не состоялся. Художник далеко от меня, и, пожалуй, уже и от всех. Моя помощь ему не нужна. Он выбрал путь к смерти бесповоротно. Он на ложил на себя руки. В наш век это так просто! Чудеса сноторвной медицины делают нас беспробудно сонливыми перед дверью в никуда. Агония наркоза безмолвна. Надругательство же над своей жизнью напоминает месть родителям, любовникам, детям-сиротам... друзьям. Их сердца и судьбы корежатся самоубийцей бесповоротно. Ведь умерший не жалел их, обрекая на одиночество. Живым остается жить с раной: они учатся любить гроб. Страшно, но разве в наш век расставание «навечно» не стало легче глотка воды. Зачем давятся таблеточным ядом... облегчением. Это, конечно, проще, чем грубо упорствовать и жить с живыми. Да, остаться живым... как все непросто... вокруг. Ах, как все это нелегко и непросто! Разве не так? Кто... следующий?

— Нет, все это выше моих сил, — вскакиваю и бегу вон из больничного сада. У меня нет слез, нет ни к кому сострадания. Холодный труп — это веление судьбы. Художник бесповоротно выбрал свой путь к Богу. Кто судья ему? Я не судья ни для кого и никогда. Да я и не стремился быть... судьей. Да, действительно, я прогнал Стиви. Ну а он в ответ прогнал своего... художника. Итак, спроси — кто его убийца? Может быть... я или нет? Нет, палачом меня нельзя назвать. Нет... никогда!

Я выхожу на улицу. Вокруг бесконечное море голубых цветов. Они не греют ~~меня~~. Они холодают мою душу. Здесь нет никого, кому бы я был нужен. «Нет, я

должен возвратиться в больницу! Я что-то забыл спросить?» — бегу назад.

— Сколько дней он был дома... один? — интересуюсь я в справочном бюро «скорой помощи»

— Мы не уверены, но около двух суток. Его привезли в пятницу, — осторожно объясняет медсестра вкрадчивым голосом нараспев, как поют псалмы лютеране.

— Да, возможно, разрушен мозг. Два дня — это слишком много, — говорю я вслух, глядя на свое отражение в больничном окне. — Впрочем, чего не бывает в жизни?

Посетители за моей спиной вздрагивают от моего замечания. Я очень боюсь своих интонаций, а еще больше — слез, которые подступили к горлу горьким комком.

Я не успеваю выйти наружу, как меня отлавливает Берт. Он по-хамски запихивает мне в рот кусок от гигантской плитки шоколада и ухмыляется во весь рот как идиот. Его румяные щеки и великолепный загар шокируют. Я настойчиво хочу, но так и не успеваю сказать что-либо обидное в ответ на его комплименты. Орех и изюм мешают моему языку ответить на его несуразный юмор. Конечно, я не люблю, когда меня затыкают сластями.

— Ну, как он? Еще жив, этот придурок? — выкрикивает Берт, пристально глядя мне в глаза — Ты чего такой унылый? Влюбился в эту свинью? — продолжает он гримасничать.

— Нет, — отвечаю я и плотно сжимаю губы, чтобы смазать их бесцветной помадой: кожица растрескивается на солнце...

В ответ он кладет мизинец между моих губ и нежно целует в ухо.

— Кончай эти мыльные трагедии! Ведь тот художник даже не твой брат или... сестра.

— Сестра? — не понимаю я, пряча тюбик в передний карман пиджака.

Мы идем в обнимку, глядя на закат солнца. Нам начинают подмигивать ранние звезды. Несомненно, полночь завтра конец. Оно не зря изменяет жизнь. Я осознал это.

Не надо быть «Мертвой головой». Теперь я знаю, что многолюбие трагично. Это не что иное, как само-сжигание. Игра с собой, как и с другими, — это обреченнность на самоубийство! Душа не терпит лжи... жизнь становится пустой и ненужной!

Вот все и встало на свои места. Но почему? Почему разгадка пришла так поздно? Да еще и через чью-то агонию! Ну что ж, вот и я это понял! Не потому ли, что у меня есть... его глаза? Я уверен, это чудо свершилось, когда я коснулся век Макса перед его смертью. Но ведь Берт даже не заметил этой случайной подмены! Разве я не родился заново? Да, родился, я знаю все, что унес в могилу... художник? Да, это, пожалуй, так и есть! Одно ясно, Берт был и есть мой Ангел-Спаситель! Ведь все, что я оставил сегодня у Макса Фитцджеральда в больничной палате, могло обернуться моим вчерашним и одновременно последним днем... никогда и никому не известным. И даже... мне самому

Берт идет со мной рука об руку. Видит Бог, что художник решил забыть обо мне ради него. Он не преследует нас, как злой дух, из мести, что я остался живым, среди живых.

— Итак, хочет ли мой Ангел есть? — спрашиваю я деловито, целуя Берта в лоб.

Любовник шарахается от меня в ужасе. Глаза полны жуткого и нечеловеческого испуга.

— Ну, ты даешь! Я ведь не Макс Фитцджеральд, я еще не умер. Целовать в лоб! Ты что, моей смерти хочешь? — ругается мой друг.

— Прости идиота! Я хочу увидеть Ангела-Хранителя за своим столом. Ты согласен покрыться белыми перьями и поужинать со мной наедине, у камина? Ведь... я только что воскрес благодаря тебе, мой Ангел-Спаситель... двойник.

— Нет, к черту перья! Я хочу тебя у себя в кровати. А сейчас берем такси и летим в самый дорогой ресторан, — говорит Берт, подхватывая меня под мышки.

Я боюсь признаться, что скорбная бесчувственность, которая начала жить во мне после переселения в меня души Макса Фитцджеральда, постепенно выживает мою родную душу, где видна татуировка «Р.Н.». Я не могу ошибаться! Я уже вижу свою бирочку с датами рождения и смерти.

Я отчетливо вижу, что «Р.Н.» не дожить до очередного дня рождения 17 марта. Я уже знаю, что умру до того, как вспыхнут две пятерки моего юбилея в 1993 году от Рождества Христова.

— А почему... юбилей? — спрашиваю себя и отвечаю: — Каждый мой день рождения мои поклонники празднуют как юбилей. Ведь я — суперзвезда Мирового Балета... честь и национальная слава моего народа. Я то, чем будут гордиться потомки, забывая уходящий век.

51. ЛАРРИ

В мочевом пузыре переполох, надо встать и идти как можно быстрее.

Я отворачиваюсь от себя в случайных зеркалах. Больше всего на свете я боюсь смотреть на свое отражение. Но когда это все же случается, то я меньше и меньше узнаю себя, каким я был всего лишь год назад. Это ужасное самопризнание для любого.

Итак, я медленно иду в туалет с закрытыми глазами через гостиную, где и живет злополучное зеркало. В туалете висит портрет моего любовника. Его лицо приветливо, глаза загадочно улыбчивы. Он всегда приносил всем радость и добroе настроение. Мы часто бывали по-настоящему счастливы с ним.

«Пожалуй, мы были просто-напросто удачливы. Как давно это было, как давно это было?» — вспоминаю я одиноко.

Сегодня ровно год и месяц, как он умер от передозировки героина. Мысль о похоронах заставляет меня рыдать Я невольно всхлипываю. Моя боль инстинктивна. Я не могу оторвать глаз от его лица.

А он все смеется и смеется со стены в моем туалете, когда я стою над унитазом.

Я наотмашь ударяю по ручке для смыыва мочи. Вода шумит пронзительно гадко. Ей эхом вторит звонок в дверь.

Я выскакиваю из туалета и бегу открывать. Через дверное молочное стекло вижу домработницу и немедленно распахиваю дверь.

Но кто это с ней? Мужчина? Я не успеваю закрыть дверь перед его носом.

Он входит вслед за ней. Я извиняюсь перед ним, что на мне лишь футболка: мои штаны лежат в другой комнате. Я стремительно влетаю в спальню.

Но где же они? Одышка мешает мне дышать.

Вдруг я вспоминаю, что все мое белье замочено для стирки, и я это сделал для нее до того, как завалился спать

«Естественно, за ночь ничего не изменилось», — говорю сам себе.

— Конечно, ничего не изменилось, Майя, — выдыхаю вслух, глядя на нее.

В надежде, что все меня поймут правильно, я без тени смущения иду в прачечную. На нее не смотрю. Знает, что... виновата всегда.

«Ничего не поделаешь, надо идти через гостиную обратно и показывать голый зад», — вздыхаю про себя. Краем глаза вижу, что он смотрит на меня с усмешкой... однако я уже исчез из его поля зрения.

«Мне совершенно безразлично, почти наплевать, что он думает сейчас», — говорю про себя.

Догадываюсь, что он спрашивает ее, не нудист ли я?

В мокрых шортах выхожу к гостям. Майя похлопывает меня по заднице.

— Ноэл Бургез, — представляюсь я. Еще одно мое фальшивое имя. Я продолжаю свою извечную игру

Он слегка улыбается и приветливо смотрит мне в глаза. Его мексиканское лицо меня так завораживает что я не понимаю, о чем он говорит...

Я слышу, он приветствует меня.

Я присаживаюсь потеснее к нему. Между нами расстет пятно... Он вздрогнул. Ясно, что вода, капающая с моих шорт, пропитала его штаны. Он старается незаметно убрать мокрые руки с дивана.

Я неотрывно слежу за ним.

Ну вот они уже и на его коленях.

Я инстинктивно краснею.

Я знаю, что он чувствует. Ему отвратительна сырость. Но что я могу сделать? Ведь самое сухое в доме уже на мне. Это мои короткие шорты!

«Я не думаю, что от них так уж много воды. Хватит, не стоит слишком притворяться! Воды не так уж и много! Пятно невелико!» — успокаиваю я себя в очередной раз. Я стараюсь изо всех сил быть раскованным.

Я непринужденно встаю. Пошатываясь из стороны в сторону, иду в другой угол. Присаживаюсь в кресло, но, оказывается, там спит кот. Он пулей вылетает прочь.

Мои посетители поворачивают голову на подозрительный звук.

— Это не я, совсем не я. Так могут делать только столетние коты и кошки. Воздух не испорчен! — поясняю я развязно.

Мы хохочем вместе. Мои слова комичны, как и взъерошенный кот, который облизывает намокшую шерсть.

Между моим гостем и мной несколько шагов. Я соблюдаю эту дистанцию, как какой-то закон-табу. Это обостряет мое влечение к нему. Я начинаю чувствовать его притягательность сильнее и сильнее

«Может быть, это даже и взаимно?» — подсказывают предчувствие. Мои глаза подробно его изучают. Я вижу противоречия в его теле. Тонкая фигура, толстые пальцы и жесткая копна непокорных волос очень необычны. Разве все это не выглядит так же смешно, как и моя сырая задница? Точнее, мокрые пятна по всему дому... на диване и на кресле?

Сквозь мои размышления доносится голос:

— Тебе нравится мой Ларри?

Я вздрагиваю всем телом. Вся моя кожа трепещет от боли. Это психоз...

— Слишком жестоко! — вскрикиваю я в ответ, размахивая руками во все стороны, как заводная механическая игрушка.

Она побледнела. На ней нет лица. Ее нос чудовищно сморщен, глаза вытаращены до надбровных дуг. Майя постарела на глазах: ей можно дать за семьдесят.

Он рывком встает, делает два прыжка в мою сторону. Я чувствую свои щеки в его ладонях. Они очень мягкие и теплые. Он тихо повторяет:

— Это мое имя... имя... мое имя.

Я не могу смотреть ему в глаза, отворачиваюсь. Я понимаю, что не прав. Это просто нелепое совпадение.

— Он не виноват. Его Ларри все еще живет в его сердце... — поясняет она.

— После его похорон я никогда не расставался с ним. Никогда, никогда! — говорю я им, словно защищаясь.

Мои губы дрожат. Я задыхаюсь от слез. Рыдания душат мой шепот.

Ее Ларри встает на колени и гладит меня по голове. Его искренность и бесконечная доброта неподдельны. Неожиданно я чувствую, что его руки влажны.

— Что это? Мои слезы или твой пот? — спрашиваю я.

— Это от волнения, — задыхается он, прижимая свою голову к моему сердцу.

Я признаюсь, вода делает нас братьями. Сырость роднит нас. Инстинктивно я вижу, что он чувствует то же.

Мы начинаем понимать друг друга. Ладонью я касаюсь его шеи. Он поднимает голову, стараясь улыбнуться. Это удается ему с невероятным трудом. И у него, и у меня очень тяжело на душе.

Я чувствую его взгляд. Слова не нужны. Я молча целую его в щеку. Наши лица загораются румянцем. Между нами нет загадок: его тело напрягается от сексуального влечения ко мне.

— Это мое имя — Ларри, — повторяет Ларри Номер Два, шлифуя каждое слово: его язык как бы облизывает каждый звук имени.

Это звучит как рокот рулетки в казино: Ларри — фишка раз, Ларри — фишка два.

Да, конечно, у меня нет иного пути. Я начинаю в это с трудом и мучительно верить, а точнее, признавать за ним право на его собственное имя... живое в- отличие от мертвого.

— Ларри Номер Два — это граница между новым рождением и ушедшим в никуда самоубийцей, — шепчу я Богу.

Я смотрю на нее. Мы по-женски понимаем друг друга. Ей известны мои сновидения и проницательность. Ее доброта ко мне бесконечна. Мы знаем друг друга целую вечность.

— Разве не так? Это ничей Ларри, — говорю я ей протяжно, глядя прямо в глаза.

Она поспешно вытирает слезы и отвечает:

— Да, это так и все-таки не так... Он мой брат

— Прости меня, — всхлипываю я.

— За что? — слышу робкое и опасливое.

— За то, что я мог поверить, будто бы ты могла причинить мне боль. Кому-либо причинить... — поясняю я сухо с оттенком высокомерия. Я чувствую нарастающее отвращение к самому себе.

Ярость откровенно светится в ее глазах. Я вижу ее хорошо, очень хорошо.

«Как я мог это допустить? Какая я дикая свинья, знаю только я сам!» — продолжаю свой монолог в мертвый тишине их молчания.

Ларри обнимает ее и говорит резко: «Чушь, просто ерунда!» Она опускает голову на его плечо. Я пристально смотрю на них обоих.

— Вы что, любите друг друга? Это... правда? — спрашиваю я с недоверием. Мой голос не звучит, а скрипит, как несмазанная дверь в сарае.

— Да, ты прав, Ноэл, — отвечает Ларри. — Я люблю свою двоюродную сестру.

— Сегодня наша помолвка, — добавляет она, не глядя на меня.

— О, это просто великолепно! — взлетаю я от восторга со стула.

— Садись к нам поближе, — приглашает она меня, застенчиво опустив ресницы.

— Ты уже совсем высох! — добавляет мой несбывшийся Ларри.

Мы садимся втроем в обнимку. Все провалились в подушки. Из дивана торчат только наши ноги. Каждый целует друг друга с чувством обожания и восторга. Мы желаем друг другу счастья и добкой жизни. Я расспрашиваю их о церкви, которую они хотели бы выбрать для венчания...

Моя щека горит от его липкого поцелуя. Я растерянно прикрываю ее рукой. Запах ее помады пронзительно отдает фиалкой и моей паюсной икрой.

Но что это? Разве... что-то не так? Ларри останавливается на мне взгляд своих бархатных черных глаз и просит разрешения уйти на кухню. Я смущен. Неужели он хочет меня... наедине?

— Конечно, придется обслужить себя самому, раз хозяин не гостеприимен, — смеюсь я в ответ.

Он гремит чашками и чайником. Мы остались без него, и она нежно касается моей руки, говоря:

— Брат ничего не знает о нас с тобой, мой милый Ноэл.

— Я догадался, — отвечаю я. — Ты знаешь, он мне чем-то нравится. В его лице есть что-то от моего Ларри.

— Прости меня, — слегка всхлипывает она. — Ведь мы любили и любим Ларри, ты знаешь сам, Ноэл!

— Милая, мой и твой Ларри всегда с нами! Это все, что я могу тебе сказать! Да ты и сама знаешь, — говорю я, расхаживая вокруг нее в сомнамбулическом танце.

Но это все не так. Мне не хочется говорить с ней. Говорить о чем-либо вообще. Это глупость. Мне хочется ее зацеловать до умопомрачения...

Мое тело хочет ее плоти. По мне пробегают мураски. Ревность топчет мое сознание. Я не могу сдержать стремления прикоснуться к ее коже.

Цинично наклоняюсь над ней. Мои руки дрожат. Я принарываюсь ударить ее жестоко по лицу. Я хочу насладиться ее слезами.

Но кончики моих пальцев касаются ее ресниц. Попутно я замечаю седой волос.

Я немедленно бросаюсь на него. Моя страсть погашена, я сорвал его с ее выкрашенной хной головы. Эротично вздыхаю.

— Спасибо, тигр, — томно отвечает, кажется, ее голос.

— Пока мы вместе, наш мертвый Ларри всегда с тобой, — всхлипывает она.

— Продолжаете сплетничать обо мне? Наверное, обсуждаете, какого размера у меня шорты и какой длины член? — спрашивает шутливо жених Ларри, расставляя крюшонные чашки на полу.

— Нет, нет, милый. Это мы о своем... что было и есть между нами, — отвечает невеста запросто.

Он заговорщицки смотрит на меня. Я опускаю глаза, полные грешных соблазнов... обольстить его.

Зеленый чай очень удался. За окном гаснет закат. Птицы умолкли. Очень тихо. Ночь затаялась под деревьями. Я начинаю прислушиваться к музыке Гайдна за стеной...

— Это «Времена года». Я очень люблю моего соседа за это, — слышу я себя.

— А как его зовут? — его вопрос.

— Оказывается, я говорю вслух. Вот не замечал этого за собой раньше, — отвечает за меня и для него мой осипший голос.

— Это черта одиноких людей, — добавляет она. — У тебя великолепные глаза. Я их люблю бесконечно. Не ревнуй к нему, — сухо произносит она, кивая Ларри.

— Нет, нет, что ты! Я все понимаю: голубой не может спать с женщиной, — глупо и невпопад замечает он... живой Ларри.

Я улыбаюсь про себя. Молчаливость — не его талант. Я понимаю, что он симпатичный и пустой малый. Все глупое говорливо, это знает каждый. И если ты дурак, то это надолго! Может быть... навсегда! Я молча встаю. Затем возвращаюсь обратно к дивану.

Я аккуратно и долго целую невесту в ее послушные губы. Мне хочется вызвать его ревность.

В его глазах напряжение. Кажется, засос слишком затянулся. Легкий испуг и в морщинках ее глаз.

Меня распирает смех. Я рад этому: мне удалось ущипнуть их самолюбие.

«О Марго, Марго! Прощай! — разговариваю я мысленно. — Помнишь ли ты, как мы любили друг друга в нащем далеком прошлом?! Помнишь ли ты, как я неожиданно познакомил тебя с моим Ларри пять лет назад? Помнишь ли ты, как я «развелся» с тобой? Как ты сделала поспешный аборт? Ведь наш ребенок так никогда и не родился. Ничего не взошло из моего семени. Помнишь ли ты, как мы с тобой после этого стали голубыми? Ведь только поэтому наш ребенок так и не родился! Не так ли, душечка? Никогда мы не любили этого ребенка, никогда, Марго! Слышишь, Марго? Я должен был, обязательно должен был жениться на тебе!»

У меня на душе невероятно спокойно. Я желаю тебе удачи, нового счастья. Это прекрасно! Ведь мы в «разводе» больше пяти зим. Да, как невероятно быстро бе-

жит время... вода нашей жизни. Мне только жалко одного: его и его... единственного, кем я дорожил в жизни. Мой Ларри... голубой Ларри.

Мой Ларри убил себя. Я негодяй и поэтому не уберег его от наркотиков. Я презираю себя за то, что я слаб и ничтожен. Прощай, старый Ларри! Здравствуй, новый Ларри! Я желаю вам счастья, я, правда, желаю всем вокруг счастья! Счастливого замужества, Майя! Ларри, не мой Ларри, счастливого брака с ней!

Все эти мысли будоражат мое сердце. Я на грани потери рассудка. Я подслеповато пожимаю его руку:

— Мне надо купить чай.

Я лгу им в глаза. Хлопает дверь.

Вот я и на улице. Вокруг полумрак. Холод обжигает руки. Ветер, как бритва. Его удары наотмашь по лицу я воспринимаю как удары палочек по коже барабана.

Я сажусь под ближайший каштан. Идти против ветра нет сил. Я побежден, сдаюсь...

Молюсь: «Прости меня, Бог, но я так устал от моих грехов. Ноги не носят меня по земле». Я плачу и плачу. Я остался один, совсем один.

Но что это? Неужели я прощен Богом?

Все стихает. Молчание и покой в природе. Красная луна изъедена облаками.

Меня завораживает чудо: вокруг луны разрастается гало. Это поразительно! Мои зрачки расширяются от удивления и восторга.

Разве моя земная жизнь не продолжается, пока есть такое на небе... Разве надежды нет? Храни нас, Бог! Оберегай всех, кого я люблю и кто иногда заскакивает ко мне без причины на огонек в мой Кью-Гарденс

Я начинаю понимать, что мой Ларри умер навсегда

Его нет в моем сердце. Я стал свободен от него только сегодня. Я совершенно свободен от покойного мужа.

Гало на небе расширяется до невероятных размеров. Оно уже захватило весь небосвод, ветер пропал. Он исчез в никуда, дав мне свободу одиночества.

Я остался наконец-то один на один с собой. Мне нужны только звезды. Мы знаем наш секрет. Мы хозяева самих себя. Они одиноки на небе — я одинок на земле! Храни, Бог, звездное чудо! Спасибо за твои чудеса, Христос! Эта надежда оставляет меня живым... Это осторегает меня от прыжка в океан, где остекленели звездные тени, где умерло отраженное в воде небо.

«О Марго, Марго, ты никогда не любила меня. Нет, никогда-никогда! Наш нерожденный ребенок разъединил нас. Наш земной путь мы завершили давным-давно...» — замерзаю на скамейке.

«А может быть, и его имя, того ребенка, было бы... Ларри. Мое тайное и заветное имя для никогда не названного мальчика-первенца. Наш Ларри? А, Марго, моя любимая девочка?!» Кто-то трогает меня за плечи.

— Ах, ах... Разве мы не вдовы наших голубых мужей? Мы будем встречаться...

52. ЮРИ

Но на какую-то долю секунды их взгляды пересеклись, а за это короткое мгновение [он] понял — да, понял! — что [другой] думает о том же самом.

Сигнал нельзя было истолковать иначе. Как будто их умы раскрылись и мысли потекли от одного к другому через глаза.

Джордж Оруэлл. «1984»

— Ну, что сказать, Юри? Тебе сейчас столько же, сколько было ему, — присели мы с Патриком на скамейку опять. — Я встретил его в Мадриде. Он был британец. Мы любили друг друга. Это было безумие. Мы были очень молоды. Джордж не стар, а мне еще меньше. Ах, как давно это было! То была моя первая и последняя любовь. То была сама чистота. Мы были откровенны и без выкрутас. Я такого не встречал боль-

ше... А было это в войну. Он написал потом обо мне в своем «1984».

— Даже с Маноли Ласкарисом? — перебил я ревниво.

— Не спрашивай о нем. Ведь мы уже полвека, точнее, немного меньше... вместе, как одна семья. Я замужем. Ты знаешь.

— А ведь сейчас 1985-й, Пат...

— Да, наш брак уже с 1936 года, если считать по календарю. Я желаю счастья каждому! Быть верным в любви!

— Ты обратил внимание, что у нас в Австралии не приживаются белые лебеди? — показал он мне на пруд.

— Да, здесь царство Черноты! Не зря темно-смоляные птицы признаны здесь вершиной совершенства. А, бля, поэтому-то все и наоборот! Мы умудрились ходить... вниз головой...

— А белые лебеди в Европе? Их очень много в Москве, — задумался я о России.

— Да, белизна — она ближе к снегу. Австралийская чернота была для меня всегда загадкой. Чернь не любила светлое.

— Как и меня... Однако я больше влюблен в белизну. Смотри, какое небо! — возразил я инстинктивно.

— Я поднял глаза и увидел того же черного лебедя, — ответил он шепотом. — Как много их здесь. Зачем они так... рядом?

Над нами кружила стая лебедей, которая немного погодя громко и небрежно плохнулась в пруд и начала жадно делить камыши у берега.

— Нет, грациозности в них нет. Они черны снаружи и внутри.

— Ну а вот, бля, их ребята! Ax, какое чудо! — захлопнул он в ладони.

— Совсем пока еще нечерные бестии! Так и мы рождаемся не похожими на своих родителей! А зачем? — посмотрел он на меня. — Устыдись! Во что ты превратился, гордец, на краю света!

— А, бля, зачем нам становиться закоренелыми австралийцами? — подмигнул я и пошел домой не прощаюсь. Он меня обидел.

— Нет, ты не уйдешь так! — прихрамывая, догнал он меня и взял за плечо, преградив дорогу.

— А зачем тебе я? Такие «дети», как я, у тебя, Патрик, бегали тысячами, бля, в пажах! — огрызнулся я в бешенстве. — Я не потерплю контроля над собой!

— Посиди и расскажи мне о себе, пожалуйста, — заглянул он виновато мне в глаза. — Вот и скамейка. Давай... Юри?

Я нехотя согласился и начал читать свой рассказ по памяти. Все вокруг затаихло, говорил только я.

Он слышал мой и только мой голос. То был рассказ, что опубликовали на прошлой неделе в «The Famous Reporter»:

«Развод изменил мое отношение к Сиднею. Я не мог жить там больше.

Просто, куда бы я ни шел, мои ноги бессознательно приводили к дому на Рэндвике, где остались мои дети. То было каждый день... То превратилось в неизлечимую болезнь. Я решил спасти себя. «Побег за сотни километров поможет оправиться, найти себя среди новой жизни», — подсказывали знакомые вокруг.

Я взял в руки карту. Слово «Армидейл» мне понравилось, и я приехал в этот город.

Единственное красивое место здесь — это фонтан, окруженный часовнями. Поблизости от него я решил остановиться.

Дом случайных друзей пришелся кстати. Я полюбил вид из своего окна.

Прошло два года, и я оправился от боли, которую причинила мне Натали. Я стал осматриваться по сторонам. Меня ожидала большая неожиданность. Мои глаза встретили то, что я и не предугадывал. Это случилось, как только могло случиться.

Будущее обнажилось передо мной в своем естестве, когда в один из вечеров я присел на одинокой скамейке у закадычного фонтана... Я вижу все — это и сейчас перед глазами.

Сигарета курилась с удовольствием. Была середина лета. Вокруг приятное тепло. Солнце едва село. Надвигающаяся темнота чуть отстранена яркой иллюминацией дорожек. Мне нравилось все вокруг.

Невзначай от дерева отделился подросток и предложил переспать с ним.

Мое дыхание оборвалось от удивления, ужаса и неясного предчувствия. Мне приоткрылась тайна Кафедрального парка. Я не знал и никогда не думал о ней. Испугавшись моего молчания, он исчез незаметно, как и появился. Я продолжал курить, притворяясь, что ничего не произошло.

Я робко посмотрел вокруг и увидел нескольких мужчин, смотрящих на меня с недоумением. Один показывал на меня пальцем, завистливо улыбаясь.

Я не знал ответа.

Я не читал их жестов.

Я только начинал врастать в свою принадлежность к магическому фонтану.

Я почувствовал, как неведомый горизонт обрушился на меня.

Я открыл для себя новый и тайный мир. Я заметил тех, кого раньше не замечал.

Прошло лето, а затем осень и зима. Многое бесповоротно изменилось.

Я научился любить мужское тело. Его упругое и податливое напряжение мышц будоражит мою похоть. Мне скучна женская сексуальность.

Меня захватывает терпкий мужской поцелуй, который останавливает ревнивое сердце.

Жизнь изменилась.

Я стал другим с другими.

Новые друзья заставили меня отказаться от многих друзей детства. И тут я открыл иное.

Я поверил, что абсолютно каждый ждет того единственного, кто разгадает его судьбу.

Каждый мечтает встретить того и только того, кто может полюбить навсегда. Но не как всех, а как... одного.

Да, среди нас много мечтателей. Они открыли меня.

Я начал новую жизнь среди них.

Я понял все о себе.

Я стал самим собой.

Они — это тоже я...

Как много их было, этих встреч, расставаний! Этих случайных увлечений и стремительных дружб! Потому я и хочу рассказать свои истории, где настоящие имена, будоражащие человеческие страсти, редкая любовь и неожиданные судьбы. Их чувства переплелись с моими переживаниями и составили нашу повседневность.

Нас объединяет страх за свою принадлежность к голубым...

Мы бессильны отречься от этого.

Мы ненавидим себя за ложь своим матерям, женам и детям.

Мы просим снять боль своего стыда у священников, мулл и раввинов. Все безысходно...»

И тут он перебил меня, сказав:

— Эти одинокие души нельзя не любить. Мое сердце принадлежит им всем. Однако утратой же и великим страданием я мог бы назвать лишь то, что могло избежать меня. А этим мог быть мой сегодняшний и мне неизвестный день. Стал ли я сам собой после всего, я не знаю. У меня нет смелости. Нет ответа. Я — это я... Патрик Уайт.

А помолчав, добавил:

— Ну, бля, а если нет ответа, то как же нам быть? Одно ясно — ты очень талантливый рассказчик! — скрывая улыбку, говорил он, обняв мои колени и смотря снизу вверх.

— А теперь я могу... дочитать мое, Патрик? — спросил я, не ожидая ответа. И продолжил...

«У меня только хватает духа пригласить вас в мой мир мечты, тайны и скорби», — закончил я, не обращая внимания на него, считывая последнюю строку по памяти.

— Вот и все обо мне, — вздохнул я недовольно, не понимая его ухмылки.

— Вот и все о тебе для начала книги, — показал он мне магнитофон, который был в его пиджаке.

— Ну, ты даешь, Пат! Ведь это было все в моей голове, а тут... пленка?

— Я ничего. Это для тебя. Я считаю, что первая глава для нашей книги уже написана, — подарили он мне мой рассказ, протягивая малюсенький диск. — Печтай на здоровье!

— Но не раньше, чем ты, Пат, расскажешь, что в письмах от русского Нуриева. Если я их захочу взять. Согласен?

— А ты возьми, обязательно возьми. Это мои секреты от самого Маноли, даже от него. Я не хочу его ничем обидеть, ты знаешь. Я не имею права быть грешным, пока я жив. Он вся моя суть. Маноли, и только он был и есть моя сладость жизни в кромешном дерьме сиднейской элиты, бля, — почесал он нос и высморкался в платок, который достал из левого кармана клетчатых брюк.

— А ты франт и модник, бля, — язвил я.

— А ты, бля, никогда не был в Париже! Это видно!

— Нет, бля, я не был, но я был с тобой! Разве это не стоит несбывшегося Парижа, а?

— Нет, бля, Париж никого не стоит! — заторопился он, глядя на часы. — А меня-то и подавно... после гениального Кокто?

— Да, Париж может стоить только Парижа, — хлопнул я его по тощей заднице.

— А ты пиши главу за главой. У тебя все будет, бля, — и успех, и деньги, — улыбнулся он застенчиво. — Благословляю!

— Но не раньше чем ты умрешь, Патрик! — сухо обронил я.

— Ты читаеть мои мысли, Юри. Ведь это и есть мое единственное условие! Обещаешь, дружище?

— Обещаю, бля. Да, бля, обещаю, но живи подольше! Хорошо? — полились мои слезы, не поддаваясь моему желанию расстаться с ним без лишней воды.

— ...А еще я стар и знаю, почему у тебя все это будет, бля. Потому что ты искренен. У тебя нет обезьяньих манер, которыми болеют австралийцы. Я верю в тебя. Ты будешь после меня, бля, первым здесь, — по-

целовал он меня в губы. — Берегись ненависти дураков! В банановых тропиках это самый опасный фрукт!

— А мне на все наплевать! Я уеду обратно в Европу! А может, бля, и не уеду! Кто знает? Только Богу известно! Кто знает, бля?

— Да, все известно Богу и, бля, тебе! Возвращение в Россию — это боль...

— А уж это, бля, сильная боль! — ответил я.

— ...Это я о русских письмах, которые ты там обязательно опубликуешь! — мотнул он головой, не соглашаясь со мной. Я видел: он торопился.

— А, бля! Это запросто! Они будут у меня, а Давид Марр их никогда не увидит, — подтвердил кивком я, опять заплакав.

— Ну, вот и хорошо! Но главное, не мешай ему все написать! Пусть все будет, как будет, а потом, бля... «пни» его, — замолчал он.

— А зачем? — спросил я, не понимая. — «Пнуть».. зачем?

— А затем — чтобы дурак не слыл специалистом по моей Нобелевской литературе! Но только не говори, что многое было в Армидейле, хорошо? И не утверждай только, что «все было» с тобой, хорошо? Не забудь туда всунуть меня и Нуриева Руди как голубых британцев.

— Какая, бля, книга, — не понял я, — когда все вокруг еще живы?

— Разве вот... это не название для твоей книги — «Патрик Уайт: машина любви, молотилка сердец». Тебе нравится, бля? — шутил он.

— О, я в восторге! Бля! А благословение, бля, будет ли оно от тебя, — спросил я, — на эту «Машину-молотилку»?

— Да, будет, бля! Я это напишу в своем завещании. Я обещаю, Юри! — пошел он домой не оборачиваясь.

— Итак, теперь, бля, я могу писать что хочу! — закричал я ему вслед, опустившись на колени.

Он вдруг остановился и вернулся назад.

Он ничего не сказал.

Он поцеловал меня в лоб и перекрестил.

Я остался стоять с пачкой писем, небрежно перевязанных его невзрачным носовым платком.

Он уходил, чтобы лечь завтра или послезавтра в больницу.

Он не жалел себя, устав жить... на земле.

Все было испытано.

Все было написано.

Он достиг всего, о чем мечтал.

Я безмолвно молился за него, моего мистера Уайта. Я хотел его обратно! Но Бог позвал его к себе и не отпустил назад...

Что еще помню?

Пожалуй, это... как он наклонился надо мной, я смотрел снизу вверх, стоя на коленях.

Я открыл глаза и мгновенно закрыл. Передо мной стояла овальная фигура КРЕСТА на его груди. Испанки знали, кому подарить... деревянную святыню.

Нет, ОН не был после этого больше грешником.

Те монахини забрали его грехи себе, а затем отмостили их за него в своих пещерах, где спала им забытая СМЕРТЬ.

Разбуженная, ОНА нашла ЕГО и подарила БЕССМЕРТИЕ.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я сижу у открытого окна. Перечитываю для себя вслух «Послесловие»:

«Итак, голубой книге конец. Все геевы письма на исходе. И все-таки один вопрос не дает покоя: сколько масок у каждого из нас? Одна, и не иначе! Это наше... лицо! А у гения? Неужели он многолик... многомасоччен?

У Руди Нуриева я насчитал их сорок девять.

Много это или мало?

Я не знаю.

Патрик Уайт показал мне те, что были у него.

Почти все, что я знал, я рассказал.

Смотрите сами.

В каждом случае он был не под своим именем. Где он, а где не он — судить вам.

Тайна, его тайна ушла в никуда.

Остались черепки, где нет его голоса, улыбки и блеска глаз. Эти черепки я называю масками неприкаянности.

— Вот они, узнаете Нуриева в них?! — говорю всем вокруг.

В каждой из историй-масок своя судьба и лишь свой единственный день.

Я увидел в них истому, тоску, сердечные муки и страдание к умершим друзьям, и... бесконечное одиночество.

Он всегда сам по себе — он Руди Нуриев.

Сквозь его многоликость друзья смотрятся на одно лицо. Он всегда разный. Друзья же, как близнецы, поч-

ти одни и те же. Таков был Руди! Его мятежная душа всегда властвовала над телом.

Сколько цветов в радуге? Семь. Разве не так ответит каждый? В его голубой радуге их... сорок девять. Нуриевская радуга — не каприз, а особое чудо, так подсказывает мне внутренний голос».

Я знаю, что это последние слова в моей книге.

Слышу шаги. Это она.

— Ты думаешь, что голубые какие-то особые люди? — спрашиваю я свою дочку-подростка.

— Да такие, как все вокруг. Как все остальные мужчины, — отвечает Полина без сомнения в голосе.

Постояла минуту и ушла.

Я вдруг стал печатать на компьютере дальше:

«Не здесь ли и лежит ответ на все вопросы о геях?

Я верю в искренность.

Это самое главное. В полуправде живет пренебрежение.

Полумрак убивает души. Там нет любви друг к другу.

Призрак лживости рождает ненависть, разворачивая лучшие человеческие чувства.

Благодетели — Добродушие, Отзывчивость и Уважение к достоинствам личности — здесь увядают.

Всюду буйствует бесплодная Смоковница. На одной из них и повесился завистливый Иуда Искариот.

Я с нежностью перечитываю нуриевские письма к Уайту.

В каждой строке — исповедь.

Любовь обнажена.

Сокровенного и тайного нет в его сердце.

Что странного? Так у него оно устроено.

Я обалдеваю от пронзительной откровенности, бескомпромиссности наедине с душой. Он искренен!

— Разве между нами не было «этих» скоропалильных дружб, мимолетных встреч, случайных радостей и неизбежных расставаний... вчера? — слышу чьи-то вопросы, их... вопросы.

У меня на губах имена... Патрик и Руди».

Слышу ее шаги за спиной. Я знаю: это Полина.

«Парни, простите, но для меня вы не те, кто прозвал себя «чудовищами всех времен».

Я знаю вас лучше, чем вы себя. Пусть это будет так!

Вы — моя Синяя Птица из загадочных миров Метерлинка, где Сказочники обламывают свои Пальцы и убеждают всех, что они как Сахар и им совсем не больно от всего... после всего».

Смотрю вопросительно на дочь.

— Я видела, Сладкоежки верят лишь тому, кто доставляет им радость, — соглашается она.

— Никто не признает страданий за Мудрецами, которые не смогли сознаться, что всю свою жизнь они выдавали себя не за тех, кем были, — поясняю для нее робко.

Мир праху.

Покой неугомонным душам.

Здесь Реквием в индиго для моих Голубых Братьев.

Я люблю вас всех.

Нет, я не ставлю слова «аминь».

Эта книга для живых...

Барьерный Риф. Кэрнс. Австралия. 1993.

ПОСЛЕ ПОСЛЕСЛОВИЯ

ПАМЯТИ РУДОЛЬФА НУРИЕВА

17 марта 1993 года, в день 55-летия

Рудольфа Нуриева, торжественно открыта
посмертная мемориальная доска,
установленная на здании Башкирского
государственного театра оперы и балета.

На сцене театра, где начинал свой
творческий путь выдающийся танцовщик
современности, состоялся концерт памяти
артиста. В нем приняла участие труппа
«Григорович-балет».

Александр ЗИНОВЬЕВ, журналист.
(Уфа)

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление

1. Утаенные письма	9
2. Патрик.....	14
3. Стиви.....	17
4. Матвей	19
5. Энтони.....	25
6. Тони.....	31
7. Салли.....	36
8. Филипп	41
9. Колин	49
10. Жане	54
11. Саймон.....	61
12. Ма	65
13. Павел	72
14. Мицэл	78
15. Джон.....	81
16. Вова	84
17. Фредди	86
18. Харри.....	90
19. Брайен	94

20. Кен	100
21. Андрей.....	105
22. Грэйт	111
23. Лео	117
24. Пип.....	123
25. Сарра	130
26. Бен	137
27. Крис	142
28. Ричард.....	149
29. Том.....	155
30. Пол.....	161
31. Джероми	167
32. Франк.....	175
33. Хелен	185
34. Джим	192
35. Дэвид.....	199
36. Уильям	205
37. Данни	212
38. Джо	218
39. Джордж	226
40. Аллен.....	239
41. Эдди	241
42. Дэйв	251
43. Джозеф.....	258
44. Джерри.....	265
45. Боб	272
46. Марк	277

47. Сидней	283
48. Джеймс	292
49. Гай.....	299
50. Берт	307
51. Ларри.....	327
52. Юри.....	336
Послесловие	344
После послесловия	

Рюнтио Юри Мэттью

Р 97 Руди Нуриев без макияжа. — Роман. — М.: АО
„Издательство «Новости»“, 1995. — 352 с.

ISBN 5-7020-0981-9

Роман австралийского писателя посвящен малоизвестной стороне сущности великого танцора. Написан на основе подлинных писем Руди Нуриева к его другу, австралийскому писателю Патрику Уайту. Последний передал их незадолго до своей смерти автору этого романа, который, познакомившись с Нуриевым, получил от него согласие на книгу и наказ издать ее впервые именно в России.

**Р 4700000000
067(02)-95 Без объявл.**

ББК 84.8 (8 Австр.)

**Юри Мэттью Рюнтю
РУДИ НУРИЕВ БЕЗ МАКИЯЖА**

Зав. редакцией *С.А. Максимов*

Редактор *М.В. Майкина*

Младший редактор *Н.В. Потатуева*

Художественный редактор *А.И. Хисиминдинов*

Технический редактор *Н.М. Блохина*

Корректор *Л.П. Агафонова*

Технологи *В.И. Руденко, В.Ф. Егорова*

ИБ №11055

ЛР № 040676 от 28 февраля 1994 г

Сдано в набор 14.02.95 Подписано в печать 7.04.95.

Формат издания 84x108/32⁹ Гарнитура Латинская.

Усл. печ. л. 18,48. Уч-изд. л. 21,05.

Тираж 30 000 экз. Заказ № 6139. Изд. № 9307.

АО „Издательство «Новости“
107082, Москва, ул. Б Почтовая, 7.

Отпечатано с готовых диапозитивов на Книжной фабрике № 1
Комитета РФ по печати.

144003, г. Электросталь, Московской обл., ул. Тевоясина, 25.

Рюнтю Юри Мэттью

Р 97 Руди Нуриев без макияжа. — Роман. — М.: АО
„Издательство «Новости“, 1995. — 352 с.

ISBN 5-7020-0981-9

Роман австралийского писателя посвящен малоизвестной стороне сущности великого танцора. Написан на основе подлинных писем Руди Нуриева к его другу, австралийскому писателю Патрику Уайту. Последний передал их незадолго до своей смерти автору этого романа, который, познакомившись с Нуриевым, получил от него согласие на книгу и наказ издать ее впервые именно в России.

Р 4700000000
067(02)-95 Без объявл.

ББК 84.8 (8 Австр.)